

ПОДВОЙСКИЙ

Н. Степанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга рассказывает о жизни и деятельности Н. И. Подвойского — активного участника трех российских революций, одного из организаторов Октябрьского вооруженного восстания. Н. И. Подвойский занимал высшие военные должности в период защиты завоеваний революции, стоял у истоков зарождения Красной гвардии и регулярной Красной Армии, являлся членом реввоенсоветов ряда фронтов в годы гражданской войны, руководил Всевобучем, был одним из инициаторов физкультурного движения в нашей стране.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

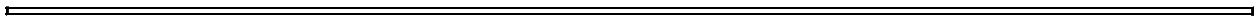
-
- [Н. Степанов](#)
 -
 - [СТАНОВЛЕНИЕ](#)
 - [ЮНОСТЬ](#)
 - [ШКОЛА ПОДПОЛЬНОЙ БОРЬБЫ](#)
 - [ПРОТИВОБОРСТВО](#)
 - [ПОДНАДЗОРНЫЙ](#)
 - [ВО ГЛАВЕ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ](#)
 - [ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА](#)
 - [РЕВОЛЮЦИЯ ЗАЩИЩАЕТСЯ](#)
 - [РАЗГРОМ АВАНТЮРЫ ЭКС-ПРЕМЬЕРА](#)
 - [РОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ](#)
 - [ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ](#)
 - [СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ЖИЗНИ](#)
 - [СМЫЧКА С СОЛНЦЕМ](#)
 - [НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)

- [КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ](#)
- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 6

(096)

Н. Степанов

ПОДВОЙСКИЙ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Рецензент — кандидат исторических наук
И. П. ДОНКОВ

В книге использованы
уникальные архивные фотоматериалы

© Издательство «Молодая гвардия», 1989 г.

СТАНОВЛЕНИЕ

ЮНОСТЬ

В 1886 году в селе Чаусы Стародубского уезда Черниговской губернии появился новый священник — отец Илья. В новой рясе, высокий, с окладистой русой бородой и живыми, умными глазами, веселый и общительный, он мало походил на прежнего угрюмого батюшку. Отец Илья совсем недавно был Ильей Михайловичем — учителем в селе Кунашовка Нежинского уезда. Выходец из небогатой духовной семьи, он, окончив семинарию, поначалу решил, что его натуре учительство ближе, чем служба в церкви.

В жены он выбрал себе красивую и добрую девушку Олю — Ольгу Акимовну Павловскую. Она тоже была из духовного сословия, правда, на церковной иерархической лестнице ее семья стояла выше, чем семья Ильи Михайловича. Но Ольга Акимовна никогда об этом не напоминала. Илья же Михайлович, будучи человеком впечатлительным, не забывал этого обстоятельства. И потому, вольно или невольно, после женитьбы он все чаще стал прибегать к приказному тону, излишне подчеркивая свою независимость. Вскоре это вошло у него в привычку, стало чертой характера.

Ольга Акимовна порадовала его сыном. Первенца назвали Иваном. 16 февраля 1880 года родился второй сын — Микола...Время шло. В семье учителя было уже пятеро детей, и Ольга Акимовна ждала шестого. Илья Михайлович детей любил, но кормить семью на скромное учительское жалованье становилось все труднее. Беспокоило его и то, как при материальных нехватках дать детям образование, без него он не мыслил их будущего.

Выход был один — его не раз подсказывали Ольга Акимовна и ее родственники. Илья Михайлович наконец решился и круто изменил курс своей перегруженной семейной ладьи. Он сменил потертый учительский сюртук на с непривычки не очень удобную рясу. Теперь его детям была обеспечена бесплатная учеба в духовных училищах и семинариях. Да и кормить семью стало легче.

Получив бедный приход, состоявший из трех деревень, отец Илья и матушка Ольга Акимовна поселились с детворой в четырехкомнатном деревенском доме. Николаю Ильичу Подвойскому хорошо запомнился этот дом в Чаусах. Он всегда олицетворял для него семейный уют и домашнее тепло...

Центром детского мира Миколы был отец. Микола скорее угадывал, чем понимал, что самые важные события в доме и в церкви были связаны с отцом. От этого отец казался ему большим, сильным и загадочным.

Впоследствии, вспоминая детство, Николай Ильич отмечал два обстоятельства, благотворно повлиявших на него, а также на его трех братьев и трех сестер. Первое. В доме Ильи Михайловича еще с учительских времен было много книг, в том числе учебных и детских. По ним маленький Микола рано овладел чтением, счетом. Дружная семерка детей часто проводила за книжками длинные зимние вечера. Старшие читали, а младшие слушали, а потом незаметно и сами приучались к чтению. Второе обстоятельство заключалось в том, что Илья Михайлович и Ольга Акимовна не отделяли своих детей от деревенской детворы, всячески поощряли их стремление проводить время под открытым небом, в поле, в ребячьих играх. Детские забавы не обходились без потасовок. Попадало и Миколу. При этом, как он замечал, его старались толкнуть побольнее, да еще приговаривали: «На, тебе! На, поповский сын», — а мать называли не иначе, как попадъей. Микола чувствовал, что быть поповским сыном или попадъей плохо, а почему — не понимал.

Илья Михайлович как бывший учитель был набожен в меру. Но, обладая чрезвычайно страстной натурой, он любому делу отдавался целиком, таким он был и в церкви. Видимо, из-за этой своей страстности он вскоре прослыл священником, чья молитва «доходит до бога». В его церковь стало стекаться много народу, даже из соседних приходов. Это очень скоро обострило его отношения со священниками ближайшей округи.

Крестьяне в этих местах жили трудно. Церковь же за обряды — крестины, свадьбы, похороны — брала деньги по тем временам немалые. Микола не раз наблюдал «торги» крестьян с отцом. Крестьянин, как правило, просил снизить плату за обряд, доказывая, например, что сына женит невыгодно. По-мирски прямой и горячий, отец Илья кипятился и настаивал на своей цене. Иногда, волнуясь, он забегал в комнату, где за шитьем сидела Ольга Акимовна с детьми. Мать просила отца уступить крестьянину. Отец говорил:

— Да я бы уступил ему. Ему можно уступить. Но ведь и другие сразу потребуют сбавки! Меня же благочинный сразу к ответу призовет...

Бывали случаи, когда мужик уходил, так и не сторговавшись. Мать тяжело вздыхала. Миколу тоже было жалко мужика. Отец день-два переживал, потом чаще всего шел на уступку и посылал за мужиком. В целом Илья Михайлович считал, что берет с крестьян «по совести».

Как тогда было принято, поп, дьяк, пономарь и звонарь по большим праздникам объезжали на четырех подводах приход. На телегах сидели их жены и дети и принимали подношения прихожан — зерно, муку, яйца, лен, шерсть. Служители во главе с батюшкой заходили в хату, пели молитву, после чего хозяйка или усаживала их за стол, чтобы угостить, или без угощения выносила подношения.

Ольга Акимовна знала, что матушка обязана участвовать в объездах прихода. Но первый же объезд произвел на нее такое тяжелое впечатление, что она категорически отказалась впредь в них участвовать. Микола слышал, как отец говорил ей, что в других приходах матушки дерут прихожанок за косы, если те поспеют на подношения. Но тихая и покладистая мать вдруг заупрямилась и настояла на своем. Надо сказать, что Илья Михайлович при сборе подношений не раз одергивал своего дьяка Колосовского, жадность которого не знала пределов.

Все священники, в том числе и Илья Михайлович, давали прихожанам деньги займы — в рост. Но вместо обычных 12–15 процентов он ссужал под 8—10. Было правилом, что за долги у прихожан отбиралось имущество. Но Илья Михайлович ни разу на это не пошел. Позже Николай в спорах с отцом упрекал его за ростовщичество. Но Илья Михайлович был абсолютно убежден в своей правоте и доказывал, что этим спас от разорения не одно мужицкое хозяйство.

Илья Михайлович считал себя настолько честным и справедливым, что был уверен: его действия не должны вызывать ропота у прихожан. Поэтому свои «законные» распоряжения и «справедливые» требования он формулировал безапелляционно, в повелительном тоне. Так же он общался и со своими коллегами — служителями соседних приходов. И тем не могло это понравиться. Они пытались «образумить» начинающего священника, но он оказался не из податливых. Постепенно их отношение к Илье Михайловичу и Ольге Акимовне переросло во враждебное. Когда Миколу было лет двенадцать, в консисторию на Илью Михайловича поступила жалоба. Дьяк Колосовский, несколько богатых мужиков и священников соседних приходов писали, что отец Илья «обирает» прихожан. От благочинного приехал следователь. Илья Михайлович был возмущен до глубины души. Он потребовал опросить прихожан. Большинство из них сказало, что батюшка берет «по справедливости». Отцу, однако, пришлось оставить Чаусы. Его перевели в Рожевку. Но своей линии он не изменил и в новом приходе. Пришлось менять и этот приход на новый — Лукновский. В душе Ильи Михайловича, видимо, шла постоянная борьба между сельским учителем-демократом и священником, причем учитель чаще брал

верх. Отец, вспоминая потом Николай Ильич, так и не смог приспособиться к нравам церковнослужителей, к правилам их жизни.

Цепкая детская память Миколы копила до поры многочисленные факты не всегда праведной и бескорыстной жизни низшего духовного сословия. Эти впечатления из детства вдруг ожили, когда он, окончив Нежинское духовное училище, по воле Ильи Михайловича поступил в Черниговскую духовную семинарию.

...Огромный Чернигов с его многолюдием и многочисленными памятниками восьмивековой истории города ошеломил четырнадцатилетнего Николая. Привычный звон колоколов отцовской церкви показался ему слабым и одиноким по сравнению с многоголосым перезвоном черниговских соборов и церквей. В праздники этот густой перезвон катился сплошными тяжелыми волнами. Николаю казалось, что этот звон был и будет всегда, как воздух. Сколько он себя помнил, он жил под этот звон, под многоголосое пение церковных хоров. Он знал, что и здесь, в семинарии, колокольный звон и церковное пение будут обязательным ежедневным атрибутом его жизни.

В первые же месяцы учебы в семинарии в характере Николая произошел внезапный перелом. Сохранив унаследованные от отца живость, горячность и общительность, он вместе с тем как-то сразу посерьезнел, стал взрослее и рассудительнее. Этой перемене, видимо, способствовало то, что он впервые оторвался от семьи и опеки родителей.

Надо сказать, что семинария конца прошлого века уже мало походила на бурсу, описанную Н. Г. Помяловским. Семинаристы, особенно старших классов, не отличались строгостью нравов. Они иногда позволяли себе обыкновенные попойки, имели поклонниц в городе, особенно в епархиальном училище. Как писал позже Н. И. Подвойский, семинария «отличалась вольнодумством, в ней царил мятежный дух». Семинаристы читали произведения русских, украинских, белорусских писателей-демократов и до хрипоты спорили не по вопросам теологии, а о положении крестьян, политике царского правительства.

Учился Николай легко — многое ему было известно от отца и из собственных наблюдений. Но по мере усвоения богословских знаний, догм христианской морали он все чаще стал задумываться о несоответствии этих догм тому, что реально видел в жизни, в отцовском приходе. В памяти оживали полузабытые эпизоды, казавшиеся тогда, в детстве, незначительными. Теперь они получали значение и смысл. «Торги» отца с мужиками, жадность и подлость дьяка Колосовского, кляузы на отца,

объезды деревень с поборами — все это не вязалось с проповедью любви к ближнему. Оказалось, что эта любовь у священников столь же лицемерна, как и у помещиков, урядников, чиновников. У Николая появились и уже не давали ему покоя новые мысли. Но откровенно поделиться ими было не с кем. Он стал присматриваться к семинаристам и скоро убедился, что в своих сомнениях неодинок. Но на открытое высказывание никто не решался, ибо оно скорее всего привело бы лишь к неприятностям, вплоть до исключения из семинарии. Не высказывался и Николай.

Так шли однообразные месяцы учебы и полуказарменной жизни. Червь сомнения непрерывно подтачивал веру Николая не только в бога, но и в правильность навязанного ему отцом будущего. После года учебы он понял, что не имеет никакого желания быть священником. Еще через год он пришел к твердому убеждению, что не будет им никогда. Вместе с тем он рассудил, что семинарию надо закончить, так как она давала право работать учи-толем или учиться дальше, в том числе в некоторых светских высших учебных заведениях.

Самостоятельно приняв первое в жизни важное решение, Николай как будто сбросил с плеч тяжелый груз. Он ожил. Его теперь часто стали видеть со скрипкой, подаренной ему дядей в связи с поступлением в семинарию. Не зная нот, но обладая музыкальным слухом, он легко оживлял на ней запомнившиеся с детства народные мелодии. К тому же у него оказался хороший голос. Рослый, плечистый, со светлыми вьющимися волосами и веселыми, чуть зеленоватыми, с прищуром глазами, острый на язык, он стал заводилой среди семинаристов.

...Однажды вечером Николай взял скрипку, тронул смычком струну. Нежная мелодия украинской песни поплыла под сводами. Вокруг него сразу же сгрудились семинаристы. Они стали подпевать. Многоголосое негромкое пение брало за душу, уносило каждого на волю, за стены семинарии.

Вдруг Николай опустил смычок и скрипку и начал читать:

*Як умру, то поховайтэ
Мэнэ на могыли...*

Глаза некоторых семинаристов испуганно расширились: «Завещание» Т. Шевченко было под запретом.

А Николай еще и поднажал на голос:

*Поховайтэ, та вставайтэ,
Кайданы порвитэ
И вражою злою кровью
Волю окропитэ...*

— И лишь тогда... — добавил он от себя и закончил:

*Всэ покыну и польну
До самого бога
Молытыся... А до того —
Я нэ знаю бога.*

Семинаристы загалдели, перебивая друг друга. Импровизированный концерт перешел в очередную словесную схватку. Николай лишь улыбался.

— Духовный идет! — вдруг крикнул кто-то.

Все разом смолкли. Скрипнула дверь, не спеша вошел духовный отец.

— Что шумите, дети мои? — мягко спросил он, ощупывая колючим взглядом собравшихся.

Семинаристы, как по команде, смиренно опустили глаза. Они растерянно молчали.

— Учимся говорить с паствой, — нашелся Николай.

Духовный отец повернулся к нему. Их взгляды встретились.

— Дерзок больно, пастырь! — со скрытой угрозой произнес духовный отец и кивнул на скрипку. — Мирскими делами занимаетесь. Учили бы слово божие.

Он недовольно отвернулся и медленно вышел. Семинаристы обратились к Николаю. Взгляд его действительно был дерзким, в глазах не было и намека на покорность.

Вскоре Николай был включен в семинарский хор, а затем и в оркестр. Ему поручили игру на барабане и организаторскую работу. Барабанщиком он оказался неважным, но организатором отменным. Хор и оркестр стали выступать по всему городу, но чаще всего в епархиальном училище, где, кстати, училась сестра Николая — Феофания. Николай сразу стал предметом воздыхания многих епархиалок. На него стали смотреть как на очень «подходящего жениха». Поэтому часто просили его поиграть на скрипке и спеть на вечерах. Иногда даже специально посылали за ним

лошадей. «Но я, — вспоминал потом с улыбкой Николай Ильич, — как-то благополучно миновал все «сети», хотя и не прилагал для этого особых усилий».

Илья Михайлович не мог оказывать Николаю регулярной материальной помощи. И тому вскоре пришлось подрабатывать в певческой школе. Но плата была мизерной. В поисках дополнительного заработка Николай вынужден был заняться репетиторством. Дни были загружены до предела. Чтобы везде успеть, он стал расписывать свое время, а из скудных доходов с трудом выделил деньги на покупку стареньких карманных часов. Мечтательность и созерцательность, до того ему свойственные, под давлением обстоятельств стали уступать место деловитости, самоорганизованности, самодисциплине.

В конце концов Николай полностью отказался от помощи родителей. Репетиторство стало не только основным источником его существования. Оно расширило круг его общения. Он познакомился со многими новыми для него людьми. Репетиторство позволило ему изнутри взглянуть на жизнь мещанства, чиновничества. Все свободное время он проводил теперь в городе. Его поведение в семинарии становилось все более независимым, а суждения в спорах с семинаристами все более резкими. Даже самые близкие друзья не знали, что в городе Николай не только давал уроки, он и сам стал учеником. Ведь описываемые события происходили в 90-е годы, когда по всей России росло и ширилось недовольство рабочих, а в Петербурге развернул работу созданный В. И. Лениным нелегальный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Быстро распространялись идеи марксизма. Наступил новый этап освободительного движения в России — пролетарский. В борьбу втягивались не только рабочие, но и интеллигенция, студенчество, учащая молодежь, крестьянство. В это время в Киеве активно действовала социал-демократическая группа «Рабочее дело», возглавляемая Ю. Д. Мельниковым, Б. Л. Эйдельманом, П. Л. Тучапским, Н. А. Вигдорчиком, влияние которой выходило далеко за пределы города. Революционные процессы не миновали и провинциальный Чернигов. Здесь образовался небольшой социал-демократический кружок, который повел работу среди учащейся молодежи. В городской публичной библиотеке кружковцы и обратили внимание на регулярно и упорно занимающегося семинариста.

...Однажды Николай заметил в читальном зале за соседним столиком озабоченного молодого человека в студенческой тужурке. Он взял целую грудку книг. Просматривал их быстро, правда, над отдельными страницами задумывался надолго, записывал что-то в тетрадь. Он стал приходить часто.

Работая, иногда поглядывал на Николая. В один из дней пришел позже и всего с одной книгой. Кивнув Николаю как старому знакомому, студент подошел к Подвойскому, склонился над его столиком и, указав глазами на книгу, раскрытую на странице с жирным заголовком «Вий», доверительно сказал:

— Не свою литературу читаешь, семинарист.

Николай взглянул на страницу и улыбнулся: действительно, гоголевского «Вия» к богословской литературе не отнесешь. А студент улыбнулся в ответ и протянул руку:

— Будем знакомы! Зови меня просто студент. Николай поднялся и тоже подал руку:

— Будем! Тогда и меня зови просто семинарист.

— Как тебя зовут, кто ты и что читаешь, я уже знаю. Хорошо бы поговорить. Может, что и посоветую.

С лица студента не сходила искренняя, обезоруживающая улыбка. Он смотрел выжидающе. Николай согласился.

Гуляли и говорили они долго. Условились встретиться еще. На встречу студент принес Николаю напечатанную в Женеве брошюру «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса с авторским предисловием к русскому изданию.

«Манифест» с первых же строк: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма» — захватил Николая. Он прочитал брошюру в один присест. Она его не просто заинтересовала, а поразила. Какая критика капитализма! Как четко обозначены перспективы развития общества! Какая энергия и простота изложения революционных задач! Ничего подобного Николаю ни в одной из прочитанных ранее книг встречать не приходилось.

При новом свидании со студентом Подвойский говорил только о «Манифесте», с жаром пересказывал особенно понравившиеся места. Но потом, успокоившись, сказал:

— Европа — это все-таки не Россия. Там давно республики.

— Верно! — обрадовался студент. — Молодец, семинарист. Ты понял больше, чем я ожидал. Вот тебе «Обрыв» Гончарова. В середине найдешь работу русского марксиста Плеханова. Она тебе и насчет России кое-что разъяснит.

Они расстались. Николай в томике Гончарова обнаружил искусно вплетенную в середину работу Г. В. Плеханова «Наши разногласия». В ней был марксистский анализ положения в России. Там же автор подверг довольно резкой критике народников. Это было неожиданным для Николая. Ведь герои-народники были кумирами значительной части молодежи.

Преклонялся перед ними и Николай. Вернув книгу студенту, он заметил, что с народниками ему не все ясно.

— Это же настоящие революционеры! Желябов, Кибальчич, Перовская! Почти двадцать лет ими восхищаются...

— Вот именно — двадцать лет! — парировал студент. — Этих героев уже нет. Пойдем, я тебя познакомлю с интересным человеком. Работает в фельдшерской школе учителем. Так и зови его: учитель.

Они добрались до утопающего в зелени домика на окраине города. Встретил их хозяин — лет двадцати семи, немногословный, но очень приветливый. Сразу провел их в уютную беседку в саду, молча положил на стол небольшой, завернутый в газету пакет и ушел. Студент развернул газету и подал Николаю брошюру. Отпечатана она была не в типографии, а на гектографе. На тонком обложечном листе значилось: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Автор обозначен не был. Брошюра была изрядно потерта.

— Почитай, — сказал студент. — Написал ее Ульянов.

— Тот?!

— Нет. Брат. Почитаешь, увидишь, кто он. За один день не одолеешь, но поторапливайся. Другим тоже надо читать. Ну, я пойду. А ты, сколько есть у тебя времени, читай. Потом отдашь учителю. Договоришься, когда еще придешь.

Студент ушел. Николай углубился в чтение. Сначала он попытался «гнать по-студенчески», но это ему не удалось. Текст был сложным, требовал усилий и сосредоточенности.

Несколько раз потом приходил он к учителю и занимал свое место в беседке. Чтение шло медленно. Но с каждым разом Николай все глубже вникал в суть читаемого. То, что народничество из революционного превратилось в либеральное, что народники 70-х годов и народники 90-х годов совершенно не одно и то же, было для него открытием.

Наконец чтение было закончено. Немногословный учитель подсел в беседке к Николаю, аккуратно завернул брошюру.

— Студент просил кланяться.

— Спасибо. Что-то его не видно.

— Не наш он, из Киева... Уехал. Такое уж у него дело — чем меньше о нем знают, тем лучше, — добавил учитель.

— Жалко, — искренне сказал Николай. — Поговорить надо бы.

— Давайте поговорим...

Николай стал членом подпольного социал-демократического кружка. Учитель дал ему нелегальную газету «Вперед» киевской социал-

демократической группы «Рабочее дело». Газета была отпечатана на гектографе. Синие строчки еле проступали на серой бумаге. «Счастье рабочих — в их собственных руках. Сила рабочих — в их союзе», — писала газета. Учитель пояснил, что теперь в Киеве, как и в Петербурге, образовался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он выпускает не только газету, но и листовки, развернул агитацию среди рабочих на заводах.

— Выходит, и нам надо начинать, — сказал Николай. — Як кажутъ, не сивши, не пожнешь.

— Именно, — ответил учитель. — По у нас пока мало знающих людей. Сейчас нам нужны подготовленные, убежденные пропагандисты. Надо основательно знать марксизм. Простудируйте, не откладывая, «Капитал» Маркса. Вы его можете взять в библиотеке. Там есть русский перевод.

— Маркс в библиотеке? — удивился Николай.

— Представьте! — засмеялся учитель. — Считают, что его мало кто прочитает. А вы изучите, продумайте хорошенько.

Николай одолел не только «Капитал», а всю литературу, которой располагал кружок. Изучая «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса, Николай обратил внимание на простую и ясную формулу: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Она поразила Николая. «Вот так надо жить! Вот это девиз для жизни!» — подумал он. Этому девизу, взятому в юности, Н. И. Подвойский потом следовал всю свою жизнь.

Живая натура Николая требовала действий. Учитель, видя это, дал ему первое и весьма опасное поручение — съездить в Киев и привезти для кружка очередную партию нелегальной литературы. Николай успешно справился с заданием, и после этого подобные поручения стали правилом. Сестра Н. И. Подвойского Феофания Ильинична позже вспоминала, что в последние два года учебы в семинарии Николай, приезжая на каникулы к родителям, отдыхал недолго. Он брал двух-трех братьев и сестер и уезжал с ними к родственникам в Киев. Там он исчезал на несколько дней, а то и на неделю. При возвращении назад среди багажа непременно появлялся какой-нибудь потертый тяжелый чемодан, большая корзина, которые потом он без задержки отвозил в Чернигов. Все эти поездки завершались благополучно — семинарист, всецело занятый заботой о ватаге детей, на вокзалах и в поезде не вызывал подозрений полиции.

В Киеве Николай встречался со студентом и с другими

подпольщиками. Подлинные имена некоторых из них он узнал лишь после Октябрьской революции, а многие так и остались для него безымянными. В Чернигов он привозил не только литературу, но и устную информацию, нужную для работы кружка.

Николай в беседах с учителем все чаще говорил о том, что надо расширять подготовку пропагандистов. Получаемые им знания накапливались, и ему не терпелось передать их другим. Однажды он предложил учителю организовать социал-демократический кружок в семинарии.

— Есть у меня три-четыре семинариста на примете. Очень горячие в спорах, а в голове — путаница.

Учитель задумался — предложение было необычным.

— Ну, что ж, начинайте, — наконец согласился он. — Только не рискуйте, не набирайте много. Человек пять хватит. Ваши «духовные наставники» все в ход пускают — льстят, запугивают. Думаю, что и шпионят у вас всюду... Лучше попробуйте подыскать квартиру для занятий. Тогда я вам пару учеников из фельдшерской школы добавлю.

— Мне тоже приглянулся кое-кто из гимназистов-старшекласников, — обрадовался Николай. — У некоторых и квартиры подходящие. Я там репетитором бывал.

— Вот и хорошо, — заключил учитель. — А с предложением вы пришли вовремя. Мы как раз решили поручить вам самостоятельную работу.

Николай без особого труда вовлек в кружок облюбованных им семинаристов. Ему так не терпелось, что первые занятия он провел прямо в семинарии. Но учитель оказался прав — условия там были неподходящими: скученность, теснота, уединиться было негде. Вскоре Николай договорился с одним из гимназистов, который сразу, не раздумывая, согласился участвовать в кружке и предоставлять для занятий свою комнату в обширном отцовском доме.

Николай оказался способным пропагандистом. Ему нравилось выступать в роли учителя. Именно учителя, потому что первые же занятия показали, что в теории он намного выше своих кружковцев. Разъясняя трудные теоретические положения, он не раз мысленно благодарил своих наставников, которые так умело направляли его самообразование. Не имея какой-либо программы, опыта, навыков, он вел кружковцев той же дорогой, какой с помощью студента и учителя шел сам — изучал с ними в той же последовательности ту же литературу.

Дни стали настолько заполненными, что Николай еле поспевал справляться с делами. Особенно много времени отнимали репетиторство, поездки по квартирам учеников. Но без этого обойтись было нельзя, так как он лишился бы заработка. Вскоре выход из трудного положения был найден — Николай устроился помощником регента (руководителя) архиерейского хора мальчиков Троицкого монастыря.

Хор состоял из детей в возрасте 8—14 лет. Жили они при монастыре. Набранные из небогатых семей, мальчики находились под бесконтрольной властью монастырского начальства и монахов. Малолетние хористы ежедневно участвовали в церковных богослужениях, отпевали покойников, выполняли многочисленные хозяйственные работы по обслуживанию монастыря. Наградой за их труд было то, что монастырь содержал их за свой счет. Здесь они бесплатно учились по программе духовного училища.

В обязанности Николая входило: проведение спевков, наблюдение за поведением и учебой хористов, подтягивание отстающих учеников. Фактически это было то же репетиторство, только Николаю не надо было ездить по всему Чернигову — все ученики были в одном месте.

Договорившись с монастырским начальством об условиях работы, Николай сразу же пошел в «покои» к хористам. Он распахнул дверь и увидел сидевших у давно не скобленного стола с самоваром десятка полтора понурых мальчиков, вяло занимающихся кто чем. Стихнув, они кто испуганно, кто с любопытством смотрели на высокого, русоволосого, в серой форменной тужурке семинариста. Николай молча подсел к столу, теперь он лучше мог разглядеть детей — бледненькие и печальные, как маленьки старички.

— Что же вы в такой грязи живете? — строго спросил он. — И ногти у вас грязные. — Николай отвернул ворот на тоненькой шее рядом сидящего мальчика. — Вот и белье слишком долго занасиваете. — Он заглянул под стол. — И сапоги рыжие, как горчицей намазанные!

— А нам ваксы не дают, — раздался робкий голос.

— Не дают? Сделаем так, чтобы вакса была! И галоши надо купить. И рукавицы. И башлыки. Как же вы будете зимой отпевать покойника — следовать за гробом в слякоть пять верст до кладбища да пять обратно?

— Галоши, башлыки! Да у нас их никогда и не было, — вырвалось у одного из старших мальчиков.

— Мне регент сказал, что и двоечников у вас много!

Мальчики сразу притихли, поняв, что это семинарист от регента, а значит, их начальство.

— Ваш репетитор вчера, когда вы пели в соборе, уехал, — продолжал

Николай. — На его месте теперь буду я. Фамилия моя Подвойский. Зовите Николай Ильич. Поняли?

Мальчики переглянулись и не очень дружно ответили.

— Будут у вас и рукавицы, и башлыки, и галоши — я регента уговорю. Но надо, чтобы вы своими успехами доказали, что вы все хорошие, серьезные и примерные ученики. Хорошо?

— Хорошо, Николай Ильич, — словно проснувшись, радостно зашумели хористы.

Неожиданно открылась дверь. Раздался чей-то грубый голос:

— Эй вы, лопари-голодальщики! Катитесь в школу, пока я не вымет вас из хаты!

Пущенная кем-то грязная половая щетка влетела в дверь и шлепнулась на стол. За ней вошел служитель.

Хористы вновь испуганно замолкли. Николай встал во весь свой рост и сдвинул брови.

— Это что за выходка? Кто вы такой? Служитель? — грозно спросил он.

Вошедший от неожиданности оторопел, вытянулся, опустил руки.

— Так точно!

— Вы что, с военной службы? Как зовут?

— Так точно! Максимом!

— Кто же вас, Максим, научил так обращаться с этими мальчиками?

— Виноват... Простите... Извините... — Максим съежился, подобрал щетку и, пятась к двери, пробормотал: — Я потом приду...

Когда дверь захлопнулась, мальчики, как по команде, облегченно вздохнули. Детским чутьем они поняли, что Николай Ильич — добрый человек, что он будет их защитником. Возбужденно переговариваясь, хористы ушли на занятия.

Николай осмотрел расположенную рядом комнату репетитора. Он был доволен тем, что контакт с учениками удалось, кажется, установить с первой встречи. К этому времени он уже имел определенные педагогические навыки. Решив стать учителем, а не священником, Николай проявлял теперь постоянный интерес к педагогике. Многие педагогические идеи он уяснил из работ революционных демократов В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Ему даже удалось познакомиться с не разрешенными к печати, но ходившими по рукам в списках некоторыми работами украинского философа и педагога Григория Сковороды. Учитель дал ему из личной библиотеки сплошь испещренные подчеркиваниями и пометками работы К. Д. Ушинского «Детский мир», «Родное слово»,

«Человек как предмет воспитания». Их Николай изучил основательно. Он не раз вместе с учителем обсуждал идеи К. Д. Ушинского о демократизации образования, о деятельной сущности человека, о необходимости воспитывающего обучения. Особую привлекательность прогрессивным педагогическим идеям Ушинского придавало в глазах Николая то обстоятельство, что они звучали в унисон с коренным положением марксизма о решающей роли народных масс в истории. Реализация этих идей, понимал Николай, будет способствовать решению поставленной Марксом и Энгельсом задачи: поднять рабочий класс до положения правящего класса. Нельзя сказать, что в сознании Николая Подвойского сразу сложилась стройная система педагогических взглядов. Но он, по крайней мере, уже твердо знал, что можно с одинаковым успехом учить и кухаркиных и дворянских детей, что обучение должно быть связано с воспитанием, что школа должна поднимать, возвышать человека, развивать личность, что отношения учителя и ученика должны строиться на взаимном уважении и доверии.

В репетиторской комнате на самом видном месте Николай поставил вылепленный из белого гипса бюст Тараса Шевченко. Когда Николай был на месте, комната была открыта и доступна всем хористам. С каждым отстающим в учебе мальчиком он занимался отдельно. Всеми силами старался оживить, скрасить угрюмый монастырский быт хористов. Он поставил перед собой задачу во что бы то ни стало привить им интерес к чтению, к литературе — ничем не заменимому источнику саморазвития и самовоспитания. При первой же возможности Николай, купив на свои деньги билеты, повел детей в театр, где они смотрели комедию Н. В. Гоголя «Ревизор». Ни одному из мальчиков до того в театре бывать не приходилось. Их восторгам не было конца. Спустя некоторое время Николай повел хористов на Болдину гору. Показал скромную, с крестом могилу украинского историка А. М. Марковича. Потом рассадил ребят кружком, сам сел в середину. Мальчишки смотрели на него во все глаза, с нетерпением ожидая, что же расскажет сегодня им Николай Ильич.

— Ну как, пойдём ещё в театр? — улыбаясь, спросил Николай.

— Пойдем! Пойдем! Хоть сейчас! — радостно со всех сторон закричали хористы.

— А вы знаете, писатель Николай Васильевич Гоголь бывал в Чернигове. Может, кого-то из чиновников он увидел как раз в нашем городе.

Ребята были удивлены.

— У нас гостил также Александр Сергеевич Пушкин, — продолжал Николай. — Знаете такого? Кто помнит, что он написал?

— Сказку о царе Салтане... Сказку о мертвой царевне, — вразной стали называть хористы.

— Правильно! Есть у него еще сказка о попе и его работнике Балде.

*Жил-был поп,
толоконный лоб... —*

стал читать Николай, отбивая рукой по колену ритм звучного пушкинского стиха. Дети сразу насторожились. Такой сказки о жадном попе они, монастырские мальчики, не знали. Когда отзвучали последние строчки веселой сказки, на мгновение воцарилась тишина.

— Наш эконом, отец Мисаил, такой же жадный, — вдруг сказал один из хористов.

— А его помощник, отец Досифей, еще жаднее, — поддержал другой.

Мальчики рассказали, что монастырские экономы часто устраивают им утренние и вечерние чаепития не то что без сахара, а даже без хлеба. А прежний репетитор за плохие отметки и за провинности частенько «угощал» их тяжелой дубовой линейкой.

— Что же вы не жаловались? — возмутился Николай.

— А кому жаловаться? — спросил один из старших мальчиков.

Сердце Николая сжалось от боли: какой же беспросветной должна представляться жизнь этим маленьким монастырским рабам!

— Кому, кому! — вдруг озорно крикнул Николай. — Ты вон, смотри, какой здоровяк! Давай поборемся!

Николай схватил в обнимку хориста и покатился с ним по траве. Борьба шла с переменным успехом. Хористы как взорвались, повскакали с мест и принялись радостно и усердно валтузить друг друга. Но через несколько минут Николай крикнул:

— Все! Поразмялись, хватит!

Дети собрались около Николая. Глаза их горели. Еще бы! Ведь прежний репетитор лупил за подобное линейкой и правого и виноватого.

Выждав, когда хористы успокоятся, Николай продолжил свой рассказ:

— ...Бывал в Чернигове великий композитор Михаил Глинка. Мы кое-что из его хоров с вами разучим. Много басен написал здесь украинский баснописец Глебов. Хотите прочитаю?

Николай прочитал две запомнившиеся ему басни Л. Глебова.

— ...А сейчас в Чернигове работает хороший писатель Михаил Коцюбинский...

Каждый день, проведенный мальчиками с Николаем, был для них праздником, открытием. Он сводил их в цирк, где выступал Анатолий Дуров. Некоторых из мальчиков записал на свой читательский абонемент, и они стали самостоятельно брать книги в городской библиотеке. Заметив у одного из мальчиков склонность к рисованию, Николай подарил ему ящичек с красками и кисточками. Потом, когда Николай устроил для хористов кукольный театр, имевший такое странное, отдающее богохульством название «Вертеп», они вместе разрисовали куклы для постановки гоголевского «Вия». В самом хоре Николай организовал кассу взаимопомощи. Он выполнил свое обещание, данное хористам при первой встрече, — их стали лучше кормить и одевать.

...Более сорока лет спустя, в грозном 1942 году, Николай Ильич Подвойский получил из Уфы письмо: «Дорогой Николаи Ильич! — писал корреспондент. — Каждый раз, когда я пишу Вам, мне все сдается, что я десятилетний мальчик, который получил переэкзаменовку по арифметике, а Вы меня подтягиваете по Евтушевскому. О, как давно это было!..Много чего в Вашей тогдашней деятельности как воспитателя на то время надо считать дерзновением и смелым новаторством». Это письмо написал поэт, академик АН УССР Павел Григорьевич Тычина, в прошлом один из мальчиков-хористов Троицкого монастыря. Павел Григорьевич напомнил в письме о подаренных ему красках и о «Вертепе». «Когда на смену прежним репетиторам пришел к нам Николай Ильич Подвойский — все в нашем общежитии изменилось, — писал в автобиографии П. Г. Тычина. — Понемногу изменились и мы сами, мальчики-хористы... Самые светлые воспоминания храню я в своем сердце о Николае Ильиче Подвойском».

Поистине бесценным подарком судьбы считал Павел Григорьевич то, что на его пути — десятилетнего затравленного монастырского мальчика — встретился такой учитель, как Николай Ильич Подвойский. Именно тогда и именно Николаем Ильичем были забиты первые колышки, поставлены первые вешки, определившие жизненную дорогу поэта.

...Николай Подвойский продолжал руководить социал-демократическим кружком. Революционная теория, которую он изучал с кружковцами, звала на открытую борьбу. И потому Николай все чаще задумывался о недостаточности только пропагандистской работы, ему хотелось «дела». И хотя учитель удерживал его от необдуманных, «самостийных» действий, Николай упорно искал возможность «поверить

теорию практикой».

Как раз в это время Подвойского назначили регентом семинарского хора. Он сразу же воспользовался этим и постарался внести «мятежный дух» в работу хора. Отдавая необходимую дань церковно-религиозному репертуару, Николай за зиму полулегально разучил с хором несколько украинских народных песен: «Рэвэ та й стогнэ», «Як умру», русскую «Дубинушку» и даже «Марсельезу».

Однажды в один из заранее обусловленных дней Николай пришел к учителю, который по его озорным глазам сразу догадался, что неугомонный семинарист что-то придумал. И действительно, Николай не в первый раз завел разговор о том, что пора пускать его кружковцев «в дело». Учитель, однако, был неумолим:

— Ваш кружок по составу ученический. Рисковать им пока нет нужды. Потерпите, занимайтесь. Скоро всем работы хватит.

— Хорошо, — ответил Николай. — Но у меня есть задумка: открытое выступление без особого риска.

Он изложил свои предложения.

— Я посоветуюсь, — почти сдался учитель. — Если можете, загляните завтра в это же время.

Николай кивнул. Новая встреча была короткой.

— Даем «добро», — сказал учитель. — Подключим к вам человек десять из городской молодежи.

Разговор этот происходил накануне запрещенного в России Первомайского рабочего праздника. Участие в маевке расценивалось как преступление против «незыблемых устоев» самодержавного строя. Семинаристам запрещено было в этот день выходить в город, ворота семинарии были наглухо закрыты. Но, когда закончились занятия, Николай и десяток семинаристов перемахнули через ограду и направились к городскому парку, примыкавшему к Десне. Здесь обычно гуляло много отдыхающих. Рядом была стоянка лодок. Около нее семинаристов уже ожидали человек пятнадцать-двадцать молодых рабочих, гимназистов, учащихся. По команде Николая они разобрали лодки и направили их в устье разлившегося весенним половодьем притока Десны — речки Стрижень. Николай встал в своей лодке и взмахнул руками. Над рекой раздалась украинская народная песня. Запевали вместе с Николаем семинаристы. Остальные подхватывали. Получился довольно голосистый хор. Публика, гулявшая по берегу, стала останавливаться и с любопытством слушать — публичное исполнение украинских песен фактически было запрещено.

Семинаристы развернули лодки и, опустив весла, пошли по течению назад, к парку и Десне. Напротив парка, где было более всего народу, лодки, удерживаемые веслами, остановились. Наиболее отчаянные из публики разобрали оставшиеся лодки и присоединились к певцам. Получилась внушительная флотилия. Лодка Николая оказалась в центре. Певцов и публику разделяла полоса воды. Николай вновь взмахнул руками и запел:

Рэвэ та й стогнэ Днипр широкий...

Песня мощно и вольно полилась над речным пространством. Гулявшие наградили певцов аплодисментами. Но вдруг на берегу появился полицейский, он дал резкий свисток и закричал лодочникам, чтобы они прекратили нарушать порядок. В ответ с реки зазвучала русская народная песня «Дубинушка». Молодежь пела ее с большим подъемом. Особенно внушительно выводили:

*И тогда на царя, на помещичью спину
Он поднимет родную дубину.*

Публика не только аплодировала, но и подбадривала певцов криками. По берегу метался полицейский и в ярости грозил кулаками.

А на лодках грянули «Марсельезу». Когда допели ее до конца, Николай подал команду, и лодки дружно, как в атаку, рванулись к берегу. Певцы повыскакивали на берег и смешались с публикой. Осыпаемый со всех сторон солеными шутками полицейский ничего сделать не мог. Семинаристы по одному быстро покинули парк. На следующий день они повторили эту своеобразную демонстрацию. Но на этот раз полиция была начеку, и уйти удалось не всем.

Через несколько дней Николая вызвали в канцелярию — полиция уведомила «отцов-наставников» о том, что организаторами демонстраций на Десне были хористы семинарии. Но Николай свое личное участие в демонстрациях и причастность хора к ним опроверг. На вопрос о целях разучивания на спевках мирских песен он дал давно заготовленный ответ: церковное пение имеет народную основу, значит, хор должен владеть народным пением. Наконец, его обвинили в том, что он произносит «крамольные речи» в покоях семинаристов. «Учитель прав, — подумал

Николай, — «отцы» не гнушаются шпионажем». А вслух сказал, что споры идут о книгах, включенных в программу изучения семинаристами словесности, что разбор этих книг не может считаться крамолой. Но доводам Николая не очень поверили. Он получил строжайшее предупреждение, ему пригрозили исключением из семинарии.

На встрече учитель сообщил, что демонстрация вызвала большой резонанс — о ней говорят в городе. Это было для Николая большой наградой. В последующие два года он организовал еще четыре такие демонстрации. Имя его стало известно сначала в полиции, а потом и в жандармском управлении.

Николай понимал, что демонстрации на Десне — это еще не революционная борьба, а лишь робкий протест. Но они были важны для него и для его юных товарищей потому, что это были их первые выступления, первый, а главное, открытый протест.

Вскоре после этих событий Николай встретил у учителя одного из руководителей городского социал-демократического кружка. Имени его он не знал, хотя однажды и передавал ему указания киевского «Союза борьбы». По виду он был похож на доктора. Николай мысленно так и называл его. Доктор крепко пожал руку Николаю.

— Молодцы! Наделали шуму своей демонстрацией. Итак — Первوماй обозначен. Это важнее всего. Ну, раз вы такие боевые, есть дело посерьезнее и поопаснее. На всех ли ваших можно положиться?

— В семинаристах я уверен, — сказал, подумав, Николай. — А гимназисты и будущие фельдшеры... уж очень юны еще. Да и кругозор у семинаристов шире — как-никак подпираться режим будут.

— Тогда не трогайте пока гимназистов...Что крестьяне на Черниговщине опять волнуются, слышали?

Николай кивнул.

— В причинах разбирались?

— Спорили много. Ясно, что мужик дожив до того, що нэма ничего, — ответил Николай поговоркой. — Воды — хоч мыйся, лису — хоч быйся, а хлиба — хоч плач.

— Верно, — рассмеялся доктор. — Но это, конечно, еще не теория.

Он обстоятельно объяснил Николаю, что юг и степная часть Украины стали зоной быстрого развития промышленного и земледельческого капитализма. В Черниговской губернии, правда, в Полесье этот процесс проявляется пока не так ярко. Здесь лучшие земли принадлежат помещикам. В их хозяйствах еще отработки применяются — как при крепостном праве. Но есть уже и наемный труд. У крестьян земли мало,

большая часть ее — на неудобьях. Концы с концами свести трудно. Часть крестьян подается в промышленные зоны на заработки. От этого в деревне рабочих рук не хватает, хозяйства разоряются. Тогда крестьяне уходят совсем в город или на юг — на винокурни. Их земли скупает кулак. Этот все строит на наемном труде и кровь из мужика сосет похлестче помещика. Мужичу остается: или расставаться с землей и уходить, или маяться у помещика на отработках да у кулака в найме.

— ...Получается по пословице: хлеб у пана мужик ко-сыть, жинка його снопы носыть, а прыйдут воны до дому — диткы йисты просять. К этому добавьте урядника с пудовым кулаком да чиновника в суде — с лисьими повадками.

— Да еще власти исподтишка украинцев, белорусов, евреев, поляков направляют друг на друга, — добавил молчавший учитель. — К тому же горилкой снабжают исправно.

— Вот и запутался мужик, ищет свою правду. Но ни помещику, ни кулаку до нее дела нет — у них свой интерес. И в суде ее мужик не находит. Когда терпежу нет — пускает красного петуха то помещику, то кулаку, а то и своему брату крестьянину из поляков или евреев. Тому, кто под горячую руку или под пьяную лавочку попадает. Надо помочь крестьянам разобраться. Кроме нас, социал-демократов, этого сделать некому. Уразумели? — закончил доктор.

— Уразумел, — кивнул Николай. — Я в деревне вырос, каждые каникулы там бываю. Крестьянскую жизнь не по книжкам знаю.

— Значит, телегу впереди лошади не поставите?

— Нет, — засмеялся Николай. — Все своими руками перепробовал. На селе — не в городе, там каждый хлопец в десять лет все умеет. Чуть на ноги встал, уже и трудится.

Доктор вынул из кармана сложенную бумагу и подал Николаю. В ней значилось, что Николай Подвойский принят в губернское земство на временную работу статистиком-переписчиком. «Вот тебе и «доктор»!» — подумал Николай.

— ...Приходите в земство, спросите Нила Ивановича. Впрочем, не надо спрашивать — я в семнадцатой комнате. Поработаете вечерами с недельку. Дам вам для переписки общую статистику по губернии и всю — по волостям, где надо поработать. Узнаете много любопытного.

Николай приходил к Нилу Ивановичу после занятий, когда чиновники земства точно, по часам, торопливо покидали свои рабочие места. В первый вечер многочисленные папки с десятками листов, сплошь

испещренными цифрами, отпугнули Николая. Растерявшись, он тем не менее попытался разобраться в них, делал кое-какие выписки. Часа через полтора Нил Иванович подсел к его столу.

— Ну-те, покажите-ка ваш «улов». — Он пробежал глазами листок. — Со статистикой раньше не работали? Изолированные цифры вам ничего не дадут. Надо сопоставлять данные. Тогда за цифрами, за количеством вы будете видеть качество, то есть жизнь... Сопоставлять тоже надо уметь. Одни цифры сопоставишь — получишь идиллию, другие сопоставишь — искры полетят.

Остальные вечера они работали вместе. Николай восхищался мастерством Нила Ивановича — подобранные им колонки цифр показывали, как нищают крестьяне, но зато силой наливаются кулаки, как превращаются в капиталистические или хиреют помещичьи хозяйства. Он умело выявлял происходящие процессы, уверенно делал прогнозы.

— ...Посмотрите. На Черниговщине увеличилась площадь пахотных земель. Можно бы радоваться за земледельцев. — Нил Иванович взял другую папку. — Но тут мы видим, что это происходит лишь за счет кулака. А вот в этой папке показан рост числа лошадей и коров. Тоже вроде бы хорошо. Но данные из этой папки, рядом лежащей, показывают, что в мелких хозяйствах, то есть у крестьян, их число резко сократилось.

Нил Иванович откинулся на спинку стула и помолчал.

— Если хотите всерьез заниматься общественными делами, любите статистику, но и... не доверяйте ей! Статистика дает истинную картину, если ее составляет и ею пользуется честный, непредвзятый человек.

Неделя работы с Нилом Ивановичем запомнилась Подвойскому на всю жизнь. Именно тогда зародился у Николая устойчивый интерес к статистике, он получил первые навыки анализа статистических данных. Все это очень пригодилось ему в будущем.

Николаю и двум семинаристам из его кружка была поручена пропагандистская работа в трех волостях, расположенных близ Чернигова. Выезжали они во второй половине дня, а к утру — к началу занятий — возвращались в семинарию. Много ночей провел Николай в этих волостях, беседуя с мужиками у костров. Не раз выступал он со смелыми речами и на крестьянских сходках. Беседы с мужиками показали, что он поторопился, заявив Нилу Ивановичу, что знает крестьянскую жизнь. Он умел запрячь лошадь, косить, молотить, управлялся с сохой. Но бесчисленные мужицкие «почему» и «как» зачастую ставили его в тупик. Проблемы крестьянского существования уходили корнями в такие глубины экономических и

юридических отношений самодержавного строя, о которых он не имел представления. Как-то, возвращаясь из волости в Чернигов и досадуя на себя за то, что не мог разрешить очередное крестьянское «почему», он впервые подумал о том, что не об учительстве ему надо думать после окончания семинарии, а об университете, чтобы изучить экономику, право...

...В Черниговской губернии то тут, то там вспыхивали крестьянские бунты. В начале 1901 года поднялись и те волости, в которых вели агитационно-пропагандистскую работу Николай и его товарищи. Крестьяне сожгли помещичью усадьбу, оказали сопротивление присланным на их усмирение войскам. Следствием была обнаружена связь крестьянских вожаков с социал-демократами из города, установлены личности некоторых агитаторов, в том числе семинариста Николая Подвойского. Его несколько раз вызывали на допросы. Но Николай отрицал какую-либо свою причастность к крестьянским волнениям. Проверка подтвердила, что занятий в семинарии он не пропускал, отлично успевал по всем дисциплинам. Прямых улик против Николая Подвойского у властей не было...

В семинарии заканчивался учебный год. Николай вместе со своим курсом готовился к выпускным испытаниям. Но однажды утром его внезапно вызвали в канцелярию. Николай встревожился. Из-за учебы вызвать не могли — по всем дисциплинам он был в числе первых учеников. Когда вошел в канцелярию, в глаза ему сразу бросился голубой мундир жандармского офицера. За длинным столом сидело все семинарское начальство — сплошные рясы. «Слетелось воронье. Хорошего не жди», — мелькнула мысль у Николая. Он сразу понял, зачем его вызвали. Поэтому, встав у порога, он не принял положенной смиренной позы, не опустил глаз, а заложил руки назад, выпрямился и независимым взглядом окинул собравшихся. «Жандармы в рясах», — зло подумал он.

Первым заговорил духовный наставник выпускного курса. Заговорил тихим, ележным голосом о том, что семинария готовит пастырей, которые так нужны страдающим мирянам, что в приходах работает много благочестивых и любимых народом священников, закончивших когда-то эту семинарию. Они угодны и властям, и мирянам, потому что постоянно обращаются к богу и Священному писанию.

— И злодией просить бога, щоб украсы, — не выдержал Николай, уверенный, что терять ему уже нечего. — Бог и ему помогает.

Благочестие слетело с лица наставника.

— Богохульник!! — рявкнул он, стукнув кулаком по столу. — В репетиторской Кобзаря вместо распятия поставил! Мирян на бунт подбиваешь! Святые стены семинарии своим присутствием оскверняешь!

Николай усмехнулся. «Это самое главное, из-за чего вызвали. Кончилась учеба», — подумал он и уже плохо слушал дальнейшее, пока не заговорил жандармский офицер. Тот раскрыл папку и, перевертывая лист за листом, изысканно-вежливо перечислил все, что вменялось в вину Николаю — шесть маевок, социал-демократический кружок, связь с бунтовщиками.

Николаю объявили, что из семинарии он исключен. Раздраженно посоветовали раскаяться, вернуться в лоно церкви, а значит, и в стены семинарии.

— Вам, молодой человек, — сказал в заключение жандарм, приподняв папку над столом и как бы взвесив ее на руках, — в Чернигове места больше нет. Надеюсь, сделаете выводы... Сегодня же!

Это звучало как приказ.

Николай получил бумагу о том, что он в течение шести лет прошел полный курс семинарии, с указанием изученных дисциплин и полученных отметок. Рассчитался в городской библиотеке. Раздарил свои книги, отобрав себе самые необходимые. Учителя дома не застал, поэтому в условленном месте оставил записку: «Из семинарии исключен. Из Чернигова уехал. О дальнейшем постараюсь сообщить...»

Над городом уже опустились сумерки, когда одетый в расшитую украинскую рубаху, со скрипкой, связкой книг и сундучком в руках он вошел в вагон третьего класса и сел к окну. Всю ночь под неторопливый перестук колес перебирал он свое прошлое, пытался заглянуть в будущее. Он жалел лишь о том, что не удалось закончить семинарию. А будущее... Сколько уж раз он думал о нем! Но теперь пришло время решать, причем решать самому. От своего девиза не только объяснять мир, но и изменять его он отступить не собирался. Этот старый мир затрещал, заколебались его «незыблемые устои». Труднее было определить, что конкретно надо сделать завтра... Исключение из семинарии отрезало пути в университет. Но, может быть, подумать о провинциальных высших учебных заведениях? Они отдавали предпочтение семинаристам как наиболее подготовленным по гуманитарным наукам, лучших из них даже принимали с последнего курса семинарии. Его семинарская справка давала возможность попасть в число студентов. Другого пути к высшему образованию у него теперь не было.

От станции до отцовского дома — более двадцати верст — Николай прошел пешком. Вокруг бушевала весна. Он шагал полями, перелесками, слушая пение птиц, любясь сочной зеленью хлебов. Временами он останавливался, бросался на пеструю от цветов лужайку, с наслаждением вытягивал ноющие от усталости ноги, закрывал глаза и блаженствовал, вдыхая волшебные запахи весны. Тяжкие думы куда-то отодвигались, на душе становилось спокойно и легко.

Так, с палкой на плече, на которой висела связка книг, со скрипкой и сундучком в руке, в расшитой матерью рубаше он и появился на пороге отцовского дома. Ольга Акимовна радостно всплеснула руками, крикнул от удивления Илья Михайлович.

— Здоровеньки! Мыр хати цией, — широко улыбнулся Николай.

— Здравствуй, сынку, — приветствовал Илья Михайлович. — Не ждали мы тебя в эту пору. Ты вроде семинарию должен кончать?

— Йихав до Хомы, а зайихав до кумы, — отшутился Николай, обнимая мать. — Исключен я из семинарии.

Мать ахнула и опустилась на стул. Илья Михайлович помрачнел.

— Не пугайтесь, разбойником я не стал. Лодырем тоже, — засмеялся Николай и подал отцу семинарскую справку.

Илья Михайлович внимательно посмотрел ее и покачал головой:

— С такими отметками и в духовную академию мог бы пойти. За что же исключили?

— За связь с «бунтовщиками» и за богохульство.

— Чему же ты радуешься?

— Жизни радуюсь! Угощайте домашним борщом, а то я стулья грызть начну!

За ужином Николай отшучивался, от конкретного разговора о жизни в Чернигове уходил. Потом, попросив не будить, ушел на сеновал и почти сутки проспал.

Около месяца с утра до вечера сидел он над книгами. Иногда делал перерывы, во время которых колол дрова, чинил изгородь, таскал воду. Работал весело и споро. О подробностях своей жизни в городе родителям так и не рассказал, потому что не мог сказать того, о чем должен был молчать.

В один из дней в конце июня Николай вычистил и отгладил свое платье, собрал книги и небогатые пожитки. Ольга Акимовна, хлопоча по хозяйству, с тревогой наблюдала за сыном. Николай пригласил в комнату отца и мать. Тревожно забилось сердце Ольги Акимовны. Отец, хмурясь, молчал. Николай усадил их на знакомый с детства диван и мягко, чтобы не

вызвать ненужных волнений, объявил:

— Уезжаю в Ярославль. Буду поступать в Демидовский юридический лицей.

Из глаз Ольги Акимовны выкатились крупные слезинки, Илья же Михайлович удовлетворенно хмыкнул.

— Почему в Ярославль, в юридический, а не в Киев или Харьков куда-нибудь? Ближе все-таки.

— В лицей берут семинаристов с последнего курса. Разночинцев принимают. Всех, кто выдержит экзамен. — Николай помолчал и добавил: — В нем изучают то, что мне нужно.

Илья Михайлович в душе был рад — Николай продолжит учебу. Может, первым из Подвойских получит высшее образование. О том, что сын не будет священником, он не особенно жалел, потому что сам найти общего языка в своей среде так и не смог.

— На что я тебя в Ярославле кормить-учить буду, вас ведь семеро? — тем не менее сказал он сыну и показал потертые рукава рясы.

— Учиться я буду сам, — ответил Николай. — Кормить меня не надо. Буду подрабатывать.

Ольга Акимовна молча глотала обильно катившиеся слезы. Илья Михайлович встал.

— На дорогу немного дам.

На следующее утро на простой крестьянской телеге уезжал Николай из деревни. Когда отъехали довольно далеко, возница вдруг остановил лошадь, ласково посмотрел на Николая и показал кнутовищем назад:

— Звонит, наша...

Николай услышал звон колоколов отцовской церкви. Знакомый печальный звук таял в голубом небе.

— Трогай! — улыбнулся Николай.

...Тем июньским утром 1901 года закончился самый безоблачный период его жизни. Впереди была тернистая дорога. Духовный наставник из семинарии, заявивший, что Николай своим присутствием оскверняет стены семинарии, ошибался. Пройдет шестьдесят лет. В Чернигове будут показывать туристам здание бывшей семинарии и объяснять, что здание памятно тем, что в его стенах учились русский революционер, народоволец и изобретатель Кибальчич, казненный за покушение на царя, и Николай Ильич Подвойский — соратник В. И. Ленина, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и штурма Зимнего дворца. Ошибся и жандармский офицер, сказавший, что в Чернигове Николаю места нет. Благодарные черниговцы соорудят Николаю Ильичу

Подвойскому памятник и водрузят его на самом почетном месте — на Аллее Героев, в центре улицы Ленина.

ШКОЛА ПОДПОЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Дорога от родной и близкой сердцу Черниговщины до известного только по книгам Ярославля была неблизкой и по тем временам нескорой. Но она не показалась Николаю утомительной. В светлое время он почти не отрывался от вагонного окна, за которым неторопливо проплывали незнакомые места. Одна картина сменялась другой, и в каждой было что-то новое, непохожее. Так же неторопливо бежали мысли, сменяя одна другую и незаметно переходя в мечты. Еще в детстве у непоседливого Николая появилась любовь к дороге, которая всегда привлекала его обилием и быстрой сменой впечатлений. Эта любовь не угасала у него до конца жизни. И в зрелые годы он оставался легким на подъем, готовым в любой момент ехать куда угодно и на чем угодно — на поезде, пароходе, автомобиле, верхом на лошади, хотя, если была возможность, всем видам транспорта предпочитал ходьбу пешком. В дороге ему легко думалось и мечталось. А мечты никогда не покидали его — ни за школьной партой, ни в тюремной камере, ни за наркомовским столом. Вот и теперь, прекрасно понимая, что в Ярославле ему будет очень трудно, он, будучи оптимистом, время от времени давал волю воображению, и оно уносило его на крыльях мечты...

Перед самой Москвой Николай познакомился с подсевшим в вагон выпускником орловской семинарии Колей Зверевым, который, как оказалось, тоже ехал поступать в Демидовский юридический лицей. Решили держаться вместе.

В Ярославль они приехали субботним утром. Ни у того, ни у другого ни рекомендательных писем, ни связей, ни просто знакомых в городе не было. На ночевку удалось устроиться в довольно дорогой гостинице на Проломе — 1 рубль 25 копеек в сутки. Сразу же отправились в лицей. Там узнали, что сдавать придется, как они и предполагали, историю, литературу и латынь. Экзамены начинались в понедельник. Оставались одни сутки. Они пошли в гостиницу, рассчитывая немедленно засесть за учебники. Но в гостинице их предупредили, что по семинарскому свидетельству проживать в ней нельзя. Пошли искать квартиру. До сих пор полуказарменное житье, форменную одежду и скудное, истерзанное непрерывными постами, питание им обеспечивали семинарии. Поэтому житейского опыта они практически не имели. Это и послужило причиной тех приключений, о которых впоследствии с юмором любил вспоминать Николай Ильич.

Им сразу попалась дешевая комната, да еще со столом. Молодая бойкая хозяйка сыпала, как горохом:

— Буду вас, красавчики, кормить по утрам: хотите кофе с молоком, хотите чего с молоком, хотите сыру, хотите колбасы иль сардинок. На обед буду готовить, что прикажете.

Семинаристы обрадовались и опрометчиво отдали плату за месяц вперед. Но квартира оказалась настоящим клоповником. К тому же хозяйка уже через полторы недели, нисколько не смущаясь, заявила:

— У меня деньги кончились. На рынке все так дорого! Хотите кушать с маслом, обед с «биштексом», то давайте еще деньги.

Но денег, к ее удивлению, два Николая дать не могли — Подвойскому отец выделил всего 30 рублей, Зверев был не богаче.

Николай предложил Звереву организовать «коммуну». Идея понравилась. Сговорились со студентом Остроумовым из Тамбова, потом увлекли еще троих. К тому времени все шестеро успешно сдали экзамены.

Вялые поиски квартиры сначала не давали результатов. Тогда Николай Подвойский как инициатор «коммуны» взялся за подыскание квартиры сам. В доме на углу Духовской улицы он нашел квартиру из семи небольших комнат. Договорились о цене, из последних денег внесли плату и заняли квартиру. Хозяйка под контролем Подвойского докупила недостающую мебель. Николаю пришлось сдерживать ее — она хотела купить каждому по туалетному столику. Но молодым студентам это было не по карману.

«Коммуна» зажила беззаботной и веселой студенческой жизнью. У каждого — по комнате плюс одна общая комната. В ней на столе целый день кипел самовар. Но однажды утром, когда Остроумов, как всегда, крикнул хозяйке: «Пожалуйста, самоварчик!» — вместо обычного «чичас!» они услышали:

— Студенты, углей нет!

— Как?

— Да так, денежки все вышли! И сегодня ни углей, ни провизии я купить не могу.

Начались голодные дни. Студенты кинулись на поиски случайных заработков. К тому же подкатила осень. Дров нет, в комнатах адский холод. «Коммунары» разным мусором по часу разогревали самовар. Скрашивали жизнь лишь студенческие остроты, но и они уже не всегда веселили.

Однажды кто-то из членов «коммуны» привел на квартиру такого же бедствующего студента, который, кажется, нашел выход. Он договорился в одной церкви о том, что за пятнадцать рублей в неделю будет там со своим хором петь службу.

— Дело лишь в том, — сокрушенно сказал он, — что хора у меня нет, и регентом я никогда не был.

Он предложил членам «коммуны» стать его хором. Тут же сделали спевку. Николай сразу понял, что с таким «хором» дело не пойдет. Он пригласил еще двух бывших семинаристов — с ними, по крайней мере, не надо было все разучивать заново. После трех-четырех спевок решили рискнуть, ибо положение с финансами было безвыходным. Всенощную спели отвратительно. Церковный староста заявил «руководителю», что отказывается от услуг такого «хора». Но тот уговорил старосту подождать до завтра, объяснив, что хористы из разных семинарий, поэтому спеться сразу трудно.

Когда пришли на квартиру, Николай сказал:

— Если завтра будем петь так, как сегодня, нас выгонят. Давайте попробуем спеть так, как пел хор у нас, в черниговской семинарии. Я сейчас на скрипке помогу.

Тренировались до глубокой ночи, потом рано утром.

Обедня сошла благополучно. Николай безоговорочно был признан лидером — «регентом». В последующие дни он пригласил в хор двух мальчиков, ввел женские голоса. Пение «по-черниговски» привело священника и старосту в восторг. Через две недели они изъявили желание, чтобы хор постоянно пел в церкви, и удвоили плату. Но у Николая были другие планы.

— Дело в том, что у нас учеба, а хор студенческий, — сдипломатничал он. — Нам трудно в нужное время быть в церкви. Мы подумаем и решим.

Когда хористы собрались в большой комнате на очередную спевку, Николай вынул из кармана полученные от старосты деньги и бросил их на стол.

— Хватит! Вот ваш заработок! Мне от этих «легких» денег руки вымыть хочется... Розжылась голота коло болота! — в сердцах добавил он. — Я в церковь больше не пойду. Лучше на пристань или на станцию.

Хористы молчали. Николай открыто высказал то, что смущало и их.

— Мы же студенты! Неужели мы все пять лет будем жить на эти деньги? — спросил он.

Хористы согласились, что это невозможно.

— Коля! Отнеси их хозяйке, — попросил Подвойский.

Зверев подчеркнуто осторожно, двумя пальцами взял деньги и, брезгливо отставив руку, отнес их на хозяйскую половину.

— Жалко бросать, так хорошо петь стали, — сказал кто-то.

— А зачем бросать? — воскликнул Николай. — Наоборот... Можно

набрать настоящий хор. Место для спевков в лицее есть.

И он рассказал товарищам о том, что задумал создать в лицее большой студенческий хор. Для прикрытия включить в его репертуар украинские и русские народные песни, но основные усилия сосредоточить на разучивании и исполнении революционных, рабочих песен. Помня опыт черниговских демонстраций, Подвойский решил сделать хор пропагандистом идей революции и борьбы.

Усилиями Николая и его друзей-«коммунаров» такой хор был создан. Назвали его «Хор малороссийских студентов». Николай с присущей ему энергией проводил одну спевку за другой, упорно добиваясь нужного звучания песен. Хор стал приобретать популярность. Спевки почти всегда проводились в присутствии лицеистов, приходивших послушать музыку и пение. Чаще других в зале сидел смуглый, с иссиня-черными волосами и цыганскими глазами лицеист Михаил Кедров. Он отлично разбирался в музыке. Ему нравилось пение студенческого хора, он видел, как быстро росла его исполнительская культура. Но больше всего Михаила Кедрова интересовали репертуар хора и личность его руководителя. Дело в том, что в лицее в это время работал подпольный социал-демократический кружок, направляемый членами Ярославской группы «Северного рабочего союза». «Союз» объединял марксистские группы Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. Он занимал твердую искровскую позицию и упорно работал в пролетарской гуще. Ярославские марксисты О. А. Варенцова, А. М. Стопани и другие заботились и о работе среди молодежи. Проявлением этой заботы было, в частности, создание в лицее социал-демократического кружка. Его возглавлял Михаил Кедров, а другой руководитель, А. П. Доливо-Добровольский, был арестован... Вот и сегодня Кедров сидел в зале с одним из кружковцев и с наслаждением слушал пение хора. После исполнения «Марсельезы» в зале раздались аплодисменты. Было, правда, не совсем ясно, чему аплодировали: качеству исполнения, самой «Марсельезе» или дерзости исполнителей. Николай Подвойский повернулся к залу. Лицейская тужурка безупречно облегла его атлетическую фигуру. Он тряхнул русой шевелюрой и картинно отвесил поклон. В его прищуренных глазах было столько уверенности и лукавства и весь он был так хорош, что зал снова зааплодировал — теперь ему.

— Михаил, что это за Добрыня Никитич у нас появился? — спросил кружковец у Кедрова.

— Первокурсник Николай Подвойский. Я уже с ним познакомился. Из черниговских семинаристов. Начитан, независим — палец в рот не клади. Правда, не раскрывается, но чувствую, что надо с ним встретиться и

поговорить.

Такая встреча состоялась. Николай сразу согласился стать членом лицейского социал-демократического кружка, хотя иллюзий в отношении его не питал. Он знал, что кружок — не академия, не университет для изучения революционной теории. В нем можно лишь сверить результаты самостоятельной учебы, обменяться мнениями. Но ему было интересно, как занимается кружок в высшем учебном заведении, он хотел примериться: годится ли он сам для работы со студентами. Однако главной причиной его безоговорочного согласия было то, что он рассчитывал через этот кружок кратчайшим путем, не теряя времени, выйти на ярославских социал-демократов.

...На очередное занятие кружка, которое проводилось в выпрошенной под каким-то благовидным предлогом аудитории, Николай пришел чуть пораньше и скромно сел в углу. Быстро собрались лицеисты — живые, задиристые, шумные. Михаил Кедров представил его. Особого интереса он не вызвал — новичок, да еще первокурсник! После недлинного и не очень вразумительного реферата сразу разгорелся спор. Замелькали, замельтешили «декларации» народников, «легальных марксистов», «экономистов». Николай невольно сравнивал уровень лицеистов с черниговскими семинаристами и учащимися, занимавшимися в его кружке. Такие же горячие, но в теории чувствуют себя свободнее — сыплют терминами и цитатами. Михаил Кедров одобрительно улыбался, лишь иногда осаживал спорщиков, чтобы не мешали друг другу. Николай для пробы подбросил в костер дискуссии несколько «полешек». Стали путаться. Он понял, что в смысле углубления знаний кружок ему мало что даст. Чтобы это понял и Михаил Кедров, Николай включился в спор, толково разъяснил ошибки некоторых лицеистов, да еще и по памяти сослался на «Капитал» Маркса и первый номер «Искры».

После занятия Кедров отвел Николая в сторону.

— Молодец! Слушай, откуда у тебя такой багаж?

Николай засмеялся и сказал, что более четырех лет изучает марксизм и два года вел такой же кружок в Чернигове.

Цыганские глаза Кедрова радостно заблестели.

— Вот здорово! Я сегодня же расскажу о тебе нашим!

На следующий день Михаил, долго петляя по городу, вел Николая на конспиративную квартиру. Встретила их подтянутая и очень строгая женщина. Одеты она была аскетически просто. Разделенные на прямой

пробор волосы были гладко зачесаны назад и стянуты в тугий узел. Николай, взглянув на нее, сразу почувствовал себя как перед экзаменатором. Но это было лишь в первый момент, пока он не услышал ее неожиданно мягкий голос. Она сразу стала хлопотать о чае, попутно расспрашивая Николая о родителях, об Украине, о том, что привело его в Демидовский юридический лицей. Николай незаметно освободился от скованности и стал подробно рассказывать о своей жизни в Чернигове. Лишь позже он узнал, что беседовала с ним опытная революционерка, агент «Искры» Ольга Афанасьевна Варенцова.

— ...Михаил сказал, что вам уже можно поручать самостоятельную пропагандистскую работу. Как относитесь к линии «Искры»? Вы с ней знакомы? Что думаете о рабочих?

— Первый номер еще в Чернигове успел изучить. Я — за «Искру». И работу с рабочими вести готов, только вот... — Николай с сожалением вздохнул, — в Чернигове с рабочими заниматься мне не приходилось. Так что я пока представляю себе их чисто теоретически — как класс. Этого мало. Надо бы посмотреть, как работают, как живут...

— Это существенно. — Ольга Афанасьевна задумалась. — Беда небольшая. Ярославль — не Чернигов. Тут рабочих тысяч пятнадцать. А через год, может, будет все двадцать — фабрики растут как грибы...

О. А. Варенцова на мгновение замолчала.

— ...Посмотреть же своими глазами на жизнь и труд рабочих мы вам поможем. А пока... — Ольга Афанасьевна взглянула на нетерпеливо заерзавшего на стуле Кедрова, — ...пока поручим вам работу в знакомой среде. Вот Миша один у нас в лицее остался. Работайте вместе с ним. В лицее больше семи сотен студентов. Одного кружка там мало. Разворачивайте работу. Не ограничивайтесь одним лицеем, выходите на учащуюся молодежь города.

Распрощались очень тепло. Михаил Кедров и Николай Подвойский были рады такому повороту событий. Николай еще во время разговора понял, что Михаил заранее просил его себе в помощники. Ольга Афанасьевна смотрела далеко вперед. Фактически она поставила задачу, чтобы лицейские социал-демократы организовали и повели за собой учащуюся молодежь города.

«Коммуна» Николая Подвойского дышала на ладан — содержать семикомнатную квартиру было не под силу. Волновало Николая и то, что в «коммуне» он был весь на виду, а это его теперь не устраивало — предстоящая нелегальная работа требовала осторожности. Кедров предложил Николаю снять квартиру и поселиться вместе.

— Только искать я буду сам, — добавил он и хитровато подмигнул Подвойскому.

Вскоре он подыскал на Власьевской улице небольшую, очень чистую квартиру, или пансион, как назвала ее хозяйка. Николай распустил свою «коммуну», собрал вещи и пришел на Власьевскую. Едва войдя в комнату, он остановился от удивления: у стены стоял рояль.

— А это нам зачем? За него небось как за квартиру платить надо?! — спросил он Кедрова.

Михаил пожал плечами, обошел кругом инструмент, с любопытством рассматривая его со всех сторон, и с протестным видом сказал:

— Это же рояль!

Он неумело подергал крышку, открыл ее, но потом вдруг ударил по клавишам и сыграл такую сложную пьесу, что ошеломленный Николай только и смог вымолвить:

— Вот это да!

Кедров расхохотался, довольный розыгрышем.

— Рояль поможет нам жить и работать! Тем более что у тебя скрипка. Репертуар у нас разный, но сыграемся.

За вечерним чаепитием Николай рассказал, как всегда с юмором, несколько эпизодов из своей семинарской жизни, а потом вдруг попросил:

— Миша, ты мою «поповскую» биографию уже знаешь. Расскажи о себе. Нам ведь теперь, как говорится, бок о бок существовать.

— Да, конечно, — с готовностью согласился Кедров, немного помолчал, а потом продолжил: — У меня была несколько другая жизнь. Я из старинного дворянского рода. Рассказывают, что прадед мой влюбился в красавицу цыганку из хора. Выкрал ее и, несмотря на скандал в обществе, женился на ней. С тех пор у всех Кедровых волосы цвета воронова крыла, цыганообразная наружность и склонность к музыке. У меня, кстати, брат скрипач...

Николай узнал, что отец Кедрова — богатый московский домовладелец и щедрый меценат. Михаил имел прекрасных домашних учителей. Гимназию окончил с золотой медалью. В совершенстве знает немецкий и французский языки. После гимназии поступил в консерваторию. Ему прочили блестящее будущее пианиста.

— ...Но перед выпускными экзаменами я был арестован за участие в революционных событиях. Меня исключили из консерватории и выслали из Москвы в Ярославль, — рассказывал Михаил. — Здесь поступил в лицей и сразу включился в работу социал-демократического кружка Александра Митрофановича Стопани. Замечательный человек! Сейчас его

здесь нет. Но нам с ним еще придется поработать.

Они просидели и проговорили до полуночи...

Так в 1901 году зародилась дружба между Николаем Ильичом Подвойским и Михаилом Сергеевичем Кедровым. Она продолжалась почти сорок лет. Оба друга до конца прошли по избранному в юности пути. М. С. Кедрову царские власти не дали закончить юридический лицей. Скрываясь от преследований, он уехал в эмиграцию, закончил в Швейцарии университет и получил диплом врача. Затем вернулся в Россию и был в самом пекле Октябрьской революции и гражданской войны. Ему довелось командовать фронтом, возглавлять Особый отдел ВЧК, работать на многих других участках, куда его посылала партия. Несмотря на трудности, связанные с особенностями жизни профессионального революционера, он никогда не бросал музыку. В Швейцарии в редкие дни отдыха В. И. Ленин специально приезжал к М. С. Кедрову, чтобы послушать в его исполнении свои любимые музыкальные произведения...

Николай и Михаил с жаром взялись за пропагандистскую работу в лицее. Николай Подвойский без устали сновал по этажам и аудиториям, легко знакомился, входил в доверительный контакт, а потом подолгу беседовал с теми, кто вызывал его доверие. Лицейский кружок стал быстро расти. Занятия теперь шли в нескольких группах, вели их Михаил Кедров и Николай Подвойский. Иногда удавалось обмануть бдительность вахтеров и провести на занятия кого-нибудь из опытных пропагандистов Ярославской группы «Северного рабочего союза».

Спустя некоторое время Михаила Кедрова приняли в ряды членов РСДРП. Ему все чаще стали давать задания, связанные с фабриками, железной дорогой, поездками в другие города. Работа в лицее постепенно целиком легла на плечи Николая. Он подобрал себе хороших помощников — студентов Зезюлинского и Чистосердова. Через кружковцев и их знакомых Николай вышел на связь с гимназиями, реальными училищами, другими учебными заведениями города. Оказалось, что в некоторых из них уже есть социал-демократические кружки. Их руководители с радостью приняли «шефство» лицеистов. Николай договорился с ними, что по сложным темам занятия будут вести более подготовленные по общественным вопросам студенты лицея.

Николай понимал, что не сегодня, так завтра его включат, как и Михаила, в работу на фабриках и заводах. Надо было изучать жизнь рабочих. И он использовал для этого каждую возможность. Кедров свел его с несколькими членами партии из рабочих — ткачами и

железнодорожниками. Николай подолгу говорил с ними. Беседы расширяли его представления о жизни ярославских пролетариев, но он считал, что этого мало, что все надо посмотреть своими глазами.

Одетый в замасленную спецовку, в меру вымазанный мазутом, Николай под видом «новенького» побывал с рабочим-партийцем в железнодорожных мастерских депо станции Ярославль. Ходили во вторую смену, когда было поменьше начальства. Николай держался на полшага сзади, носил ящик с инструментом, в разговоры не вмешивался, скромно помалкивал, но как губка впитывал все, что его интересовало. Попутно рассовывали, а то и прямо раздавали листовки «Северного рабочего союза», предусмотрительно прихваченные с собой.

Подвойскому удалось побывать и на ткацкой фабрике Большой Ярославской мануфактуры. Невероятный грохот десятков станков с непривычки оглушил его. Когда он вернулся с фабрики, голова у него, казалось, звенела от тишины. «Если и есть ад, то он здесь», — подумал Николай. В красильне он увидел изможденных рабочих, копошившихся в клубах ядовитого пара у огромных чанов. Ему трудно было поверить, что человек может изо дня в день, годами работать в таких условиях.

...С фабрики вышли вместе со сменой, проходную миновали благополучно. За воротами Николай с облегчением вздохнул. Прошли несколько шагов, и пожилой ткач, знакомивший Николая с фабрикой, кивнул на одинокую скамейку.

— Давай передохнем. Силы-то уже не те.

Ткач скрутил самокрутку. Николай, удрученный увиденным, молчал.

— Вот так, сынок, работаем... А хозяин платит гроши. Да и те штрафами половинит... Я это к тому говорю, что отстоит красильщик у чана десять часов, а ткач в прядильне или ткацком цехе — все двенадцать или четырнадцать, а тут ты агитировать придется... Так знай, он никакой словесной мякины не принимает... Ты ему дело говори... Сам книжки читай, чтобы верно было, а к нему с ними не суйся...

Ткач говорил неторопливо, раздумчиво.

— ...Ты ему из его положения путь-дорогу покажи. Он тебе и поверит. Пойдет за тобой... А трепаться начнешь, ничего не выйдет. Ты на грамотность свою дюже не напирай. Рабочему плевать на то, сколько ты книжек прочитал. Они смотрят, что ты понимаешь... за кого стоишь...

Отдохнув, они пошли дальше.

— ...Мне учиться, почитай, не пришлось, — продолжал на ходу размышлять ткач. — А бывало, начнем подымать на стачку, так подчас у меня лучше получалось, чем у грамотных... Потому как рабочее слово — с

весом... Надо рабочих учить, кто помоложе, посильней. Без них не справиться... А ты сам-то под рабочего не подделывайся. Все равно за версту видать. Ты за рабочего будь! Он тебе и так поверит...

Каторжный труд ярославских ткачей, зверская эксплуатация их и беспросветная нужда превзошли самые мрачные, почерпнутые из книг представления Николая о жизни рабочих. Он воочию убедился, что у рабочих действительно нет иного выхода, кроме борьбы. Революционные взгляды Николая становились убеждениями, а убеждения звали к действию. Он стал все чаще напрашиваться на дополнительные задания, искал общения с рабочими, по-другому смотрел он теперь и на свои занятия в лицейском кружке. Николай стал гасить и даже пресекать отвлеченное, схоластическое теоретизирование, так свойственное студентам, старался накрепко замкнуть теорию на конкретные события — приводил реальные вопиющие факты из жизни рабочих Ярославля и добивался, чтобы лицеисты ясно, без словесной мишуры объясняли их, доводили объяснения до выводов, формулировали практические задачи. Короче говоря, он фактически стал готовить из кружковцев пропагандистов для рабочей аудитории.

Руководители Ярославской группы «Северного рабочего союза» неоднократно и бесспорно убеждались в преданности Николая делу революции. В 1901 году на конспиративной квартире Николай Подвойский был принят в члены Российской социал-демократической рабочей партии.

...В ту ночь он так и не сомкнул глаз. Чего только не передумал! Перебрал свое прошлое, подвел жиденькие, как ему казалось, итоги своей четырехлетней социал-демократической работы. Эти годы, думал он, были все-таки работой на себя, практические результаты в пользу социал-демократического движения были ничтожны — шесть маевок да десяток подготовленных им кружковцев. Мало, хотя ему было, конечно, трудно. Последние пять лет пролетели как один день, ибо не было в них свободной минуты. Много не успел, не сделал, не прочитал. Хотел языками заняться, но... так и остался со своей латынью и церковно-славянским, хотя учитель — Миша — рядом. На скрипке играет, но пока остается слушателем-самоучкой, каких на Украине множество... Все мог бы, мог, но нет времени... Мысли его вновь и вновь возвращались к собранию. Ему доверили. В него поверили. Он теперь член революционной рабочей партии, стоящей вне закона. Отныне в его жизни будут две стороны. Одна сторона — высвеченная, открытая для всех, «законная», но не главная. Другая — скрытая, противоположная многочисленным законам, которые он теперь сознательно и упорно изучал в лицее, готовясь во всеоружии вести

борьбу с обществом, построенным на этих законах. Эта скрытая сторона будет главной в жизни. Он был горд, что принят в члены партии, но одновременно ощущал груз какой-то неведомой прежде общей, неконкретной и в то же время личной ответственности. Николай не сомневался в том, что все сделанное им до сих пор для революции, пока только прелюдия, что настоящая революционная работа начнется теперь, когда он стал членом революционной рабочей партии.

Рассвело. Николай взглянул на лежащие на тумбочке карманные часы и рывком поднялся с койки. Он разбудил Кедрова. Тот вроде проснулся, но тотчас же опять закрыл глаза. Николай растормошил его.

— Вставай, соня! Ранок — панок: що ранком не зробиш, то вечером не здогоньш, — крестьяне так говорят.

Михаил сел на кровати, мотнул спросонья головой.

— Это крестьяне... А мы вечером да ночью... — Он взглянул на Николая, понял его состояние и добавил: — Я тогда тоже всю ночь не спал...

Через несколько дней Николай собрал кружковцев. Посоветовавшись со слушателями, он распределил их по гимназическим социал-демократическим кружкам.

— Надо переходить от изучения теории к практическим действиям, — наставлял он товарищей. — Что по силам гимназистам? Митинги, бойкот занятий. Поводы для этого найдутся. Надо готовить гимназистов к тому, чтобы по нашему сигналу они могли вместе с нами выйти на маевки, демонстрации... А то и провести общегородской бойкот занятий, то есть ученическую забастовку. Это не на завтра, не на послезавтра. Но формировать такую готовность, настраивать на это надо сегодня.

Подвойский решил, что и лицейский хор пора выводить на публику, а далее решать с помощью хора задачи, связанные с нелегальной партийной работой. Николай составил вполне «благопристойную» программу выступлений хора и получил разрешение на первый официальный концерт. Он состоялся в актовом зале лицея в присутствии лицейского начальства. Успех был так велик, что на следующий день концерт пришлось повторить.

Николай по горячим следам обратился к директору и попечителям лицея со смелым предложением: просить губернатора разрешить хору публичные, в том числе платные, выступления в городе. Он предлагал использовать сборы за концерты для оказания помощи малоимущим студентам, сиротским домам, публичным библиотекам, больницам. Благотворительная деятельность не запрещалась, поэтому прошение было

составлено и отправлено генерал-губернатору. Оно долго изучалось городскими и губернскими властями. Поскольку ничего предосудительного в программе обнаружено не было, генерал-губернатор милостиво разрешил хору выступать не только в городе, но и в губернии.

Николай не рассчитывал, что хор сразу привлечет к себе внимание. Поэтому первые концерты давали бесплатно, на открытых площадках. Но не избалованная подобными зрелищами ярославская публика встретила хор восторженно. Малоизвестные, очень мелодичные украинские песни вызвали немалый интерес. О хоре заговорил город, сообщила местная газета. Тогда рискнули дать благотворительный концерт «в пользу несостоятельных малороссийских студентов». Плата за вход была минимальная. Публика откликнулась и на этот концерт. Разрешение губернатора выступать в других городах и уездных центрах было очень кстати — наступавшая зима лишала хор возможности использовать открытые площадки. Закрытых же залов было немного, и там хор уже побывал.

События развивались по задуманному Николаем плану. Хористы радовались успеху. Было довольно и начальство — хор способствовал утверждению авторитета лицея. Николай же радовался больше других, потому что была подготовлена почва для реализации главного в его плане. О нем знали пока только руководители Ярославской группы «Северного рабочего союза». Николай предложил им использовать перемещения хора по губернии для связи, транспортировки нелегальной литературы, а хористов из лицейского социал-демократического кружка — для пропагандистской и агитационной работы в уездах. Более того, он считал возможным отчислять часть денег, собранных на благотворительных концертах, в партийную кассу для оказания помощи репрессированным революционерам и их семьям, издания нелегальной литературы, закупки оружия. Его предложения были приняты. Правда, возникло сомнение, согласятся ли хористы отчислять средства, ведь люди в хоре разные.

— «Разных» у нас немного, — заверил Николай. — Мы поработаем с ними... Или избавимся от них. Хор будет работать на партию.

Николай свое обещание выполнил. Вплоть до середины октября 1905 года лицейский «Хор малороссийских студентов» был активным пропагандистом идей партии средствами революционной песни, одним из источников пополнения партийной кассы. Его поездки по Ярославской и соседним (вплоть до Вологды) губерниям использовались и для партийных связей, и для транспортировки нелегальной литературы.

...В конце 1901 года в пансионе на Власьевской произошло событие на

первый взгляд малозначительное, но сыгравшее в скором времени большую роль в жизни Михаила Кедрова и Николая Подвойского. К ним подселился Александр Августович Дидрикиль, работавший агрономом губернского земства. Он был лет на семь-восемь старше их, сам в революционной борьбе не участвовал, но придерживался демократических взглядов и помогал, как мог, революционной молодежи. В частности, увидев бедственное положение Николая, который перебивался уроками и случайными заработками, Александр Августович предложил Подвойскому место статистика в земстве. Николай с радостью согласился: статистические сводки дадут богатый материал для революционной пропаганды и агитации. Работа статистиком была удобна и тем, что статистические карточки можно было брать домой и обрабатывать их в любое время, лишь бы к сроку было сделано. У Николая же день забирала учеба в лицее, почти каждый вечер он отдавал партийной работе и хору. Время на заработки он выделял с большим трудом. Теперь же он получил возможность работать над статистическими материалами хоть ночи напролет. Заработок был, правда, небольшой, но постоянный.

Подселение Александра Августовича привело к появлению в пансионе в качестве гостей его многочисленных братьев и сестер. В семье Дидрикилей всего было десять детей. Трое из них — Мария, Ольга и Нина — активно участвовали в революционной борьбе.

Однажды самая младшая из семьи Дидрикилей — Нина — получила от А. М. Стопани задание, связанное с поездкой в Пермь. Он посоветовал ей сначала получить инструкции у Николая Подвойского. Она пришла в пансион, постучала в дверь и, получив разрешение, вошла. Перед ней в расшитой рубахе, чуть прислонившись к столу, стоял Николай Подвойский. Девушка без робости и с некоторым любопытством посмотрела на Николая, не отрывая взгляда, прикрыла за собой дверь и, помедлив, сказала пароль. Николай ответил, но ответил машинально. Он был поражен, увидев перед собой эту высокую, стройную девушку — совсем юное существо с льняными волосами и большущими синими глазами. Николай не мог оторвать взгляд от ее синих глаз. «Как родники», — мелькнула мысль.

— Вы товарищ Подвойский?

— Да, да, конечно, Николай Подвойский, — засуетился он. — Давайте знакомиться.

— А я Нина Дидрикиль, — сказала девушка, подавая ему руку.

Николай ощутил в руках ее сухую, крепкую ладонь. Кажется, впервые в жизни он так растерялся. Стал искать стул, кинулся за ним в соседнюю комнату, хотя в своей у стола стояло два стула.

Так встретились первый раз украинский парубок Микола Подвойский и латышка Нина Дидрикиль, встретились, чтобы сразу расстаться. Но, находясь вдали друг от друга, они не забывали об этой встрече и думали о новой. И она состоялась, несмотря на все сложности жизни подпольщиков.

Нина и ее сестры нечасто, но бывали в пансионе. Ведь здесь, у Кедрова и Подвойского, под видом музыкальных вечеринок проводились нелегальные собрания и конспиративные встречи. Впрочем, многие из них действительно заканчивались музыкой. Великолепная игра Михаила на рояле доставляла участникам огромное наслаждение, снимала усталость и напряжение. Тем более что играл Миша не просто мастерски, а с особым чувством и вдохновением. (Лишь позже он признался, что играл в те вечера для скромно сидевшей в уголке Лели — Ольги Дидрикиль.) Его сменял Николай. Он задушевно, с легкой грустью заводил украинские песни: «Взяв бы я бандуру», «Ой, нэ свиты мисяченьку» и другие. В эти минуты он, может быть, вспоминал родную Черниговщину, отцовский дом, детство. Но Николай обычно только начинал с широких и раздольных песен. От них он переходил к шуточным, а заканчивал, как и требовала его живая натура, задорными, залихватскими песнями вроде «У сусида хата била» или «Ой пид вышнню».

Эти встречи для двух друзей стали желанными. Они их ждали. Вскоре Михаил Кедров и Ольга Дидрикиль стали мужем и женой. Николая же, когда он видел Нину, брала какая-то оторопь. Весельчак и балагур, он вдруг терялся, смущенно и некстати улыбался. У него словно отнимался язык, голова становилась пустой и какой-то бесполезной. Он только слышал, как «бухает» его сердце. А она, словно любуясь его смущением, спокойно, ласково смотрела на него своими синими глазами. Было в этом взгляде что-то гипнотическое. У Николая каждый раз возникало ощущение, будто он непроизвольно погружается в эти глаза-родники и не может из них выбраться...

Весной 1902 года в законспирированную партийную организацию Ярославля под видом представителя заграничного партийного центра внедрился агент охраны Меншиков. В ночь на 23 апреля были арестованы Ольга Афанасьевна Варенцова, Николай Михайлович Трегубов, Евгений Федорович Дюбук, Леон Егорович Петров — те, кто руководил организацией. Была арестована и Ольга Кедрова. Все они сразу же были отправлены в Таганскую тюрьму в Москву. Незадолго до этого был взят, правда по другому поводу, Михаил Кедров.

Николай пребывал в тревоге. Обостренное чувство близкой опасности

привело его в состояние туго взведенной пружины. Не зная устали, шагал он по городу, обходя известные ему конспиративные квартиры — надо было выяснить, кто уцелел, кому удалось избежать ареста. Но почти всюду, еще на подходе к квартире, он не обнаруживал условного знака, что можно войти. Адресов запасных явочных квартир у него не было. Их знала только О. А. Варенцова и еще кто-то, живший в другом городе. Кто он, как на него выйти, знали опять-таки Ольга Афанасьевна и еще один-два человека, Николаю неизвестные. Он оказался как в вакууме — кругом пустота. Свое дело он знал и мог продолжать работу в лицее самостоятельно, дожидаясь восстановления партийной организации оставшимися на свободе партийцами. Но в таком же вакууме были и многие другие его товарищи!

Николай вернулся к себе на Власьевскую. Там он неожиданно застал Михаила Кедрова. Оказалось, что его выпустили из «предварилки», лишив права выезда из города. Николай обрисовал ему обстановку. Кедров выслушал и сказал:

— Моя Оля знает, как выйти на хранителя адресов и паролей. Но ты же говоришь, что всех увезли в Таганку... Свидания с подследственными запрещены. Только в крайнем случае — самому близкому родственнику, да и то по особому разрешению.

— Нина! — вдруг горячо зашептал Николай, будто опасаясь, что его подслушают. — Она же родная сестра Ольги. Надо ее послать в Москву. Пусть добьется свидания и попробует выведать, как выйти на этого человека! Они с Ольгой понимают друг друга с полуслова и вообще без слов!

Кедров встал и надел тужурку.

— Мне Оля говорила, что Нина сейчас обосновалась в Юрино. Это не очень далеко. Я ее привезу.

Нина выехала в Москву и добилась нескольких свиданий с Ольгой. Она сумела на глазах у надзирателя, пользуясь иносказанием и другими хитростями, получить необходимые сведения. Из Москвы она направилась в Нижний Новгород и разыскала там служащего нижегородского земства Ивана Петровича Ладыжникова, который и был хранителем ярославских адресов и паролей. Нина не мешкая доставила их А. М. Стопани и Ц. С. Зеликсон-Бобровской, которые в это время вели организационную работу в Вологде, Костроме и Перми. Они сразу же приступили к восстановлению разгромленной ярославской организации.

После выполнения этого задания Нина была принята в ряды Российской социал-демократической рабочей партии. Ее идейная зрелость, преданность революции, мужество, многократно проверенные на опасной

практической работе, ни у кого не вызывали сомнений. Доверие товарищей умножило ее силы. Она была счастлива и жалела лишь об одном... — рядом нет Николая. Он был далеко — в Чернигове. Уступив слезным просьбам матери, добившейся через родственников разрешения на сдачу им экзаменов в семинарии, он уехал заканчивать ее. Выпускные испытания он прошел блестяще и окончил семинарию по первому разряду. Желание матери было исполнено.

В октябре 1902 года Ярославская партийная организация создала в Демидовском юридическом лицее социал-демократическую группу «Свобода». Николай Подвойский был введен в состав ее руководства. Позже вместо группы «Свобода» в лицее стал действовать студенческий комитет, объединивший наиболее радикальную часть студенчества. Николай по заданию партии встал во главе комитета. Студкомитет охватил своим влиянием и гимназии города. Вместе со своими друзьями-единомышленниками студентами Н. Зезюлинским, С. Даниловым, А. Магистровым, Ф. Шешковским и другими Николай энергично выводил молодежные кружки на дорогу практических действий. К этому времени Ярославская организация получила возможность печатать листовки, призывы, прокламации. Молодежь была подключена к их распространению. Десятки революционно настроенных студентов, гимназистов старших классов разбрасывали листовки на вокзале, в порту, у проходных фабрик, на рынке, в магазинах и трактирах, на выступлениях лицейского хора.

Резко возросшая активность молодежи встревожила охранку. Начались обыски и аресты. Ленинская «Искра» в первомайском номере за 1903 год сообщала, что в Ярославле прошли массовые аресты, схвачено 26 человек, среди которых студент Соболев и Нина Дидрикуль.

Да, Нина попала за решетку. Для нее, как и для любого человека, тюрьма несла с собой унижение, страдание, тоску по воле. «Кто побывал в царской тюрьме, да еще впервые, тот знает, какой прекрасной кажется жизнь из тюремной могилы», — запишет она потом в своем дневнике. В августе 1903 года ее выслали из Ярославля в Нижний Новгород, где И. П. Ладыжников сразу же нашел ей подходящее место в подпольной типографии. Через несколько месяцев она снова была арестована. Но брат Александр Августович добился разрешения взять ее до судебного разбирательства на поруки и перевезти под свою ответственность в Ярославль.

Здесь за это время многое изменилось. Отправилась в Вологду в

ссылку сестра Мария. Михаил Кедров с Ольгой, временно выпущенной из Таганской тюрьмы, скрылись, тайно перебравшись в Одессу. Многие товарищи были в тюрьмах. Нераспознанным для охраны оставался пока Николай. Под своей фамилией он выступал только как руководитель хора. В организации он был «Гулак». Такой кличкой товарищи наградили его за хороший голос и свойственную ему постоянную поэтическую приподнятость — в честь известного певца и композитора С. С. Гулака-Артемовского. На задания же он ходил под другими кличками, меняя одежду, перевоплощаясь в образ, диктуемый ситуацией. Таким образом, он везде появлялся разным, и это некоторое время путало шпиков. Он, конечно, понимал, что долго водить полицию за нос не удастся. Опасных заданий у него было не меньше, чем у других.

Время, пока отсутствовала Нина, было временем не только потерь, но и приобретений. В Ярославль вновь приехал Александр Митрофанович Стопани, который около пяти лет назад возглавлял здесь революционную борьбу, заботливо растил молодую смену. Его школу — социал-демократические кружки — прошли Михаил Кедров, Ольга и Нина Дидрикуль и многие другие. А. М. Стопани приехал в Ярославль по рекомендации В. И. Ленина и Центрального Комитета партии для руководства революционной работой и организации выполнения решений II съезда РСДРП, делегатом которого он был. Съезд, как известно, состоялся летом 1903 года за границей. Благодаря гигантским усилиям В. И. Ленина и его единомышленников завершился процесс объединения революционных марксистских организаций, была образована пролетарская партия нового типа, партия большевиков. «Большевизм, — писал впоследствии В. И. Ленин, — существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года».

С приездом А. М. Стопани работа ярославских большевиков как бы получила ускорительный импульс. Ведь Александр Митрофанович приехал со съезда заряженным ленинскими идеями и ленинской энергией. Он привез с собой не только съездовские документы, но и множество необычайно ярких личных впечатлений. Александр Митрофанович подробно рассказывал активу ярославской организации о сути идейных сражений, которые более трех недель шли в Брюсселе и Лондоне, где проходил съезд, обсуждал с ним документы съезда. Все это сразу же активисты несли в партийные группы, революционные кружки и далее — в рабочие массы, студенческую и ученическую среду. Установки съезда воплощались в практику, шел динамичный процесс перестройки революционно-партийной работы. Вдохновенным участником ее был

Николай Подвойский.

Он познакомился наконец с легендарным А. М. Стопани, о котором столько слышал от своих друзей. На лице Александра Митрофановича показалась белозубая улыбка, когда во время одной из встреч к нему подошел несколько оробевший Николай. Но у обаятельного Александра Митрофановича, несмотря на его опыт и авторитет, не было и тени превосходства перед молодыми товарищами. Заросший черной бородой, живой как ртуть, он и в свои тридцать четыре года не потерял юношеской непосредственности. Стопани крепко пожал руку Николаю, как старого знакомого дружески толкнул в плечо и отступил на шаг, любуясь им.

— Вот ты какой, Гулак! Богатырь. Я так и думал, что ты такой! Наслышан я о тебе, хоть и сидел в Перми да Пскове. Есть нам о чем потолковать! О работе с молодежью съезд специальный документ принял. Но понимаешь... — Александр Митрофанович мгновенно преобразился, став серьезным, и, придвинувшись вплотную к Николаю, доверительно сказал: — Одними студентами революцию не сделаешь... К рабочим идти надо! Рабочих надо поднимать! Это главная линия съезда. Помощники у тебя есть, я знаю. Передавай кружки, переключайся на рабочих!

Так Ярославский комитет поручил Николаю постоянную пропагандистскую работу среди железнодорожников. У рабочих Главных железнодорожных мастерских Северных железных дорог на станции Ярославль появился новый пропагандист, по кличке «Мироныч».

К своему первому занятию с железнодорожниками Николай готовился очень тщательно. Ему предстояло ознакомить кружковцев с материалами II съезда РСДРП, с Программой партии, принятой на съезде, — документом сложным, требующим от пропагандиста серьезной подготовки. Почти всю ночь просидел Николай. Лишь на рассвете он сжег черновики — никаких записок с собой брать было нельзя. Он знал цену первому занятию. От него во многом будет зависеть его авторитет как пропагандиста, заинтересованность кружковцев и то, поверят ли ему, пойдут ли за ним, когда будет надо, — ведь партийный пропагандист должен стать и одним из главных вожakov рабочих предприятия.

...Занятие проходило на квартире одного из рабочих. Слабая керосиновая лампа-трехлинейка еле освещала лица кружковцев. Николай волновался как никогда. Свой разговор со слушателями он начал так, как советовал ему А. М. Стопани.

— С рабочими надо не так, как со студентами, — инструктировал его Александр Митрофанович. — Студенты зажигаются от самой теории. С

рабочими надо начинать с жизни. С их жизни, а не в Одессе где-нибудь! Понял? А к жизни подводи теорию. Объясняй ее, эту проклятую жизнь! Понял? Теорией объясняй. Значит, их жизнь надо знать не хуже теории. Кого и за что оштрафовали! Кому и сколько недоплатили! Почему в лавке хлеб! Можно ли на жалованье прокормить семью! Понял?

Николай понял. И занятие прошло так, как он задумал. Он запомнил его навсегда, наверное, потому, что оно было первым.

В начале 1904 года партийный комитет поручил Николаю вести пропаганду и агитацию еще и на Большой Ярославской мануфактуре среди ткачей. В комитете к этому времени сложился дружный коллектив пропагандистов, среди которых была группа молодых — Николай Подвойский, Степан Данилов, Нина Дидрикуль, Николай Зезюлинский, Ольга и Михаил Кедровы. Старый большевик О. Розанова писала: «Огромным успехом пользуются среди рабочей массы тт. Подвойский и Ярославский... Н. Подвойский и Е. Ярославский и многие другие производили, если можно так выразиться, великий посев революционного марксизма... который потом не могла убить жестокая, суровая пора реакции». Николай Ильич Подвойский позже утверждал, что именно в 1903–1904 годах он учился быть пролетарским пропагандистом.

Вскоре по рекомендации Ярославской партийной организации Северный комитет РСДРП^[1] поручил Подвойскому ответственную и опасную роль связного между Ярославской, Владимирской, Вологодской, Костромской и Иваново-Вознесенской партийными организациями. Через связных в то время доставлялись в партийные организации директивы ЦК, письма и статьи В. И. Ленина, шли распоряжения Северного комитета РСДРП, распространялись особо ценные нелегальные издания, организовывалась переброска партийных работников, осуществлялся взаимный обмен информацией. Связные держали в памяти десятки имен, адресов, паролей. Поэтому ими назначались особо надежные люди, стойкие в своих революционных убеждениях, находчивые в опасных ситуациях, крепкие физически.

Будучи связным, Подвойский познакомился со многими видными деятелями партии, прошел, можно сказать, «высшую школу» искусства конспирации. Учителями его были опытные подпольщики, в том числе один из блестящих конспираторов, впоследствии заместитель, а потом и преемник Ф. Э. Дзержинского в ВЧК — Вячеслав Рудольфович Менжинский.

Выполняя работу связного, Николай Подвойский в полной мере

проявил свои незаурядные способности. Он умел с одного взгляда на перрон или на площадь безошибочно оценивать ситуацию, по неуловимым признакам распознавать филеров, владел методами ухода от слежки.

Разнообразные знания, широкий кругозор, контактность в сочетании с природными артистическими задатками позволяли Николаю легко перевоплощаться в опасных поездках и выступать в разных ролях — музыканта, чиновника, учителя. Это зависело от пассажиров в вагоне или каюте, состав которых он также научился определять с первого взгляда и первых фраз. Он мог вести, например, заинтересованный разговор о музыке. Авторитетным свидетельством его принадлежности к миру музыкантов была скрипка в потертом футляре. При этом соседи, конечно, и предположить не могли, что под бархатной подкладкой футляра находятся отпечатанные на топкой бумаге директивы, донесения и другая «нелегальщина». С чиновниками он мог со знанием дела судить, к примеру, о римском праве, пересыпал при этом свои рассуждения высказываниями древних. Тут ему помогали занятия в лицее и знание латыни. Он мог вести с ними разговор и об экономике, хозяйственной жизни центральных губерний России. Почти еженощная работа со статистическими карточками земства давала для этого богатый материал. Лиц духовного звания он покорял степенностью и поразительным для светского человека знанием церковных обрядов и Священного писания. Случалось ему наткнуться в вагоне и на человека в котелке, бессмысленно рассматривающего по нескольку раз одну и ту же страницу газеты. Бывало так, что «котелок» минут через двадцать, зевнув, уходил проветриться и исчезал. («Значит, не заинтересовался», — думал Николай.) Но иногда приходилось выходить из вагона вместе. Тут уж надо было как можно скорее отрываться от слежки. Обычно Николай садился на извозчика, проезжал два-три квартала, внезапно выходил из пролетки и шел пешком. Как правило, «котелок» терял его в результате этого маневра. Правда, подчас случались ситуации посложнее и на отрыв от филера требовалось несколько часов.

Так, на практической работе, Николай Подвойский, Нина Дидрикиль, Михаил Кедров и другие молодые революционеры росли, мужали, закалялись, готовились к главному — к открытой схватке с самодержавием и буржуазией, в неизбежности которой они не сомневались. Ее приближение особенно явственно стало ощущаться во второй половине 1904 года, когда под влиянием начавшейся бесславной для России русско-японской войны резко возросло недовольство народа и усилилось революционное движение масс. Во главе его стояли большевики. «В Ярославской организации, — писал Н. И. Подвойский, — большевистское

течение было крепко, и руководство организацией во всех главных вопросах принадлежало большевикам». Но и охранка не дремала. Аресты следовали один за другим. Однако это не приводило к прекращению революционной работы — О. А. Варенцова, А. М. Стопани, В. Р. Менжинский и другие руководители ярославского подполья заботливо растили смену. Осенью 1904 года Николай Подвойский и Нина Дидрикиль были введены в руководящее ядро — в состав Ярославского комитета РСДРП. Они уже вполне созрели как революционеры, стали опытными пролетарскими пропагандистами, и теперь старшие товарищи поручили им самое сложное — организаторскую работу. Это, пожалуй, был «выпускной класс» школы пролетарской борьбы.

Забот у Николая Подвойского, теперь уже как члена комитета, прибавилось. Организаторская работа потребовала от него новых знаний, навыков, новых качеств. Он очень скоро убедился, что это действительно более высокая и более трудная ступень в деятельности подпольщика. Многому приходилось учиться, притом не по учебникам, а на практике и у более опытных товарищей, таких, например, как Вячеслав Рудольфович Менжинский, Николай Николаевич Плаксин, и других.

Николай прямо дивился энергии, смелости и изобретательности В. Р. Менжинского — внешне спокойного и даже медлительного человека. Приехав в Ярославль, он устроился работать в местную либеральную газету «Северный край». Прошло несколько месяцев, и газета изменила свое лицо, ее материалы стали раздражать местных фабрикантов, охранку. Более того, скоро почти весь технический аппарат редакции и экспедиции находился, по сути, в руках большевиков. Комитет РСДРП имел своих людей и в редколлегии. Сама редакция стала практически штаб-квартирой комитета — там назначались явки, проводились нелегальные встречи. В редакции была создана боевая дружина. С помощью рабочих типографии Фалька, где печатался «Северный край», В. Р. Менжинскому удалось буквально в центре города создать нелегальную типографию.

Активные, мыслящие люди, способные на неожиданные поступки, а именно таким был Вячеслав Рудольфович, вызывали восхищение Николая Подвойского. Он и сам тяготел к импровизации, к поиску новых форм работы, соответствующих меняющейся обстановке, к нешаблонным действиям с «сюрпризами». Эта особенность его подхода к решению возникавших задач впоследствии приносила ему не только радость побед, но и огорчения. Сколько раз ему приходилось потом слышать о «чудачествах Подвойского», о том, что «Подвойский опять что-то придумал!». Говорили это, как правило, люди, которые любому поиску

предпочитали накатанные дороги или, по меньшей мере, хорошо протоптанные тропинки.

...А тогда, осенью 1904 года, Ярославский комитет РСДРП в связи с ростом недовольства масс, вызванного началом русско-японской войны, искал новые возможности для активизации революционных настроений, усиления воздействия на сознание рабочих и учащейся молодежи. Комитет использовал для этого любой повод, ценил творчество и инициативу каждого большевика. Главным полем деятельности Николая Подвойского, возглавлявшего студенческий комитет, оставалась молодежь. Работа эта была далеко не простой. Ведь среди студентов было много сынков промышленников, купцов.

...15–16 октября московские студенты провели митинги и демонстрации протеста по поводу отправки своих товарищей на Маньчжурский фронт. Полиция зверски расправилась со студентами. 19 октября Николай собрал студком и предложил выступить в защиту московских студентов. Тут же была написана и утверждена прокламация «Бойня в Москве». Николай организовал ее размножение и распространение в лицее и гимназиях. Через три дня был принят открытый письменный протест. Студком назначил на 26 октября сходку студентов.

Николай и его товарищи повели агитацию среди лицеистов. Против сходки сразу же выступили «патриоты» — выходцы из зажиточных семей. Часть лицеистов заколебалась, испугавшись возможных репрессий. Сходка была сорвана.

Николай в те дни не знал покоя. Он был возмущен: так много оказалось радикалов на словах и так мало тех, кто готов был сделать решительный шаг от слов к делу. Всю ночь после сорвавшейся сходки Подвойский просидел за столом, исписывая и перечеркивая и вновь исписывая один листок бумаги за другим. К утру он с удовлетворением прочитал написанное, переписал его набело, аккуратно сложил листок и спрятал в карман.

Вечером Николай собрал, в который раз за неделю, студенческий комитет. Студкомовцы были расстроены из-за несостоявшейся сходки. Это было поражение. И они недоумевали, почему это у председателя глаза блестят как после победы.

— Что носы повесили? — энергично обратился Николай к понурым студкомовцам. — Хто бува на кони, бува и пид конэм! Еще не все кончено. Богатеев мы, конечно, не пройдем. «Вид богача нэ жды калача», — говорят на Украине. А вот с теми, кто ни нашим, ни вашим, мы, видно, слабо

поработали. Тут-то мы еще и повоюем! Я думаю, что нам надо выпустить еще одну прокламацию. Так ее и назовем: «По поводу сходки 26 октября». Проект есть...

Студкомовцы оживились. Они доработали и утвердили текст прокламации.

— Надо сделать так, чтобы каждый лицеист прочитал ее и посмотрел на себя, на свое поведение, — Николай особо нажал на слово «каждый».

Прокламация была размножена и распространена. Такого резкого документа студкомом еще не выпускал. В прокламации писалось: «Итак, демидовцы остались глухи к опричнической расправе холопов самодержавия над московскими... товарищами и не захотели сказать своего протестующего слова в ответ на кровожадные крики царского самодержавия «бей их»... Печальное, позорное молчание!.. Мерзкая невозмутимость стоячего мертвого болота!» Слова, как плети, хлестали каждого читавшего. Резонанс от прокламации был таков, что она по воздействию на лицеистов имела, может быть, не меньшее значение, чем задуманная студкомом сходка. Так Николаю удалось превратить поражение в победу.

В ноябре 1904 года стало известно, что ярославский юридический лицей и другие учебные заведения города соблаговолит посетить сам министр просвещения генерал Глазов. Губернские и городские власти засуетились. Николай тоже собрал студенческий комитет. Он был необычно серьезен и сосредоточен.

— Генерал Глазов — самый яркий монархист и мракобес, душитель просвещения и всякой свободной мысли, — сказал он студкомовцам. — Мы получаем редкую возможность напрямую выразить свой протест правительству против его политики в области просвещения. Мы должны использовать эту возможность, потому что другой может не быть. Ясно, что наш протест на политику не повлияет. Но мы хорошенько встряхнем студентов, да и город. А нашему болоту покажем, что не так страшен черт, как его малюют. Как это сделать, нам надо посоветоваться.

Студкомовцы понимали, что предстоит самое серьезное дело из всех, которые им довелось делать. Было решено: организовать Глазову бойкот; выпустить прокламацию, в которой разоблачить политику удушения царским правительством народного образования и просвещения; генералу Глазову отправить письмо, в котором охарактеризовать его деятельность на посту министра просвещения; при составлении письма, а тем более прокламации не дипломатничать, в выражениях не стесняться; призвать студентов, когда Глазов приедет в лицей, не являться на его встречу и на

занятия не ходить; постараться организовать акции протеста в других учебных заведениях.

Несколько дней ушло на написание прокламации и письма. Соответствующих знаний и умения студкомовцам явно не хватало. И Николай обратился за помощью к секретарю редакции газеты «Северный край» В. Р. Менжинскому и корреспонденту газеты большевику Л. Федорченко. Наконец все было готово. Студкомовцы и кружковцы распространили прокламацию, начали агитацию среди лицеистов и гимназистов старших классов. На ноги были поставлены все гимназические социал-демократические кружки. По почте генералу Глазову было послано письмо. «С солдатским простодушием и капральской прямолинейностью, — говорилось в нем, — вы объявили себя подчиненным министерству внутренних дел... вы изгоняли честных профессоров, ставили во главе высших учебных заведений жандармов, вы создали целый ряд проектов, имевших в виду задушить высшее образование, фальсифицировать среднее и отравить народное... Знайте же вы, все «жадную толпою стоящие у трона», что вам не удастся заглушить требований жизни; ваша оргия самовластия и произвола подготовила вам катастрофу, и близок день, когда ваше разбойничье властвование рухнет и история... поставит вам позорный памятник».

Прокламация и письмо, считал Николай Подвойский, дело, безусловно, большое, но не главное. Самое важное и трудное — бойкот. Удастся ли его осуществить? Студком провел студенческую сходку с представителями гимназических кружков. Сходка постановила: с приездом Глазова лица не посещать совсем. Решение было поддержано и гимназистами, хотя в гимназиях это осуществить практически было невозможно, разве только в некоторых старших классах.

О намерениях учащейся молодежи стало известно городским властям, и они предприняли контрмеры. Во избежание крупных неприятностей было отменено посещение Глазовым юридического лицея. А когда во время торжественных встреч в гимназиях старшеклассники отказались приветствовать генерала, сконфуженные городские власти постарались лишить инцидент политической окраски, да и вообще замять его.

Николай Подвойский и его друзья торжествовали победу. Однако именно в эти дни охранка окончательно «расшифровала» Николая Подвойского, раскрыла, кто действует под кличками «Гулак» и «Мироньч». На Подвойского было заведено дело. Агенты получили его приметы и краткую характеристику его деятельности. Николай этого, конечно, не знал. А если бы и знал, то это вряд ли остановило его, ибо революционные

события нарастали, захватывая все новые слои населения, подымая от спячки самые инертные, глубинные слои, ставя все более сложные задачи перед большевиками.

9 января 1905 года в Петербурге 140 тысяч рабочих, их жен и детей пришли к Зимнему дворцу, чтобы подать царю петицию с просьбой облегчить положение народа. Но на пути их встала серая стена солдат, оцетинившаяся штыками. Более четырех с половиной тысяч человек было убито и ранено. «Кровавое воскресенье» всколыхнуло Россию. Началась первая русская революция.

Ярославские большевики выпустили листовку, которая заканчивалась лозунгом: «Долой царя-убийцу!» Они развернули бурную деятельность — проводили собрания, митинги, открыто агитируя за стачку и революцию. С повышенной нагрузкой работала подпольная типография. Листовки распространялись всюду — на предприятиях, вокзале, на улицах, митингах и собраниях. Н. Подвойский провел несколько митингов у железнодорожников, на Большой Ярославской мануфактуре. В эти горячие и напряженные дни он воочию увидел твердость и решительность рабочих, их коллективизм и сплоченность, смелость и мужество перед лицом власти имущих. Николай увидел и результаты своего труда — по его призыву рабочие бросали свои станки, верстаки, красильные чаны и шли на митинги. Они были готовы и на стачку.

Партийный комитет поручил Николаю во что бы то ни стало поднять на открытое выступление студентов. Вместе с Н. Зезюлинским, С. Даниловым, Н. Дидрикиль и другими молодыми большевиками он развернул агитацию в студенческих кружках за то, чтобы объявить в лице забастовку. Студком заседал ежедневно. От агитации в группах перешли к студенческим сходкам. Забастовка лицеистов началась 16 января и продолжалась до самой осени.

Напряженная работа большевиков еще более усилилась с приездом в Ярославль представителя Северного комитета РСДРП Якова Свердлова. В свои двадцать лет Свердлов уже проявил себя как выдающийся организатор и имел богатый опыт революционной борьбы. Он трижды сидел в тюрьмах, да и теперь был в «бегах». Охранка шла за ним по пятам. Поэтому сразу же, в день приезда, он включился в революционную борьбу. Обстоятельства заставили его действовать с максимальной энергией. Яков Свердлов быстро заметил и оценил Николая Подвойского, его готовность взяться за самое трудное дело. Они не только познакомились, но и сблизилась в совместной практической деятельности.

В марте 1905 года в Ярославле, не выдержав преследований, покончил жизнь самоубийством гимназист Н. Панов. Он был членом гимназического социал-демократического кружка, связанного со студенческим комитетом лицея. Именно за это его ненавидели и травили учителя и гимназисты из «уважаемых» семей. Николай предложил комитету РСДРП откликнуться на это событие и превратить похороны Панова в политическую демонстрацию, провести митинг, на котором разоблачить самодержавный строй и призвать молодежь к организованной борьбе, к решению острых жизненных проблем. Его сразу же поддержал Свердлов. Он лишь усомнился, удастся ли за оставшиеся до похорон сутки с небольшим организовать демонстрацию.

— Успеем! — заверил Николай. — У студенческого комитета актив широкий.

— Предложение дельное, — сказал Менжинский. — Я думаю, что партийная организация должна вместе с молодежью и готовить демонстрацию, и участвовать в ней.

21 марта за гробом с телом Н. Панова через весь город шла огромная колонна в две тысячи человек — студенты, гимназисты, рабочие, интеллигенты. Над колонной на ветру трепетали красные флаги. Возглавляли колонну Яков Свердлов, Вячеслав Менжинский, Николай Подвойский, Нина Дидрикуль, студент Чистосердов. Они несли большую траурную ленту с крупной надписью: «Жертва самодержавия». Скорбные звуки похоронного марша сменялись рабочими песнями «Вечная память», «Смело, товарищи, в ногу» и другими, которые при поддержке демонстрантов исполнял участвовавший в процессии лицейский «Хор малороссийских студентов». На кладбище у могилы Н. Панова был проведен митинг. На нем прозвучали резкие речи, обличавшие самодержавие. После митинга состоялась демонстрация — участники похорон вновь прошли по городу с красными флагами.

Полиция, не решившись разогнать митинг и демонстрацию, бдительно следила за их организаторами. В итоговом докладе ее агентов указывалось, что в митинге и демонстрации участвовали «известные по наружному наблюдению доктор Плаксин, Свердлов Я. М. («Бегун»), Менжинский Вячеслав («Контрольный»), Зезюлинский, Подвойский Н. И., Дидрикуль Нина и Мария...». Всего было указано более сорока фамилий.

Вскоре после демонстрации, связанной с похоронами гимназиста Н. Панова, Николай включился в подготовку к Первомаю. Ярославский

комитет РСДРП начал ее загодя, за целый месяц. Подвойский и другие члены комитета наладили выпуск большим тиражом листовок и организовали со своим активом их распространение, были определены места маевки. Е. Ярославский и Н. Подвойский по поручению комитета взялись за решение новой и сложной задачи — организацию охраны митингов и собраний. На крупных предприятиях большевики создали и вооружили небольшие боевые дружины из молодых рабочих. Члены комитета несколько раньше с помощью офицера Грязевецкого полка В. И. Суетова и нескольких большевиков из расквартированного в городе Фанагорийского полка обучились владению револьвером, винтовкой, изучили элементарную тактику боя. Теперь Е. Ярославский и Н. Подвойский организовали обучение стрельбе дружинников. Устройство оружия познавали на глубоко законспирированных квартирах, стрелять ездили далеко за город, в лесную глушь.

1 мая (18 апреля по ст. ст.) Ярославский комитет провел в городе и за городом четыре маевки и две демонстрации. Самая крупная маевка была в лесу около села Иванково, в шести-семи верстах от Ярославля. Николай Подвойский привел на маевку большую группу рабочих-железнодорожников. После смрадного дыма и копоты городских окраин их встретил пьянящий запах молодой травы. Могучее весеннее пробуждение, оживление природы действовало на людей, создавало приподнятое, праздничное настроение, ощущение собственной силы. На зеленой поляне, окруженной березовой чащей, собрались сотни людей. Приближалось время начала митинга. У опушки, на покрытом зеленой травой пригорке, Николай увидел высокую стройную фигуру Нины. Он подошел к ней и, внезапно застеснявшись, поздоровался.

— Здравствуй, Коля, — ответила Нина и посмотрела на него, как всегда, спокойно, ласково, со смешинкой и в то же время ободряюще. — Будем начинать?

Она вдруг деловито, не стесняясь, вынула из-за пазухи свернутый кусок красной материи, тряхнула им, и полотнище словно вспыхнуло на солнце ярким светом. Кто-то подал ей березовую палку и помог привязать полотно. Нина подняла над головой красное знамя. Начался митинг. А она так и держала знамя весь митинг, как бы осеняя каждого выступавшего. Николай, стоя поодаль, невольно любовался Ниной. Три десятилетия спустя он писал, что Нина на возвышении с красным знаменем на фоне яркой зелени весенних берез стала для него на всю жизнь символом, зримым образом революции.

После маевки Николай поспешил в лицей. В этот же день должна была

состояться задуманная заранее маевка на Волге, как когда-то в Чернигове на Десне. Только петь предстояло не семинарскому, а лицейскому хору. Новое состояло и в том, что на берегу лицейстов должны были поддержать возвращавшиеся из леса участники второй загородной маевки. Планировалось, что песни зазвучат и с лодок и с берега.

События развивались по намеченному плану. Сначала лицейский хор пел самостоятельно, огибая город по руслу Волги. Полиция стянулась к набережной. Это позволило демонстрантам, возвращавшимся из леса, беспрепятственно пройти с красными знаменами по улицам города. В условленном месте демонстранты и флотилия сблизилась. Мощно зазвучали «Марсельеза», «Варшавянка», «Красное знамя», «Дружно, товарищи!», «Смело, друзья!..». Но всю задуманную программу спеть не удалось. Николай увидел, что на берегу началась свалка, потом захлопали выстрелы. Член комитета Н. Н. Плаксин с берега подал условный сигнал, чтобы флотилия уходила вниз по течению. Лицейсты налегли на весла. Рабочие и студенты на берегу отвлекали на себя силы полиции, давая возможность флотилии уйти, а хористам скрыться.

Только вечером на нелегальной квартире Николай узнал от Менжинского и Свердлова, что расшвырявшая полиция сначала выпустила провокаторов, а затем бросила на демонстрантов банду черносотенцев. В потасовке черносотенцы и полицейские, а потом и рабочие дружинники пустили в ход оружие. Есть не только раненые, но и убитые. Я. М. Свердлов отметил, что рабочие получили урок открытой борьбы с властями.

В конце беседы В. Р. Менжинский, внимательно посмотрев на Николая, сказал:

— Получено распоряжение Северного комитета направить двух опытных работников в помощь иваново-вознесенской организации. Там готовят всеобщую забастовку. Им нужна помощь людьми, литературой, деньгами. — Вячеслав Рудольфович задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Поезжайте... С вами поедет Алексей Гастев. Он хоть молодой и у нас недавно, но опытный — к нам послан из-за границы по решению ЦК... На связи с вами будет Нина Дидрикиль с помощниками. Они будут вам доставлять листовки, литературу, деньги... Там все вопросы решайте с «Отцом».

— Афанасьев, — кивнул Николай. — Познакомился, когда был связным.

Вячеслав Рудольфович дал Подвойскому явки и пароли.

— Сейчас домой лучше не ходить, — пробасил Свердлов. — Там

скорее всего уже поджидают. Оставайтесь здесь, а на рассвете надо как-то выехать.

— Мне только до железнодорожников добраться, они помогут.

— Кстати, — сказал Менжинский, — пока полиция будет разбираться с маевкой, вам лучше не появляться в Ярославле.

...Рано утром в железнодорожной фуражке и потрепанном брезентовом плаще Николай на ходу вскочил на тормозную площадку товарного поезда и под видом поездного мастера выехал из Ярославля. Ему удалось без особых приключений добраться до Иваново-Вознесенска. В этом «русском Манчестере» — деревне, внезапно разросшейся в город, — Николай бывал в качестве связного. Он хорошо запомнил и главную улицу — два ряда закопченных домов от вокзала до центра, где расположились три десятка разностильных особняков, и мрачные фабрики с зарешеченными окнами, и отравленную разноцветную воду, несущую по желобам к реке спутанные моточки пряжи и лоскуты материи, и многочисленные лавчонки, и питейные заведения. Он без труда нашел явки, встретился с Ф. А. Афанасьевым («Отцом») и другими руководителями иваново-вознесенской партийной организации, с А. К. Гастевым, а также с А. С. Самохваловым, приехавшим на помощь иваново-вознесенцам из Владимира. Там он познакомился и с посланцем Московского комитета «Трифонычем» — двадцатилетним Михаилом Васильевичем Фрунзе, о котором ему уже приходилось много слышать.

Иваново-Вознесенская партийная организация насчитывала более 400 человек и была целиком большевистской. Ее руководители Ф. А. Афанасьев, Ф. Н. Самойлов, Е. А. Дунаев и другие мужественно и умело готовили ткачей к решающим классовым схваткам — вооруженному восстанию, которое III съезд РСДРП признал единственным средством свержения самодержавия. Важную роль в начале и ходе восстания должны были сыграть массовые политические стачки. Ивановские большевики и готовили тогда всеобщую политическую забастовку.

Николаю были поручены агитация в рабочих казармах, на митингах и демонстрациях, а также распространение листовок и прокламаций, которые тайно доставлялись ему из Ярославля.

Подвойский вскоре потерял счет своим выступлениям. Он выступал ежедневно. И к ночи где-нибудь на очередной конспиративной квартире буквально валился с ног от усталости. Николай не подделывался под знатока жизни иваново-вознесенских рабочих, хотя и успел увидеть ее собственными глазами. Он рассказывал о жизни и борьбе ярославских

ткачей, табачников, химиков, железнодорожников, о выступлениях рабочих Перми, Пскова, Костромы, Вологды, Владимира, где ему довелось побывать в качестве связного. Он убедительно показывал и доказывал, что дело не в особой жестокости и жадности иваново-вознесенских текстильных фабрикантов, а в бесчеловечности строя в целом. В деревне, говорил оп, нет фабрикантов, а жизнь там не легче, там дети пухнут от голода. Поэтому, делал вывод Николай, надо бороться с этим бесчеловечным строем. А бороться с ним можно только одним способом — революцией. Оп умело сочетал агитацию за предстоящую забастовку с пропагандой идеи революции.

12 мая, как и планировалось, забастовку начали рабочие фабрики Бакулина. Здесь была наиболее сильная партийная организация, которой руководили Е. А. Дунаев и М. П. Сарментова. Вслед за тем забастовали еще 44 предприятия. Власти вызвали войска. К 15 мая рабочие избрали уполномоченных для защиты своих интересов перед фабрикантами. Организаторами выборов были большевики Ф. А. Афанасьев, О. А. Варенцова, Е. А. Дунаев, Ф. Н. Самойлов, А. С. Бубнов, Н. И. Подвойский, М. В. Фрунзе. Вечером того же дня в здании мещанской управы уполномоченные депутаты избрали первым председателем первого в России общегородского Совета гравера Авенира Ноздрина, а секретарем — электрика Ивана Добровольского. Орган революционной власти в России — Совет — родился.

Забастовка продолжалась 72 дня. Весь май Николай Подвойский провел в Иваново-Вознесенске. Он выступал и как агитатор, и как организатор, и как пропагандист. Когда Совет создал «университет социалистических наук», или, как чаще тогда говорили, «университет на Талке», Николай Подвойский, Михаил Фрунзе, Андрей Бубнов стали в нем наиболее популярными лекторами.

Такого напряжения, как в Иваново-Вознесенске, ему до сих пор не приходилось переживать. Николай поддерживал постоянную связь с ярославской группой РСДРП. Ярославцы присылали листовки, воззвания, нелегальную литературу. Часто привозила этот опасный груз Н. Дидрикуль. С замиранием сердца в условленном месте ожидал Николай, когда появится Нина. Вот и она — с тяжелым чемоданом или двумя. Подойдет, тряхнет белокурой головой, синим пламенем обожгут Николая глаза-васильки. Скажет громко:

— Здравствуй, — и только на ухо тихо добавит: — Коля!

Потому что здесь он не Коля, а «Гулак». И у Николая, только что бесстрашно выступавшего на митинге на виду у казаков, вдруг отнимется

язык и замрет сердце...

Стачка ивановских рабочих гулким эхом отозвалась по всей России. В Ярославле первыми поднялись на забастовку рабочие-железнодорожники и ткачи Большой Ярославской мануфактуры, где как раз Николай вел пропагандистскую и организаторскую работу. В июне его срочно отозвали в Ярославль. Из Иваново-Вознесенска он приехал другим. Если ярославские рабочие, по признанию Н. И. Подвойского, сделали его революционером, то в Иваново-Вознесенске он почувствовал, что сможет стать профессиональным революционером. В те майские дни он почти физически ощутил себя частицей мощного движения, всепобеждающей силы, на всю жизнь зарядился верой в дело рабочего класса.

По приезде в Ярославль Николай с головой ушел в революционную работу. Теперь он владел опытом иваново-вознесенцев и щедро делился им в партийной организации, на митингах и тайных сходках. «Он весь горел пламенем революционной борьбы, — вспоминал ярославский большевик Н. С. Зезюлинский, — рвался всегда в наиболее опасные места».

В августе ярославское студенчество делегировало Николая Подвойского на Всероссийский съезд представителей студенческих организаций, созванный в Выборге по инициативе партии большевиков. В ожесточенной борьбе с меньшевиками, эсерами, кадетами делегаты-большевики добились принятия резолюции, требующей создания студенческих отрядов с тем, чтобы в нужный момент они могли примкнуть «к общей политической забастовке и к вооруженному восстанию».

Вернувшись, Николай довел до студенческой и учащейся молодежи решения съезда, и 11 сентября на полу-тысячном митинге была принята по его предложению резолюция в их поддержку. Один из участников митинга писал в частном письме: «Правительство ругали без стеснения, а Гулак, т. е. известный всем нам Николай Ильич, разразился речью против государя императора». Письмо это было перехвачено охранкой, которая не выпускала Подвойского из поля зрения, подыскивая весомый повод для ареста.

В октябре 1905 года в России началась Всеобщая политическая стачка. Ярославль не остался в стороне. 11 октября большевики-железнодорожники повели агитацию за то, чтобы прекратить работу. Добиться этого не удалось. Ярославский комитет послал туда Николая Подвойского.

«После окончания работы у входа в мастерские, — вспоминал потом участник событий рабочий Залетов, — удалось собрать митинг. На трибуне

появился Подвойский. Его страстный призыв к борьбе привлек внимание всех рабочих. Он говорил просто, доходчиво. В это время раздался крик «Жандармы идут!». Произошло замешательство, кое-кто незаметно пытался уйти, но Подвойский продолжал свою речь...

Рабочие тесным кольцом окружили его, и жандармам пришлось убраться восвояси. Собрание продолжалось. К 7 часам вечера вся станция бастовала. На митинге у вокзала в присутствии нескольких тысяч человек вновь выступил Николай Ильич».

В дни стачки лицейский малороссийский хор выступал почти ежедневно — на собраниях, на митингах, происходивших как в лицее, так и вне его. В жандармерию одно за одним поступали донесения об этих концертах — 11, 13, 15 октября. Жандармский ротмистр Немчинов 11 октября в рапорте начальнику губернского жандармского управления писал: «По имеющимся агентурным сведениям в среду 12 октября вечером в здании Демидовского юридического лицея состоится нелегальный концерт с участием студенческого хора под управлением известного агентуре студента лицея Николая Ильича Подвойского и посторонних лиц. Концерт будет платным, причем сбор поступит в революционный фонд социал-демократической рабочей партии. Докладывая об изложенном, присовокупляю то, что ввиду ожидаемого в этот день в лицее скопления значительного количества неблагонадежных и крайне революционно настроенных, под влиянием последних московских событий, элементов, концерт, по всей вероятности, закончится политической демонстрацией, которая может быть перенесена на улицу».

Ротмистр доносил верно: концерт действительно состоялся. Было собрано для партии 400 рублей. Хор исполнил «Красное знамя», «Я нашел, нашел, кто виновник наших зол», «Смело, друзья...» и другие песни. В заключение концерта все присутствовавшие встали и вместе с хором спели «Варшавянку». Но ротмистр в своем докладе кое в чем ошибся: хором в тот вечер управлял не Подвойский, а его помощник Ф. Шешковский, ибо Николай в октябре был целиком поглощен революционной работой на фабриках. Ротмистр, правда, был недалек от истины, потому что действительным руководителем и вдохновителем хора являлся Подвойский — состав хора, его идейный настрой, репертуар формировались именно им.

...Досье на Подвойского в охранке разрасталось, пополнялось все новыми документами. 14 октября Николай без предъявления обвинения был арестован и водворен в одиночку ярославской тюрьмы, которая была известна под названием «Коровники». Для него арест в общем-то не был неожиданностью. Почти все его товарищи побывали уже за решеткой. Он

чувствовал, что и его арест, несмотря на тщательную конспирацию, назревает. Ведь Николай в Ярославле продержался на свободе 4 года и 4 месяца — это немало, если учесть то, сколько им было сделано.

...И вот впервые — камера. У него возникло такое ощущение, будто он на бегу споткнулся — так интенсивно он жил в последние месяцы. И теперь вроде бы даже удивился, получив наконец возможность собраться с мыслями, подвести какие-то итоги. Прежде всего, решил Николай, надо попытаться вспомнить, понять, где же он допустил промах, просчитать возможные обвинения, подготовиться к ответам. Но ни вспомнить, ни просчитать он так и не успел, потому что, когда захлопнулась дверь камеры и умолкли шаги надзирателя, он сел на грубый табурет, прислонился спиной и затылком к стене, прикрыл глаза и, вместо того чтобы думать... уснул.

А в это время, в тот же день, по предложению В. Р. Менжинского, Н. Н. Плаксина, Н. Зезюлипского комитет РСДРП созвал общегородской митинг рабочих, студентов, прогрессивной интеллигенции. Поводом для митинга послужил его арест. Атмосфера на митинге была накаленной. Ораторы обличали самодержавие, произвол полиции, возмущались арестом Подвойского, призывали к борьбе за его освобождение. В конце митинга с особым подъемом выступил лицейский хор, еще более подлив масла в огонь. Митинг принял категорическое требование «немедленного освобождения студента Подвойского». На следующий день такое же решение приняла студенческая сходка лицеистов, созванная Н. Зезюлинским, С. Даниловым, Ф. Шешковским и другими активистами студкома. Начальник жандармского управления получил агентурные сведения о том, что студенты обсуждали вопрос о насильственном освобождении Подвойского.

Взвесив все, власти посчитали благоразумным удовлетворить требования общественности, хотя Николай Подвойский числился в охранке в «Списке выдающихся руководителей местных преступных организаций». 16 октября Николай Подвойский неожиданно для него без допросов был освобожден.

Когда друзья рассказали ему, сколько людей выступило в его защиту, он был поражен, растроган и удивлен. Чье сердце не дрогнет при мысли о том, что его судьба волнует сотни людей, что он нужен людям? У эмоционального Николая комок подкатил к горлу. Он был счастлив. Вечером того же дня Николай Подвойский произнес на студенческой сходке, может быть, самую зажигательную речь за всю свою двадцатипятилетнюю жизнь.

17 октября царь, напуганный нарастанием революционных событий, издал манифест о «свободах». Уже в тот же день вечером и 18 октября Ярославский, Менжинский, Подвойский в своих выступлениях на митингах и собраниях разоблачали лживость манифеста, стремление самодержавия сбить революционную волну. Но буржуазия, организовав свои собрания и шествия, мобилизовав печать, на все лады расхваливала манифест, объявила его чуть ли не переходом к республике. Действительную «ценность» манифеста должна была показать жизнь, практика.

Ярославский комитет РСДРП назначил на 19 октября общегородской рабочий митинг на центральной площади города. С утра к месту сбора потянулись колонны демонстрантов. От вокзала к центру города шли рабочие-железнодорожники и студенты. «В этой толпе, — докладывал потом начальник жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов генералу Трепову, — несли... флаг красного цвета с надписью: «Да здравствует свобода!» Демонстранты пели революционные песни и кричали «ура». Вожаком этой партии был известный студент лицея Подвойский».

Колонна шла под охраной дружинников. У Технического училища на нее наскочили черносотенцы. Дружинники дали несколько выстрелов в воздух, и черносотенцы бросились врассыпную. Но на перекрестке Духовской и Романовской улиц колонне преградила дорогу контрдемонстрация из лавочников, приказчиков, уголовников. Над их головами раскачивались иконы, портреты царя, а в руках были железные трости, крючья, привязанные на ремешках гири. Тут же стояли полицейские, казаки. Среди них в коляске находился губернатор Рогович — ярый реакционер, будущий обер-прокурор Святейшего синода, друг Распутина. Рядом с ним восседал жандармский ротмистр Немчинов.

Студенты Данилов и Рихтер отделились от колонны, подошли к губернатору и потребовали пропустить колонну, сославшись на то, что свобода демонстраций только что объявлена царским манифестом. Рогович мгновенно рассвирепел:

— Я вам покажу свободу демонстраций! Убрать знамя, разойтись по домам!

Черносотенцы отбросили студентов от коляски, стали их избивать. Николай Подвойский оглянулся. Демонстранты, волнуясь, вопросительно и выжидающе смотрели на него — своего вожака. «Вот и наступил экзамен». Николай шагнул к губернатору. Схватив лошадь за уздцы, он закричал:

— Прекратите расправу!

Навстречу качнулась черная сотня.

— Бей их! — услышал Подвойский хриплый голос Роговича.

Увидев кинувшихся на него черносотенцев, Николай выпустил лошадь и, сжав кулаки, шагнул им навстречу. Он схватился с ближним, и тут же почувствовал, как сзади навалились на него, обдавая винным перегаром, лавочники, мелькнули их налитые кровью глаза. От удара по голове сверкнуло белое пламя... Подвойского сбили с ног, над ним замелькали железные трости и палки.

Николай Зезюлинский выхватил револьвер.

— Гулака спасайте! — закричал он пронзительно и бросился к месту, где безжалостно топтали ногами потерявшего сознание Подвойского. Он был уже шагах в четырех, когда увидел, как краснорожий лохматый верзила занес над Подвойским железный шкворень. «Убьет», — мелькнула мысль, он остановился и выстрелил. Верзила рухнул наземь. Черносотенцы, взревев, кинулись от Подвойского к Зезюлинскому. Но пока они преодолели четыре шага, он успел трижды выстрелить. Еще два верзила как подкошенные свалились на камни...

Дружинникам в суматохе удалось вынести из свалки почти бездыханного Подвойского. В переулке они поймали случайный экипаж, высадили из него какого-то барина и, ткнув в спину извозчика револьвером, заставили гнать в городскую больницу. К счастью, там оказался врач Н. В. Соловьев, сочувствовавший революционерам. Он знал Подвойского и без слов понял, что за люди перед ним. Быстро осмотрев Николая, Соловьев сказал:

— Пока жив... Где его так?

— Черная сотня, — зло ответил дружинник и сжал кулаки. — Сам Рогович благословил!

— Зверье... — покачал головой Соловьев. — Дышит, но состояние очень тяжелое. Без больницы не выходить...

— Нельзя его тут оставить, — мрачно сказал дружинник, — жандармы завтра все больницы обшарят... Если хотите помочь, позовем...

— Возьмите мой экипаж, он закрытый. Пошлю с вами фельдшера. Недавно приехал. Он из ваших. Кстати, его черниговский ученик.

Соловьев на минуту вышел и вернулся с одетым в белый халат молодым человеком.

— Знакомьтесь!

— Петро, — коротко отрекомендовался фельдшер.

— Скажите, чтобы запрягли мой экипаж, и поможете им, — Соловьев

кивнул в сторону лежащего Подвойского: — Учителя не узнаете?

Фельдшер посмотрел на раненого и содрогнулся. Он увидел вместо лица сплошной сине-багровый кровоподтек. Русые волосы смешались с грязью и запекшейся кровью.

— Нет... — выдавил он.

— А вы о нем так много рассказывали, — вздохнул Соловьев.

— Семинарист?! — воскликнул фельдшер...

Друзья укрыли Николая Подвойского на надежной конспиративной квартире. Ночью Соловьев тщательно обследовал Подвойского. Было от чего прийти в ужас: 17 ран на голове, повреждены правое плечо, нога, позвоночник, отбиты легкие. Часы в жилетном кармане были разбиты вдребезги.

— Сапогами в живот били, — догадался врач. — Вот палачи!

Лишь через несколько дней Николай в первый раз открыл глаза. Он был парализован, не мог передвигаться, с трудом выговаривал слова. Часто, теряя сознание, в бреду он звал Нину. Жизнь его висела на волоске. Шли дни. Соловьев приходил регулярно. Он был мрачен, потому что никаких утешительных прогнозов дать был не в состоянии.

А Нина в это время была в Костроме. Там же нашли пристанище приехавшие из Одессы Михаил Кедров с Ольгой. Нина числилась статистиком в земстве и одновременно работала в тщательно законспирированной типографии. Комитет РСДРП, кроме того, назначил ее помощником командира боевой дружины машиниста Волкова, известного под кличкой «Хромой». Известие о кровавой трагедии, разыгравшейся в Ярославле, взволновало Нину, но она ничем не выдавала это волнение. По-прежнему безупречно делала порученное ей дело, обрабатывала ночами статистические карточки. Однако товарищи, и прежде всего Ольга и Михаил Кедровы, поняли ее состояние, хотя о своих чувствах к Николаю она никогда никому не говорила. Нине дали задание, связанное с поездкой в Ярославль.

И вот она у постели Николая, искалеченного, беспомощного. Долго сидела она, глядя на дорогое ей лицо. Вдруг Николай открыл глаза и, увидев склоненную над собой белокурую головку и синие глаза, первый раз слабо улыбнулся. Нина приложила палец к губам, запретив ему говорить, взяла его ослабевшую руку в свои ладони. Молча поглаживая его руку, она ласково глядела ему в глаза. Этот немой разговор был для Николая, может быть, самым лучшим лекарством.

Нина пробыла в Ярославле недолго, надо было возвращаться. Уезжала

она с надеждой, что все обойдется, потому что дела у Николая наконец, кажется, пошли на поправку. И доктор Соловьев повеселел, считая, что кризис миновал. Он стал теперь иногда присылать вместо себя фельдшера.

Когда Николай увидел фельдшера в первый раз, он стал пристально всматриваться в него. Подвойскому показались знакомыми эти смышленные черные глаза. Но вспомнить он ничего не мог — мысли путались, постоянная пульсирующая головная боль мешала думать.

— Кто... ты? — с трудом спросил он.

Фельдшер испуганно замахал руками.

— Нельзя говорить... Лежите тихо...

Но он увидел умоляющий взгляд Николая и тогда ответил — отрывочно, как бы помогая больному усвоить сказанное:

— Чернигов... фельдшерская школа... кружок... Я — Петро Жуйборода...

Николай закрыл глаза. И в памяти смутно стало проступать минувшее. Когда он вновь открыл глаза, Петро увидел в них благодарность и понял, что Николай Ильич вспомнил его. «Вот и хорошо, — подумал Петро, — теперь будет знать, что лечит свой человек».

Нина еще несколько раз приезжала к Николаю.

Между тем полиция усиленно разыскивала убежища Подвойского, намереваясь привлечь его к суду. Ярославский и Костромской комитеты партии решили тайно вывезти его в Кострому. Возглавить операцию поручили Нине, дав ей в помощь Петра Жуйборода и еще нескольких товарищей. Задача была трудной, ведь Николай не мог самостоятельно даже сидеть. Путь же был не близкий — около 70 верст. О поезде или пароходе думать было нечего, так как они неусыпно контролировались полицией. Оставались раскисшие от ноябрьской непогоды гужевые дороги. Но три дня непрерывной тряски на телеге Николай не выдержал бы. Пришлось использовать в начале пути лесные дороги Ярославщины, потом грузовую баржу на Волге и снова телегу.

Николая укрыли на конспиративной квартире в Костроме. Нина все свое свободное время проводила у него, кормила его, меняла повязки, стирала. Иногда она не приходила по нескольку дней. Он мучительно ожидал ее, зная, что она опять на задании.

Однажды Николай услышал грохот и с трудом открыл глаза. Он увидел над собой не белокурую головку Нины, а полицейского. Его убежище в Костроме было выслежено. Николая бесцеремонно переложили с койки на носилки. Краем глаза он видел, что начался обыск. За его результаты он был спокоен — здесь ничего не найдут. Самое ценное было в его памяти.

Друзья на днях прочитали письмо В. И. Ленина. Узнав о побоище в Ярославле, Владимир Ильич прислал теплое письмо. «Товарищи, вы пролили кровь за рабочее дело, — писал В. И. Ленин. — Вы — революционеры, и ваша жизнь принадлежит рабочему классу. Гордитесь тем, что пострадали за рабочее дело. Вы исполнили свой долг, выполнили волю рабочего класса. Этим вы приняли посвящение в ряды солдат революции».

Подвойского на носилках доставили на станцию, внесли в тюремный вагон. На носилках же водворили в одиночную камеру ярославской тюрьмы. В охранном отделении к этому времени имелась «исчерпывающая» характеристика на Николая: «Принадлежал к числу членов Северного комитета РСДРП и, являясь одним из выдающихся руководителей Ярославской организации той же партии, Подвойский принимал активное участие во всех революционных выступлениях, имевших место в Ярославле в октябре 1905 года».

Врачи, осмотрев Подвойского, сказали: или умрет, или на всю жизнь останется полным инвалидом. Тем не менее тюремное начальство фактически лишило его медицинской помощи. Но Николай был молод, и болезнь понемногу начала отступать. Он попросил товарищей привезти ему литературу. Несмотря на сильные головные боли, он прочитал в камере работы: Ф. Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии», Г. В. Плеханова — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Очень поддерживала переписка с Ниной. Вот что писал он ей 14 января 1906 года:

«Хорошая моя Нина! Не нужно больше ходить и просить о переводе в земскую больницу, бесполезно. Что меня не переведут в земскую больницу — поручкой тому одиночка моя. Ты просишь меня передать от себя прошение о переводе. К чему! Чтобы отрывать начальство от дела... Не такое теперь для него время! Видит начальство, в каком я состоянии, и если с постели заперло в одиночку, значит, поступило по закону, а ты рекомендуешь мне прошением сдвинуть его с законной дороги! Нехорошо, дорогая! Ты ставишь личные интересы выше общественных.

Я бодро, голубчик, перенесу заключение, и болезнь моя, думаю, не помешает этому. Приду к тебе здоровым духом...»

Три месяца держали Николая в одиночке. Ему сообщили об исключении из лица. Оборвалась переписка с Ниной — она была арестована и приговорена к пятилетней ссылке в Тобольскую губернию. В мучительном одиночестве подводил он итоги своей двадцатипятилетней

жизни. Жаль, конечно, что перед самыми выпускными экзаменами исключили из лица. Но главный экзамен он выдержал. На память не раз приходили слова из письма В. И. Ленина: «...Вы приняли посвящение в ряды солдат революции». В этих словах — его судьба и дальнейшая жизнь.

Перед судом Н. Подвойского обследовала компетентная медицинская комиссия в составе врачей Н. В. Соловьева, П. П. Викторова и других. Она оформила официальное заключение, приложив его к судебному делу и выдав копию больному. В нем говорилось, что из-за травмы головы и позвоночника Николай Подвойский болен тяжелой болезнью и нуждается в стационарном лечении. Но, несмотря на это, суд приговорил Николая Подвойского к пятилетней ссылке в Якутию. Власти считали, что избивание до полусмерти, исключение из лица, ссылка навсегда отобьют у него охоту к «бунту». Но именно в эти дни Николай принял твердое решение стать профессиональным революционером.

Пока готовилось и шло судебное разбирательство, комитет РСДРП по предложению Михаила Кедрова развернул борьбу демократических кругов за то, чтобы Николаю Подвойскому было разрешено вместо ссылки выехать для лечения за границу. Возмущенная общественность города сравнивала ссылку при таком состоянии здоровья Подвойского с запланированным, преднамеренным убийством. Власти, уверенные в том, что Подвойский скорее всего не выживет или в лучшем случае останется беспомощным инвалидом, сочли благоразумным пойти на уступку. Они «милостиво» разрешили Подвойскому в сопровождении фельдшера или медсестры выехать на собственные средства для лечения за границу. Таких средств у Николая, естественно, быть не могло. Их выделил Ярославский комитет РСДРП.

...26 марта 1906 года. Давно осталась позади Москва. Мерно стучат колеса, покачивается вагон. Подвойский полулежит у окна. Он жадно всматривается в посеревший под солнцем снег — наступила весна, пора обновления. Скоро Смоленск. Там второе, закупленное товарищами, место в купе займет сестра милосердия Н. Суцева, которая и будет сопровождать его как тяжело больного за границу.

В Смоленске высокая медсестра в халате и белоснежной косынке с красным крестом вошла в вагон, уверенно открыла дверь купе Подвойского и взглянула на больного. Николай увидел... родные глаза-родники. Это была Нина Дидрикиль — товарищи устроили ей побег по дороге в ссылку, снабдили паспортом на имя Н. Суцевой и поручили вывезти Николая Подвойского за границу. Нина вошла в купе и захлопнула за собой дверь.

Вошла, чтобы никогда уже не уходить от Николая Подвойского, отныне ставшего для нее Николушкой — самым родным человеком, самой надежной опорой в ее жизни.

Несколько месяцев пролежал Николай в клиниках Германии. Лишь в конце 1906 года он стал самостоятельно ходить. Врачи решили, что теперь главное — хорошее питание, свежий воздух, постоянные прогулки. Нина и Николай пешком перебрались в Швейцарию и поселились около Берна. Здесь, в бернской мэрии, они зарегистрировали свой оказавшийся очень счастливым и прочным брак.

Берн поразил Николая Ильича и Нину своей благоустроенностью и безмятежным спокойствием. Они целыми днями ходили пешком. Любовались готическим собором XV века, расположенным в центре города, ратушей, крепостью, аккуратными домами с высокими крышами и расписными фасадами, фонтанами, статуями, причудливыми башенками. Подолгу стояли на высоком мосту Кирхенфельдбрюкке и смотрели с него на город, на бурлящий поток холодной реки Ары. Дивились красоте горных вершин: Глетчер, Эйгер, Юнгфрау. Поднимались на гору Гуртен. Гуляли по ухоженному, как сад, лесу Бремгартен. Тихий и зеленый Берн казался им всеми забытым земным раем. Уютные кафе — на каждом шагу. Море цветов. Чисто выметенные, отлично мощенные улицы всегда заполнены нарядной приезжей публикой. И повсюду медведь — символ города. Он напоминал им Ярославль, символом которого также был медведь.

Николай Ильич оживал не по дням, а по часам. Если первое время Нине приходилось проявлять настойчивость, приглашая его на прогулки, то теперь любознательный и жадный до всего нового непоседа, он сам не давал ей сидеть в квартире, вовлекая ее во все более дальние прогулки по окрестностям города.

Однако вскоре это своеобразное эмоциональное пиршество ему стало надоедать. Однажды он назвал их жизнь «бестолковой». А Нина после этого разговора вздохнула с облегчением и повеселела. Она поняла, что ее Николушка настолько окреп, что его потянуло на дело.

Чтобы не терять времени зря, Николай Ильич записался в Бернский университет, где стал слушать лекции на естественно-философском и экономическом факультетах. Одновременно он быстрыми темпами осваивал немецкий язык, благо учительница была рядом — Нина его знала с детства. Она тоже стала учиться на философском факультете. Большевиков-эмигрантов в Берне почти не было — они, как и В. И. Ленин, находились в России, где шла первая русская революция. Но Николай

Ильичи Нина установили связь с немногими еще оставшимися здесь большевиками, посещали их лекции, собрания и диспуты.

В каникулярное время между семестрами Николай Ильич и Нина пешком сходили в недалекую отсюда Италию. Ночевали или в самых дешевых гостиницах, или под открытым небом. Питались скудно: хлебом, молоком, сыром, овощами. Денег было мало. К тому же Николаю Ильичу приглянулись отличные карманные часы швейцарского производства. Они были с крышкой, имели пять циферблатов, показывающих секунды, минуты, часы, дни и месяцы. Супруги решили путем жесточайшей экономии накопить денег и купить эти часы в память о пребывании в Швейцарии. И они их купили. Правда, на цепочку денег не хватило. Так и будет несколько десятилетий носить их Николай Ильич на обыкновенном шнурке. Тогда ни Николай Ильич с Ниной, ни часовщик не знали того, что эти часы ждет поистине легендарная судьба. По ним будет зафиксировано время рождения нового мира. Их остановят и передадут на хранение в музей. Стрелки замрут на 2-х часах 10-минутах 26 октября — времени взятия Зимнего дворца.

...Шел 1907 год, заканчивался второй семестр учебы Николая Ильича и Нины. Спокойная обстановка, горный воздух, прогулки, нежные заботы Нины делали свое дело. Силы Николая Ильича быстро восстанавливались. Но одновременно в нем все сильнее давало о себе знать внутреннее ощущение неустойчивости, временности и случайности такой слишком уж хорошей жизни. Он все чаще стал просить Нину перед прогулкой зайти в библиотеку. Там он брал не книги, не учебники, а подшивки газет. Дело в том, что последние месяцы 1905 года и почти половину 1906 года он из-за болезни не мог следить за событиями, развертывавшимися в России. Здесь, в Берне, он узнавал преимущественно о «сиюминутных» текущих событиях. Случайно попадавшие к нему разрозненные сведения не давали ему возможности понять, что же там происходит. Николай Ильич решил сделать выборку сообщений печати сразу за два года и попытаться как-то сложить из них хронологически последовательную, целостную картину. Он терпеливо листал подшивки, выписывал неровным почерком (еще плохо подчинялась рука) интересующие его сведения. Но на прогулках о добытом материале говорил мало, больше думал. Нина понимала, почему он, живой и непоседливый, говорун, вдруг надолго замолкал. Она не мешала ему, зная, что он непременно поделится с ней своими заботами, когда посчитает нужным. Так они решили в начале своей совместной жизни — все сомнения, радости и печали делить на двоих, ничего не утаивая друг от

друга.

Действительно, во время одной из прогулок по Бремгартен он показал на уютную беседку, расположенную под густыми кронами старых деревьев:

— Давай посидим, Нинуша, поговорим обстоятельно.

— Давай, Николушка.

Николай Ильич уселся поудобнее и достал из кармана исписанный листок бумаги.

— Картина у меня, Нинуша, получилась такая, — без предисловий начал Николай Ильич, не сомневаясь в том, что обстоятельно говорить можно только о России, а не о пустяках каких-нибудь. — В январе пятого года было «кровавое воскресенье». В апреле Третий съезд партии и Ленин сориентировали на вооруженное восстание. В июне произошли восстания в Лодзи и на «Потемкине». В октябре — серия крестьянских восстаний по всей стране. Наиболее крупные были в Прибалтике, на Украине, в Закавказье, в центральных губерниях. В ноябре восстают рабочие в Риге и Либаве. В начале декабря началось, наверное, самое крупное восстание в Москве, вслед за ним или вместе — в Екатеринославе, Новороссийске, Мотовилихе, потом — в Харькове, Ростове. В январе девятьсот шестого года произошли восстания солдат и матросов в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. Дальше сообщений о восстаниях уже нет, есть только о волнениях, стачках, бойкотах. Сейчас уже середина девятьсот седьмого года. Выходит, пик прошел, события идут под гору. Правительство разогнало Думу и даже, обрати внимание, арестовало социал-демократическую фракцию. Значит, правительство почувствовало себя уверенно и переходит к репрессиям. Уж теперь-то оно покажет зубы...

— Клыки, Николушка, — вздохнув, вставила Нина.

— Да, это вернее. Поступают сообщения об арестах в Петербурге — больше сотни человек. Пишут, что среди них есть члены Петербургского Комитета.

Николай Ильич замолчал.

— ...А мы тут в тенечке прохлаждаемся! — Он встал и прошелся по беседке, в сердцах отбросив попавшийся под ногу сучок.

Нина молчала — возразить было нечего. Она окончательно поняла, что Николая тяготит швейцарское отсиживание.

— А еще вот что получается, — тем же тоном продолжал Николай Ильич. — Восстания шли целый год. Одно за другим — то тут, то там. Как в сильную грозу — сверкает сильно, но в разных местах. Все восстания давились по отдельности. Причем везде — войсками. Не только казаками,

но и пехотой, кавалерией, саперами — теми, которые были под рукой. Похожее, что теперь армия нужна не для войны с неприятелем, а больше для войны с народом. У нас, в Ярославле, сколько войск! А военных большевиков по пальцам можно сосчитать. Лишь в Фанагорийском полку нам с Емельяном Ярославским удалось партгруппу создать, да и то в самый последний момент... Так дальше нельзя.

Нина согласилась. Она еще в Костроме вместе с «Хромым» думала о том, что их дружине солдат не одолеть. Они тогда и готовились-то действовать только против черносотенцев да полиции. Думали и о том, что к полкам подступиться очень трудно.

События в России стали ежедневной темой разговоров Николая Ильича. Исчерпывающий, всесторонний анализ всего происходившего в России дал В. И. Ленин. Он был там — в самой гуще событий. Его статьи, речи стали поступать в полусонный Берн. Владимир Ильич мужественно признавал, что революция потерпела поражение, что разгон Думы, или «третьеиюньский переворот», есть начало периода реакции. Ленин призывал не терять бодрости; отступая, сохранять силы для грядущих боев, ибо причины, вызвавшие революцию, остались, и новая революция неизбежна.

В Берне появились эмигранты из России — те, которым удалось вырваться за границу. Они рассказывали о страшных репрессиях царизма, о судах, тысячами отправлявших рабочих, крестьян, солдат, матросов на расстрел, на каторгу, в тюрьмы и ссылки. Особенно беспощадно царские сатрапы расправлялись с большевиками.

Николай Ильич и Нина жадно слушали каждого нового человека, приехавшего оттуда, из России, горячо обсуждали новости. Красоты Швейцарии стали блекнуть в их глазах. Глядя во время прогулок на аккуратные улицыерна, на гуляющую беззаботную публику, они мысленно видели другое — рабочие казармы, грязные улицы, изнуренные лица ярославских и иваново-вознесенских ткачей. Письма Николая Ильича и Нины Михаилу и Ольге Кедровым в Петербург, раньше живые и подробные, стали короткими и беспокойными.

Николай Ильич все чаще стал доказывать Нине, но больше самому себе, что он вполне здоров. Она слабо возражала. И вдруг однажды во время такого разговора, как-то зябко пожившись, неожиданно сказала:

— А мое здоровье, Николушка, теперь будет все хуже...

Она заплакала. Николай Ильич испугался, прижал ее к себе и посмотрел в синие, такие дорогие глаза.

— Что с тобой, Нинуша?

Из ее глаз обильно лились слезы. Он растерянно гладил ее пушистые волосы и только повторял:

— Что с тобой, Ниноля, дорогая?

Она постепенно затихла. Потом подняла к нему мокрое от слез лицо и снизу вверх посмотрела на него каким-то обновленным, полным счастья и ласки взглядом.

Николая Ильича наконец осенило.

— Правда? Это правда? — Он стал целовать ее в мокрые глаза.

Она кивнула. Он вновь поцеловал ее, поднял на руки и закружил по комнате.

Нечасто за всю долгую совместную жизнь видел Николай Ильич слезы Нины Августовны. На этот раз Нина расплакалась потому, что окончательно простилась со своим юношеским идеалом и обрела другой. Воспитанная на литературе о народниках, рассказах и легендах о Софье Перовской, Вере Фигнер, она со всем пылом юности готовилась посвятить себя революции, а не семье. Но Николай Ильич не мыслил своей жизни, а значит, и своей семьи без детей. Он страстно убеждал Нину, что ребенок лишь на некоторое время выключит ее из революционной работы, не помешает ни ей, ни ему отдавать все силы революции. Она, конечно, сомневалась в этом, ибо женским чутьем угадывала, что материнство отнимет у нее гораздо больше сил и времени, чем это рисовалось Николушке. В то же время ей хотелось верить ему.

Этот разговор случился в дни, когда Николай Ильич чувствовал себя в Швейцарии, как на горячих углях, и она видела, что его не удержать, хотя для полного выздоровления еще нужно было время. Николай Ильич и Нина Августовна в полном согласии, без споров и размолвок, решили, что место их, рядовых партийцев, сейчас в России. Они знали, что партия большевиков, отступая, жила и боролась. Она нуждалась в работниках, способных заменить тех, на кого уже обрушились удары самодержавия. Николай Ильич послал Михаилу Кедрову, работавшему в Петербургском Комитете партии, даже не просьбу, а скорее требование добиться отзова их в Россию. Михаил Сергеевич с ответом не задержался.

В сентябре 1907 года Николай Ильич получил зашифрованный вызов Петербургского Комитета, явки и пароли. В октябре он выехал на профессиональную революционную работу в Петербург. Нина Августовна еще некоторое время оставалась в Швейцарии, ожидая, пока Николай Ильич закрепится в столице. Оставшись одна, она посвящала все свое время изучению работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, которые имелись в библиотеках, — на немецком, французском и русском языках. В

конце декабря Николай Ильич прислал ей официальный вызов. Теперь она — Нина Августовна Подвойская, а не разыскиваемая Нина Дидрикуль, — получила возможность легально приехать в Петербург.

ПРОТИВОБОРСТВО

ПОДНАДЗОРНЫЙ

Петербург встретил Н. И. Подвойского на редкость сухой и солнечной погодой. Николай Ильич без труда нашел дом № 110 на Невском проспекте, где в квартире № 2 жили Михаил и Ольга Кедровы с двумя детьми. Дверь открыл сам хозяин. Те же лукавые цыганские глаза! Только черной бороды раньше не было.

Кедровы приняли Николая Ильича как самого близкого человека. После взаимных расспросов и подробного обмена семейными новостями Михаил Сергеевич обрисовал обстановку, которая сложилась в России и в партии. Картина получилась невеселой.

Революция потерпела поражение. Борьба уставших масс ослабла. Из партии началось бегство мелкобуржуазных попутчиков. Организационные трудности усугублялись идейным разбродом. Большевики деморализованы. Они отреклись от революционных лозунгов, добиваются ликвидации нелегальных партийных организаций и нелегальной работы, за что получили кличку «ликвидаторы». Опасные шатания появились и среди нестойких большевиков. Некоторые из них выступают против использования в интересах рабочего класса легальных массовых организаций, требуют отозвать из Государственной думы депутатов-большевиков. Их стали звать «отзовистами». Как меньшевики-ликвидаторы, так и отзовисты отражают взгляды мелкобуржуазных попутчиков, вступивших в партию в период подъема революции. В этих трудных условиях В. И. Ленин повел борьбу за сохранение партии, за укрепление ее рядов, за соби́рание сил и подготовку партии к новым схваткам.

— Сейчас партия остро нуждается в собственных печатных органах, — закончил рассказ Кедров. — Особенно в своем легальном издательстве. Через него ЦК рассчитывает не только выпускать марксистскую литературу, но и восстановить разрушенные связи с местными партийными организациями.

Николай Ильич слушал Кедрова внимательно, изредка задавал уточняющие вопросы. В числе прочего Михаил Сергеевич сказал, что после смерти отца получил свою долю наследства и передал ее в партийную кассу.

— ЦК предложил мне на эти деньги организовать легальное издательство и самому стать его «владельцем», — сказал Кедров. — Я

согласился. Помогает мне Николай Семенович Ангарский. Ты должен его знать по Северному комитету. Думаю привлечь ярославца Данилова. Для издательства мы уже сняли склад. Контора здесь — за стеной. Называется оно с намеком: «Зерно». Договорились с типографией Безобразова, с «Русской скоропечатней» о печатании наших изданий.

М. С. Кедров объяснил, что главная задача сейчас — издание работ В. И. Ленина, партийной литературы. Поскольку партия на нелегальном положении, неизбежны запреты цензуры, изъятие продукции, аресты на тиражи.

— Эта возня с властями будет на мне, как издателя, — продолжал Михаил Сергеевич. — Но успех нашего дела очень во многом будет зависеть от энергичного распространителя. Пока я конфликтую с властями, он должен «без моего ведома» успевать рассылать тираж до того, как его конфискует полиция. Задача опасная.

— Я готов! — опередил предложение Кедрова Николай Ильич.

— Отлично! Я интересовался, в случае чего грозит 129-я статья Уголовного уложения. Это — лишение всех прав состояния...

— Все мое состояние на мне, — хлопнул себя по бокам Подвойский.

— И ссылка на поселение... в дальние края.

— Это похуже. Впрочем, это отсюда кажется, что там край. А оттуда — середина. На Украине говорят: «Колы козак у поли, то вин на воли». Поселение — это не тюрьма, оттуда дороги проторены.

— Много времени будет уходить на подготовку рукописей к печати, на вычитку оттисков. Значит, нужно работать быстро и в то же время аккуратно, начисто, чтобы потом не переделывать. Может, Нина согласится? А Ольга поможет, правда, у нее на руках малыши.

— Это ей как раз по характеру. Согласится! Ты же ее знаешь — где комитет скажет, там и будет работать, — уверенно ответил Николай Ильич.

— Ну что ж, к твоему сведению, Петербургский Комитет ваши кандидатуры уже одобрил.

Кедров официально оформил Подвойского конторщиком издательства. Они побывали на квартире Г. М. Кржижановского, где действовала явка Петербургского Комитета для вновь прибывавших работников и осуществлялось их распределение на партийную работу. Николая Ильича здесь ждали. Он был назначен представителем Петербургского Комитета в издательстве «Зерно» и получил задание с помощью издательства восстанавливать старые и налаживать новые связи ПК и ЦК с периферийными партийными организациями. Кроме того, ему было поручено вести организационно-пропагандистскую работу в крупнейшем в

городе Московско-Нарвском районе.

Николай Ильич был доволен тем, как складывались его дела в столице. Работать придется с Г. М. Кржижановским, М. И. Калинин, В. А. Шелгуновым — поучиться есть у кого! Его беспокоило только одно — на что жить? Скоро появится ребенок. Надо кормить семью...

Первым крупным изданием «Зерна» был «Календарь для всех на 1908 год», вышедший в свет в конце октября 1907 года. Календарей подобного типа в то время выпускалось много. Но на обложке этого был изображен рабочий-металлист у станка да крестьянин, вспахивающий клочок земли у полуразвалившейся избы. Обложка точно обозначала круг читателей. По просьбе М. С. Кедрова В. И. Ленин написал для календаря популярную статью «Международный социалистический конгресс в Штутгарте». Кроме этой работы, в календаре были помещены статьи Н. Н. Батурина, М. С. Ольминского, Н. А. Рожкова и других партийных публицистов. В них давалась краткая история революционного рабочего движения в России, освещалось экономическое и политическое положение в стране, показывалась деятельность профсоюзов, имелись сведения о стачечном движении, о положении крестьянства. Пройти цензуру календарь из-за своего «подрывного» содержания, конечно, не мог.

М. С. Кедров неторопливо, «с прохладцей» оформлял представление календаря цензору. Одновременно интенсивно шло печатание тиража. Н. И. Подвойский успел разослать подписчикам около 60 тысяч экземпляров. «Календарь этот я страшно полюбил и с удовольствием буду рассылать по России, — писал Николай Ильич в те дни Нине Августовне, — пусть десятками тысяч расходятся помещенные там статьи Ленина... Календарь, безусловно, будет конфискован».

Он не ошибся. Календарь был запрещен с первого просмотра. Когда полиция явилась, чтобы конфисковать тираж, ей показали несколько десятков предусмотрительно оставленных экземпляров — якобы первую пробную партию. Она была конфискована, а дальнейшее печатание запрещено.

Удачный опыт издания календаря вдохновил М. С. Кедрова и Н. И. Подвойского. Он показал возможность печатания и распространения большевистской литературы в условиях реакции. Они выпустили *в свет* и распространили вторую часть книги М. Н. Лядова «История Российской социал-демократической рабочей партии» (первая часть вышла ранее в другом издательстве), а также популярные марксистские брошюры: «Чему учат социал-демократы?», «Чего требуют крестьяне?» и другие.

Издательство стало работать в полную силу.

Высоко оценив успешную деятельность «Зерна», ЦК РСДРП поручил издательству выпустить первое Собрание сочинений В. И. Ленина — трехтомник под названием «За 12 лет». Все контакты издательства с В. И. Лениным осуществлял его «владелец» М. С. Кедров. Понимая, что первый же том сочинений В. И. Ленина получит цензурный запрет, М. С. Кедров и Н. И. Подвойский, опираясь на опыт работы с календарем, предусмотрительно подготовили второй, нелегальный, склад издательства.

Первый том отпечатали в конце ноября 1907 года, хотя на обложке был обозначен 1908 год. Тираж его составил 3 тысячи экземпляров. Как и следовало ожидать, 28 ноября Петербургский комитет по делам печати наложил на том арест и ходатайствовал о привлечении к суду автора и издателей. 3 декабря судебная палата утвердила постановление комитета. Но пока власти принимали решение, М. С. Кедров и Н. И. Подвойский успели разослать часть тиража и значительную его часть спрятать на тайном складе для последующего нелегального распространения по партийным организациям. Остальной тираж был конфискован полицией.

Власти не знали, что в издательстве в это время шла лихорадочная работа над вторым томом. Правда, ввиду запрета цензуры, пришлось для маскировки отказаться от названия «За 12 лет», а том разделить на две части. Важно было также привести в готовность партийный актив с тем, чтобы сразу после выхода в свет первой части второго тома взять со склада максимально возможную часть тиража. Для этого Николай Ильич побывал во многих партийных и профсоюзных организациях, в рабочих страховых кассах, переговорил с десятками распространителей литературы.

Возбужденным и осунувшимся застала Подвойского Нина Августовна, приехавшая из Берна.

— Вот теперь я вижу, что ты опять такой же, как в Ярославле, — сказала она.

— И какой же? — удивился он. — Если бы ты знала, какие тут дела!

Он рассказал ей о работе издательства.

— Мы с Михаилом рассчитываем, что ты возьмешься за подготовку к печати рукописей Владимира Ильича, вычитку оттисков. Только делать надо все аккуратно, точно, ведь Владимир Ильич сам следит.

— Хорошо, — спокойно ответила она.

Николай Ильич к ее приезду снял в Поварском переулке небольшую комнату. Кроме кровати, стола и стульев, в ней ничего не было. Лишь на отмытом до желтизны полу стоял чемодан и лежала связка книг.

Вскоре семья их пополнилась. Дочку назвали Ольгой. Счастливый

Николай Ильич стал звать ее по-черниговски — Олесей.

В начале 1908 года первая часть второго тома Собрания сочинений В. И. Ленина была подготовлена и отпечатана. Она вышла в свет под названием «Аграрный вопрос». Все повторилось: часть тиража успели распространить, остальную часть полиция арестовала прямо в типографии — в «Русской скоропечатне», располагавшейся на Екатерининском канале.

Рассылая тиражи местным партийным организациям или вызывая за ними нарочных, Подвойский одновременно выполнял и другую задачу — связывал местных большевиков с Петербургским Комитетом, получал от них информацию, передавал им получаемые через ПК распоряжения и рекомендации Центрального Комитета партии.

Организационная и пропагандистская работа на предприятиях Московско-Нарвского района (одно из важнейших поручений ПК) также отнимала немало сил и времени. Но он вел ее регулярно. Организовал занятия в нескольких социал-демократических кружках, вместе с другими большевиками проводил массовки в Румянцевской роцце, а также на заброшенном пустыре, называемом Горячим полем и слывшем у мещан «беспокойным» местом. Именно на этом поле, вспоминал Николай Ильич, в конце 1907 года он впервые лично встретился с В. И. Лениным. Это было как раз накануне отъезда В. И. Ленина в десятилетнюю эмиграцию.

Издательство, выпускавшее в условиях реакции марксистскую литературу, конечно же, было под особым контролем охраны. Она через своих шпииков, внедренных в разные типографии, собирала и сводила воедино данные о «Зерне». Особенно существенную помощь ей оказывал М. Л. Шнеерсон — управляющий типографией Безобразова, где печаталось большинство изданий «Зерна». Ранее он был наборщиком в заграничной «Искре», вроде бы сочувствовал и помогал издательству «Зерно», но к этому времени у него уже установились связи с охранкой.

На рассвете 27 апреля 1908 года издательство «Зерно» и его склад были оцеплены полицией. Одновременно был произведен обыск на квартире у М. С. Кедрова и Н. И. Подвойского, а также у сестер Николая Ильича — Феофании и Марии, проживавших в то время в Петербурге. В руки полиции попала часть переписки Н. И. Подвойского, которую он хранил у сестер. М. С. Кедров и Н. И. Подвойский были арестованы, издательство и склад взяты под охрану.

Николая Ильича целый месяц держали в полицейском участке. Потом перевели в дом предварительного заключения на Шпалерной. Он видел его раньше. Дом как дом, снаружи даже прилично выглядит: три этажа,

большие окна — прямоугольные на первом этаже, с полукруглым верхом на втором и третьем. Но внутри... Николая Ильича сначала вели длинными, гулкими коридорами вдоль стен неопределенного, грязного цвета, слабо освещенных тусклыми лампочками. Потом заперли в камере, похожей на каменный мешок, — три шага на пять. Небольшое оконце наверху. Узкая, привинченная к стене кровать, откидывающийся столик, тоже привинченный к стене. Неизменная параша в углу. Подвойский присел на жесткую кровать, случайно оперся о стену и отдернул руку — стена была холодная и, как ему показалось, сальная.

...Следствие тянулось более полугодом. Лишь 13 ноября 1908 года был составлен «Обвинительный акт о дворянине Михаиле Сергеевиче Кедрове и сыне священника Николае Ильиче Подвойском». В нем говорилось, что при обыске в издательстве «Зерно» и на его складе «было найдено: 1) свыше шестнадцати тысяч семи сот (16 700) экземпляров брошюр девяноста двух различных наименований, по содержанию своему возбуждающих к ниспровержению существующего в России общественного строя». Одновременно указывалось, что привлеченные в качестве обвиняемых Кедров и Подвойский виновными себя не признали.

Добиться каких-либо сведений от М. С. Кедрова и Н. И. Подвойского следователям так и не удалось. Однако у суда хватило оснований для вынесения приговора — оба они получили по три года тюрьмы. Отбывать наказание определили здесь же, в доме предварительного заключения.

Вскоре после окончания следствия и объявления приговора разрешили свидания. Для Николая Ильича это было большое событие в череде однообразных тюремных дней. Когда надзиратель вел его на свидание, Николай Ильич улыбался, улыбался всему — гулкому звуку шагов, грязно-серым стенам и даже тому, как старательно и тревожно свистел по пути надзиратель, предупреждая о том, что ведут арестанта. Таков был порядок, чтобы арестованные не смогли увидеть друг друга. Каждый арестант, которого вели навстречу, обязан был, услышав свисток, немедленно сделать шаг в сторону и встать, повернувшись лицом к стене.

Перед свиданием офицер строго предупредил:

— Никаких фамилий... Ни одного слова о делах... Иначе свидание будет прекращено.

Через две сетки увидела Нина Августовна мужа в жалкой и униженной арестантской одежде. Лицо бледное. Он выглядел больным и старше своих двадцати восьми лет. Но глаза улыбающиеся, с прищуром — его глаза!

Николай Ильич огорчился, что Нина не привезла дочку. Оказывается,

еще в июне она и Ольга Августовна с детьми уехали в Тверскую губернию к старшей сестре — А. А. Фраучи, а потом перебрались в Луневу Костромской губернии. Там их брат Александр Августович специально арендовал пустующую барскую усадьбу, чтобы три его сестры-революционерки могли восстановить силы и отдохнуть, пережить период острого безденежья. Здесь находили приют не только близкие родственники, но и их друзья — большевики.

Николай Ильич, направляясь на свидание, думал, что ему придется утешать оставшуюся с малым ребенком без средств к существованию жену. Но он увидел свою прежнюю Нину — спокойную, улыбающуюся, и сам услышал от нее слова поддержки. Она предложила использовать имевшееся у них медицинское заключение о его избиении в 1905 году и с двух сторон добиваться сначала перевода его в общую камеру, а потом и досрочного освобождения из тюрьмы по болезни. Она просила его подать прошение тюремному начальству, а сама собиралась с помощью общественности заставить власти пойти на уступки и удовлетворить его просьбу. На том и порешили.

После свидания дни в тюрьме казались особенно длинными и тоскливыми. Николай Ильич уже знал, что в одиночке главное — занять себя. Он начинал день с зарядки, повторял упражнения бесчисленное количество раз, разрабатывая позвоночник и плечо, так как последствия ранений в Ярославле давали о себе знать. Регулярно, с ожесточением оттирал стены и асфальтовый пол камеры. Полностью съедал баланду и неизвестно из чего сваренную кашу. Быстро восстановив в памяти нехитрый шифр для перестукивания — пять рядов по пять букв в каждом, наладил связь с соседями. Потребовал книги. Чтение стало для него самой большой радостью. Книги позволяли ему мысленно уноситься далеко за стены своей камеры, и ему казалось тогда, что он живет настоящей, полнокровной жизнью. Большое удовольствие доставляли прогулки. Во дворе тюрьмы была сооружена высокая вышка, на которой находился часовой. От вышки радиально расходились трехметровой высоты перегородки, сколоченные из досок. «Стойла» были небольшие, не разгуляешься, но сквозь щели можно увидеть тюремный двор и ощутить хоть какое-то пространство. А если поднять голову, то можно видеть плывущие облака и летающих голубей...

К концу 1908 года здоровье Николая Ильича резко ухудшилось. Ему удалось добиться перевода в общую камеру. Здесь начался новый период его тюремной жизни. Во-первых, в общей камере был не так строг режим.

Во-вторых, он попал здесь в объятия друзей. Как только его ввели в общую камеру, с нар бросился к нему Е. М. Ярославский:

— Гулак! Ты-то как тут оказался?

— Нэ хоче коза на базар, так ведуць! — ответил Николай Ильич, крепко обнимая Емельяна Михайловича.

— Я даже не поверил, когда «тюремный телеграф» передал, что ты здесь. Думал, что ты в Германии или в Париже где-нибудь. Долго в столице работаешь?

— Полгода продержался...

— Это на тебя непохоже. В Ярославле ты чисто работал.

— Тут дело было такое...

— Ну, ладно, еще расскажешь. Хорошо, что в нашу камеру попал. Теперь хоть повспоминаем, попоем потихоньку!

— Отпелся я, кажется, — вздохнул Николай Ильич. — Легкие отбили. Теперь только для «камерного» пения и гожусь.

Емельян Михайлович познакомил Николая Ильича с товарищами. Среди них были: М. А. Трилиссер, В. И. Невский, участники московского, свеаборгского, кронштадтского восстаний. Вся камера — политические. Атмосфера была самая дружеская. Верховодил Ярославский. Сын ссыльного поселенца, он с детских лет дышал революционными идеями, отлично знал историю революционной борьбы. Обладая изумительной памятью, он почти наизусть цитировал выдержки из важнейших работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документы съездов и конференций.

Поскольку в камере сидели в основном участники и вожаки восстаний, разговор чаще всего шел о военных вопросах. Само собой, естественно созрело решение использовать время отсидки для коллективного изучения военного дела. Решение было «простукано» политическим заключенным в соседние камеры. Они предложение одобрили.

Оказалось, что в тюремной библиотеке имеется довольно богатый набор книг по военному делу. Они, кстати, годами не снимались с полок, ибо заключенные их почти не требовали. А тут в камеры по заказам арестованных потоком пошли воинские уставы, наставления, книги по тактике, стратегии, даже изданные лекции Академии Генерального штаба. Как потом вспоминал Николай Ильич, в тюрьме он добровольно стал «юнкером революции». Вся военная литература, имевшаяся в тюремной библиотеке, даже наставление по фортификации, была не только прочитана, но изучена и многократно обсуждена. Эта «тюремная академия» помогла Николаю Ильичу освоить основы военных знаний, которые потом очень пригодились ему в революционной работе.

...Здоровье Николая Ильича продолжало ухудшаться. 14 января 1909 года на заседании Особого присутствия Петербургской тюремной палаты товарищ прокурора вынужден был заявить, что Подвойский «болен... одним из самых тяжелых заболеваний нервной системы», которое возникло «на почве нанесения тяжких побоев». Николай Ильич, посоветовавшись с товарищами и подначитавшись медицинской литературы, решил «помочь» тюремным медикам, кое-где симулируя предельную остроту нервной болезни. Но и тюремное начальство не дремало. Оно попыталось воспользоваться болезнью и навсегда упрятать Подвойского в сумасшедший дом. Его отправили в Вильненскую крепостную больницу «на испытание». Николай Ильич «испытание» выдержал, комиссия вынуждена была признать его психически нормальным, а состояние здоровья — тяжелым.

Нина Августовна и товарищи по партии делали все, чтобы добиться освобождения Николая Ильича. К этому был подключен врач П. П. Викторов, который в 1905 году в ярославской тюрьме обследовал избитого Подвойского. Викторов выступил в печати и сообщил общественности об избиении Николая Ильича в 1905 году и о нынешнем его тяжелом состоянии. Нина Августовна выезжала в Вильно, в Петербург и всюду ходатайствовала о досрочном освобождении мужа. Сестра Подвойского Феофания Ильинична подала прошение о том, чтобы взять больного брата на свое попечение.

11 июля 1910 года Николай Ильич был освобожден из-под стражи. Власти запретили ему жить в Петербурге и других крупных городах. Нина Августовна увезла его в Лунево. Она вновь, как когда-то в Ярославле и Костроме, а потом за границей, выхаживала своего Николушку. Особых лекарств ему не понадобилось, да их и не было в той глуши. Она отпаивала его парным молоком, кормила свежими овощами, часами гуляла с ним по лесу. Все это, помноженное на ее нежность и заботу, действовало лучше всяких лекарств.

Вскоре в Лунево приехал досрочно вырвавшийся из тюрьмы М. С. Кедров, а также старшая сестра Нины Августовны — А. А. Фраучи с детьми. Зажили коммуной, четко распределили обязанности. Арендатор барского дома Александр Августович и его жена вели общее хозяйство. Ольга Августовна обшивала коммуну. Нина Августовна была главным овощеводом. Николаю Ильичу и Михаилу Сергеевичу достались обязанности подсобных рабочих.

Михаил Сергеевич часто садился за рояль, Александр Августович

брался за скрипку, а Николай Ильич запевал украинские и русские народные песни. В узком кругу его голос по-прежнему звучал выразительно и приятно. Хором пели «Вниз по матушке по Волге», «Рэвэ та й стогна», «Вихри враждебные», «Смело, товарищи, в ногу». Вместе со взрослыми, заражаясь их энтузиазмом, пели дети, в том числе Артур и Фаня — будущий известный контрразведчик Артур Христианович Фраучи (Артузов) и будущий академик Бонифатий Михайлович Кедров.

Едва поправившись, Николай Ильич съездил в Ярославль и привез оттуда тяжелую связку книг. Кедров, взглянув на корешки, недоуменно спросил:

— Зачем тебе это?

— Я, брат, должен использовать последний шанс. Подал прошение в лицей. Может, разрешат сдать выпускные экзамены, как в семинарии.

— Безнадежное дело, — покачал головой Михаил Сергеевич. — В лицее тебя слишком хорошо знают. Какой им смысл снабжать тебя дипломом?

— Лэжачий зайця не пиймае, — упрямо ответил Николай Ильич.

Он стал заниматься. Сначала с не очень большой охотой, но потом увлекся и полностью отдался учебе.

Недели через две Александр Августович, ездивший в уезд, привез Николаю Ильичу казенный пакет. Сбежались все. Подвойский вскрыл пакет и молча прочитал бумагу.

— Ну, что там, Николушка? — спросила Нина Августовна.

— Да... не той я кости для них, — с горечью сказал Николай Ильич. — Пишут, что лицей «не имеет возможности...».

— Дело не в том, — вмешался Кедров. — Я — «той кости», из дворян, а все равно... Просто это общество не хочет нас учить. Потому что мы ему служить не будем.

— С этим вопросом все, — решительно сказал Николай Ильич. — Книжки не повезу, отошлю почтой.

Он собрал учебники, увязал их и подготовил к отсылке. Нина Августовна следила за резкими, нервными движениями мужа и с грустью думала о том, что Николушку теперь в Луневе не удержать.

На следующий день Подвойские и Кедровы, как всегда, гуляли по лесу. Стояла осень, золотой ковер опавших листьев похрустывал под ногами, прихваченный заморозками. Николай Ильич много шутил; совсем поребачьи подбрасывал палочкой сухие сучки. Потом потянулся, как бы разминаясь, и сказал:

— Благодать! Ах, как хорошо тут у вас!

— Почему «у вас»? — удивленно спросил Кедров.

— Пора мне, Миша! — вздохнув, ответил Николай Ильич.

Михаил Сергеевич посмотрел на молчаливую Пину Августовну и понял, что они уже все обговорили.

— Пожалуй, ты прав: засиделись мы тут, — сказал он. — Куда ты теперь?

— Сначала, куда направят, — ответил Николай Ильич. — А там посмотрим...

Николай Ильич послал в Петербургский Комитет условное письмо и стал ждать. Выпал снег, чисто выбелив поля вокруг Лунева. Наконец пришел ответ. По решению ЦК РСДРП Н. И. Подвойский направлялся на революционную работу в Баку. Петербургский Комитет также рекомендовал добиваться разрешения на легальное жительство в столице.

— В Баку — это хорошо, от зимы уйдешь, — пошутил Кедров. — А как с Петербургом?

— Думаю использовать свое медицинское заключение. Буду настаивать на том, что надо лечиться в столичных клиниках. Добьюсь! Тогда и Нину с Олесей вызову. А ты?

— Попрошусь работать в Москве. Попробую поступить на медицинский. Если не дадут учиться, тогда придется где-нибудь за границей...

— Молодец! — восхищенно воскликнул Николай Ильич. — Музыкант, юрист, медик... Как в тебя все вмещается?

— Человек еще не знает, сколько в него может вместиться... — задумчиво ответил Кедров.

В январе 1911 года Н. И. Подвойский приехал в Баку. Снова — явки, борьба с филерами, митинги, собрания, забастовки. В «мазутной армии» бакинских рабочих он продолжал совершенствоваться как партийный пропагандист, агитатор, организатор. Но партии он был нужен в Петербурге. Николай Ильич настойчиво хлопотал о разрешении на проживание в столице. Его настойчивость была вознаграждена — в июле 1911 года такое разрешение им было получено.

В Петербурге Подвойские поселились в специально подобранной товарищами квартире на Галерной улице в доме номер пять. Небольшая однокомнатная квартира с окном, поднятым под потолок, была не очень удобной для жилья. Нина Августовна говорила, что она напоминает ей тюрьму. Но у квартиры были два нужных качества: двор был проходным и

рядом — почтампт. Николай Ильич перегородил комнату фанерной перегородкой. Так было удобнее для работы, ведь Подвойские ждали второго ребенка. Николай Ильич и Нина Августовна были довольны — они легализовались в столице, хоть им и объявили, что они будут под надзором полиции. Но для них это дело было привычное.

Для полного «благополучия» оставалось только устроиться куда-нибудь на работу, чтобы обеспечить себе «законность» проживания в столице, а также прожиточный минимум. И тут начались неприятности, связанные с их поднадзорностью. Ни одно государственное учреждение их не принимало. Сторонились и частные фирмы. Николай Ильич обходил одно учреждение за другим. Принимали его хорошо — одет он был постоличному. Но как только выяснялось, что он поднадзорный, сразу возникало пресловутое «к сожалению».

Как-то вечером, вернувшись после безрезультатных хождений по конторам, он застал Нину Августовну совсем уж сникшей.

— Ну, что выходил, Нинолушка? — устало спросила она.

— Пока, брат, ничего, — ответил он. — Як богатый, так здоров був, а як бидный — бувай здоров...

Нина Августовна опустила голову. Деньги кончались. Через день-другой нечего будет поставить на стол. Николай Ильич обнял ее за плечи.

— Не вешай носа, Ниноша! Деньги для нас не главное, а главное мы сделали. Теперь, как говорят, хоч лихо, абы тихо. Не пропадем! Тут же две мои сестры и старший брат. Выручат! Я еще не был в городском общественном самоуправлении и в земстве. Это — учреждения либеральные. Там нас возьмут. Тебя в твоём положении, может, и не возьмут, а меня возьмут. Обязательно! Завтра же пойду.

Но и на следующий день Николай Ильич вернулся ни с чем. Нина Августовна встретила его таким красноречивым, полным ожидания взглядом, что он невольно рассмеялся.

— Неужто приняли?! — не поняла Нина Августовна.

— Очень сожалели, что в данный момент не представляется возможным...

— Почему же ты такой довольный?

— Потому что козак з биды не заплачэ. Не хотелось, конечно, но придется искать работу через комитет.

Николай Ильич тогда не представлял, что целых четыре года он будет перебиваться лишь полученной с помощью товарищей из ПК временной работой — в переписном бюро Министерства народного просвещения, в городском управлении переписи населения и других учреждениях.

Особенно дорожил он местом статистика в Министерстве промышленности и торговли. Не потому, что работа была хорошо оплачиваемой, а потому что она давала возможность снабжать статистическими материалами «Правду», ПК, В. И. Ленина. Все эти годы Николаю Ильичу и Нине Августовне пришлось жить в жесточайшей нужде, им и их детям — Олесе и родившемуся в 1911 году сыну Леве, названному так в память об умершем в 1910 году Л. Н. Толстом, произведения которого Николай Ильич и Нина Августовна очень любили, читали и перечитывали всю жизнь.

...Пока Николай Ильич искал работу, Петербургский Комитет сообщил В. И. Ленину и ЦК, находившимся за границей, о новом перевалочном пункте для связи. В записной книжке Н. К. Крупской появился адрес: «С.-Петербург, Галерная, 5, кв. 17. Подвойский Николай Ильич».

Так Н. И. Подвойский стал адресатом для связи В. И. Ленина и ЦК с Петербургским Комитетом партии и депутатами-большевиками в Государственной думе. Задача была непростой. Письма шли зашифрованными, иносказательными, а подчас и написанными тайными чернилами. Николай Ильич должен был вскрывать их, расшифровывать адресата, разыскивать его. Иногда в письмах встречались и просьбы к нему лично: встретиться с кем-то, обсудить или выяснить какой-то вопрос. Корреспонденция за границу не могла быть адресована непосредственно В. И. Ленину или ЦК. Она шла через перевалочные пункты в Финляндии, Швеции и других странах. Николай Ильич должен был держать в памяти десятки зашифрованных имен, пунктов, организаций. Ошибаться он не имел права. Поэтому пришлось для сверки мельчайшим бисером, известными только ему значками записать эти данные на плотном листе бумаги. Нина Августовна как-то попыталась что-нибудь понять в нем, но не смогла.

— Этот листок ни один специалист не расшифрует, — смеялся Николай Ильич. — Все шифры раскрывают потому, что они созданы на основе какой-то системы. А тут системы нет. Людей я зашифровал именами крестьян из отцовского прихода — они мне с детства хорошо запомнились. Клички дал по сходству характеров. Мне все время, тоже с детства, кажется, что организации, улицы, города, страны имеют свой характер и даже вкус и цвет. Они мне кажутся живыми. Я их соответственно зашифровал по своему впечатлению. Записи сделаны частью по-латыни, частью на церковнославянском, по-русски. Эту тарабарщину никому не понять!

Заметим, что Николай Ильич за годы подполья так привык к такого

рода записям, что применял их и после революции. В его рабочих блокнотах, а их остались многие десятки, нередко встречаются малопонятные мелкобисерные строки и целые странички. Их расшифровка с трудом удастся лишь старшей дочери Н. И. Подвойского — Ольге Николаевне, которая потратила не один год на то, чтобы овладеть техникой записи Николая Ильича.

По поручению ЦК Николай Ильич активно включился в работу большевистской газеты «Звезда», основанной в 1910 году большевиком — депутатом III Государственной думы Н. Г. Полетаевым. Журналистика была для Подвойского делом новым. Но поскольку он умел решению каждой задачи отдаваться целиком, то и здесь дела у него заладились. Поэтому, когда в 1912 году усилиями В. И. Ленина создавалась ежедневная массовая газета партии большевиков «Правда», ЦК посчитал необходимым подключить к этой работе и Н. И. Подвойского. Ему был поручен труднейший участок — материально-техническое обеспечение «Правды» и, кроме того, участие в редактировании газеты, организация ее рабкоровской сети.

Первоначально он направил всю свою энергию на поиски и закупку оборудования, шрифтов, бумаги. Приходилось думать и о создании запасных баз газеты на случай возможных репрессий против нее и даже закрытия. Этому учил опыт издательства «Зерно», которое смогло работать много месяцев благодаря тому, что пользовалось не одной типографией, имело тайный склад.

С выходом первых номеров «Правды» круг обязанностей Н. И. Подвойского в газете расширился. Вместе с К. С. Еремеевым Николай Ильич редактировал материалы самого боевого и важного отдела «Правды» — отдела рабочих корреспондентов. По поручению редакции писал корреспонденции и передовые статьи. Кроме того, как все правдисты, он считал своим партийным долгом распространение газеты на заводах, организацию обсуждения рабочими ее материалов. Общаясь с рабочими, он постепенно сколачивал крепкий рабкоровский актив.

Если организаторская работа при неумемной энергии Николая Ильича была ему вполне по плечу, то выполнение чисто журналистских обязанностей требовало от него не только огромных усилий, но и настоящей, добросовестной учебы. Первые корреспонденции, а тем более передовые статьи ему приходилось не писать, а буквально вымучивать из себя, тратя на это немало времени, а ведь он привык ценить его больше всего.

...Однажды Николай Ильич пришел домой, принес с собой стопку небольших листков бумаги, сел к столу, пододвинул лампу с абажуром, положил перед собой свой любимый швейцарский хронометр и стал писать. Нина Августовна уложила детей и, стараясь не шуметь, возилась с посудой, с любопытством поглядывая на мужа, Николай Ильич что-то бормотал себе под нос, писал, перечитывал, вычеркивал, вставлял и с отрешенным взглядом ходил по комнате. Потом садился и снова писал... Прошло часа два, а он все вымарывал листок за листком.

— Не получается? — сочувственно спросила Нина Августовна.

— Да, брат, верно говорят, что писать — не языком чесать. — Он встал, заходил по комнате. — Сам себе удивляюсь! Ведь сотни раз выступал перед людьми, притом перед всякими. Там мысли идут одна за другой. Слова сами собой приходят на ум, сцепляются друг с другом. И люди слушают, понимают, верят. А сяду писать, те же мысли, те же слова получаются какими-то деревянными, бесчувственными, не ложатся друг к другу. Вроде загорюсь, пишу, все идет, а прочитаю и вижу, что зробыв з дуба шпичку.

— Не расстраивайся! Лев Толстой и то по сколько раз переписывал.

— Во-во! Мне Батулин в редакции то же самое говорит. Только ведь Льву Толстому, может, спешить некуда было. А тут в номер надо.

Николай Ильич снова сел за стол...

Как-то в редакции, видя муки Николая Ильича, юморист по натуре К. С. Еремеев решил подтронуть над ним. Он взглянул через плечо Подвойского на исчерканные листы бумаги и серьезно проговорил:

— Карандашом пишешь. От него и серость на бумаге. Или ржавым пером, как по сердцу, царапаешь.

Подвойский взорвался. Еремеев понял, что тому не до шуток, и примирительно сказал:

— Не сердись и не расстраивайся, Николай Ильич. Только щелкоперу легко пишется, так у него и читать нечего — никаких мыслей, одни слова. И пишут, конечно, не пером, а умом, сердцем. А это легко не дается никому.

Константин Степанович подошел к окну, помолчал.

— Посмотри, как Ольминский пишет или Батулин. Все мучаются. Могут и я тебе сказать, что пишешь ты неэкономно, много времени зря тратишь. Я, например, кладу перед собой два листа бумаги. На левом листе десять раз переделаю, отточу фразу и запишу ее на правый. Так же и следующую. Ты вот час просидел, три листа исписал и все их выбросил, а у меня за это время добротный абзац сложился. Понял? Некоторые, правда, пишут все сразу, как получится. Потом правят весь текст. А ты ищи, как

тебе удобнее.

Николай Ильич впоследствии писал, что с 1911 года он учился быть журналистом и редактором. В «Звезде» и «Правде» у него оказались хорошие учителя: М. С. Ольминский, Н. Н. Батулин, В. Д. Бонч-Бруевич, К. С. Еремеев, Я. М. Свердлов и другие видные деятели партии и публицисты. Работа в большевистской печати с тех пор стала важнейшей составной частью его революционной, партийной, а позже и государственной деятельности. Но «легко» писать он так и не научился, потому что этому, видимо, научиться нельзя. А вот писать с каждым годом все лучше — с этой задачей он справлялся. Об этом свидетельствует, например, такой факт. В 1921 году внашей стране, разоренной империалистической и гражданской войнами, разразилась жесточайшая засуха, охватившая 34 губернии. Около 30 миллионов человек, населявших эти губернии, оказались на грани голодной смерти. ЦК РКП(б) и Советское правительство создали Центральную комиссию по оказанию помощи голодающим во главе с председателем ВЦИК М. И. Калининым. В состав ее входил Н. И. Подвойский. Комиссия, наряду с другими мерами, развернула агитацию среди населения по сбору средств и продовольствия для голодающих. При составлении плана мероприятий было предложено написать искреннюю, взволнованную, серьезную листовку, которая заставила бы каждого читавшего ее встревожиться за жизнь и судьбу чужих детей и матерей. Спросили М. И. Калинина, кто может написать такую листовку. Михаил Иванович подумал и убежденно сказал:

— Поручите Подвойскому, он это лучше всех сделает.

И Николай Ильич написал такую листовку. Всего он опубликовал за свою жизнь более 100 брошюр и статей. Его ставшая библиографической редкостью документальная книга «Год 1917» читается как художественное произведение — настолько свежо и мастерски изображены в ней события переломного в истории нашей страны года. Таков был итог журналистской работы И. И. Подвойского, так трудно начинавшейся в «Звезде» и «Правде» в далекие предреволюционные годы.

Осенью 1912 года прошли выборы в IV Государственную думу. Большевики А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов стали ее депутатами. Вскоре после выборов, поздно вечером, в квартиру Подвойских постучали условным стуком. Николай Ильич открыл дверь и увидел на пороге мужчину лет тридцати. Из-под хорошо сшитого пальто выглядывали воротник белоснежной рубашки и темный галстук. Суровое лицо, твердый взгляд, отнюдь не по-

интеллигентски подстриженные усы не очень вязались с элегантной одеждой. Николай Ильич и Нина Августовна, как по команде, переглянулись: они его где-то видели! Мужчина назвал пароль, Николай Ильич ответил.

— Не узнаете? Лет, конечно, прошло немало, — взгляд гостя потеплел.

И тут Николай Ильич вспомнил и этот неожиданный для сухопарого человека сочный бас, и волжское оканье.

— Федор?!

— Никитич Самойлов... Бывший уполномоченным Иваиово-Возяесепского Совета, а теперь — депутат Д}мы от Владимирской рабочей курии, — отрекомендовался гость и повернулся к Нине Августовне. — С вами, товарищ Нина, мы встречались как раз во Владимире. Единожды или дважды, так что вы могли меня запомнить.

— Нинуша, что в печи — все на стол мечи! Раздевайся, Федор.

— Я в Петербурге в первый раз, — Самойлов, раздевшись, расчесывал пышный, нависший надо лбом чуб. — Когда дали адрес и сказали, что встретит Гулак, я обрадовался. Значит, поправился, думаю, и в Петербурге не пропадем.

Николай Ильич усадил гостя за стол, а сам вместо тарелки положил перед собой стопку бумаги.

— Мы уже отужинали, — пояснил он Федору Никитичу. — А ты закусывай, не торопясь, и рассказывай, как готовились и проходили у вас выборы. Каково там положение. Тоже не торопись.

Николай Ильич записал рассказ Ф. Н. Самойлова, уточнил подробности. Потом гостя уложили спать, предупредив, что все остальное будут решать утром. Сам же Подвойский, немного прикрутив лампу и поправив абажур, снова сел к столу.

— Я поработаю, Федор. Извини, если лампа мешать будет. Хоромы-то наши не царские...

— Мы — рабочие. Лучших условий я не видел, — ответил Самойлов. — Усну сразу. Бессонница не для нас — мы с пей не выживем.

Николай Ильич выправил запись беседы с Самойловым, кое-что зашифровал, переписал набело, запечатал в конверт и по памяти написал хорошо знакомый адрес, ленинский. Потом посмотрел на хронометр, вздохнул и на цыпочках отправился за перегородку, где сладко посапывали малыши и спала уставшая за день Нина Августовна.

Утром, после завтрака, Подвойский и Самойлов отправились в редакцию «Правды». По пути зашли на почтамт, и Николай Ильич опустил письмо.

— Твой отчет пошел Ленину, — тихо сказал он Самойлову.

— Ну-у? — удивился Федор Никитич. — Надо было предупредить. Может, я что-нибудь не так и не то сказал!

— Владимиру Ильичу надо так, как есть, — ответил Подвойский. — Без отсева. Он лучше нас разберется, что к чему... А сейчас, Федор, давай-ка прямиком в «Правду». Сдам тебя, как говорится, с рук на руки. Там тебя сведут с членами ЦК. А уж после этого действуй! Когда надо, заходи, будем рады.

Через несколько дней на пороге квартиры Подвойских появился новый гость — среднего роста, заросший смоляной бородой, с внимательными темными глазами. По певучей интонации и выговору Николай Ильич сразу определил в нем земляка и, чтобы погасить его смущение за поздний час, приветствовал по-украински:

— Заходи, будь ласка! Дэ на двоих варыться, там трэтий пожывыться, а там, глядышь, дружни сорокы и орла заклюют.

— Заклюем его, проклятого! — обрадовался гость.

Это был депутат от Екатеринославской рабочей курии Григорий Иванович Петровский. Почти всю ночь проговорили они о родной Украине...

Бывали на квартире Подвойского и другие депутаты-большевики. Работы у Николая Ильича добавилось. Он передавал депутатам указания В. И. Ленина и ЦК, снабжал их нужными статистическими материалами, помогал готовить выступления в Думе и перед публикой. Г. И. Петровский впоследствии вспоминал, что в 1912–1914 годах ему часто приходилось встречаться с Н. И. Подвойским, и его всегда поражала вера в революцию, кипучая энергия, оптимизм и неутомимость Николая Ильича.

В конце 1912 — начале 1913 года в редакции «Правды» было решено послать кого-нибудь в Киев, чтобы расширить на Украине сеть рабочих корреспондентов, наладить распространение там газеты и организовать сбор средств на ее издание.

— Поручите мне, — попросил Подвойский. — Местные условия я знаю. В Киеве был не раз. Владею языком — будет легче затеряться в народе. Глядишь, кто из старых знакомых остался, их можно будет использовать. Киевская полиция меня не знает. Да, и откровенно говоря, очень хочется взглянуть на ридну Украину.

Николай Ильич широко улыбнулся и развел руки: дескать, ничего не поделаешь.

— Так и сказал бы, что батьке гостинцев хочется отвезти, — пошутил

Еремеев.

— А что? Я думаю, что в редакции и в Петербургском Комитете чемодан «гостинчиков» для киевлян найдется, — в тон Еремееву ответил Николай Ильич.

Доводы Н. И. Подвойского показались убедительными. Собрался он быстро. Нина Августовна очень сожалела, что с малыми детьми не сможет поехать с ним, да они и не смогли бы выкроить такую «уйму» денег, которая нужна была для всей семьи на дорогу.

По пути в Киев Николай Ильич заехал в Лукново, где теперь жили его родители. Илья Михайлович, хотя и заметно сдал — окладистая борода совсем побелела, но был так же страстен и горяч, как прежде, глаза его смотрели молодо. Как всегда, ласковой и заботливой была Ольга Акимовна.

Илья Михайлович встретил сына не только с радостью, но и с любопытством. Он ведь уже знал, что Николай совсем «сбился с пути», стал профессиональным революционером. Подолгу они сидели, говорили, спорили. Сомневающийся, ищущий Илья Михайлович пытался в чем-то переубедить сына. Но перед ним был уже не прежний послушный Микола, а зрелый человек, который легко, несколькими фразами, опрокидывал доводы отца, еще более сея сомнения в его беспокойной душе.

При их разговорах часто присутствовал самый младший из сыновей Подвойских — Ваня. Он не спускал с брата восторженных глаз, хотя старался держаться солидно — все-таки заканчивал учебу и мечтал поехать в Киев или Петербург, чтобы учиться на агронома. Николай Ильич быстро прощупал идейные позиции Вани. Убедившись, что из парня выйдет толк, он решительно сказал:

— Вот что, Ваня, заканчивай учебу и приезжай в Петербург. Будешь жить у нас. Я тебе найду дело по душе. Там и на агронома учиться будешь. Осенью ждем.

Николай Ильич привез с собой тяжелый чемодан. В нем были не только подарки родителям, но и нелегальная литература, материалы для киевских и черниговских большевиков. По старой конспиративной привычке Николай Ильич прежде всего подумал о том, как и куда спрятать литературу, за которой вскоре должны были прийти товарищи. Посоветовался с отцом. Илья Михайлович после долгих колебаний, внутренней борьбы решился на «кощунственный» шаг. Он спрятал самые ценные материалы в алтаре своей церкви — никакой охране не придет в голову искать их там.

Николай Ильич уехал в Киев. Но через несколько дней туда примчался Ваня и сообщил, что дьяк привел полицию, которая напрямик направилась

в алтарь и забрала чемодан. Отец на допросе заявил, что ни о каком чемодане ничего не знает. Николай Ильич встревожился. Быстро завершив дела в Киеве, он, стремясь уйти от неизбежного ареста, выехал в Петербург. По дороге думал об одном: что будет с отцом? Нелегальщина в алтаре! Такого не простят. Он терзал себя за то, что втянул в свои дела отца.

Илье Михайловичу действительно не простили. Но расправу учинили не светские, а духовные власти. Илья Михайлович отбывал свое наказание в Чернигове, в Троицком монастыре. Он был лишен сана, прихода, а следовательно, средств к существованию. Пришлось сменить место жительства — переехать в Корыльское. Но, поскольку хозяйством Илья Михайлович обзавестись уже не смог, жить вскоре стало не на что. Решили с Ольгой Акимовной ехать в Петербург, где к тому времени обосновались четверо их детей. Проживать Илья Михайлович пожелал у находившегося вместе с женой под надзором полиции самого «непутевого» и «богохульного» своего сына Николая. Теперь, когда духовная карьера Ильи Михайловича закончилась крахом, в нем вновь во весь голос заговорил учитель. Неодолимое желание разобраться в законах и хитросплетениях жизни тянуло его к Николаю, который судил о них дерзко, необычно, но со знанием дела. Не возражала против переезда к сыну и Ольга Акимовна. Ей очень хотелось помочь растить детей Нине Августовне, которая теперь ждала третьего ребенка.

Так в маленькой квартире на Галерной оказалось семеро жильцов: Николай Ильич с женой и двумя детьми, его младший брат студент Ваня, а также Илья Михайлович и Ольга Акимовна. Надо было думать о другом жилье. К тому же квартирой на Галерной стала интересоваться полиция. Ее внимание привлекли частые гости со всех концов страны и обильная почта.

Сначала Подвойские перебрались в Парголово, где выждали некоторое время. Затем Николаю Ильичу была подыскана квартира на станции Куоккала. Она была расположена на Полицейской улпце и именовалась дачей Пето. Здесь и был основан новый пункт связи с В. И. Лениным и ЦК партии большевиков. Их письма из-за границы вскоре пошли на этот новый адрес. Куоккала была удобна тем, что всего в 40 верстах был Петербург и совсем рядом финская граница. Через этот пункт можно было переправлять не только письма, но и людей, транспортировать литературу. Поблизости от дачи Пето обосновалась старшая сестра В. И. Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. Пункт связи заработал без перебоев.

Квартира Подвойских представляла собой просторный и удобный дом с мезонином обычной дачной конструкции. Бревенчатые стены, внутренняя

лестница со старательно обструганными красивыми перилами, ведущая в мезонин, а также камин в сочетании с тяжелыми деревянными столами и скамейками создавали неповторимый интерьер. Стены, потолок, полы, мебель — все было некрашеным и издавало аромат сосновой смолы. Дом окружали высокие сосны, вдали виднелись воды Финского залива. Такого прекрасного жилища у Подвойских до сих пор не было. Для них имело значение и то, что жизнь в Куоккале была дешевле, чем в Петербурге. Дети получили возможность есть свежие овощи, пить парное молоко. Уже месяца через два Олеся и Лева были совсем не похожи на бледненьких и худеньких городских глазастых заморышей, какими они выглядели до переезда.

День на даче начинался очень рано. Николай Ильич завтракал, подхватывал свой потертый портфель и чуть не бегом направлялся к неблизкой станции, откуда дачным поездом добирался до Петербурга. Вечером, если в городе не было дел, возвращался назад, обдумывая на ходу свои планы, проекты статей. Время от времени ездила в город и Нина Августовна, чтобы сдать в конторы обработанные статистические карточки и взять на дом новые.

На даче у Подвойских всегда было много народу. Чрезвычайно занятые и всегда стесненные в средствах, Николай Ильич и Нина Августовна тем не менее рассылали письма родственникам и друзьям с настойчивыми приглашениями и просьбами приехать к ним отдохнуть. Здесь непременно гостил кто-нибудь из их многочисленных братьев и сестер, племянников и племянниц или их друзей. По партийным делам, связанным с работой пункта связи с заграницей, у Подвойских часто бывали депутаты-большевики Государственной думы, члены ПК, правдисты: А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Калинин, Г. И. Петровский, Н. Р. Шагов, Ф. Н. Самойлов, Ю. М. Коцюбинский, К. С. Еремеев и многие другие. Все они в полной мере ценили гостеприимство и радушие хозяев.

По вечерам на даче зачастую устраивались импровизированные концерты. Молодой революционер-большевик Сева Васильевский исполнял на рояле произведения своих любимых композиторов: Римского-Корсакова, Шуберта, Шопена, Шумана. Потом хором пели песни. Если была хорошая погода, то всей компанией бегали к морю купаться. На пляже Николай Ильич всегда затевал пробежки вдоль берега, заплывы, прыжки. В более поздние часы устраивали далекие прогулки до Оллилы или даже до Териок.

Зимой молодежь увлекалась лыжами. Николай Ильич и Нина Августовна непременно устраивали для детей рождественскую

праздничную елку. Наряжать ее начинали с самого раннего утра. Когда просыпались дети, а их у Нины Августовны и Николая Ильича было уже трое — родилась дочь Лида, елка сияла всеми цветами радуги. Загримированный Николай Ильич всегда играл роль Деда Мороза, причем преображался настолько, что для детей был неузнаваем. Он сыпал шутками, прибаутками, пел песни, притоптывал подшитыми валенками, похлопывал рукавицами, приплясывал и выделял всевозможные трюки.

Старший Подвойский, Илья Михайлович, под влиянием молодежи буквально ожил, стал веселым и разговорчивым. Вместе с молодыми Илья Михайлович ходил на прогулки и даже — срам-то какой, сказали бы его церковные судьи! — купался в море. К сожалению, недолго пришлось ему наслаждаться новообретенным. Внезапно возникшая неизлечимая болезнь в считанные месяцы подточила его крепкий организм. Николай Ильич очень тяжело переживал его кончину. Он любил отца за доброту, уважал за своеобразные поиски истины и правды, за мужество, с которым тот встречал удары судьбы. Илья Михайлович оказал существенное влияние на своих детей, и в первую очередь на Николая Ильича. Он воспитал в них дух непримиримости к несправедливости, активное отношение к жизни.

Когда на даче Пето не было гостей, Николай Ильич, вернувшись из Петербурга, отдавал вечер детям. Перед сном они обычно просили его спеть. И он пел, вспоминает Ольга Николаевна Подвойская, то ласковые, то печальные песни, слова которых запоминались надолго. Например: «Скрывается солнце за степью, вдали золотится ковыль, колодников звонкие цепи вздымают дорожную пыль». Или: «По пыльной дороге телега несется, а в ней два жандарма сидят...» — и припев: «Сбейте оковы, дайте мне волю, я научу вас свободу любить».

Но таких вечеров у Николая Ильича оставалось все меньше. Дело в том, что, когда пришло время дочери Олесе учиться, он снял для нее в рабочем Выборгском районе маленькую комнатку и теперь ночевал то с пей в Петербурге, то в Куоккале, в зависимости от того, как складывались его партийные дела. А их становилось все больше...

В 1913 году большевики, завоеывая массы, успешно провели выборную страховую кампанию. Николай Ильич участвовал в этой кампании и был избран секретарем страховой больничной кассы Путиловского завода. Таким образом, Петербургский Комитет закрепил его за одним из крупнейших и самых революционных предприятий столицы. А двумя месяцами раньше Н. И. Подвойский, Н. А. Скрынник, П. И. Стучка, З. Т. Фаберкевич и другие по заданию ЦК создали легальный

большевистский журнал «Вопросы страхования». Новые обязанности потребовали от Николая Ильича основательного изучения страхового дела в стране, он также по печати ознакомился с его постановкой за рубежом. Эти знания скоро сослужили ему хорошую службу.

В России в это время, как и предвидел В. И. Ленин, нарастал революционный подъем. Он достиг своего максимума в 1914 году. Но правительство еще имело силы и огнем подавляло выступления пролетариата. Оно готовилось к мощному контрнаступлению. Уже были упрятаны в тюрьмы и высланы в глухие сибирские углы члены ЦК партии большевиков: И. С. Белостоцкий, Ф. И. Голощекин, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин, Д. М. Шварцман, кандидат в члены ЦК Е. Д. Стасова, а также видные деятели партии: И. А. Воинов, В. Э. Кингисепп, Я. Э. Рудзутак, И. П. Постышев, Н. А. Скрыпник, О. А. Пятницкий, А. Г. Шлихтер, А. В. Шотман, Р. И. Эйхе, Е. М. Ярославский и другие. 8 июля 1914 года была закрыта «Правда» и арестован ряд ее сотрудников.

Все эти меры и акции правительства имели особую значимость для царского режима в связи с тем, что мир пребывал накануне войны. Ее дыхание уже ощущалось повсюду. Мировая империалистическая война вызревала многие годы. Нужен был только повод для ее начала, и такой повод нашелся. 19 июля (1 августа) Германия объявила России войну. Россия вступила в нее, имея, как и все другие империалистические государства, захватнические цели.

Самодержавие и буржуазия, готовясь к этой несправедливой войне, более всего опасались собственного народа, особенно рабочего класса и его партии большевиков. С началом войны самодержавие на основе законов военного времени обрушило на большевиков, на рабочие организации новые, неслыханные репрессии. Только за первые пять месяцев войны жандармами были осуществлены десятки налетов на партийные комитеты Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и многих других городов. Границы были закрыты. Связь ПК с В. И. Лениным и ЦК прервалась. Многие члены ПК были арестованы. Все рабочие газеты были закрыты.

Н. И. Подвойский почти перестал появляться на даче Пето. Вместе с другими оставшимися на свободе активистами Петербургского Комитета он включился в работу по восстановлению заводских партийных организаций, утраченных связей и явочных квартир. В его задачу входило налаживание организационной и агитационно-пропагандистской работы в Московско-Нарвском районе, к которому он еще семь лет назад был прикреплен Петербургским Комитетом партии.

Николай Ильич пешком обходил завод за заводом, побывал на наиболее важных явочных квартирах, выяснил, кто из активистов арестован и кто попал под немедленную мобилизацию в армию. Он разъяснял, как вести работу в новых условиях, хотя сам еще плохо понимал, как именно надо работать, и лишь приблизительно представлял, какие вопросы должны быть поставлены в центр агитации. Опираясь на предвоенные работы В. И. Ленина, постановления ЦК и международных конгрессов социалистических партий, Н. И. Подвойский оценивал ситуацию таким образом: буржуазия всех стран натравливает одни народы на другие, и надо вести борьбу с шовинизмом, буржуазным национализмом, открыто говорить о захватническом характере войны.

Практика подтверждала верность этих установок. Н. И. Подвойский с тревогой наблюдал, как беснуются толпы обывателей, захлестнутых мутной волной шовинизма. Это была типичная картина первых месяцев войны. На улицах Петрограда почти ежедневно устраивались спровоцированные властями, «ура-патриотическими» организациями и охранкой «патриотические» шествия с иконами, портретами царя, трехцветными флагами, громким пением «Боже, царя храни». «Как тогда, в 1905 году, в Ярославле», — с горечью думал Николай Ильич. Мелкие и средние хозяйчики, приказчики, вперемешку с черносотенцами и явными уголовниками, подбадриваемые полицией, осененные крестом священников, чинили суд и расправу над теми, кто не проявлял достаточного «патриотизма». Их избивали тут же, на мостовой, в конках, в трактирах и магазинах. Всякие попытки сознательных рабочих протестовать против войны пресекались разъяренной толпой «патриотов» при полном бездействии полиции.

Но Николай Ильич знал, что этот «патриотический» угар пройдет скоро. Ведь обыватель и мелкий лавочник от войны не получают ничего. И деревня, отправившая на фронт миллионы своих сыновей, проснетесь очень скоро. Теперь главное — быстрое восстановление партийных организаций и развертывание революционной работы. На это и были направлены силы большевиков. Партийные организации, ушедшие в подполье, перестраивались.

Однако в полной мере эта перестройка стала возможной лишь в сентябре — ноябре, после того, как Ф. Н. Самойлов привез от В. И. Ленина «Тезисы о войне» («Задачи революционной социал-демократии в европейской войне») и был получен 33-й номер газеты ЦК РСДРП «Социал-демократ» с написанным В. И. Лениным Манифестом ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Эти документы внесли полную

ясность. Они были размножены и обсуждены в партийных организациях. Николай Ильич столько раз зачитывал их и разъяснял, что его экземпляры вскоре пришли в полную негодность, но он не очень-то огорчился, ибо знал их наизусть.

Скромная должность Н. И. Подвойского, секретаря больничной кассы Путиловского завода, пришлась как нельзя кстати. Петербургский Комитет образовал в кассе свой нелегальный центр, возглавить который было поручено Николаю Ильичу. В числе прочего он' занимался и таким, пожалуй, самым сложным делом — учетом и распределением партийных работников. Состав их менялся непрерывно. Одних арестовывала полиция, других мобилизовали в армию, третьих посылали в провинцию с важными партийными заданиями... Работа была необычайно ответственной и трудоемкой. Николаю Ильичу требовался помощник. И тогда он принял решение. Чтобы его осуществить, он впервые за несколько недель вырвался в Куоккалу.

Дома Николай Ильич застал одну Нину Августовну.

— Где же Лева, Лида?

— Гуляют с няней, — ответила Нина Августовна.

— Подыскала?! — обрадовался Николаи Ильич. — Как вовремя! Нинуша! Мне нужен абсолютно надежный помощник, которому я доверял бы как самому себе.

Нина Августовна поняла, что привело его в Куоккалу.

— Теперь я готова, Ниолушка, — ответила Нина Августовна. — Мне уж самой невольно на даче сидеть... А вот и наши пришли! Познакомься.

В комнату вбежал Лева и бросился к отцу. На пороге появилась молодая девушка с Лидой на руках. Николай Ильич подхватил дочку и с улыбкой протянул руку девушке.

— Здравствуйте, меня зовут Николай Ильич!

— А меня Маша, — оробела девушка.

— Маша? А как по батюшке? Петровна? Значит, никакая не Маша, а Мария Петровна! Это лучше для вас, для нас и для детей, а то тоже Машей звать будут.

Так вошла в семью Подвойских молодая деревенская девушка Мария Петровна Боборыкина. Вошла навсегда, потому что очень скоро она стала равноправным членом семьи и не захотела уходить из нее до конца своей жизни. Она разделяла с Подвойскими все их радости, горести и утраты.

...Нина Августовна была оформлена техническим работником страховой больничной кассы Путиловского завода. Но главным ее делом

была работа в нелегальном центре Петербургского Комитета. Уже через несколько дней она в полную силу помогала Николаю Ильичу: собирала данные о работе многочисленных партийных организаций Петрограда, следила за перемещением работников, выявляла нужды и просьбы к Петербургскому Комитету местных организаций. Николай Ильич сосредоточился на вопросах, требовавших ответственных решений, согласования с членами Петербургского Комитета, который с начала войны практически выполнял функции Русского Бюро ЦК. Согласование, к слову сказать, было делом отнюдь не простым, потому что состав ПК из-за полицейских репрессий менялся. Николай Ильич тратил уйму времени, отыскивая то одного, то другого члена ПК, а ими были: А. А. Андреев, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, И. М. Москвин, С. Г. Рошаль, А. К. Скороходов, Н. Г. Толмачев, И. Д. Чугурин, К. И. Шутко и другие.

...Однажды в Петроград нелегально приехал бежавший из ссылки М. В. Фрунзе. В поисках контактов с Петербургским Комитетом он, по совету своего старого товарища, пришел в больничную кассу Путиловского завода. Н. И. Подвойский сразу узнал этого подвижного и энергичного, с умными, дерзкими глазами круглолицего крепыша — «Трифоныча», «Арсения» — и очень обрадовался встрече. Вспомнили совместную работу в Иваново-Вознесенске, первый Совет. Н. И. Подвойский рассказал, что в Иваново-Вознесенске прошли массовые аресты, комитет разгромлен — 10 августа за одну ночь было арестовано 19 активных большевиков. Выслушав Николая Ильича, М. В. Фрунзе тут же решил ехать в Иваново-Вознесенск. Но Подвойский покачал головой:

— Нет, брат, туда нельзя. Вас там слишком хорошо знают. И двух недель не продержитесь. Туда пошлем других работников. Для вас есть задача поважнее...С ленинской линией о превращении войны империалистической в войну гражданскую знакомы?

— По дороге в Петроград успел ознакомиться, — кивнул Фрунзе. — Да и тут побывал у Павлова — верного товарища. Он ввел в курс дела.

— Так вот. Нужно армию поворачивать на сторону революции. В ней под ружьем миллионы людей. А это — крестьяне и рабочие. Сейчас очень важна наша работа в армии, — закончил Николай Ильич.

М. В. Фрунзе согласился без колебаний. Николай Ильич распорядился изготовить ему паспорт на имя Михайлова. М. В. Фрунзе уехал на военно-революционную работу в Минск. Так началась военная биография Михаила Васильевича Фрунзе.

В начале ноября 1914 года партия потеряла последний в России

легальный руководящий центр — большевистская фракция в IV Государственной думе была в полном составе арестована. Полиции удалось обнаружить у депутатов-большевиков адрес квартиры Н. И. Подвойского. 30 декабря жандармы нагрянули на дачу Пето в Куоккале. Но самый тщательный обыск ничего не дал. Безрезультатным был и допрос арестованного Подвойского. За недостаточностью улик Николай Ильич вскоре был освобожден.

Лишившись легального руководящего центра внутри страны, ЦК партии стал искать новые каналы непосредственной связи с рабочим движением в России. В феврале 1915 года Петербургскому Комитету удалось добиться восстановления закрытого с началом войны журнала «Вопросы страхования». Это была важная победа, так как ни одного легального общероссийского издания партия в это время не имела. ЦК РСДРП рассчитывал использовать журнал не только для освещения вопросов страхования и профессионального движения, но и для критического показа невыносимых условий жизни рабочих, разьяснения грабительского характера войны, разоблачения шовинизма. Журнал должен был стать слышимым во всей России голосом партии. При всем этом надо было во что бы то ни стало не допустить его повторного закрытия.

Редактирование журнала Центральный Комитет поручил Н. И. Подвойскому. Было учтено, что он знаком со страховым делом и имеет доступ к статистическим материалам, прошел школу журналистской работы в «Звезде» и «Правде», а главное, был авторитетным, теоретически подготовленным, имеющим разнообразный практический опыт партийным работником.

...Николай Ильич поехал в Куоккалу. Надо было обсудить с Ниной Августовной предстоящую работу, посоветоваться. По пути, в поезде, он многое обдумал.

— Открыто писать в журнале о положении рабочих нельзя — цензура не пропустит, — говорил Николай Ильич, шагая по поскрипывавшему полу дачи Пето. — Но у нас есть скрытое оружие — статистика. Мы ее будем брать из официальных источников. Это важно для цензуры. А уж какую статистику и как ее подать — это будет нашей заботой... Придется тебе, Нинуша, переходить на работу в редакцию. Среди сотрудников опытных статистиков нет.

— Хорошо, я перейду, — ответила Нина Августовна. — Но я хочу сказать о другом. Тебе нужен приличный костюм. Для заводской больничной кассы и этот сошел бы, а для редакции...

— Да, конечно, — согласился Николай Ильич. — Придется поскрести

в кошельках. Представлять властям журнал надо в соответствующем виде.

...На заседание редакции Николай Ильич пришел в белоснежной сорочке, отлично подогнанном и отутюженном черном костюме и таком же галстуке. Пышная шевелюра, усы и борода были аккуратно подстрижены.

— Я вас не узнаю, Николай Ильич, — пошутил З. Т. Фаберкевич. — Когда мы с вами основывали этот журнал, вы были по виду социал-демократ. А сейчас какой-то подозрительный социалист.

— На голого и собаки брешут, — отшутился Николай Ильич.

На первое заседание пришли все будущие ведущие сотрудники: правдисты А. Т. Радзишевский и З. Т. Фаберкевич, а также А. Н. Винокуров, И. И. Рябков, Г. Г. Осипов. Все они были знакомы Николаю Ильичу и знали друг друга.

— Перед нами поставлена сложнейшая задача, — начал заседание Николай Ильич. — Надо нести в массы революционные идеи партии и при этом во что бы то ни стало уберечь журнал от закрытия. Тут потребуется все ваше мастерство. Видимо, придется использовать два главных способа подачи материалов: умелое использование официальной статистики и эзопов язык...

Кто-то из сотрудников высказал сомнение, поймут ли рабочие, крестьяне, солдаты язык' иносказаний, скрытого смысла, будет ли он им доступен.

— Поймут! — горячо возразил Николай Ильич. — Они, может, и не знают, что это эзопов язык, но сами им пользуются вовсю. Послушайте, как они говорят: слов мало, а смысла — хоть отбавляй. А сколько иносказания в пословицах, поговорках! Басни понимают и любят. Я помню, как на Черниговщине мужики белорусскую «Энеиду навыворот» читали, «Тараса на Парнасе»... Простой человек читает не спеша, обдумывает. Послушайте, как мужик с начальством говорит — сплошное иносказание! Поймут!

На заседании определили стратегию и тактику журнала, круг тем.

В первом же после восстановления, февральском, номере за 1915 год редакция извещала читателей: «Журнал, как и раньше, будет уделять место не только вопросам страхования рабочих в узком смысле этого слова, но также и условиям труда и быта рабочих, вопросам профессионального движения и профессиональной организации рабочих и другим насущным вопросам рабочего движения». Журнал выходил под руководством ЦК, фактически же работу редакции направлял В. И. Ленин. Тираж журнала с трех тысяч экземпляров вскоре вырос до пяти тысяч.

Журнал требовал от Н. И. Подвойского полной самоотдачи. Кроме

того, с него не снимались обязанности адресата для связи и работа в Московско-Нарвском районе. Не оставляла его в покое полиция — на даче Пето было еще несколько, правда, безрезультатных обысков. Нервы Николая Ильича были натянуты до предела. Самое неприятное заключалось в том, что он потерял сон — те несколько часов, которые он выделял для сна, не восстанавливали силы. Нина Августовна с трудом уговорила его сходить в больницу. Врач определил сильное физическое и нервное истощение. Но Николай Ильич и разговаривать не хотел об отдыхе. Тогда Нина Августовна рассказала обо всем члену ПК М. И. Калинин. Михаил Иванович сам приехал в редакцию журнала, посмотрел на измотанного Николая Ильича, на дрожавший мелкой дрожью листок бумаги в его руках и заявил, что ПК обязывает его вместе с женой уйти в трехнедельный отпуск.

...Николай Ильич осуществил свою давнюю мечту — вместе с Ниной Августовной, братом Ваней, племянницей Женей Фраучи и их молодыми друзьями отправился в туристский поход по Финляндии и Карелии. Они пешком добрались от Куоккалы до реки Вуоксы, опустились по ее берегу до Ладожского озера, на пароходе добрались до Хитолы, потом прошли по гряде Пулка-Харью, вышли к Нейшлоту на берегу Сейменского озера, переправились через озеро к Вильпанстранду. Оттуда сходили к знаменитому водопаду Иматра. Затем проехали через шлюзы по каналу к Выборгу и поездом вернулись домой.

Николай Ильич, выросший в деревне, оказался в походе мастером на все руки; владел топором, быстро разжигал костер, устраивал бивак, умел ловить рыбу и варить уху, а перед сном у костра пел песни. Он был неутомим. И когда другие, более молодые, уставали до того, что не замечали ничего вокруг, Николай Ильич еще находил силы подбадривать их. К вечеру, однако, и он валился с ног от усталости. Остановившись на ночлег у какого-нибудь, словно налитого в бездонную каменную чашу, озера, Николай Ильич сбрасывал тяжелую поклажу и бросался в абсолютно прозрачную холодную воду. Растеревшись полотенцем до красноты, он будто молодец и готов был к туристским хлопотам. Его примеру следовали другие.

Николая Ильича восхищали красота и необычайность суровой северной природы — озера, скалы, сосны... Когда подошли к водопаду Иматра, его восторгам не было конца.

— Смотрите и запоминайте! — говорил он спутникам. — Такой красоты вы больше не увидите нигде!

Нина Августовна была более сдержанна в выражении чувств, но и на

нее, как и на всех других участников, поход произвел очень сильное впечатление. В походе она внимательно наблюдала за Николаем Ильичом. Вставал он, как и прежде, с рассветом. Но четыре-пять часов сна в лесу у реки или озера — это все равно, что восемь-десять часов в городской квартире. Николай Ильич окреп, успокоился, весь как-то обновился.

Когда они вернулись домой, он уже на другой день уехал в Петроград и пропал там целую неделю. Наконец он появился в Куоккале.

— Как ты себя чувствуешь, Николушка? — спросила Нина Августовна.

— Ты знаешь, после похода я тела своего не ощущаю, как на крыльях летаю! Будто нет у меня ни сердца, ни ног, ни больного позвоночника. Кажется, горы могу свернуть!

Действительно, работал он после похода с особенно большим подъемом. Ему было дано еще одно ответственное задание. Осенью 1915 года после настойчивых усилий В. И. Ленина для руководства революционной работой в России было воссоздано Русское Бюро ЦК РСДРП. В его состав вошли: В. Н. Залежский, И. И. Фокин, Г. И. Осипов, А. Г. Шляпников. Немного позже в него были введены К. С. Еремеев и Е. А. Дунаев. К активной работе в Бюро сразу же подключились А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова, Н. И. Подвойский и К. М. Шведчиков. Николаю Ильичу была поручена работа в финансовой комиссии Бюро.

...Правительство не прекращало борьбу с нараставшим революционным движением. В столичную партийную организацию был внедрен провокатор Черномазов. Ему удалось многое выведать о работе ПК и Русского Бюро ЦК. Ночью 16 ноября 1916 года было арестовано сразу 93 человека, в том числе практически весь состав Русского Бюро ЦК.

Николай Ильич в ту роковую ночь остался в Петрограде на квартире, снятой для дочери Олеси. Как вспоминала потом Ольга Николаевна, она проснулась от шума и увидела, что жандармы все переворачивают вверх дном. У стены молча, спокойно стоял отец. Жандарм сказал ему:

— Собирайтесь. Вы арестованы.

Николай Ильич подошел к Олесе.

— Ты уже большая, тебе 8 лет. Утром поезжай в Куоккалу и скажи маме, что я арестован.

В ордере на арест Н. И. Подвойского было указано: «Арестовать независимо от результатов обыска». Это был его пятый арест. Николая Ильича поместили в одиночную камеру № 808 известной политической тюрьмы «Кресты».

Его очень беспокоило положение семьи, которая осталась без средств к существованию. А ведь недавно родился четвертый ребенок — дочь Ниночка. В первом же письме из тюрьмы он написал жене: «Дорогая Нина! Мой арест принесет тебе ужасную боль... Я должен с тобой немедленно увидаться, чтобы передать тебе ведение своих работ на это время. Обратись сразу же в охранное отделение за разрешением свидания... Пусть мой арест не сломит твоей энергии». В следующем письме он просит ее: «Пиши мне ежедневно, пусть растут дети».

...Нудно и трудно шли допросы, и каждый из них был поединком со следователями. Лишь в феврале 1917 года состоялся суд, приговоривший Николая Ильича к ссылке.

Перед отправкой в Сибирь начальство дало три дня для сборов, свидания и прощания с семьей. Николай Ильич, выйдя из тюрьмы, увидел заполненные народом бушующие улицы Петрограда. Не совсем понимая, что происходит, он поспешил на квартиру Олеси. От нее он узнал, что Нина Августовна больше месяца живет здесь, но уже три дня не приходит ночевать, лишь изредка забегает днем. Лева, Лида и Ниночка в Куоккале под присмотром бабушки и няни...Вскоре появилась Нина Августовна. Голова ее была перевязана бинтом с ржавыми пятнами крови. Она бросилась мужу на шею:

— Николушка! В Питере революция!

Ни о каком возвращении в «Кресты» Николай Ильич уже не думал. Наскоро перекусив и переодевшись, он бросился на улицу. Там он увидел отряды солдат, матросов, рабочих с красными повязками на рукавах и красными бантами на груди. Повсеместно шли митинги. Встречались и большие группы «чистой» публики. Перед ними тоже выступали ораторы. Недалеко от Петропавловской крепости Подвойский наткнулся на отряд авто-бронедивизиона, возглавляемый солдатом-большевиком Г. В. Елиным. Рядом с отрядом темно-зеленой громадой возвышался броневик.

— Георгий Васильевич! Поясни, пожалуйста, для чего вы здесь? Я прямо из «Крестов»...

— Революция, Николай Ильич! А мы тут... Вот, почитай!

Елин подал Подвойскому призыв-листовку большевиков Выборгского района. В ней говорилось:

«Товарищи!

Настал желанный час! Народ берет власть в свои руки. Революция началась. Не теряйте ни минуты времени...

Прежде всего выбирайте депутатов... Пусть под защитой войска создается Совет депутатов...

Идите к казармам... Захватывайте все здания, которые могут послужить опорой вашей борьбы».

Николай Ильич прочел листовку быстро, на одном дыхании. Волнение на мгновение сжало горло. Он поднял глаза на Елина:

— Что же вы стоите? Тут же сказано: захватывайте здания, которые могут послужить опорой для борьбы! Вон, рядом почти — особняк. Знаешь чей? Балерины Кшесинской, любовницы царя. На одну такие хоромы! Заводи броневик!

Н. И. Подвойский и Г. В. Елин повели отряд к особняку, выгнали охрану, поставили у входа броневик.

Вскоре в особняке Кшесинской разместились ЦК, ПК и другие учреждения партии большевиков.

ВО ГЛАВЕ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ

Н. И. Подвойский вышел из тюрьмы в день, когда восстание народных масс, руководимых большевиками, схватило весь Петроград и более 60 тысяч солдат гарнизона перешли на сторону восставших. Трехсотлетняя монархия Романовых рухнула. Большевики призвали рабочих к созданию Совета рабочих депутатов. Вечером 27 февраля в Таврическом дворце появились первые делегаты, избранные на предприятиях. Но в большинстве своем они принадлежали к меньшевикам, эсерам, другим мелкобуржуазным партиям. Их численное превосходство в Совете привело к тому, что председателем Петроградского Совета был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе, а его заместителями — меньшевик М. И. Скобелев и трудовик, вскоре объявивший себя эсером, А. Ф. Керенский. Большевики же оказались в Совете в меньшинстве. Произошло это потому, писал В. И. Ленин, что «гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно...».

При поддержке эсеро-меньшевистского руководства Петроградского Совета, считавшего, что революция закончена, буржуазия 2 марта образовала Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. В стране установилось двоевластие.

В. И. Ленин, проанализировав ситуацию, в «Письмах из далека» указывал, что закончился только первый этап революции, и своеобразие момента состоит в переходе ко второму ее этапу, который должен дать власть рабочими беднейшим крестьянам. «...Никакой поддержки новому правительству, — телеграфировал Владимир Ильич, — ...вооружение пролетариата — единственная гарантия...» Таким образом, вставшему во главе народных масс и сбросившему самодержавие рабочему классу предстояла ожесточенная борьба с буржуазией за установление диктатуры пролетариата.

Исход этой схватки в значительной мере зависел от того, на чьей стороне будет армия. Поэтому сразу же после победы Февральской революции борьба за армию приобрела очень напряженный характер.

Солдаты, поддержавшие восстание, жаждали мира. Но Временное правительство и не думало о прекращении войны. Буржуазия рассчитывала использовать революцию для достижения своих захватнических целей. Она выдвинула лозунг: «Война до победного конца!» Меньшевики и э. серы вместе с буржуазией уверяли народ, в особенности солдат, что с победой

революции изменился характер войны, что она якобы перестала быть захватнической, что теперь надо оборонять революцию от Германии и ее союзников, ждать созыва Учредительного собрания, которое решит все насущные вопросы жизни. Обманывая массы, они называли себя «революционными оборонцами». Большая часть народа не сразу поняла обман. «Оборонческие» настроения охватили миллионы рабочих, крестьян, солдат.

Борьба за влияние на армию, за освобождение солдат от добросовестного заблуждения, выразившегося в «оборончестве», стала одной из важнейших задач партии большевиков. 10 марта Петербургский Комитет РСДРП поручил комиссии в составе Н. И. Подвойского, С. Я. Багдатьяна и С. Н. Сулимова подготовить предложения по налаживанию систематической и целеустремленной политической работы в войсках. Вскоре по предложению Николая Ильича комиссия была расширена. В нее были введены опытные профессиональные революционеры В. И. Невский и прапорщик Н. В. Крыленко, рабочий К. Орлов, а также военные большевики: солдат гренадерского полка К. А. Мехоношин, солдат саперного батальона Н. К. Беляков, подпоручик 3-го запасного пехотного полка П. В. Дашкевич, солдат бронедивизиона Г. В. Елин, прапорщик огнеметного химического батальона А. Ф. Ильин-Женевский. Комиссия в течение двух недель не только разработала предложения, но и создала в воинских частях гарнизона, где имелись большевики, партийные организации.

31 марта в особняке Кшесинской собрались 97 представителей партийных организаций 48 частей столичного и некоторых пригородных гарнизонов. На своем собрании они учредили Военную организацию при ПК РСДРП. Потом иногда ее называли Военной комиссией, а в народе она получила короткое и броское название «Военка». Была утверждена и ее структура. Для руководства организацией был избран президиум из 9 человек. В составе «Во-енки» было создано 7 комиссий — организаторская, агитационная, финансовая, ревизионная, издательская, клубная, библиотечная. Целью организации, как отмечалось в протоколе, являлось «объединение всех тов. солдат и офицеров социал-демократов для организованной борьбы под знаменем Рос. социал-демократической рабочей партии большевиков». Средства «Воеики» должны были формироваться из членских партийных взносов, а также из денежных сборов среди солдат и рабочих. Каждая партийная организация части избирала по одному представителю в «Военку» и по одному — для связи с общепролетарскими партийными комитетами. С образованием «Военки»

военные большевики выделились в самостоятельную организацию, которая должна была развернуть революционную работу в войсках Петроградского и пригородных гарнизонов. Председателем президиума или бюро «Военки» был избран член ПК РСДРП и Петроградского Совета Н. И. Подвойский.

Начался новый этап революционной деятельности Николая Ильича. Он стал военным работником партии. Нина Августовна в начале марта была назначена помощником секретаря ПК РСДРП. Таким образом, оба они стали работниками Петербургского Комитета партии. Подвойские сняли квартиру недалеко от особняка Кшесинской — поближе к «штабу» партии.

Для Николая Ильича это было переломное, радостное время. Победа революции, крах самодержавия, выход партии из подполья — сколько событий за один месяц! Партия поручила ему сложный, ответственный, самостоятельный участок. Он хорошо понимал масштабы предстоящей работы, ее значение для революции. Чем глубже он вникал в дела, тем все более увлекался, убеждаясь в абсолютной необходимости того, чем занимался. Кто командует гарнизоном, тот диктует свою волю — эти слова стали его лозунгом и рабочей программой.

Еще в период подготовки собрания по учреждению Военной организации Николай Ильич, присмотревшись к товарищам, отобрал в руководящее ядро «Военки» людей не просто знающих армию, но людей увлеченных, способных вызвать доверие у солдат и матросов. Такими были В. И. Невский, Н. В. Крыленко, П. В. Дашкевич, К. А. Мехоношин, А. Д. Садовский, А. Ф. Ильин-Женевский.

Верный своему принципу работать, выкладываясь до конца, Николай Ильич на первом же организационном заседании президиума «Военки» решил «запросить максимум»:

— Я предлагаю, — сказал он, — чтобы здесь, в особняке Кшесинской, наш штаб работал без праздников и выходных. Это во-первых. А во-вторых — круглосуточно. Солдат своим временем не располагает. Поэтому Военная организация для него должна быть открытой и доступной в любой момент. На Украине говорят: «На дэрэво дывись, як родыть, а на людыну — як робыть». Так и на нас будут смотреть в войсках.

Было единодушно решено, что в Военной организации круглосуточно будет находиться один из членов президиума и решать все возникающие вопросы — сам или через ПК и Петроградский Совет. Это было вполне возможно, потому что каждый член президиума был одновременно или членом ПК, или входил в Петросовет. На дежурного члена президиума

возлагалась также обязанность в случае необходимости прочитать лекцию или провести беседу по животрепещущим вопросам: о земле, о власти, о войне, о мире, — снабдить посетителей литературой и т. д.

Охрану особняка Кшесинской, то есть ЦК, ПК и штаба «Военки», организовали силами революционно настроенных солдат и матросов из частей гарнизона по очереди. Выделение охраны осуществлялось не командирами, а партийными организациями через созданные после революции солдатские комитеты.

Военная организация стала разворачивать свою деятельность в войсках, нащупывая наиболее эффективные методы работы. В начальный период, вспоминал позже Н. И. Подвойский, она опиралась на делегатское совещание представителей полков. Совещание обсуждало вопросы, более всего волновавшие солдат. После этого делегаты шли в части и разъясняли солдатам, какие пути для их разрешения предлагает партия большевиков. Но в то время военные организации большевиков в значительной части полков, батальонов и команд Петроградского гарнизона были еще немногочисленны и слабы. Работа делегатов среди солдат не клеилась. То один, то другой из них докладывал, что солдаты не хотят слушать большевистских ораторов. Это встревожило Подвойского.

— Что же происходит? Давай думать, Владимир Иванович, — сказал Николай Ильич В. И. Невскому. — Теперь за все, что происходит в полках, отвечает «Военка».

В. И. Невский (Феодосий Иванович Кривобоков) был на четыре года старше Николая Ильича. Свою революционную деятельность он начал в 1897 году. Окончил Харьковский университет. Вел партийную работу во многих городах, в том числе в Харькове, Москве, Петербурге. Был за границей, встречался с В. И. Лениным, в качестве делегата участвовал в работе IV съезда партии, работал в «Звезде» и «Правде». Николай Ильич знал его давно и считал одним из самых опытных партийных работников в «Военке».

— ...Перво-наперво надо обстоятельно поговорить с делегатами от полков, — предложил В. И. Невский. — Мы еще плохо знаем обстановку в частях.

Так и решили. Николай Ильич попросил Г. В. Елина, который фактически был комендантом особняка Кшесинской, поставить в комнате «Военки» железную койку. Подвойский теперь круглосуточно находился в Военной организации и использовал всякую возможность, чтобы детально расспросить буквально каждого солдата, унтера, прапорщика о том, что

делается в частях. Одновременно Подвойский просмотрел кипы буржуазных газет, документы Петроградского Совета, чтобы во всех деталях выявить линию Временного правительства и Совета по отношению к армии. Примерно те же вопросы выяснял Невский. Через несколько дней, обобщив полученные сведения, они смогли представить себе довольно полную картину того, что происходило в частях.

Временное правительство, пользуясь своей властью, шаг за шагом ликвидировало демократические преобразования в армии, введенные там в первые послереволюционные дни. В частности, был фактически отменен знаменитый «Приказ № 1» Петроградского Совета, ограничивший власть офицеров и подчинявший политическую жизнь частей солдатским комитетам. В войска были направлены комиссары Временного правительства, поднаторевшие в демагогии. Они лгали, внушали солдатам, что в военных неудачах виноваты «лодыри» и «бунтовщики» рабочие, «предатели» и «изменники» большевики, выступающие против войны, что именно поэтому доступ их в части, а также распространение большевистской печати и большевистская агитация в казармах категорически запрещены правительством и армейским командованием.

Неопытные в политике солдаты, задавленные мощным прессом буржуазной и эсеро-меньшевистской пропаганды, поверив обману, искренне встали на «оборонческие» позиции и теперь враждебно встречали слово большевистской правды.

«Ни один большевик, — писал позже Н. И. Подвойский, — не мог появиться в казармах, не рискуя быть арестованным, а то и битым. Солдаты-большевики и им сочувствующие в войсковых частях должны были скрывать — почти во всех казармах, — что они большевики или сочувствующие, иначе им не давали говорить, их избивали, призывали натравленную против большевиков солдатскую массу учинять с ними расправу, посылали их вне очереди на фронт, непосредственно на передовые позиции...

Военная организация в это время вела свою агитацию среди солдат на улицах или на специально устраиваемых для солдат митингах.

Таким образом, первым кадрам Военной организации пришлось выполнять рискованную, чрезвычайно трудную задачу. И вряд ли эти, еще слабые, молодые ряды «Военки»... справились бы со своей задачей, если бы не возвращение Ленина из эмиграции в Петроград».

...В ночь на 3 апреля Николай Ильич дежурил в Военной организации сам — начались пасхальные дни, и он ожидал, что многие отпущенные в

город по случаю праздника солдаты не обойдут «Военку». Работа большевиков в частях постепенно давала результаты. Несмотря на трудности, Военная организация сумела создать целую сеть партийных ячеек в войсках гарнизона. Наиболее крепкие из них были в бронедивизионе, саперных частях и в шести бывших царских лейб-гвардии полках: Московском, Петроградском, Павловском, Измайловском, Гренадерском и Финляндском, а также в 180-м запасном пехотном полку. Эти организации состояли в основном из питерских, московских и нижегородских рабочих, призванных в армию.

Ранним утром перед Николаем Ильичом неожиданно появилась встревоженная младшая сестра В. И. Ленина М. И. Ульянова.

— Что случилось, Мария Ильинична?

— Вечером приезжает Владимир Ильич. Вот телеграмма из Торнео. Что делать? Членов ЦК нет. Из ПК тоже ведь никого нет? — спросила она, кивнув головой в сторону верхнего этажа, где размещался Петербургский Комитет РСДРП.

Подвойский пробежал глазами телеграмму: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде». Он усадил Марию Ильиничну, налил ей холодного чаю. Делал он это почти машинально, ибо мысли его были заняты другим. Сегодня второй день пасхи, напряженно думал он, заводы не работают, учреждения закрыты, солдаты отпущены в город... Как оповестить руководителей партии, партийные организации, как собрать рабочих и солдат для встречи Ленина? Он знал, что в Русском Бюро ЦК и в ПК ожидали приезда В. И. Ленина, обеспечили его безопасный проезд. Но путь Владимира Ильича в Россию через Германию и нейтральные страны был так сложен, что определить день приезда было нельзя. И вот телеграмма. Что делать? Он с лихорадочной быстротой перебирал в уме возможные варианты. Вдруг, стоп! Надо использовать технику лавинообразного, молниеносного распространения слухов.

Николай Ильич вызвал Елина:

— Георгий Васильевич! Давай сюда большевиков из твоего бронедивизиона. Кто на постах, подмени! Потом объясню! Быстро! — добавил он, видя, что Елин не совсем понимает его.

Елин ушел.

— Мария Ильинична! Вот у меня список адресов членов ЦК, ПК, правдистов, — обратился Подвойский к Ульяновой. — Добавляйте еще! Диктуйте!

Николай Ильич, торопясь, записывал адреса. Вскоре пришли солдаты-большевики из охраны. Николай Ильич сказал каждому адрес, заставил

повторить, чтобы не забыли.

— ...Пойдете по адресу, нигде не задерживаясь. Разбудите. Скажите, что от Подвойского. Сообщите, что вечером приезжает Ленин. Передайте, чтобы товарищ тут же сообщил об этом кому он посчитает нужным, а сам немедленно ехал в особняк Кшесинской. А оповещенные им товарищи пусть сделают то же самое. Понял? — обратился он к курносому, круглолицему солдату.

— Что же тут не понять, — бойко ответил тот. — Как в окопах: «Передать по цепи!» «Живая связь» называется.

— Молодец, земляк! — улыбнулся Елин.

Солдаты ушли. Мария Ильинична облегченно вздохнула.

— Не волнуйтесь, — сказал ей Подвойский. — Часа через два все будут знать. Вот вам номера телефонов. Садитесь и будем звонить в районные парторганизации, на заводы, в части. Пусть собирают людей.

День прошел в напряженной работе. Собравшиеся в особняке члены ЦК, ПК, «Военки», правдисты разработали план торжественной встречи В. И. Ленина, организовали оповещение заводов, фабрик, воинских частей, моряков. Для сбора рабочих и солдат использовали даже такой метод: носили по улицам транспаранты с сообщением о приезде В. И. Ленина и просьбой к рабочим и солдатам собираться на заводах и в частях. Уже к полудню о приезде В. И. Ленина знал весь город. Руководители ПК и «Военки» приняли необходимые меры предосторожности — из надежных людей создали небольшую группу личной охраны В. И. Ленина. В нее входил, в частности, брат Н. И. Подвойского — Иван. По предложению Николая Ильича, сделанному им от имени Военной организации, решили вывести к вокзалу для встречи В. И. Ленина не только рабочих и красногвардейцев, но и революционных солдат и матросов.

— ...Военная организация, — сказал он, — приведет к вокзалу несколько сотен солдат и матросов. Кроме того, мы считаем, что надо продемонстрировать, что трудящиеся России встречают Владимира Ильича Ленина как своего вождя. Для этого предлагаю выставить на перрон военно-морской оркестр, почетный караул и отдать принятые по ритуалу почести. Военная организация берется обеспечить подготовку оркестра и караула.

Предложение было принято. Николай Ильич поставил соответствующие задачи перед работниками «Военки», разослал их в части гарнизона, а сам вызвал Г. В. Елина. У него зародилась и уже не давала покоя одна мысль: показать В. И. Ленину, да и всему городу — друзьям и врагам, что большевистская организация Питера располагает реальной

боевой силой. Для этого, считал Подвойский, надо вывести к вокзалу не только солдат и матросов, почетный караул, но и хотя бы одну бронемашину — повое грозное оружие того времени. Сделать это мог только Г. В. Елин.

Пришел Елин. Николай Ильич изложил ему свой план. Елин сразу оценил значение задуманной демонстрации. В прошлом рязанский крестьянин, потом рабочий, участник революции 1905 года, ныне солдат — вожак большевиков бронедивизиона — Г. В. Елин был не из робкого десятка. Но тут он задумался, ибо знал, что за самовольный вывод боевой техники грозит военно-полевой суд. А у него в военное время разговор короткий. Но колебался он недолго. Согласился твердо и без оговорок.

Примерно в 22 часа Н. И. Подвойский был у Финляндского вокзала. Он помогал расставлять на площади колонны рабочих, отряды красногвардейцев, подразделения солдат и матросов. Для встречи прибыла делегация ПК РСДРП со знаменем, потом стали подходить делегации от партийных организаций, редакции газеты «Правда». Петроградского Совета. Вскоре не только привокзальная площадь, но и прилегающие улицы были заполнены встречавшими. На перроне расположился оркестр и почетный караул из матросов.

Уже подходило время прибытия поезда, а броневика все не было. Наконец раздался звук сирен, и на площадь, тяжело переваливаясь и покачиваясь на ходу, выползли два (!) броневика. Под громкое «ура!» тысяч встречавших они медленно развернулись и по сигналу Николая Ильича встали вблизи вокзала, откуда должен был выйти В. И. Ленин. Из одной машины выпрыгнул улыбающийся Елин. Николай Ильич одобрительно похлопал по броне двухбашенного «Остина» и спросил:

— Кто ведет машину?

— Наши, — ответил Елин.

Подвойский взглянул на свой швейцарский хронометр. Было 23 часа 10 минут. Немного опоздавший поезд подходил к вокзалу. Николай Ильич бросился на перрон: он очень хотел увидеть воинский ритуал встречи. На перроне, кроме караула и оркестра, были члены ЦК, ПК, правдисты, руководители «Военки».

Когда В. И. Ленин ступил на перрон Финляндского вокзала, матросы взяли «на караул», военно-морской оркестр грянул «Марсельезу». Начальник почетного караула, печатая шаг, подошел к В. И. Ленину и отдал рапорт. В. И. Ленин обошел караул, встречавших и обратился к плотно стоявшим на перроне товарищам с краткой приветственной речью. Ее он закончил историческим призывом: «Да здравствует социалистическая

революция!» В ответ прогремело «ура!». От делегации ПК отделился секретарь партийного комитета Выборгского района И. Д. Чугурин и вручил В. И. Ленину партийный билет № 600.

В здании вокзала, в бывшем царском за те, В. И. Ленина от имени Петроградского Совета приветствовал Н. С. Чхеидзе. Владимир Ильич вышел на привокзальную площадь. Она была заполнена тысячами рабочих, красногвардейцев, матросов, солдат. Встречать вождя пришли представители всех крупных заводов. Площадь, освещенная прожектористами инженерного батальона, вся полыхала красными знаменами и транспарантами.

«Владимир Ильич вышел на ступеньки крыльца, — вспоминал потом Н. И. Подвойский, — опять сказал небольшую речь, и его усадили было в автомобиль, но нечего было и пытаться проехать: все хотели видеть и слышать Ленина. Он сказал несколько фраз и закончил словами; «Да здравствует социалистическая революция!» Шеренги рабочих и солдат, матросов плотным кольцом окружили автомобиль. Я попросил Владимира Ильича перебраться на броневик, который в это время придвинулся к подъезду вокзала и стал рядом с автомобилем.

— Оттуда удобнее говорить стоя, — объяснил я, и рабочие подняли Владимира Ильича на броневик. Стараясь овладеть всей площадью, громко и внятно Ленин произнес свою речь, страстный призыв к дальнейшему развертыванию революции. Характерный ленинский жест, которым он выбрасывал вперед правую руку, словно в ней и заключены искрометные его мысли, навсегда останется в памяти тех, кто слушал и видел Ленина на броневике у Финляндского вокзала».

Броневик тронулся в путь. Наверху между башнями стоял В. И. Ленин. Н. И. Подвойский, держась за крыло, шел рядом с правой стороны. С левой стороны шел Г. В. Елин. Броневик сопровождали многотысячные колонны. На улицы, несмотря на поздний час, высыпал народ. В местах наибольшего скопления броневик останавливался, и В. И. Ленин снова и снова произносил короткие речи. Так и двигалась процессия к Кронверкскому проспекту, к особняку Кшесинской. Здесь, поскольку к особняку подходили все новые и новые делегации рабочих, В. И. Ленину пришлось еще несколько раз выступать, уже с балкона. Это продолжалось примерно до трех часов ночи.

В одной из комнат на втором этаже был подготовлен товарищеский ужин, на котором должен был присутствовать актив Петроградской партийной организации. Но ужин фактически так и не состоялся — было не до него. Вместе с Лениным, лишь выпившим стакан чаю, все перешли в

облицованный белым мрамором зал. Вдоль стен в зале стояла роскошная мебель, обитая белым шелком. В выступах красовались огромные пальмы. По камням живописного грота струилась вода. Здесь был зимний сад балерины. Для беседы выбрали уголок поскромнее. Принесли простой стол, стулья и длинные кухонные скамейки. В. И. Ленин и Н. К. Крупская сели за стол, вокруг расположились товарищи. Среди них были Николай Ильич и Нина Августовна.

Владимир Ильич рассказывал о своем трудном — через Германию, Швецию и Финляндию — переезде из Швейцарии в Россию, расспрашивал о положении в Петрограде и на периферии, изложил содержание Апрельских тезисов, обосновал необходимость перехода к социалистической революции.

Встреча закончилась к утру.

С приездом В. И. Ленина Подвойский старался не упустить ни одной возможности послушать Владимира Ильича: на совещаниях в ПК, в Исполкоме Петроградского Совета, на городской партийной конференции и т. д. Каждое выступление В. И. Ленина было для него уроком. Подвойский впитывал все, что могло ему пригодиться в его партийной работе.

Особняк Кшесинской был местом, где в те дни чаще всего бывал В. И. Ленин. К сожалению, его краткие деловые встречи, рабочие беседы не протоколировались в той каждодневной круговерти, не фиксировались. Не осталось данных и о первых беседах В. И. Ленина с Н. И. Подвойским как руководителем Военной организации. Однако известно, что уже 10 апреля Владимир Ильич выступил на митинге представителей частей, состоявшемся в казармах Измайловского полка; 11 апреля написал воззвание «К солдатам и матросам»; 13 апреля по просьбе Н. И. Подвойского провел совещание руководителей «Во-енки» и некоторых членов ЦК, на котором были обсуждены задачи военной работы. Известно также, что Владимир Ильич встречался несколько раз с Н. И. Подвойским в дни, когда Петербургский Комитет объявил о созыве общегородской конференции РСДРП с докладом на ней В. И. Ленина о текущем моменте и об отношении к Временному правительству. Поводом для этих встреч послужило то, что в это время на улицах города появились в пику большевикам подразделения полков бывшей царской гвардии с лозунгами доверия Временному правительству.

— ...Обстановка в городе накаляется, — озабоченно говорил Владимир Ильич Подвойскому. — Временное правительство намерено провести демонстрацию войск в день открытия конференции. Сможет ли Военная организация, не мешкая, вывести на улицы под большевистскими

лозунгами хотя бы роту вооруженных солдат?

Ленин испытующе смотрел на Подвойского.

— Сможет, Владимир Ильич, — уверенно ответил Подвойский. — Вместе с солдатами выведем еще вооруженных красногвардейцев.

Через несколько часов по центральным улицам Петрограда под большевистскими лозунгами, с оружием прошел пулеметный полк и несколько отрядов вооруженных красногвардейцев. Как и рассчитывал В. И. Ленин, Временное правительство сразу же прекратило вооруженные демонстрации.

После конференции В. И. Ленин вызвал Н. И. Подвойского.

— Ну-с, товарищ Подвойский, я хочу в деталях знать, как работает Военная организация. И каково ее действительное влияние на гарнизон. — Владимир Ильич сделал упор на слове «действительное».

Н. И. Подвойский, волнуясь и переживая, рассказал, что крепких военных организаций большевиков, к сожалению, мало. В десятках частей организации еще малочисленные и слабые. Заметного влияния они не оказывают, а потому в подавляющем большинстве полков господствуют «оборонческие» настроения, солдаты поддерживают Временное правительство и соглашательскую верхушку Совета. Все солдатские комитеты пока являются меньшевистско-эсеровскими. Николай Ильич откровенно, ничего не утаивая, рассказал о трудностях, с которыми большевистские агитаторы сталкиваются в частях.

— Дело доходит до того, — закончил Николай Ильич, — что на митингах и собраниях солдаты стаскивают их с трибун, не хотят слушать, называют «изменниками».

В. И. Ленин слушал внимательно, не перебивая.

— А какими методами Военная организация ведет революционную пропаганду? — спросил он. — О чем говорят большевики солдатам?

— В основном используем митинги и собрания. Разъясняем особенности нынешнего этапа революции, классовую сущность Временного правительства, захватнический характер войны, лозунги большевиков — самые животрепещущие вопросы.

В. И. Ленин встал, сделал несколько быстрых шагов по комнате, остановился перед Подвойским.

— Ошибка Военной организации состоит в том, что она использует старые методы работы. Они были хороши в период подпольной жизни партии и накануне Февральской революции. И в том, что она не учитывает особенности своей аудитории. Поэтому большевистские агитаторы, несмотря на свою правоту, не имеют успеха. Вы собираете на митинг сотни

солдат, знаете, что у них настроение не наше, и все же пытаетесь им разъяснить такие сложные вопросы! Митинг — это же не занятия в кружке! Солдаты — не рабочие, они еще не готовы сразу понять эти вопросы. Сейчас вам нужны не митинги, не лекции, а кропотливая, повседневная работа по воспитанию каждого солдата.

В. И. Ленин сел рядом с Н. И. Подвойским.

— Солдатам сейчас большие речи не нужны. Большая речь затрагивает много вопросов, внимание солдата рассеивается. Он не может всего схватить, поэтому перестает слушать и остается недоволен агитатором. Нужно немедленно менять формы работы, подход к солдату. Именно к солдату, а не к солдатам.

— Мы ищем новые формы и методы работы, Владимир Ильич! — пытался оправдаться Николай Ильич.

— Долго ищите, товарищ Подвойский! А время ныне революционное! — Владимир Ильич помолчал. — Когда мы на днях ехали в Петроград, после финской границы я в вагоне беседовал с солдатами. Мы друг друга пре-е-екрасно поняли!

В. И. Ленин наклонился к Подвойскому.

— Надо вам подобрать сотни, тысячи самых простых агитаторов, умеющих разъяснить четыре вопроса: о мире, о земле, о рабочем контроле, о власти. Тут много толковать солдату не придется, он поймет вас с нескольких слов. И чем проще будут агитаторы, чем бесхитростнее они будут говорить об этих четырех вещах, тем скорее солдат дойдет до большевизма. Он теперь избегает большевиков несознательно, потому что его так настроили. А в сущности, он выдвигает такие же требования, как большевики.

В. И. Ленин встал.

— Я советую вам послать в казармы моряков. Они хорошо себя проявили в революции. Народ боевой, развитой, авторитетный. Только обстоятельно их проинструктируйте.

— Мы это немедленно сделаем! — заверил Подвойский. — Может, и вы, Владимир Ильич, встретитесь с ними?

— Хорошо. Только сообщите заранее.

После беседы с В. И. Лениным Н. И. Подвойский сразу же зашел в секретариат ПК и договорился о вызове из Кронштадта в Военную организацию максимального количества моряков для агитработы в войсках гарнизона. Потом он вернулся в комнату «Военки», где его с нетерпением ожидали В. И. Невский, К. А. Мехоношин и все остальные члены

президиума, активисты. Они молча, вопросительно смотрели на Подвойского. Николай Ильич вытер взмокший лоб, осмотрел своих товарищей и вдруг улыбнулся:

— Получил взбучку от Ильича... Правильно говорят, что борода нэ робыть чоловика мудрым. Теперь засучивайте рукава!

Николай Ильич подробно рассказал о содержании беседы с В. И. Лениным, о его критике работы «Военки», о его предложениях.

— Начинаем двухнедельный поход агитаторов в полки, — закончил он свой рассказ. — Моряков через ПК я уже вызвал. Мы должны их хорошо просветить по каждому из четырех вопросов, которые рекомендовал Владимир Ильич. Вопрос о мире. Кому поручим? Дашкевичу. Вопрос о земле — самый сложный — Невскому. О власти — сам выступлю. О рабочем контроле — Мехоношин. Готовьте доклады. Минут по сорок. Александр Федорович, — повернулся он к Ильину-Женевскому, — подготовьте расчет, в какие части и сколько агитаторов послать.

— А сколько их будет?

— Сотни. Когда придут, уточним.

— Может, послать их человека по три или хотя бы по два... — предложил Ильин-Женевский. — Трех моряков избить трудно.

— Хорошо, — усмехнувшись, ответил Н. И. Подвойский. — Так будет надежнее.

Утром несколько сот матросов, присланных из Кронштадта, заполнили беломраморный зал особняка Кшесинской. Они шутили, весело переговаривались, громко смеялись, от них так и веяло уверенностью и силой. «Какие у них прекрасные лица, какая основательность, — думал Николай Ильич, наблюдая за неторопливо рассаживавшимися моряками. — Как это мы раньше не догадались их использовать?! Тут что ни моряк, то — вожак!» Он взглянул на хронометр, переглянулся с В. И. Невским и встал из-за стола.

— Товарищи!

Его сочный голос прорезал гудевший зал. Моряки затихли.

— Петербургский Комитет большевиков вызвал вас для выполнения срочного задания Владимира Ильича Ленина.

Зал вновь зашумел, раздались аплодисменты.

— По заданию товарища Ленина, — продолжал Подвойский, — Военная организация начинает двухнедельный поход большевистских агитаторов в солдатские казармы. Большинство обманутых солдат пока верит Временному правительству, поддерживает «оборонительную» войну. Одурманенные буржуазной агитацией, солдаты считают, что виновниками

всех бед являются большевики и бастующие рабочие...

Вдруг в первом ряду встал матрос и спросил:

— Как же мы пойдем в казармы? Там солдаты будут задавать вопросы, а что мы будем отвечать?

Н. И. Подвойский улыбнулся.

— О мире вы говорить можете?

— Можем.

— О земле можете?

— Ио земле можем.

— А о власти?

— Ио власти можем сказать.

— А о том, что рабочие должны установить контроль над производством и распределением, сможете?

— Об этом тоже скажем.

— Ну вот, это и есть главное. Кроме того, мы часа три будем инструктировать вас по этим вопросам. И еще: вы сегодня об этом поговорите с Владимиром Ильичем Лениным.

Его последние слова потонули в грохоте аплодисментов и одобрительных возгласах. Дождавшись тишины, Подвойский подробно объяснил задачи агитаторов, передал ленинские советы о методах работы с солдатами. Затем по очереди стали выступать докладчики «Военки».

Перед собранием Николай Ильич опасался, хватит ли у моряков терпения выслушать непривычные по длительности сорокаминутные доклады руководителей «Военки». Но моряки слушали, не проявляя недовольства. Сложная теория, изложенная просто и ясно, вызывала интерес и, судя по выражению лиц, была понятна. «Вот нужная форма работы «Военки», — думал Подвойский. — Мы должны, обязательно должны читать лекции и доклады для солдат и матросов, объявляя об этом заранее, афишируя их. Причем читать без упрощений, как сейчас». Он вспомнил «социалистический университет на Талке», организованный мудрым «Отцом» в 1905 году. Тогда сотни рабочих под защитой своих дружин в спокойной обстановке слушали лекции его, «Трифоныча», Бубнова и воспринимали теорию. Сейчас примерно та же обстановка, даже лучше — партия вышла из подполья. «Прав, тысячу раз прав Ленин, — размышлял Подвойский, сидя в президиуме, — заявивший еще в далеком 1902 году в книге «Что делать?»: надо поднимать рабочих до уровня революционера, а не опускаться самим до «рабочей массы», нельзя оскорблять рабочих желанием непременно «нагнуться», прежде чем заговорить с ними о политике...»

После инструктивных докладов А. Ф. Ильин-Женевский распределил моряков по полкам, представил заранее вызванных провожатых.

В назначенный час в агитотделе ПК с моряками побеседовал В. И. Ленин. Одно его появление вызвало неописуемый энтузиазм — ведь многие, почти все, видели его впервые. Настроение к концу встречи с ним было самое боевое.

После ухода В. И. Ленина Николай Ильич выступил с заключительным словом.

— Не начинайте с митингов, — напутствовал моряков Подвойский, — работайте с маленькими группами. Отрывайте их от эсеро-меньшевистских солдатских комитетов. Митингом можно завершить работу. Не уходите, пока полк не станет большевистским. Ешьте, спите с солдатами, будут прогонять — перетерпите! И опять агитируйте!

Моряки разошлись по полкам. Николай Ильич потом вспоминал, что некоторые агитаторы не выходили из казарм по 4–5—7 дней, но потом приходили в «Военку» и докладывали: такой-то полк идет за большевиками. Массовый поход агитаторов в казармы оказался результативным. Уже через десять дней 11 полков изменили политическую ориентацию и стали на сторону большевиков. В частях одна за другой создавались партийные организации. Николай Ильич радовался и поражался успеху и искренне говорил, что самым активным участником похода был В. И. Ленин. И это была не метафора. Только с 14 по 18 апреля 1917 года Владимир Ильич выступил: перед моряками-агитаторами; перед демонстрацией рабочих, солдат и матросов с балкона особняка Кшесинской; на митинге солдат бронедивизиона в Михайловском манеже; на заседании солдатской секции Петроградского Совета; на митинге рабочих и солдат Охтинского порохового завода и моряков Морского полигона; написал работу «Солдаты и земля».

Контакт В. И. Ленина с руководителями Военной организации стал повседневным.

Окрыленные поддержкой В. И. Ленина и ЦК, Н. И. Подвойский, В. И. Невский, А. Д. Садовский, А. Ф. Ильин-Женевский искали новые, эффективные формы работы.

В апреле «Военка» создала в особняке Кшесинской солдатский клуб с многозначительным названием «Правда». Он сразу стал центром притяжения революционно настроенных солдат. В клубе, который работал практически круглые сутки, читались лекции по Программе партии, ее стратегии и тактике, организовывались доклады по самым

животрепещущим вопросам текущей политики. Работа была поставлена так, что солдаты, придя в клуб, утром ли, днем ли, поздним вечером или даже ночью, всегда могли попасть на лекцию или доклад, беседу. Любой член ЦК, ПК, руководители Военной организации, кто в это время был в особняке Кшесинской, безоговорочно считали своим долгом выйти к солдатам, выступить передними, побеседовать, ответить на вопросы. Здесь выступали В. И. Ленин, М. И. Калинин, А. В. Луначарский, В. Володарский, А. М. Коллонтай и многие другие деятели партии.

В особняк Кшесинской теперь круглосуточно шли не только солдаты гарнизона, но и ходоки с фронта, посланцы пригородных и периферийных гарнизонов. Здесь, в клубе «Правда», они получали ответы на свои вопросы у самых ответственных работников партии. Здесь шли горячие дискуссии, нескончаемые споры. Здесь их не поучали высокомерно, как господа офицеры, а терпеливо, уважительно убеждали. Здесь с солдатом и матросом говорили как с равным.

Хотя клуб «Правда» притягивал к себе все новые и новые массы солдат, Николай Ильич, однако, был далек от благодушия.

— Любой клуб держится на интересе, — сказал он на одной из ежедневных летучек президиума «Военки». — Интерес надо не просто поддерживать, а наращивать. Для этого надо непрерывно менять, совершенствовать формы работы. Любой клуб, если он останавливается, застывает, он гибнет. Поэтому ищите, ищите, предлагайте, чем мы можем еще больше заинтересовать солдата, помочь ему разобраться в самом себе и в обстановке.

— Кирилл Орлов у нас один тут представитель от рабочих, — сказал В. И. Невский. — Мы с ним подумали и считаем, что наш клуб можно сделать местом смычки солдат с рабочими...

Николай Ильич на минуту задумался.

— Дельно... Не просто дельно, а просто совершенно необходимо начать эту работу сегодня же!

После летучки Николай Ильич сел за телефон. Он связался со всеми районными комитетами партии и убедил их ежедневно присылать в клуб, несмотря на трудности с агитаторами, рабочих-большевиков. С этого дня лучшие агитаторы-рабочие приходили в клуб, устанавливали контакты с солдатами, беседовали с ними, разъясняли важнейшую мысль: интересы рабочих и солдат, крестьян совпадают. Очень часто делегации солдат отправлялись на заводы и фабрики. Таким образом, солдаты, матросы воочию убеждались в том обмане, который сеяли буржуазия, ее пресса, ее агитаторы, клеветца на рабочих, будто они своей борьбой подрывают фронт,

мешают защищать завоевания революции.

Клуб «Правда» и для самого Николая Ильича стал любимым местом, где он отдыхал и заряжался оптимизмом и энергией. Легкой походкой, рассыпая направо и налево шутки, украинские пословицы, входил он в толпу споривших солдат, матросов, рабочих и уже через минуту оказывался в центре внимания. Никаких конспектов или записок он не имел. Постоянные встречи с В. И. Лениным и другими руководителями партии, практически ежедневное участие в работе совещаний, заседаний, собраний ЦК, ПК, Петросовета сделали его настолько информированным, что он с ходу, без труда мог разъяснить любой актуальный вопрос. Солдаты и матросы, посещавшие клуб, очень ценили возможность личных контактов с руководителями партии. Что касается Н. И. Подвойского, В. И. Невского и других членов президиума «Военки», то они стали для солдатской массы «своими людьми».

В поисках путей совершенствования работы клуба Подвойский пришел к убеждению, вспомнив опыт своей работы в Чернигове и Ярославле, что сложились благоприятные условия для активного использования в интересах революционного воспитания масс музыкального искусства, художественной литературы. Он сообщил об этом на очередной летучке.

— Известно, как сильно воздействуют на настроение и сознание музыка, песни, стихи. Думаю, что мы сможем в клубе за минимальную плату регулярно организовывать для солдат концерты. — Николай Ильич повернулся к активистке «Военки» М. Л. Сулимовой и хитровато улыбнулся. — Мария Леонтьевна! Вы хорошо знаете искусство. Вам поручается ответственное задание. Вы должны, во-первых, выяснить, кто из профессиональных артистов не гнушается выступать перед простым народом за умеренную плату. Во-вторых, поговорить с каждым из них и, используя свою культуру, любезность, очарование, уговорить их выступить в нашем клубе, скажем, через неделю, в четверг. И вообще этот участок поручается лично вам.

Первый концерт получился удачным. На предложение «Военки» откликнулись прежде всего молодые актеры. Было решено сделать концерты регулярными. Наладили оповещение частей, печатание программ. Концерты шли по четвергам и состояли обычно из двух-трех музыкально-литературных отделений. После концерта в разных комнатах особняка Кшесинской читались заранее подготовленные лекции, делались доклады, проводились беседы, причем каждый пришедший выбирал то, что соответствовало его желанию. Расходились, как правило, уже после

полуночи.

По инициативе Н. И. Подвойского концерты использовались и для ликвидации «музыкально-политической неграмотности», как любил выражаться Николай Ильич. Что имелось в виду? Перед концертом зрителям раздавались листочки с отпечатанным текстом «Интернационала». Этот международный пролетарский гимн был написан П. Дегейтером на стихи Э. Потье. Его ноты и текст еще в 90-х годах в Брюсселе списала М. И. Ульянова. В. И. Ленин высоко оценил слова и музыку гимна. Первое упоминание о нем в русской печати появилось в № 1 «Искры» в 1900 году. Там же был дан подстрочный перевод. Наиболее удачный (ныне общепринятый) поэтический перевод гимна на русский язык был сделан рабочим поэтом Аркадием Яковлевичем Коцем в 1902 году. С 1906 года «Интернационал» стал гимном русской революционной социал-демократии. Но в России до 1917 года его почти не знали. В. И. Ленин, прибыв 3 апреля 1917 года в Петроград, в конце первой же встречи с партийным активом в особняке Кшесинской предложил хором спеть «Интернационал». Однако в тот вечер многие из-за незнания текста могли лишь подпевать. Н. И. Подвойский обратил на этот факт свое внимание и запомнил его. Теперь же в клубе «Правда» представилась прекрасная возможность для ознакомления широких масс с пролетарским гимном. Зрители с помощью профессиональных певцов и музыкантов, пользуясь отпечатанным на листочке текстом, каждый концерт заканчивали пением «Интернационала». Листочки потом уносились в казармы, на заводы. Так «Интернационал» проникал в рабочую и солдатскую среду. Сам Николай Ильич, если присутствовал на концерте, непременно пел вместе со всеми и, по старой памяти, управлял залом, как хором.

Николай Ильич всегда находил время, чтобы помочь М. Л. Сулимовой составить программу или хотя бы просмотреть ее. Так, программа одного из июльских концертов была отпечатана на 16 (!) страницах. В ней значилось: кантата Черепнина «Памяти борцов за свободу», номера из «Русалки» Даргомыжского, «Руслана и Людмилы» Глинки, «Гальки» Мошошко, цикл «Песни сибирских каторжан», «Песня о Соколе» Горького, русские романсы и т. д. Как видно из программы, организаторы концерта несколько не стремились «нагнуться» до уровня «массы», а подымали зрителя к высотам культуры.

Авторитет клуба рос так быстро, что уже через две недели после открытия в нем насчитывалось более трех тысяч членов. Он стал базой большевистской пропаганды и агитации в войсках. С его помощью был сформирован солдатский актив, отобраны кадры для проведения массовой

и агитационной работы в армии и на флоте. Клуб «Правда» стал очень важным связующим звеном между партией большевиков и солдатской массой.

Но как ни велико было значение устной пропаганды и агитации, Военная организация нуждалась еще и в своих печатных органах, в первую очередь в своей газете, которая могла бы охватить десятки, сотни, тысячи солдат. По опыту работы в Ярославле, Баку и здесь, в Петрограде, Николай Ильич знал, что даже плохо отпечатанная на гектографе листовка действует на рабочих, крестьян, солдат необычайно сильно, ибо к ее взрывному содержанию и возможности многократно читать, обдумывать добавляются огромный авторитет печатного слова, вера в него. Это воздействие многократно усилилось бы, считал Подвойский, если бы солдат получал свою, хорошо известную ему газету. Поэтому еще при создании Военной организации Н. И. Подвойский оговорил в ПК РСДРП возможность выпуска ею газеты. С тех пор эта мысль не оставляла Николая Ильича. Имея опыт издательской, газетно-организаторской и журналистской работы, он был уверен в том, что сумеет создать газету, наладить ее регулярный выпуск, придать нужное партии направление, организовать распространение. Присмотревшись к активистам «Военки», Подвойский наметил сотрудников для будущей редакции. Он рассчитывал также привлечь к участию в работе газеты членов ПК и даже ЦК РСДРП, сотрудников «Правды».

Необходимость в своем печатном органе стала еще ощутимее, когда 10 апреля на заседании ЦК РСДРП(б) был обсужден вопрос о переподчинении Военной организации Центральному Комитету партии. Отныне она должна была развернуть работу не только в Петрограде, а на всех фронтах, во всех гарнизонах необъятной России.

Приезд В. И. Ленина, его активное участие в работе Военной организации, значение, которое Владимир Ильич сразу придал завоеванию армии на сторону революции, еще более воодушевили Н. И. Подвойского, породили в нем даже не надежду, а уверенность в том, что Владимир Ильич поддержит предложение о выпуске солдатской газеты. И когда Военная организация за счет членских взносов, клуба «Правда» и сборов среди солдат накопила небольшой денежный фонд, необходимый для выпуска первых номеров, Николай Ильич решил обратиться к В. И. Ленину.

«С планом издания такой газеты, — писал позже Н. И. Подвойский, — я, как председатель Военной комиссии... явился к Владимиру Ильичу в редакцию «Правды» за советом и помощью.

Едва я рассказал, в чем дело, Владимир Ильич сразу же просиял, отложил в сторону гранки и, одоббив наше решение, принялся подробно расспрашивать о том, что хотели бы увидеть на страницах этой газеты солдаты?..

— Если вы станете выпускать газету для солдат — ничего не выйдет, надо, чтобы это была солдатская газета, — Владимир Ильич специально подчеркнул слово «солдатская». — Вы поняли меня? — спросил он и, не дожидаясь ответа, тут же пояснил: — Если писать в нее будут сами солдаты, тогда и читателей своих она заинтересует...

С того дня Владимир Ильич не переставал интересоваться тем, как идет подготовка выпуска повой газеты. Его повседневная помощь была настолько существенной, что уже 15 апреля, через 12 дней после приезда В. И. Ленина, представилась возможность выпустить первый номер солдатской газеты. Она была названа «Солдатской правдой».

Во время беседы с В. И. Лениным Николай Ильич особенно ясно и четко понял, как должна работать газета, какое огромное значение придает вождь пролетариата связи с читателями, работе с их письмами. И, представив на мгновение, что в редакцию приходят сотни писем в день, и все их надо рассортировать, учесть и не дать ни одному затеряться, прочитать их, выделить нужные для печати, ответить на остальные, он понял, что без Нины Августовны ему не обойтись. Николай Ильич бросил все дела и вечером явился домой, чем несказанно обрадовал детей и удивил Нину Августовну — он лишь раз-другой в неделю вырывался к семье, ночуя обычно в особняке Кшесинской на поставленной в углу железной койке. Правда, с Ниной Августовной он виделся в ПК ежедневно. Она не сердилась, слушая его короткие и горячие рассказы о работе, понимала и извиняла его, хотя иногда и напоминала ему о том, что у него есть дети и в воспитании их его никто не заменит. Вот и сейчас, когда он в кои веки наконец заскочил домой, она, не удержавшись, сказала:

— Хорошо, что ты хоть о детях вспомнил.

Николай Ильич обнял ее.

— Нинуша, милая, сейчас столько работы! Такое время! Вот немного разгрузимся...

Он хотел приподнять и закружить ее, но Лева и Лида повисли на нем, требуя к себе внимания. Годовалая Ниночка спокойно и молча смотрела на него, как на чужого — будто забыла его. Николай Ильич, лукаво поглядывая на нетерпеливо ожидавших Леву и Лиду, переделся и вдруг с криком: «Давай, казаки-разбойники!» — бросился на четвереньки на середину комнаты. Лева мгновенно вскочил ему на спину и начал колотить

голыми пятками по бокам. Сопя и взвизгивая, взобралась и Лида. Началась возня. Николай Ильич мгновенно напроць отключился от всего и сам превратился в малое дитя. Нина Августовна смотрела на мужа и детей и уже жалела, что не очень ласково встретила своего Николушку. Напрасно она упрекнула его — детей он любил и, видимо, очень тосковал по ним. Отдать вечер «Военке» или семье, детям — этот выбор для него, конечно же, был нелегким.

Наступило время укладывать детей спать.

— Сказку, папа! Сказку! — шумно просили Лева и Лида.

Николай Ильич присел на край кровати и начал бесконечную сказку, сюжет которой он придумывал на ходу. Лева и Лида открыли рот от наслаждения. Лишь десятилетняя Олеся вдруг сказала:

— Бабушка не так эти сказки рассказывает. И в книжке не так написано.

— Ты, брат, очень строгая. Как мама — все тебе надо точно, — повернулся к ней Николай Ильич. — Твое дело теперь не слушать сказки, а самой больше читать. А ну-ка, расскажи, какие книжки ты прочитала за неделю?

...Когда дети улеглись, Николай Ильич вышел в комнату, приспособленную под кухню и столовую. Нина Августовна заканчивала ежедневную постирушку. Она с усилием выпрямилась и взглянула на мужа:

— Пришел мой черед? — Синие глаза ее светились. — Только я не могу с тобой сидеть. Бери, мой посуду. И помоги выкрутить белье.

Николай Ильич засучил рукава и с удовольствием взялся за дело. Они беседовали, не прерывая спорой работы. Николай Ильич рассказал о беседе с В. И. Лениным по поводу газеты, о том, что ей непременно надо перейти в редакцию.

— Понимаешь, — убеждал он ее, — если бы это была только канцелярская работа, я бы нашел кого посадить на письма. Но тут надо, и это главное, соотносить линию партии и письма. Сразу выделять, что печатать «живьем», что передать для использования в редакционных материалах. Обобщать, выяснять, чем дышит солдат, что его волнует. Короче говоря, нужен не просто аккуратный технический секретарь, а еще и зрелый партийный работник.

— Я готова, Николушка... Только я ведь собой не распоряжаюсь. Решай в Секретариате.

— Я решу! Я их сагитирую!

— Да уж не сомневаюсь. Это ты умеешь!

...Нина Августовна перешла работать в редакцию «Солдатской правды», которая помещалась там же, в особняке Кшесинской. С первого дня появления газеты В. И. Ленин внимательно следил за ее материалами. Сам собой установился такой порядок. Каждое утро, через час после доставки газеты Владимиру Ильичу, Н. И. Подвойский заходил к нему или звонил и просил отзыва о номере. В. И. Ленин всегда очень заинтересованно говорил о том, что ему понравилось, какие статьи, заметки или отдельные места в них он считает неудачными. Ленинские рекомендации были законом для Н. И. Подвойского — редактора «Солдатской правды» и для всех сотрудников редакции.

Печатание газеты оказалось делом трудным. На свою типографию у «Военки» денег не было. Напористому Николаю Ильичу с большим трудом удалось уговорить управляющего типографией градоначальника начать выпуск газеты. Правда, управляющий согласился выпустить лишь 3–4 номера. Пришлось Подвойскому подключать рабочих типографии, которые заставили типографское начальство печатать и последующие номера. В мае, однако, было все-таки отказано в дальнейшем печатании газеты. Тогда в типографию пришли около десятка вооруженных солдат — вопрос был решен окончательно.

Выпускать «Солдатскую правду» было нелегко и потому, что состав редакции был невелик. Николай Ильич по нескольку раз в день забегал в редакцию, проверял, как идет подготовка материалов, прочитывал важнейшие из них, подсказывал темы и торопил, торопил, торопил. Как-то он зашел в редакцию, чтобы справиться у А. Ф. Ильина-Женевского о подготовке очередного номера. Но того на месте не оказалось. Николай Ильич просмотрел отобранные для номера материалы — стопочка их была очень жиденькой.

— А где Александр Федорович? Номер еще не спланирован!

— Устал, пошел домой, — не отрываясь от дела, ответил В. И. Невский.

Николай Ильич вышел из особняка Кшесинской и размахисто зашагал по тротуару к дому, где жил Ильин-Женевский. Но на квартире Ильина-Женевского не оказалось. Жена Александра Федоровича, извиняясь за мужа, сказала:

— Был недавно. Говорит, что устал до того, что перестал соображать. Пошел в кинематограф развеяться.

— Гм! Можно, я ему записочку напишу?

— Пожалуйста, проходите.

Николай Ильич сел за стол, вырвал листок из блокнота. Мелким

бисером побежали строчки: «Александр Федорович! Вместо кинематографа лучше бы Вы написали статьи три. Ведь у нас к номеру завтрашнему есть только одна статья. Нет ни передовой, ни... (далее Николай Ильич перечислил, каких материалов нет, и экспромтом дал 17 тем для заметок и статей! — Н. С.)... Нужно написать статьи маленькие и не позднее 3 часов дня доставить на Невский, 3». Николай Ильич перечитал записку и попросил передать ее Александру Федоровичу сразу же, как только он придет из кинематографа.

Вернувшись в редакцию, Подвойский подсел к В. И. Невскому.

— Владимир Иванович! Я вас эксплуатирую нещадно. Но мы заваливаем номер. Нет передовой. Вы пишете за десятерых. Но передовую любому не поручишь...

В. И. Невский поправил непослушную прядь волос и вздохнул:

— Какая тема передовой?

Договорились о теме. В. И. Невский принялся за статью, а Николай Ильич подсел к сотруднице редакции писательнице Маргарите Владимировне Ямщиковой, известной под псевдонимом Ал. Алтаев. Они минут пятнадцать вполголоса, но довольно оживленно переговаривались. Потом Николай Ильич ушел. Вид у Ямщиковой был растерянный. Она обратилась к Нине Августовне:

— Да разве можно все это выполнить? И все должно быть готово к четырем часам!

— А вы не пугайтесь, — ответила Нина Августовна. — Работайте, как умеете, и до отказа. Николаю Ильичу нужно, чтобы каждый сделал все, что может. Не меньше. Давайте, я помогу.

Так работали Николай Ильич, сотрудники редакции. На требовательность и постоянные подстегивания Подвойского никто не обижался, потому что все знали, что он прав и что по-другому он не может. «Несколько особое положение в нашей редакции занимал Н. И. Подвойский, — писал после Октябрьской революции А. Ф. Ильин-Женевский. — Будучи чрезвычайно занят руководящей работой в Военной организации, он к нам являлся, хотя и регулярно каждый день, но всегда урывками, наскоком, внося своим появлением большое оживление и сразу на несколько вольт увеличивал напряжение и темп нашей работы. Нося в своей изумительной голове огромное количество всякого рода мыслей и планов, он, появляясь у нас, сыпал ими как из рога изобилия, давая общее направление в нашей работе и конкретные темы наших очередных статей... Я нисколько не ошибусь, если скажу, что по крайней мере 50 процентов всех помещенных в газете статей было инспирировано им».

«Солдатская правда» стала подлинно солдатской газетой. В ней печатались заметки с фронта с конкретными фактами, событиями, именами. Солдаты сообщали о разворовывании интендантами продовольствия, обмундирования, об оставшихся безнаказанными за зверства над солдатами офицерах и генералах, о тяготах окопной жизни и ненавистной войне, об оставшихся без кормильцев семьях. «Ваша газета, — писали солдаты Спиридонов и Моторенок, — одна из понятнейших для нас... Она повторяет то, что мы чувствуем в душе своей». «Я чувствую потребность слышать правду, — сообщал солдат И. Герасимов, — и потому хочу иметь вашу газету «Солдатская правда»... Мы должны читать эту газету, а не буржуазную».

В «Солдатской правде» было опубликовано более 60 статей и речей В. И. Ленина. На ее страницах выступали Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, Д. З. Мануильский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Е. М. Ярославский и другие руководители и видные пропагандисты партии. В. И. Ленин для первого же номера газеты написал понятную каждому солдату статью «Солдаты и земля». В этом номере была дана и редакционная статья «Как надо устраивать социал-демократическую организацию на фронте и в тылу» — своеобразная инструкция о создании и работе военных организаций большевиков. «Солдатская правда», таким образом, с момента своего рождения выступила как пропагандист, агитатор и организатор.

18 апреля (1 мая) 1917 года впервые в стране должна была состояться легальная первомайская демонстрация. В столице ее готовил Петербургский Комитет с участием членов ЦК РСДРП(б). «Военка», конечно же, не осталась в стороне. Весь состав Военной организации, включая руководство, ушел в казармы. Н. И. Подвойский поставил задачу вывести под большевистскими лозунгами подразделения солдат и даже целые части. К демонстрации готовились и буржуазные партии. Они предполагали провести ее под лозунгами поддержки Временного правительства.

...18 апреля было тепло и солнечно. С раннего утра колонны рабочих с оркестрами двинулись к местам массовых митингов — Марсовому полю, Дворцовой, Исаакиевской и Театральной площадям. В колонны рабочих под крики «ура!» вливались колонны солдат. Демонстранты несли в руках транспаранты и лозунги: «Да здравствует мир народов!», «Да здравствует III Интернационал!», «Да здравствует социализм!» В первой шеренге колонны Выборгского района вместе с рабочими был В. И. Ленин. В колоннах шли также Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, а

также руководители Военной организации — Н. И. Подвойский, В. И. Невский и другие.

После прохождения демонстрантов по улицам города начались митинги. Трибунами для выступавших служили автомобили, специально поставленные помосты, телеги. Почти везде митинги превращались в жаркие идейные схватки большевиков с представителями других партий. По свидетельству Н. И. Подвойского, ораторы говорили одновременно с 167 трибун! Это была не просто демонстрация, а настоящее сражение противоборствующих идейно-политических сил за массы.

Через три дня, 21 апреля, большевики провели еще одну, 100-тысячную, демонстрацию протеста против ноты министра иностранных дел Милюкова, в которой было сказано, что Временное правительство продолжит войну до победного конца.

Апрельские события, безусловно, будоражили общественное сознание. Перед широкими массами стоял вопрос: с кем идти? Многие из «добросовестно заблуждавшихся» поняли, что только пролетариат, взяв власть, может покончить с войной.

В те дни Н. И. Подвойский и В. И. Невский собрали актив «Военки», чтобы подвести некоторые итоги. Активисты были довольны массовой поддержкой солдатами большевистских лозунгов. Радовался этому и Подвойский, но выводы он сделал неожиданные:

— Действительно, — сказал Николай Ильич, — в колоннах вместе с рабочими, именно вместе, шло мною солдат. Тут результаты нашей работы есть. Но нам нужны не просто десятки, даже сотни тысяч солдат, идущих под большевистскими лозунгами. Революции нужны идущие под большевистскими лозунгами полки, специальные батальоны, целые дивизии. То есть, я хочу сказать, целые боевые единицы — с командованием, пушками, пулеметами, обозами — готовые выполнять поставленные большевиками задачи. А сколько полков было на этих демонстрациях? Хватит пальцев на руках, чтобы их пересчитать. Это значит, что мы отвоевали в полках на свою сторону много солдат, но не столько, чтобы каждый полк весь шел за нами. Значит, надо продолжать эту работу, но не так, как до сих пор, а лучше. Так, как работали в казармах моряки. Но мы не можем каждую неделю вызывать моряков.

Среди присутствовавших на заседании активистов прошел шумок. Они были согласны с этим.

— Нам нужны свои агитаторы, не хуже моряков. Мы тут с Владимиром Ивановичем прикинули, — Николай Ильич кивнул на Невского, — и предлагаем открыть при Военной организации курсы

агитаторов для частей. Отберем подходящих людей из солдат-большевиков, можно даже частично из сочувствующих, и будем их учить. Сдюжим?

Николай Ильич замолчал. Активисты заговорили, задвигались, зашумели все сразу, обрадовавшись такому простому и, несомненно, эффективному способу решения задачи.

Вскоре Военная организация имела в частях Петроградского гарнизона более двухсот специально подготовленных агитаторов. ЦК РСДРП(б) позаботился, чтобы примеру «Военки» последовали большевики Москвы, Риги, Минска, Кронштадта, Ревеля и других городов. Во многих гарнизонах России открылись солдатские клубы, подобные клубу «Правда».

24 апреля открылась VII (Апрельская) конференция партии большевиков. Н. И. Подвойский был делегатом конференции и участвовал в ее работе. Конференция имела целью сплотить большевиков вокруг ленинских Апрельских тезисов. Подвойский слушал доклады В. И. Ленина о текущем моменте, аграрном вопросе, о пересмотре Программы партии и еще и еще раз выверял по ним свою позицию, обдумывал задачи Военной организации. Ленинские резолюции конференции имели всероссийское значение и огромную взрывную силу. Но встал вопрос, как и где отпечатать эти документы, не подвергая риску партийную печать. Это беспокоило и В. И. Ленина. Об этом в кулуарах говорили М. И. Калинин, Я. М. Свердлов.

В один из перерывов Н. И. Подвойский позвонил в «Военку» и попросил на вечер собрать президиум. После окончания вечернего заседания конференции Николай Ильич приехал в особняк Кшесинской, где его уже ждали члены президиума. Он кратко рассказал о ходе конференции, а потом заговорил о том, ради чего приехал:

— Резолюции готовятся всероссийские, съездовские по значению. Содержание их такое, что от Временного правительства можно ожидать чего угодно, самой резкой реакции. ЦК обеспокоен тем, как их напечатать и распространить. Конечно, лучше всего было бы напечатать их в «Правде». Но подвергать риску «Правду» и Ленина как редактора нельзя. Надо подумать... Найти типографию, которая тиснула бы резолюции брошюрой, невозможно. Любой управляющий понимает, что за это ее могут разнести в клочья...

Николай Ильич замолчал и вопросительно посмотрел на товарищей.

— Что тут думать, — сказал В. И. Невский. — Справимся!

— Владимир Иванович читает мысли, — засмеялся Подвойский. — Я тоже думаю, что рисковать должна не «Правда», а «Солдатская правда», не

Ленин, а мы с вами. Кстати, авторитет нашей газеты, если она даст резолюции, станет всероссийским. Ее сразу узнает каждая партийная организация. Это нам здорово поможет.

Николай Ильич забарабанил пальцами по столу.

— Вот только с управляющим типографии мы и так уже на ножах. Вряд ли он согласится печатать.

— А мы ему не скажем, — улыбнулся Ильин-Женевский. — Надо просто устроить так, чтобы в этот день было побольше наших наборщиков.

— Владимир Иванович и вы, Александр Федорович, — сказал Подвойский В. И. Невскому и А. Ф. Ильину-Женевскому, — подумайте, как похитрее это сделать... Значит, решили? Беремся?

На следующий день Н. И. Подвойский на конференции послал В. И. Ленину записку, в которой просил в первый же перерыв встретиться по делу, не терпящему отлагательства. Ленин прочитал записку, отыскал глазами Подвойского и кивнул.

В перерыве они встретились.

— Слушаю вас, товарищ Подвойский.

— Владимир Ильич! Военная организация обсудила свои возможности. Мы беремся отпечатать резолюции в «Солдатской правде».

В. И. Ленин с неподдельным интересом быстро взглянул на Н. И. Подвойского, на мгновение задумался.

— Тираж у нас хороший, — поспешно добавил Подвойский. — Экспедирование налажено.

— Прекрасно, товарищ Подвойский, прекрасно. Часть резолюций уже печатается в наших газетах. Но очень важно дать их не частями, а сразу. Рабочие найдут в них руководящий материал ко второму этапу нашей революции. Кстати, объем их большой. Как вы предполагаете печатать?

— Думаю, что лучше дать в виде приложения к номеру «Солдатской правды».

— Отлично. «Правда» поможет вам деньгами, бумагой. Когда сможете печатать?

— Как будут готовы.

— Хорошо. Сразу после конференции я напишу введение к резолюциям. Готовьтесь. Военная организация взялась за очень и очень важное дело!

Н. И. Подвойский, В. И. Невский, А. Ф. Ильин-Женевский до мелочей продумали тактику отношений с работниками типографии, где печаталась «Солдатская правда». Они предусмотрели все, чтобы не допустить срыва. Конечно, взявшись за эту работу, Военная организация очень рисковала.

Она и так уже вызывала злобу не только Временного правительства, но и эсеро-меньшевистского руководства Совета. Рисковал и Н. И. Подвойский как редактор «Солдатской правды». Но не это беспокоило Николая Ильича и его товарищей. Главное для них было напечатать во что бы то ни стало газету с резолюциями. Это было делом непростым. Пришлось принять особые меры предосторожности. «Текст резолюций, — вспоминал Н. И. Подвойский, — разрезали на куски, раздали их разным наборщикам, исключив пока заглавие и отметив на всех кусках «продолжение» (якобы ранее набранных статей). Заглавия и первые пункты набирали «наши» наборщики. Поздно ночью, нарочито затянув набор номера, мы создали для метранпажа, верставшего газету, обстановку крайней спешки. Сделали так, чтобы он вынужден был верстать страницы с конца, не в обычном порядке. Всячески отвлекали его внимание на технические недочеты. Благодаря этому маневру ни наборщики, ни метранпаж, ни кто-либо из руководителей типографии не подозревали, какое огромное дело было сделано в ту ночь и какое гигантское значение имел выпущенный ими номер для большевизирования масс».

3 мая 1917 года «Солдатская правда» № 13 вышла с объемным приложением. В нем были напечатаны резолюции VII (Апрельской) конференции партии большевиков и введение к ним, написанное В. И. Лениным.

В ночь на 3 мая весь состав редакции газеты и руководство «Военки» были посланы Н. И. Подвойским на упаковку и рассылку тиража.

— Готовый тираж ни на минуту не оставлять в типографии, — поставил задачу Подвойский. — Распространителей печати Питера вызовите заранее и вручайте сразу. Остальное тут же паковать, вывозить на почту.

Резолюции конференции ушли во все уголки страны. Как и предполагал Н. И. Подвойский, авторитет «Солдатской правды» резко возрос. В мае ее тираж увеличился до 100 тысяч. Примерно четверть его шла на фронт, в окопы.

VII (Апрельская) конференция большевиков ориентировала партию на мирное развитие революции, мирный переход власти в руки Советов. Но большевики под руководством В. И. Ленина готовились к взятию власти в случае необходимости и путем вооруженного восстания. Для этого надо было вооружать рабочих, создавать и обучать Красную гвардию. Это не входило в обязанности Военной организации, которая должна была работать только в армии. Но Н. И. Подвойский не раз доказывал

руководителям ПК, что вооружение и обучение Красной гвардии без участия Военной организации невозможно, потому что лишь она может изыскать оружие и дать кадры «учителей». И ПК поручил «Военке» «придать работе по формированию Красной гвардии организованный характер». Некоторые из организаторов Красной гвардии, правда, опасаясь потери самостоятельности, высказались против централизации этой работы. Но рядом был В. И. Ленин. «Владимир Ильич, — вспоминал Н. И. Подвойский, — устранил всякие колебания в этом вопросе, решительно высказавшись за централизацию дела вооружения рабочих, за подключение к этой работе Военной организации».

Н. И. Подвойский знал, что руководители «Военки» и без того загружены до предела. А тут встала задача такой колоссальной важности — подготовка главной ударной силы социалистической революции. Выход из положения он видел только в одном — в расширении актива «Военки». К формированию красногвардейских отрядов, вскоре получившему огромный размах, стали привлекаться и беспартийные, но сочувствующие большевикам солдаты, унтер-офицеры и даже офицеры. Резервы возможностей, однако, этим не исчерпывались.

В. И. Невский, формируя на заводах Красную гвардию, обратил внимание на то, что рабочие, в свое время пришедшие из деревень, объединены в землячества, через которые они поддерживали связь с крестьянами своих волостей, уездов и губерний. Причем верховодили в землячествах, как правило, эсеры. В. И. Невский рассказал об этом Н. И. Подвойскому.

— В армию солдаты тоже мобилизуются из разных губерний, — сказал В. И. Невский. — Землячество в полку — самая естественная и нужная вещь. Только надо, чтобы их создали мы, большевики.

Николай Ильич понял его сразу и загорелся новой идеей, но пошел дальше В. И. Невского.

— Конечно, они приживутся сразу, — ответил Николай Ильич. — Землячества мы должны создавать, не медля! Но нам надо их тут же объединять с заводскими — по губерниям. Вытеснять из руководства эсеров. Это же способ сближения солдат с рабочими! То есть — укрепление союза рабочих и крестьян! Владимир Иванович! Переключайся, прошу тебя, на землячества. Сегодня же обсудим на президиуме. Кого возьмешь в помощь?

— Дело большое и касается всей «Военки», — подумав, ответил Невский. — А непосредственно — Ионова и Хитрова. Нравятся мне эти два молодых солдата-большевика. Для них это будет первой большой

работой. Пусть растут!

— Хорошо. Садись и готовь предложения. Но вопрос этот — политический. Пойду к Свердлову. — Николай Ильич подсел к Невскому. — После конференции он возглавил Секретариат ЦК и орграбому. Нам теперь с ним многое решать придется.

Я. М. Свердлов обладал способностью с двух-трех фраз схватывать суть дела и оценивать его, мгновенно находить безошибочные решения. Он даже не дал Н. И. Подвойскому договорить.

— Не надо объяснять. Дело вполне стоящее, — сказал он Николаю Ильичу. — И непременно тотчас же надо объединять землячества! Создать центральное бюро. Написать устав. Я помогу.

«Военка» без промедления стала призывать солдат создавать в полках землячества. Как и предполагали В. И. Невский и Н. И. Подвойский, дело пошло сразу. В. И. Невский и его помощники формировали в землячествах большевистские фракции. Солдатские землячества с помощью клуба «Правда» объединялись с фабрично-заводскими, из руководства которых постепенно были вытеснены эсеры.

К июню землячества насчитывали более 30 тысяч человек, связанных с 21 губернией. Они стали работать на революцию.

Роль Военной организации росла. В соответствии с логикой жизни и требованиями революционной борьбы произошло как бы взрывное расширение сферы ее деятельности далеко за пределы Петрограда. В середине мая по решению Центрального Комитета партии «Военка» была превращена во всероссийскую Военную организацию при ЦК РСДРП(б). Соответственно стала всероссийской и «Солдатская правда».

Гигантский масштаб работы вдохновлял Н. И. Подвойского. «Николая Ильича как-то везде хватало, — вспоминала работавшая в Военной организации М. Л. Сулимова, — всюду он успевал».

Сразу, как только состоялось решение ЦК о переподчинении «Военки», Н. И. Подвойский собрал ее президиум.

— Всероссийская работа дает возможность каждому из нас в полной мере проявить свои силы и способности, — говорил Николай Ильич товарищам. — Но дело не только в масштабах. Смотрите, что пишет Владимир Ильич Ленин в «Правде»: «Наша линия подтверждается с каждым днем. Для дружного проведения ее нужна организация пролетарских масс *втрое* лучше теперешней. В каждом районе, в каждом квартале, на каждом заводе, в каждой роте должна быть крепкая, дружная организация, способная действовать как один человек».

Николай Ильич свернул газету и продолжил:

— В каждой роте многомиллионной армии! Вот наш ориентир! Сейчас в Петроградском гарнизоне шесть тысяч большевиков. Но это в Петрограде. Теперь «Военка», образно говоря, идет на всю армию с целью сделать ее большевистской. В Петрограде, Минске, Москве есть хороший опыт работы по большевизации армии. Надо вооружить этим опытом другие гарнизоны и фронт. Самый быстрый способ решения задачи — созыв всероссийской конференции военных организаций партии.

По инициативе Н. И. Подвойского вопрос о созыве такой конференции был поставлен «Солдатской правдой» еще 7 мая. ЦК РСДРП(б) согласился с руководителями «Военки» и создал Бюро по подготовке конференции.

Во все концы страны и на фронт были разсланы уполномоченные, которым поручили разъяснение в гарнизонах и в окопах политики партии и задач конференции, проведение собраний по выборам на нее делегатов. Подготовительное Бюро только с 31 мая по 5 июня разслало на места 120 инструктивных писем. В Петрограде особняк Кшесинской в те дни стал похож на большой вокзал — в июне «Военку» посетило около 9 тысяч ходоков с фронта и из тыловых гарнизонов. Роль активного организатора конференции выполняла «Солдатская правда».

16 июня состоялось открытие Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). На нее съехались 167 делегатов 43 фронтовых и 17 тыловых военных организаций. Они представляли около 500 воинских частей, в которых насчитывалось 26 тысяч военных большевиков. Настроение делегатов было очень решительное, оно отражало резко возросшее недовольство масс политикой Временного правительства.

«Живописное зрелище являли в эти дни коридоры, комнаты, двор особняка Кшесинской, напоминавшие военный штаб перед боевой операцией, — вспоминала М. Л. Сулимова. — Особняк заполнили грубоватые, обветренные, громко разговаривающие люди в серых шинелях и матросских бушлатах. Некоторые из них и здесь не расставались с оружием: одни сжимали винтовки, у других на поясах болтались маузеры и наганы, гранаты. Многие приехали прямо с передовых позиций — их сразу можно было узнать по обугленным и порванным шинелям, худым, изможденным окопной жизнью лицам».

...Утро 16 июня. В зале все готово к конференции. Делегаты занимают свои места. Стоит ровный гул. Сотни любопытных глаз поглядывают на покрытый красным стол президиума, на беломраморные стены, колонны зала. Роскошь не шокирует делегатов, не вызывает смущения. Некоторые

по-хозяйски пробуют сапогом гладкость паркета, ногтем — крепость полированного мрамора, удовлетворенно кивают головами, цокают языком, довольные хорошей работой.

По поручению оргбюро конференцию открыл В. И. Невский. Сводный оркестр Морского экипажа и Московского полка исполнил «Интернационал». Н. И. Подвойский заметил, что многие делегаты переглянулись — они слышали его впервые. Быстро и дружно избрали президиум: от ЦК РСДРП(б) — В. И. Ленин, от «Военки» — Н. И. Подвойский. В. И. Невский и другие, от фронта — Н. В. Крыленко, всего 11 человек.

Первое два дня конференция заслушивала доклады с мест. Потом были заслушаны и обсуждены доклады Н. И. Подвойского — о задачах Военной организации, о создании крестьянской газеты; В. И. Невского — об опыте работы Военной организации; Н. В. Крыленко — о демократизации армии; Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович — о войне, мире и наступлении на фронте.

По мере обсуждения докладов обстановка на конференции все более накалялась. Появились предложения превратить конференцию в военный штаб и немедленно свергнуть Временное правительство. Возбужденные делегаты напряженно ждали докладов В. И. Ленина — о текущем моменте и по аграрному вопросу.

Утром 20 июня делегаты пришли заранее — предстояло выступление В. И. Ленина. Наиболее любопытные толпились у входа, рассчитывая поближе разглядеть Владимира Ильича. Это были в основном фронтовики и делегаты дальних гарнизонов. В отличие от питерцев, которые видели и слышали В. И. Ленина, приезжие делегаты представлял!! В. И. Ленина лишь понаслышке — его фотографии тогда не публиковались.

И вот Ленин на трибуне... Без пауз, ровно, но напряженно льется его речь. Скупые жесты усиливают, подчеркивают важные моменты. Глубочайший анализ политической обстановки, сложившейся после Апрельской конференции большевиков, высвечивает главное, делает ясной расстановку классовых сил. В соответствии с моментом формулируются задачи военных большевиков — усиление агитационной работы среди солдат по разоблачению эсеро-меньшевистских соглашателей, бдительность по отношению к проискам контрреволюции, борьба против разоружения рабочих и расформирования революционных полков. Наконец, Владимир Ильич четко обозначает главную задачу Военной организации: подготовка армии к новому этапу революции. Именно подготовка, а не свержение Временного правительства, как думают иные

делегаты. В. И. Ленин показывает, к каким губительным последствиям это могло бы привести. Ведь в стране большинство крестьян, да и рабочих и солдат еще верит эсерам и меньшевикам. Поэтому настроение в столице нельзя отождествлять с настроением в России.

Участовавший в работе конференции М. С. Кедров писал, что доклад В. И. Ленина «сыграл роль ливня, освежившего и охладившего раскаленную атмосферу конференции». Напряженность и нетерпение исчезли. Они сменились деловым обсуждением вопросов, внесенных в повестку дня.

Единодушно были приняты резолюции. В них были одобрены документы VII (Апрельской) конференции партии большевиков, обобщен опыт военной работы партии, сформулированы задачи Военной организации, утвержден ее устав. Всеми своими решениями делегаты показали, что Военная организация является неразрывной составной частью партии большевиков и действует в общем русле ее революционной политики. На конференции было избрано Всероссийское Бюро военных организаций РСДРП(б). В него вошли активные организаторы военной работы партии: Н. И. Подвойский, В. И. Невский, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, Е. Ф. Розмирович и другие. Председателем Бюро избрали Н. И. Подвойского.

В последний день работы конференции делегаты выехали в революционный Кронштадт, к морякам. Едва корабль отошел от берега, Николай Ильич распорядился «свистать делегатов наверх», на палубу.

— Будем ликвидировать «музыкально-политическую неграмотность», — весело сказал оп. — Листочки с текстом «Интернационала» получили? Это гимн нашей большевистской партии. Его вы слышали при открытии конференции. Каждый большевик должен знать этот гимн! Слова прочитали? Их написал француз Эжен Потье.

— Француз, а написал будто про Россию, про нас! — сказал кто-то.

— Это не простой француз, — ответил Подвойский, — а рабочий поэт, участник Парижской Коммуны. А перевел на русский язык наш рабочий, шахтер Аркадий Коц. Поэтому и получилось как про нас... Наша с вами задача — до Кронштадта выучить «Интернационал». Сначала запомним мотив. Я буду петь, а вы по листочку подпевайте. Не стесняйтесь!

Николай Ильич откинул растрепавшиеся на освежающем ветру светлые волосы и взмахнул руками:

Вставай, проклятьем клейменный...

Сначала получилось нестройно, недружно, плохо.

— Еще попробуем!

Так он запевал и дирижировал «хором» несколько раз. А когда корабль подходил к кронштадтскому причалу, к удивлению моряков, на его палубе стояли полторы сотни делегатов, и дружно пели «Интернационал».

— Во, пехота! Во, дают! — переговаривались моряки на берегу.

Корабль замер у причала, а с палубы несло:

...Это есть наш последний и решительный бой...

— Братишки! — закричали моряки. — Давай на берег!

После конференции влияние большевиков на армию стало быстро расти по всей стране. Непосредственное руководство партийной работой в войсках осуществлял дружный коллектив Бюро, избранный конференцией. А. Ф. Ильин-Женевский вспоминал, что особенно большую роль тогда играли Н. И. Подвойский и В. И. Невский: «Оба они как бы взаимно дополняли друг друга. Подвойский был главным организатором и вообще душой Военной организации. Невский — главным и любимейшим солдатским агитатором-учителем. Невский как бы взрыхлял девственную почву политического сознания солдатско-крестьянских масс, а Подвойский заседал их семенами дисциплины и организации... Неутомимости того и другого можно было прямо удивляться. Можно смело сказать, что по крайней мере две трети всей работы лежали на плечах этих двух товарищей».

Но Бюро, представлявшее собой лишь небольшую группу руководителей, могло бы быстро превратиться в оторванную от солдат секту, если бы оно не опиралось на многие десятки столь же подготовленных и самоотверженных военных работников партии. В то время военной работой на местах руководили большевики: В. Г. Кнорин, А. Ф. Мясников, М. В. Фрунзе (Западный фронт); Н. В. Крыленко (Юго-Западный фронт); П. Е. Дыбенко, С. Г. Рошаль (Балтфлот); А. Я. Аросев, Е. М. Ярославский, А. С. Бубнов (Москва); Э. И. Квириг, С. И. Гопнер (Екатеринослав); Г. Н. Каминский (Тула); В. П. Антонов (Саратов); Н. Г. Толмачев, Ф. И. Голощекин (Урал); Н. Н. Яковлев, Б. З. Шумяцкий (Сибирь). А они, в свою очередь, опирались на тысячи и тысячи других военных работников, имена которых остались разве лишь в очерках истории местных партийных организаций, в архивных материалах, которые

еще только ждут своих исследователей, а то и не сохранились вовсе.

Н. И. Подвойский не уставал повторять членам Бюро:

— Расширяйте актив. Ищите и растите помощников. Без этого мы ничего не сделаем.

Уже за первую неделю, прошедшую после конференции, Бюро «Военки» значительно укрепило связи с фронтом и периферийными гарнизонами. Делегаты, разъехавшиеся на места, привезли с собой номера «Солдатской правды» и «Бюллетени», которые предусмотрительно выпускались «Военной» во время работы конференции. В них были материалы конференции, ее резолюции, то есть все, что нужно для работы.

«Военка» уверенно перестраивалась, выходила на новый уровень работы, приступала к решению новых задач. И! они были бы решены в кратчайший срок, если бы не события первых дней июля...

Требования некоторых делегатов, а также ходяков в «Военку» превратить конференцию в штаб и сбросить Временное правительство были не случайными. Они отражали настроения рабочих и солдат столицы. Обстановка в Петрограде была критической — воля петроградских рабочих и солдат покончить с Временным правительством созрела. Малейший повод мог вызвать несвоевременное выступление. За поводом дело не стало.

1 июля в столице была введена карточная система на продовольствие, а продуктов для отоваривания карточек не оказалось. Оставшийся без продовольствия рабочий Питер негодовал. 2 июля стало известно о провале наступления на фронте и огромных потерях русских войск. Заволновались солдаты. Последней каплей в чаше терпения был кем-то преднамеренно пущенный слух о решении властей расформировать революционные 1-й пулеметный и Гренадерский полки.

Вечером 2 июля солдаты 1-го пулеметного и Гренадерского полков, пригласив рабочих завода «Новый Лесснер», собрались на митинг и, подстрекаемые провокаторами, решили выйти на улицы и силой заставить эсеро-меньшевистскую верхушку Совета отобрать власть у Временного правительства. Участники митинга разослали гонцов в другие полки и на заводы с призывом к общему выступлению.

Партия большевиков поддерживала революционные настроения в массах, но она была против немедленного выступления. У рабочих и солдат Петрограда, безусловно, хватило бы сил свергнуть Временное правительство и взять власть. Но удержать ее они бы не смогли. Поэтому 3 июля ЦК, ПК и Военная организация приняли решение воздержаться от

выступления. Всю ночь и весь день 3 июля Я. М. Свердлов, Н. И. Подвойский, А. В. Луначарский, Г. И. Петровский и другие руководители ЦК, ПК и «Военки» вели агитацию, пытаясь удержать 1-й пулеметный, Гренадерский, 180-й запасной и многие другие полки, а также рабочих ряда предприятий от выступления. Но безуспешно. Тогда поздно вечером экстренное совещание ЦК, ПК, Военной организации отменило свое прежнее решение и постановило принять участие в выступлении с целью превратить его в мирную, организованную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!» и тем самым не дать Временному правительству повода для разгрома революционных сил. А такой повод оно явно искало.

4 июля свыше 500 тысяч рабочих, солдат стройными колоннами, в полном порядке, во главе с большевиками пошли по улицам столицы. Но Временное правительство уже приняло решение о расправе. «На углу Садовой улицы и Невского проспекта, — вспоминал участник демонстрации рабочий П. А. Анисимов, — вдруг, точно по сигналу, затрещали пулеметы с трех сторон...» Начался хладнокровный, беспощадный расстрел демонстрантов. Против них были брошены верные правительству войска.

Вечером 4 июля на совещании ЦК, ПК и Военной организации, проходившем под руководством В. И. Ленина, было решено прекратить демонстрации и принять меры к предотвращению повторного выступления. Но Временное правительство перешло к репрессиям. Ночью 5 июля была разгромлена «Правда». Штаб округа, получив подкрепление с фронта, сколотил отряд с восемью броневиками, пулеметами и двумя орудиями для захвата штаба партии — особняка Кшесинской. По городу был пущен слух, что в особняке находятся сотни немецких шпионов, горы германского оружия и золота. На исходе ночи отряд под командованием помощника командующего округом Кузьмина двинулся к особняку.

А Н. И. Подвойский, разослав в части членов Бюро, всю ночь вместе с комендантом особняка Г. В. Елиным не покидал «Военку». Они сформировали усиленную охрану из 120 матросов и 60 солдат Гренадерского полка. Часов в 5 утра Николай Ильич выслал на прилегающие к особняку улицы разведку и позвал Елина.

— «Правда» разгромлена, — озабоченно сказал Подвойский, — значит, очередь особняка. Штаб большевиков они в покое не оставят... А тут документы ЦК, ПК, Военной организации, «Солдатской правды»...

Открылась дверь — вернулась первая группа разведки, за ней вторая, третья...

— У Троицкого моста — правительственные войска.

— Войска на Каменно-Островском.

— На Кронверкском войска, у Народного дома...

Подвойский взглянул на план города: особняк был почти полностью окружен, остался лишь небольшой проход к Петропавловской крепости.

— Надо спасать документы, — сказал он Елину. — Паковать — и в Петропавловскую крепость! Там наша организация сильная — спрячут!

Раздался резкий телефонный звонок. Звонил командир отряда захвата Кузьмин.

— Кто у телефона? — спросил он начальственным тоном.

— Конторщик из «Солдатской правды», — мгновенно среагировал Подвойский.

— Командующий округом генерал Половцев приказал немедленно очистить особняк. — Кузьмин чуть помолчал и добавил: — На это есть санкция ЦИК. В случае невыполнения приказа даю команду на штурм!

— Тут никого из ответственных лиц нет, — ответил Подвойский, подмигнув Елину. — Приказать солдатам и матросам сдать оружие я не могу. Прошу дать минут сорок, чтобы оповестить кого-нибудь из ЦК или «Военки».

— Даю сорок пять минут.

Подвойский повесил трубку и приказал Елину:

— Пулеметы — во все подъезды! Охрану — сюда! Быстро!

Николай Ильич сообщил солдатам и матросам о телефонном звонке. Те сразу схватились за винтовки и гранаты. Со всех сторон послышались грозные и решительные голоса: «Пусть попробуют», «Будем стоять!», «Не на тех напали!»

— ...Мы не можем сдаться и сложить оружие, — сказал один из матросов. — Не привыкли...

— Я не сомневаюсь в вашем мужестве и преданности революции, — горячо сказал Николай Ильич. — Но особняка мы все равно не удержим. Жертвы будут напрасными. Для нас сейчас важнее всего спасти документы партии, «Солдатской правды». Надо перенести их в Петропавловскую крепость. Туда еще можно пройти.

Николай Ильич вдруг выпрямился и, повысив голос, твердо сказал:

— Приказываю! Сбирать из столов и из шкафов бумаги. Вязать... подручными средствами. Группами переносить в крепость и оставаться там! — он так же неожиданно перешел на обычный тон: — В каких комнатах брать бумаги, я сейчас покажу. Георгий Васильевич! Большевиков крепости знаешь?

Елин кивнул.

— Быстро туда! Организуй прием. Запомни, куда схо-вают.

Елин исчез. Николай Ильич показал солдатам и матросам комнаты ЦК, ПК, «Военки», «Солдатской правды» и вместе с ними стал выгребать из столов и паковать бумаги. Он вновь услышал телефонный звонок и на ходу взглянул на хронометр. Звонил Кузьмин.

— Ваше время истекло!

— Я послал нарочных, — извиняющимся голосом ответил Подвойский. — Жду с минуты на минуту... Самое большее — через полчаса...

В трубке тихо потрескивало. Потом раздался властный голос:

— Через полчаса начинаю штурм!

Николай Ильич снял ненужную теперь охрану.

— Пулеметы — в Петропавловскую крепость! Оставайтесь там! Как утихнет, уйдете в свои казармы, — распорядился он.

...Солдаты и матросы паковали последние бумаги, когда Николай Ильич услышал шум, гиканье, топот множества ног. В особняк ворвались погромщики. «Им чудились бомбы, взрывы, пулеметы, пушки, — вспоминал Николай Ильич, — и они, обезумев от ожидаемых в штабе большевиков ужасов, ничего не соображали, ничего не видели и носились по двору, саду и кабинетам с ружьями наперевес, с револьверами на взводе, обнаженными шашками, готовые все разрушить и... удрать при возникновении действительной опасности». Подвойский сразу же был арестован. Но в суматохе, в поисках «немецкого золота» его не очень-то стерегли. И Николай Ильич воспользовался этим. Зная наизусть все коридоры, входы и выходы, он ускользнул из особняка.

Через час он уже был в Невском районе, у дверей квартиры старого рабочего-обуховца Павла Петровича Кувалдина. По условному стуку дверь открыл сам хозяин, молча пропустил Н. И. Подвойского и старательно закрыл на задвижку дверь.

— Вот и свиделись, Петрович! — попытался улыбнуться Николай Ильич.

— Да, теперь хорошего не жди... — без энтузиазма ответил Кувалдин.

Николай Ильич сбросил пиджак, поставил табурет на середину комнаты и, вздохнув, сказал:

— Давай, Петрович!.. По полной программе!

Павел Петрович, ни слова не говоря, набросил на плечи Николаю Ильичу чистую тряпку и взялся за ножницы. Вскоре он обмахнул Подвойского, все так же молча вытащил из шкафа выцветшую, белесую солдатскую гимнастерку без погон, шаровары, сапоги и подал Николаю

Ильичу, а сам направился в чулан. Подвойский переоделся. Петрович вынес потрепанную толстую книгу, вскрыл ножницами пыльную обложку, вытащил оттуда паспорт и положил его на стол.

Николай Ильич полистал его, спрятал в карман, потом отыскал глазами зеркало и взглянул на себя. Через потускневшее стекло на него смотрел немолодой солдат с, ввалившимися щеками и короткой, какой-то бесцветной прической. Николай Ильич с сожалением посмотрел на лежавшую на полу кучу столько лет украшавших его светлых пышных волос.

— ...Шпиков все равно не обманешь, — сказал Петрович. — А вот дети дома перепугаются.

— Жена тоже! — засмеялся Подвойский.

— Жене мы во всяком виде хороши, — возразил Петрович.

Николай Ильич подпоясал ремень. Петрович, видя, что Подвойский собирается уходить, сказал:

— Сейчас покормлю. Спешить теперь некуда.

— Как раз теперь-то, Петрович, мне и надо торопиться! — отозвался Подвойский.

Но он вдруг ощутил такое острое чувство голода, что без возражений сел к столу. Он пытался вспомнить, когда ел в последний раз, и не мог.

Из квартиры П. П. Кувалдина Николай Ильич вышел уже не как руководитель «Военки» Н. И. Подвойский, а как уволенный из армии по болезни бывший солдат Ник-лин. Снова подполье. Снова нелегальщина. И полное неведение того, что творится в городе. Надо было как можно скорее связаться с В. И. Лениным, с Я. М. Свердловым, отыскать членов Бюро «Военки» и продолжать борьбу...

Временное правительство издало приказ о розыске и аресте В. И. Ленина и предании его суду. Но В. И. Ленин был готов к такому повороту событий. В те дни в полной мере проявились его бойцовские качества. За один только день, уходя от преследования, В. И. Ленин сменил четыре «квартиры». Но он не просто уходил, он боролся, руководил партией, поворачивал ее к работе в изменившихся условиях, анализировал и объяснял партии и рабочему классу суть происходивших событий. В сторожке завода «Русский Рено» В. И. Ленин участвовал в заседании Исполнительной комиссии ПК РСДРП(б), и Николая Ильича, присутствовавшего на этом совещании, поразило мужество и самообладание вождя партии. «Поражение обратило Ленина в сгусток энергии», — вспоминал Н. И. Подвойский.

Мужество и несгибаемость В. И. Ленина передавались тем, кто был рядом с ним, в том числе и Н. И. Подвойскому. Николай Ильич все свои силы направляет на то, чтобы восстановить Бюро Военной организации, наладить его работу. Он в течение двух дней разыскал оставшихся на свободе членов Бюро, побывал в районных организациях «Военки», подыскал место для работы Бюро и даже договорился о помещении для проведения делегатских и гарнизонных совещаний. 9 июля ему удалось созвать в Невском районе нелегальное совещание, на которое сумели прийти В. И. Невский, М. С. Кедров, А. Ф. Ильин-Женевский, Е. Ф. Розмирович и еще несколько активистов «Военки». Николай Ильич не без удовлетворения наблюдал, как посветлели при встрече друг с другом лица товарищей.

— Ну вот, мы снова вместе, — сказал он, открывая собрание. — Будем считать, что Бюро после разгрома вновь приступило к работе.

На совещании решили, что надо в первую очередь сосредоточиться на организационном восстановлении и укреплении военных организаций, налаживании живой связи с ними.

— ...А как же с разъяснением положения в столице, в стране, Николай Ильич? — спросила в конце совещания Е. Ф. Розмирович. — Не хотелось бы самим фантазировать. Нужна позиция ЦК. Где ее взять? «Правда» теперь не выходит...

— Потерпите несколько дней, — ответил Николай Ильич. — В ЦК ждут материал Ленина. Будут и другие новости. Потерпите.

Репрессии против большевиков между тем продолжали усиливаться. Временное правительство опубликовало постановление об аресте и привлечении к судебной ответственности всех участников демонстраций 3–4 июля, якобы «виновных в измене Родине и предательстве революции». Был создан специальный отряд для розыска и ареста В. И. Ленина. Генерал Половцев отдал приказ расстрелять Ленина на месте. Были арестованы и посажены в «республиканские тюрьмы» А. В. Луначарский, Н. В. Крыленко, С. Г. Рошаль, К. А. Мехоношин, Н. В. Дашкевич, М. К. Тер-Арутюнянц, П. Е. Дыбенко и другие видные работники партии и Военной организации. Шли аресты в полках. На фронте были введены военно-полевые суды и смертная казнь. Были подписаны ордера на аресты всех членов Бюро «Военки», в первую очередь Н. И. Подвойского и В. И. Невского.

Николай Ильич не появлялся дома. Он ночевал на квартирах рабочих — каждую ночь в новом районе. Утром выходил на улицу, сливался с толпой и шел делать свое дело. Нине Августовне лишь передавал, если

возникла возможность, что жив, на свободе, работает.

...13 июля Николай Ильич приехал по указанному Я. М. Свердловым адресу. Приехал, соблюдая все меры предосторожности. В довольно просторном зальчике уже сидели Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, В. М. Молотов, А. С. Бубнов, В. П. Ногин. Вскоре подоили другие товарищи. Цекоторых из них Николай Ильич не знал.

— ...Открывается расширенное совещание ЦК, ПК, Военной организации и Московской партийной организации, — деловито начал Я. М. Свердлов. — Получены четыре тезиса Владимира Ильича Ленина. Мы должны их обсудить, положить в основу всей работы...

Это были четыре тезиса В. И. Ленина, опубликованные позже под названием «Политическое положение». В них В. И. Ленин в предельно сжатой, чеканной форме дал оценку июльским событиям и определил новые задачи партии.

Николай Ильич слушал внимательно. Страничка за страничкой быстро заполнялся его блокнот. Узловые фразы он подчеркивал одной, двумя, тремя чертами. В. И. Ленин указывал: «Контрреволюция... фактически взяла власть в государстве в свои руки... Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции... превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции... Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно... Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции... Теперь этот лозунг уже неверен... Собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию... Цель вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством... Партия... должна *соединить*^[2] легальную работу с нелегальной...»

Все встало на свои места. Полная ясность. Начинается новый этап борьбы.

Совещание шло два дня. За это время Николай Ильич продумал, спланировал работу Военной организации. Главное теперь — как можно быстрее собрать делегатское собрание, довести тезисы Ленина. И — за дело!

После совещания Я. М. Свердлов попросил Николая Ильича остаться. Когда все его участники разошлись, Яков Михайлович сел за стол, устало откинулся на спинку стула, кивнул Подвойскому на стул.

— Есть у меня к вам особое дело, Николай Ильич, особой важности.

Яков Михайлович достал из кармана листок бумаги, что-то подчеркнул в нем и подал Н. И. Подвойскому. Это был отпечатанный на машинке текст письма ЦК местным партийным организациям «О политическом положении после июльских событий и созыве VI съезда РСДРП(б)». В нем были подчеркнуты Я. М. Свердловым строки: «Мы временно без газеты. Надеемся все же на днях наладить таковую».

— ...После закрытия «Правды» и «Солдатской правды», — продолжил Я. М. Свердлов, — наша партия осталась без «голоса». Теперь, в связи со съездом, газета нужна позарез.

Яков Михайлович помолчал, поправил пенсне.

— У вас, Николай Ильич, богатый опыт по этой части. ЦК рассчитывает, что Военная организация в ближайшие дни сможет наладить выпуск газеты. Пусть она пока будет газетой Военной организации. Можно оставить тот же состав редакции, что был в «Солдатской правде». Возьмите еще Шумяцкого, Кольцова. Деньгами поможем. Надо, Николай Ильич! За редактирование будете отвечать вы, лично.

— Надо, значит, будет! — без колебаний ответил Подвойский, хотя сразу же представил и огромный объем предстоящей работы, и трудности, которые придется преодолеть в условиях полулегального положения партии. Но газета была позарез нужна и самой Военной организации.

21 июля состоялось собрание представителей военных организаций. Оно было организовано и проведено как нелегальное — со всеми мерами предосторожности. В протоколе имя докладчика было обозначено: «Никлин». Николай Ильич, хорошо понимая значение этого собрания как «толчкового», не пожалел ни сил, ни времени на подготовку доклада, да и на сам доклад. Он прочитал и объяснил тезисы В. И. Ленина, затем к каждому ленинскому положению привязал задачи военных организаций, предложил наиболее целесообразные формы и методы их работы, обозначил первоочередные практические шаги. К сожалению, никаких отпечатанных материалов участникам собрания Бюро предоставить не могло.

Собрание означало несомненный факт: «Военка» заработала вновь. В. И. Невский, оценивая деятельность Н. И. Подвойского в те дни, писал: «Его энергии и организаторским талантам была обязана Военная организация тем, что после июльского разгрома она не только оправилась, но еще более окрепла и расширилась».

Собрание избрало Николая Ильича делегатом VI съезда партии.

Встретившись с Я. М. Свердловым, Н. И. Подвойский сообщил ему о

собрании, о начале работы «Военки» в новых условиях.

— Хорошо, — пробасил Яков Михайлович. — А как с выпуском газеты?

— Газета будет, Яков Михайлович! Дня через два выпустим первый номер. Предлагаем назвать ее «Рабочий и солдат». Это покажет читателю, что газета не только Военной организации, но всей партии.

— Правильное название, — согласился Я. М. Свердлов. — Сразу же непременно дайте материал о расширенном совещании ЦК и о его решении созвать VI съезд партии.

Первый номер газеты Военной организации при ЦК РСДРП(б) «Рабочий и солдат» вышел 23 июля 1917 года. Газета далась с трудом, и немалым. «Было решено найти способ полуполигального выпуска новой газеты... — вспоминал Н. И. Подвойский. — Типографии отказывались ее печатать, как только чуюли в заголовке или в материале что-то большевистское. Несколько раз уже готовый набор ссыпался типографией после того, как она, взявшись печатать газету, по содержанию статей с ужасом обнаруживала связь газеты с только что подавленным выступлением».

Сначала попытались отпечатать ее в типографии довольно популярной газеты «Новая жизнь». Н. И. Подвойский и М. С. Кедров рассчитывали на помощь знакомого им по Северному комитету РСДРП И. П. Ладыжникова. Михаил Сергеевич отправился в типографию, но вскоре вернулся ни с чем, но улыбающийся.

— Отказались. Да еще как! — сказал он Подвойскому. — Ты не обижайся, Николай Ильич, я буквально передаю слова Ладыжникова. Он сказал: «К вашей организации примазались шпионы, провокаторы, всякий сброд! Мы убеждены, что и Подвойский провокатор».

Николай Ильич расхохотался.

— Вот это аттестация! — сказал он, вытирая проступившие от смеха слезы. — Вот ведь как напугали человека события!.. Однако надо что-то делать, — в раздумье продолжал Подвойский. — Может, не стоит толкаться в большие типографии? Они в средствах особо не стеснены, рисковать не хотят. Лучше попытаться договориться в какой-нибудь маленькой типографии? Они концы с концами еле сводят. Я давно присмотрел такую на Гороховой улице. «Народ и труд» называется.

Уговорить администратора этой типографии отпечатать «тихую и спокойную» газету стоило немалых усилий, но в конце концов согласие было получено. Я. М. Свердлов рассказывал потом Подвойскому, что, когда он доставил первый номер газеты «Рабочий и солдат» В. И. Ленину,

скрывавшемуся в подполье, Владимир Ильич «плясал от радости», ибо выпуск газеты означал, по определению В. И. Ленина, первую крепкую победу над силами контрреволюции, созданием газеты был заложен первый камень для подготовки вооруженного восстания.

Второй номер газеты выпустить было так же сложно, как и первый. Администратор типографии струсил и отказался от сотрудничества. Чтобы обеспечить выход газеты в свет, приходилось хитрить, комбинировать: набор делали в одной типографии, печатали — в другой, отдельные номера выпускались без указания, что газета имеет отношение к партии большевиков. Газета преследовалась, конфисковывалась. Для ее распространения были подобраны специальные разносчики, которые приходили рано утром или даже ночью, чтобы успеть забрать ее, пока основной тираж еще не конфискован.

Редакция нащупала пути нелегального проникновения газеты в казармы, на корабли, даже в тюрьмы. Так, ей удалось наладить связь с сидевшими в тюрьме членами Военной организации, которые там не только читали газету, но и присылали для нее материалы. Вскоре писем в редакцию стало поступать столько, что по предложению Н. И. Подвойского стали издавать «Листовки-книжки», в которых публиковались наиболее ценные материалы.

С 4 августа газета «Рабочий и солдат» стала органом ЦК РСДРП(б). Н. И. Подвойский испытывал в связи с этим обстоятельством довольно противоречивые чувства.

— Мы должны гордиться, что наша газета поднялась до органа ЦК, — сказал В. И. Невский, заметив некоторое смятение Н. И. Подвойского.

— Оно, конечно, почетно, — ответил Николай Ильич, — но теперь Военная организация, считай, не имеет «голоса»...

К этим тревогам и заботам добавились новые. «Тихая и спокойная» газета, как ее отрекомендовали Н. И. Подвойский и М. С. Кедров в типографии «Народ и труд», с первого номера зазвучала так громко, что Временное правительство закрыло ее после выхода 15 номера.

Николай Ильич отправился к Я. М. Свердлову.

— Мы на днях возродим «Правду», — сказал ему Яков Михайлович. — Шумяцкий уже занялся этим. Только назовем ее пока: «Пролетарий». Чтобы отвести подозрение.

— Значит, и Бориса Захаровича из «Военки» изъяли, — разочарованно протянул Подвойский. — А я собирался с его помощью наладить новую газету.

— Это было бы хорошо... — проговорил Свердлов и вдруг хитровато

взглянул на Подвойского: — Только что вернулся из эмиграции наш с вами хороший знакомый по ярославской газете «Северный край», Менжинский.

Подвойского будто подбросило на стуле. Он вскочил и наклонился к Свердлову.

— Это же отличный газетчик! Яков Михайлович! Бюро «Военки» ослаблено арестами. Менжинского надо направить в Военную организацию! Мы с ним в два счета новую газету на ноги поставим!

— Согласен, — улыбнулся Свердлов. — Только пусть он и для «Пролетария» поработает. Дадим ему там солдатский отдел.

...13 августа, то есть через три дня после закрытия «Рабочего и солдата», Военная организация выпустила свою новую газету «Солдат». Редактором ее был П. И. Подвойский. В составе редакции: В. И. Невский, А. Ф. Ильин-Женевский, В. Р. Менжинский. Острейшие материалы, подписанные буквой М (так подписывался Вячеслав Рудольфович Менжинский), печатались в каждом номере газеты.

Значение собственной газеты для Военной организации было особенно велико в связи с необходимостью оперативной перестройки работы, которая диктовалась решениями VI съезда партии, определившего курс на вооруженное восстание. Съезд открылся 26 июля и работал в столице полулегально до 3 августа. Для Н. И. Подвойского участие в съезде не ограничивалось его делегатскими обязанностями: Петербургскому Комитету и Военной организации пришлось немало потрудиться, чтобы обеспечить его охрану.

Главными на съезде были политический отчет ЦК, вопрос о политическом положении и организационный отчет ЦК. С политическим отчетом ЦК и докладом о политическом положении выступил И. В. Сталин. Отчет об организационной работе сделал Я. М. Свердлов. В. И. Ленин на съезде присутствовать не мог, но он руководил его работой из подполья. Его тезисы о политическом положении, работы «К лозунгам», «Уроки революции» и другие легли в основу принятых резолюций.

Съезд уделил большое внимание военной работе. Это нашло отражение в докладах ЦК. 28 июля на пятом (утреннем) заседании с докладом о деятельности Военной организации выступил «товарищ Николай» — Н. И. Подвойский. Он рассказал об истории «Военки» и накопленном ею опыте, отметил, что и после июльских событий влияние большевиков в армии осталось прежним.

Учитывая важность работы среди солдат, съезд посчитал необходимым образовать из делегатов военную секцию. На секции сообщением о

Московской военной организации сделал Е. М. Ярославский, военной организации 12-й армии — К. И. Римша, Западного фронта — А. Ф. Мясников, Румынского фронта — П. Н. Мостовенко, Кавказского фронта — С. И. Кавтарадзе, о деятельности большевиков на Балтийском флоте и в войсках Финляндии — И. П. Флеровский и В. Н. Залежский. Во всех выступлениях подчеркивалось, что после июльских дней, несмотря на яростное наступление контрреволюции и резкое усложнение условий работы, из военных организаций отсеялись лишь неустойчивые элементы. Секция приняла решения: «О методах работы», «Принципы организации». В них раскрывалась специфика партийно-политической работы в армии и на флоте.

Велико было значение работы военной секции, ведь руководители крупнейших военных организаций в личном общении, кулуарных встречах и спорах обменялись живым опытом работы, имели возможность сравнить свои точки зрения, буквально зарядились друг от друга энергией. Что касается Н. И. Подвойского, то он получил на съезде, можно сказать, из первых рук богатые данные о положении дел в местных военных организациях.

В числе прочих задач съезд со всей остротой поставил вопрос о Красной гвардии.

— Кое-что мы уже делаем в этом направлении, — говорил Николай Ильич на Бюро «Военки», обсуждавшем материалы съезда, — хотя формально подготовка Красной гвардии не входит в наши задачи. Но теперь, когда съезд нацелил партию на вооруженное восстание, ситуация меняется. Ясно, что рабочие-красногвардейцы будут главной боевой силой восставших. Отряды Красной гвардии формируют, комплектуют районные партийные организации и заводские ячейки. Они же и командуют ими. Однако организовать красногвардейцев во взводы, роты и батальоны, обучить их тактике, владению оружием могут только военные организации. Рано или поздно, а нам такую команду дадут. Если мы это понимаем, то почему мы должны сидеть сложа руки, а потом спешить?

Члены Бюро согласились с доводами Подвойского. Вскоре при Бюро Военной организации специально для работы с Красной гвардией были созданы программно-методическая комиссия, инструкторский и снабженческий отделы. «Военка» тщательно подобрала инструкторов для обучения красногвардейцев. С помощью прапорщиков и унтер-офицеров из большевиков были разработаны программы занятий, определены формы и методы военного обучения рабочих. Сотни активистов «Военки» при поддержке местных партийных организаций Петрограда пошли на заводы.

Работа с Красной гвардией добавила забот Военной организации. Но Николай Ильич видел, что вопрос назрел. Не ожидая указаний, он приступил к его решению.

После VI съезда партия начала разворачивать работу по подготовке восстания. А буржуазия тем временем принимала меры к укреплению своей власти. Она решила с помощью военной диктатуры задавить все революционные силы. Кандидатом в диктаторы был определен ярый реакционер генерал Корнилов. Глава Временного правительства Керенский, по сути, вступил с Корниловым в сговор, назначив его главнокомандующим армией.

25 августа Корнилов снял с фронта 3-й конный корпус генерала Крымова и Кавказскую («дикую») дивизию и двинул их на Петроград. Он заявил, что во имя спасения России от гибели берет власть в свои руки, чтобы уничтожить большевизм и... Временное правительство, которое идет за большевистским Советом. Не ожидавший этого Керенский объявил о смещении Корнилова с поста главнокомандующего. В ответ Корнилов заявил, что Керенский — изменник, а Временное правительство — шайка германских наймитов.

Правительство Керенского и эсеро-меньшевистский ЦИК поняли, что без рабочих и солдат, руководимых большевиками, им Петроград от войск Корнилова не отстоять. Они призвали население к защите.

Большевики сразу оценили возникшую опасность, а также сложность своего положения: нужно было поднимать массы, но не ради того, чтобы поддержать Временное правительство. В. И. Ленин из подполья в письме в ЦК так определил тактику партии: «...Мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость». Надо заставить Керенского, писал он, вести революционную войну, требовать от него вооружения рабочих.

ЦК и ПК призвали рабочих и солдат к защите революции. В листовке ЦК писалось:

«Торжество Корнилова — гибель воли, потеря земли, торжество и всевластие помещика над крестьянином, капиталиста — над рабочим, генерала — над солдатом...

Солдаты! Во имя революции — вперед против генерала Корнилова!

Рабочие! Дружными рядами оградите город революции...»

Подлинным центром борьбы с корниловщиной стал ЦК РСДРП(б), а его военным штабом — «Военка». По предложению ЦК на Н. И. Подвойского была возложена роль командующего.

Военный отдел эсеро-меньшевистского ЦИК предложил «Военке» прислать представителей для совместной работы. Предложение было принято. Делегировали Н. И. Подвойского и В. И. Невского, а позже Ф. Э. Дзержинского. Это вызвало переполох у соглашателей. Им не хотелось сотрудничать с опасными для них руководителями «Военки». Н. И. Подвойскому и В. И. Невскому было заявлено, что они — «разыскиваемые государственные преступники, подлежащие суду за июльское выступление». Но военная ситуация была настолько серьезной, что ЦИК пришлось все-таки смириться и пойти на компромисс с большевиками.

С военной точки зрения, работа в Военном отделе для большевиков большого значения не имела. Но Ф. Э. Дзержинскому, Н. И. Подвойскому и В. И. Невскому удалось решить там две важнейшие задачи: за счет правительственных arsenалов вооружить новые батальоны Красной гвардии и тем самым фактически легализовать Красную гвардию.

Для Н. И. Подвойского особенно трудными были дни 28 и 29 августа. Он провел совещание представителей партийных организаций полков, на котором был утвержден конкретный план защиты Петрограда. Но партия и ее Военная организация не имели административной власти, не могли издавать приказы. Для того чтобы план превратился в конкретные действия, надо было убедить массы рабочих, солдат в необходимости этих действий. Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Подвойский, В. И. Невский, М. С. Кедров и другие работники ЦК, ПК, Военной организации отправились в части, на заводы. Они разъясняли тактику партии, убеждали рабочих и солдат встать на защиту революции и Петрограда. В результате за двое-трое суток партия подняла на борьбу с корниловскими войсками 60 тысяч человек — 40 тысяч красногвардейцев, 12 тысяч солдат. Около 10 тысяч рабочих были мобилизованы на строительство укреплений.

По распоряжению Н. И. Подвойского военным организациям фронта была дана команда всячески препятствовать Корнилову двигать к Петрограду резервы. По призыву ЦК, ПК и Военной организации примерно в 100 городах большевики создали военно-революционные комитеты — оперативные органы, которые не давали местному командованию посылать в помощь Корнилову контрреволюционные части. Руководимые большевиками рабочие-железнодорожники, взорвав ряд мостов, задержали корниловцев под Лугой и у станции Дно. Перед большевистскими агитаторами, брошенными в корниловские части, не устояли ни конники генерала Крымова, ни «дикая» дивизия. Они отказались наступать на Петроград. Оставшись без послушного войска, генерал Крымов застрелился. Корнилов и его сообщники были арестованы.

Мятеж reactionеров был подавлен без открытой вооруженной борьбы.

Корниловский мятеж способствовал прозрению широких масс, они распознали суть меньшевистско-эсеровских соглашателей и стали отзывать их представителей из Советов. 31 августа Петроградский Совет, 5 сентября Московский, а затем Киевский, Харьковский и другие Советы стали по составу большевистскими. Обострились все формы борьбы народа. Рабочие стали выгонять директоров и брать управление заводами в свои руки, крестьяне — захватывать помещичью землю, солдаты — заменять прежних командиров выборными. Таким образом, разгром корниловщины круто изменил политическую обстановку в стране. «За нами *большинство* народа...» — сделал вывод В. И. Ленин. Партия вновь поставила лозунг «Вся власть Советам!», но теперь он означал подготовку и проведение вооруженного восстания.

Сразу после разгрома корниловщины Я. М. Свердлов и Н. И. Подвойский созвали совещание представителей партийных организаций частей столицы. Я. М. Свердлов в докладе о текущем моменте нацелил военных большевиков на планомерную подготовку восстания. Доклад о фактическом положении дел с вооружением и военным обучением рабочих сделал Н. И. Подвойский.

— После корниловщины, — сказал он, — Керенский и ЦИК отказались дальше вооружать Красную гвардию. Этого и следовало ожидать. Но для восстания нам надо вооружить и обучить тысячи и тысячи рабочих в дополнение к нынешним. Где брать оружие? Теперь его могут дать только партийные организации полков и арсеналов. Больше никому! Делать, однако, это надо без звона, не афишируя. Задача — самая срочная!

С мест раздались возражения: оружие, дескать, на учете, трудно будет решать этот вопрос с командирами.

— А с ними и не надо ничего решать! Просто через солдатские комитеты поставить на склады большевиков. Или тех, кто там работает, сделать большевиками!

Николай Ильич разъяснил, что партийная организация должна действовать в интересах революции, а не в интересах существующей законности. Говоря о возможностях большевистских ячеек, он так увлекся, что его доклад, по сути, превратился в митинговую речь. «Эта речь... создала такое боевое настроение, — вспоминал потом участник совещания большевик М. П. Ефремов, — что мы должны были выполнить все то, о чем говорил Николай Ильич».

После совещания благодаря усилиям военных большевиков к рабочим

на заводы стало ночами, тайно поступать с военных складов оружие. Численность Красной гвардии увеличивалась. Н. И. Подвойский внимательно следил за этими процессами, ежедневно подводил итоги. В связи с поступлением на предприятия оружия, в «Военку» с заводов пошли заявки на инструкторов.

Николай Ильич на очередном заседании Бюро заявил:

— Выход у нас один — открывать нелегальные курсы инструкторов. Люди, отлично знающие оружие, в полках есть. Их надо подготовить методически. Да еще и основательно подковать политически, чтобы в одном лице был инструктор и агитатор.

Курсы были созданы. Срок обучения ограничили десятью днями, но занятия шли по 15–18 часов в сутки. Члены Бюро «Военки», включая И. И. Подвойского, а подчас и члены ЦК и ПК готовили курсантов, так сказать, идейно, а офицеры и прапорщики из военных большевиков вели занятия по устройству оружия и его применению, по методике обучения военному делу. О курсах прослышали в других городах. В «Военку» посыпались заявки на инструкторов со всех концов страны. По предложению Н. И. Подвойского с конца сентября ЦК превратил курсы во всероссийские. На них съехались солдаты с Северного и Юго-Западного фронтов, из Тулы, Брянска, Киева, Одессы и других городов, матросы Балтийского и Черноморского флотов. «Мы не знали ни дня, ни ночи, работая до 2–3 часов ночи, — вспоминал Николай Ильич. — Но если в начале работы курсов требовалось 75 инструкторов, то через 4–5 дней — 400, а затем и 1000».

Красная гвардия росла так стремительно, что перепуганный эсеро-меньшевистский ЦИК прислал в «Военку» представителей, которые потребовали, чтобы военная подготовка рабочих и их вооружение осуществлялись только через Военный отдел ЦИК и под его руководством, а также, чтобы численность Красной гвардии не превышала 8 тысяч человек.

— Военная организация работает при ЦК РСДРП(б). Ни в каком другом руководстве она не нуждается, — заявил Н. И. Подвойский и решительно выпроводил непрошенных инспекторов.

...Шел сентябрь 1917 года. Массы быстро зрели политически. Несмотря на невероятную усталость, недоедание, Н. И. Подвойский, как и другие руководители партии и Военной организации, по нескольку раз в день выступал на многолюдных митингах в полковых манежах, в заводских цехах. Он пристально всматривался в лица людей, стоявших у покрытой

красной материей трибуны, в их напряженно-внимательные глаза. Люди ловили каждое слово оратора, каждую мысль. Многим приходилось с большим усилием перерабатывать их, определяя свое отношение, свою позицию. Но каждому надо было решать: с кем идти? Николай Ильич видел, как крепнет в рабочих и солдатах классовое сознание. Он видел, как добрели к концу митинга недоверчивые вначале лица, если на нем выступали большевики. Но чаще всего на митингах шли идейные схватки между большевиками, меньшевиками, эсерами, кадетами. Тогда то раздавались бурные аплодисменты и крики «Правильно!», то топот ног и негодующее «Долой!», а подчас и щелканье затворов винтовок с одновременными попытками стащить с трибуны оратора.

«Военка» превратилась в мощный рабочий орган ЦК РСДРП(б) с весьма совершенной структурой. На фронте ротные ячейки военных большевиков подчинялись теперь полковой партийной организации. Те, в свою очередь, замыкались на военные организации дивизии, корпуса, во главе которых стояли соответствующие исполнительные комиссии военных организаций. Выше стояла военная организация армии во главе со своей исполнительной комиссией. Еще выше — военная организация фронта с бюро во главе. Тыловые военные организации строились несколько по-другому. Ротные ячейки работали под руководством батальонных и полковых организаций и их исполнительных комиссий. Полковые подчинялись общегородской (местной) военной организации, которую возглавляла руководящая комиссия. Общегородские и фронтовые ВО замыкались на Военную организацию при ЦК РСДРП(б). Все военные организации, как фронтовые, так и тыловые, работали под руководством местных организаций партии.

«В эти дни, — вспоминал Николай Ильич, — Военная организация работала не для отдаленных целей, но для создания того аппарата, с помощью которого в ближайшие недели, в ближайшие дни власть... перейдет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты. Конкретность задачи, которая стояла, как неумолимое и неотвратимое требование революции перед каждым членом партии, давала мощный импульс для непрерывной, лихорадочной работы».

Находясь в подполье, В. И. Ленин зорко следил за положением в стране. Между 12 и 14 сентября он написал письмо Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам партии «Большевики должны взять власть» и письмо в ЦК «Марксизм и восстание», в которых призвал партию приступить к организации восстания и разработал его примерный

план. Он предлагал немедленно создать штаб повстанческих отрядов; распределить силы и сосредоточить верные части в наиболее важных пунктах; подготовить окружение правительственных зданий, занять телефонную станцию и телеграф; сформировать крепкие отряды, готовые умереть, но не пропустить неприятеля к центру города; арестовать Временное правительство и Генеральный штаб. Н. И. Подвойский и другие руководители Военной организации восприняли письма В. И. Ленина однозначно — как требование немедленно заняться непосредственной технической подготовкой восстания.

В те дни по всей стране развернулась кампания по выборам в Учредительное собрание, давно обещанное Временным правительством. В. И. Ленин требовал использовать ее в интересах революции. Н. И. Подвойский узнал об этом после очередной беседы с Я. М. Свердловым, ездившим в подполье к В. И. Ленину. Николай Ильич немедленно собрал Бюро и актив Военной организации.

— Нам необходимо открыть курсы организаторов выборов в Учредительное собрание... — заявил он товарищам.

Реакция собравшихся была вялой. Сообщение Подвойского не вызвало особого энтузиазма, ибо все знали, что в целом-то Учредительное собрание — затея буржуазии и соглашателей. Николай Ильич выдержал паузу и вдруг добавил:

— По совету Владимира Ильича под вывеской этих курсов откроем школу вожаков восстания. Слушателей наберем из рабочих и солдат Петрограда.

— Вот это дело! — сразу оживились руководители «Военки».

Основная нагрузка по организации школы, ее комплектованию, разработке учебной программы и проведению занятий легла на плечи Н. И. Подвойского, В. И. Невского и Е. Ф. Розмирович. Наплыв в школу был велик: пришлось принимать рабочих и солдат не только Петрограда, но и его окрестностей, а также из Минской, Новгородской и других губерний. Было одновременно запущено четыре параллельных потока. «Школа, — вспоминал Н. И. Подвойский, — работала со своими учениками буквально от зари до зари». Было сделано несколько выпусков и подготовлено около 400 вожаков восстания, командиров отрядов армии революции. Значение этой школы переоценить трудно. «Где бы мы впоследствии ни встречались с руководителями восстания, — подчеркивал Николай Ильич, — мы почти всегда видели в этой роли бывших курсантов школы восстания...»

Тем, кто работал с Н. И. Подвойским накануне Октября, было удивительно, откуда он брал силы. Недоедая, недосыпая, Николай Ильич

тем не менее был всегда бодр, приветлив: большую голову с короткими светлыми волосами держал прямо и высоко. Секретарь ЦК Е. Д. Стасова позже писала: «Мы постоянно встречались с Николаем Ильичом в 1917 году. Мне, как Секретарю ЦК, особенно была видна та огромная работа, которую вел Николай Ильич как один из организаторов и бессменных руководителей «Военки», сыгравшей такую значительную роль в Октябрьском восстании». Силы же ему давало дело, которому он служил, сложность задач, которые он решал, а также чувство ответственности. Каждый час его жизни и работы, их темп и напряженность определялись событиями близкой революции, в которой Военная организация должна была сыграть одну из решающих ролей.

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

В начале октября по решению ЦК В. И. Ленин нелегально возвратился в Петроград. 8 октября в письме, адресованном ЦК, он указал, что местом восстания должен стать Петроград, что необходимо комбинировать три главные революционные силы — флот, рабочих и войсковые части — так, «чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову». В. И. Ленин требовал «выделить *самые решительные элементы*... для занятия... всех важнейших пунктов, «окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска...». В. И. Ленин считал, что успех революции «зависит от двух-трех дней борьбы». 10 октября ЦК РСДРП(б) на заседании, проходившем под председательством В. И. Ленина, принял решение о непосредственной подготовке восстания.

Штабом восстания в столице стал Военно-революционный комитет (ВРК), созданный по предложению В. И. Ленина 12 октября при Петроградском Совете. В него вошли представители ЦК, ПК, Военной организации, Балтийского флота, фабзавкомов, профсоюзов и других организаций. Нелегкая задача быстрого налаживания его меткой работы была возложена на Организационное бюро в составе Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, К. А. Мехоношина, А. Д. Садовского, И. П. Павлуновского и П. Е. Лазимира. Времени на раскачку у них не было. События, направляемые В. И. Лениным и ЦК, стали развиваться подобно нараставшему грозному шквалу.

Николай Ильич скрупулезно подсчитывал количество верных революции частей, штыков, пулеметов, численность отрядов Красной гвардии. Огромная ответственность лежала на его плечах. Хватит ли сил для победы восстания? В Питере должно хватить. А фронт, провинция? Еще бы немного времени для обеспечения безоговорочной, надежной поддержки фронтов. Туда посланы и там уже работают: И. А. Акулов, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. А. Пожаров, С. М. Нахимсон, Э. М. Склянскпй, В. Г. Юдовский и другие активисты «Военки». По их сообщениям поддержка фронтов и флота будет обеспечена. Но Н. И. Подвойский думал не о поддержке вообще — он в ней не сомневался, а о конкретно разработанной технике оперативного взаимодействия между партийными комитетами, Советами, гарнизонами, Красной гвардией, фронтами, флотом.

14 октября В. И. Ленин на квартире машиниста Г. Ялавы встретился с Ф. Э. Дзержинским, Н. И. Подвойским, В. А. Антоновым-Овсеенко, В. И. Невским, М. С. Кедровым и другими руководителями партии и Военной организации. Были обсуждены ход подготовки восстания и работа ВРК. В. И. Ленин торопил ход событий.

Через два дня, 16 октября, В. И. Ленин сделал доклад на расширенном заседании ЦК с участием представителей ПК, «Военки», большевистской фракции Петроградского Совета, профсоюзов. По его предложению было решено еще более ускорить подготовку восстания, для руководства которым был образован Военно-революционный центр в составе членов ЦК А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. Партийный центр в качестве руководящего органа вошел в состав ВРК. Таким образом, ЦК взял непосредственное руководство штабом восстания в свои руки.

Сразу после этого заседания Я. М. Свердлов и Н. И. Подвойский собрали руководителей военных партийных организаций и Красной гвардии Петрограда. Докладывал Н. И. Подвойский. Совещание наметило меры по более полному обеспечению Красной гвардии оружием и боеприпасами, обязало Бюро «Военки» усилить свое влияние на ход подготовки восстания в гарнизонах и на фронтах.

Военно-революционный комитет, закончив короткий период формирования, 21 октября провел первое заседание. На нем было избрано Бюро в составе большевиков В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского, А. Д. Садовского и левых эсеров П. Е. Лазимира и Г. Н. Сухарькова. Председателем Бюро с согласия большевиков стал Н. Е. Лазимир, так как это облегчало привлечение на сторону восставших тех солдат, крестьян, рабочих, которые еще шли за эсерами. Поскольку трое членов Бюро были большевиками, то они и определяли характер работы этого органа.

...Петроград готовился к восстанию. На заводах помещения партийных комитетов превратились в склады с оружием. Полным ходом шло обучение Красной гвардии. В казармах день и ночь бушевали горячие митинги. Разительно переменялся Смольный, где напряженно работали ЦК, ПК. «Военка», ВРК. У его главного входа встали суровые и молчаливые часовые.

Н. И. Подвойский и член Военно-революционного центра А. С. Бубнов по нескольку раз в день подсчитывали и уточняли соотношение сил в столице — для сбора информации на места были специально посланы М. К. Тер-Арутюнянц, В. А. Антонов-Овсеенко, В. И. Невский, Ф. Ф. Раскольников, А. Д. Садовский, К. А. Мехоношин и другие. По данным Н.

И. Подвойского и А. С. Бубнова, накануне восстания в Питере и ближайших пригородах большевики имели около 300 тысяч красногвардейцев, революционных солдат и матросов, а Временное правительство могло противопоставить им примерно 30 тысяч юнкеров, казаков, офицеров.

...Вечером 20 октября Я. М. Свердлов шепнул Подвойскому:

— Ильич вызывает тебя, Антонова и Невского с отчетом о подготовке к восстанию. Добирайтесь порознь. С тобой пойдет хозяин квартиры — питерский рабочий Павлов. На всякий случай запомни адрес: Сердобольская, 35, квартира 4.

Шли малолюдными улицами. Подойдя к дому, незаметно осмотрели его со всех сторон. Вошли в ворота. Поднялись на второй этаж. Павлов постучал условным стуком. В квартире Николая Ильича встретил незнакомый коренастый человек и очень знакомым голосом сказал:

— Здравствуйте, товарищ Подвойский.

Николай Ильич, старый конспиратор, изумился — В. И. Ленин был загримирован до неузнаваемости.

Вскоре подошли В. А. Антонов-Овсеенко и В. И. Невский. Владимир Ильич выслушал их доклады о готовности Балтийского флота и расположенных в Финляндии войск к восстанию. Он посоветовал В. А. Антонову-Овсеенко выехать на место и еще раз лично все проверить. Николай Ильич доложил о готовности к восстанию Красной гвардии, революционных частей Петрограда и фронта. Владимир Ильич подчеркнул, что теперь недопустимы никакие отсрочки восстания, чтобы не дать контрреволюции лучше подготовиться к отпору. Восстание, разъяснял В. И. Ленин, должно произойти непременно до открытия назначенного уже на 25 октября II Всероссийского съезда Советов. Тогда съезд сразу же своими декретами закрепит победу восстания. Владимир Ильич потребовал, чтобы руководители Военной организации лично проверили все имевшиеся у ВРК и «Военки» необходимые для восстания сведения и выбрали преданных революции, подготовленных в военном отношении командиров, способных умело управлять боевыми действиями восставших. Владимир Ильич посоветовал приостановить выкачку оружия из полков, чтобы не оставить революционных солдат безоружными и перейти к вооружению рабочих за счет арсеналов и оружейных складов.

Очень заинтересованно Владимир Ильич говорил с Н. И. Подвойским о работе Военно-революционного комитета. В. И. Ленин понял, что увлеченный и поглощенный подготовкой восстания Подвойский смотрит на

ВРК чуть ли не как на часть Военной организации, ее штаб или бюро.

— ...Ни в коем случае, — решительно возражал В. И. Ленин, — ВРК действительно штаб, но не ЦК и не «Военки», а восстания. Это полномочнейший, но беспартийный орган восставшего народа. Он должен быть связан с самыми широкими массами рабочих и солдат, независимо от их партийности. Он должен обеспечить их участие в восстании. А главная задача нашей Военной организации, то есть ваша, состоит в том, чтобы ВРК не уклонился от большевистской позиции и обеспечил победу восстания.

Встреча закончилась далеко за полночь. С утра весь актив Военной организации по распоряжению Н. И. Подвойского ушел в части и на заводы выполнять указания В. И. Ленина.

Временное правительство пыталось противостоять надвигавшемуся восстанию. Под предлогом необходимости оперативных перевозок оно подтягивало к Петрограду эшелоны с ударниками и казаками, усилило охрану резиденции правительства — Зимнего дворца, пыталось вывести из города революционные полки. Видя это, ВРК решил парализовать действия штаба Петроградского военного округа.

Вечером 21 октября Военно-революционный комитет направил восемь своих уполномоченных во главе с П. Е. Лазимиром в штаб округа и сообщил в части, что без их подписи распоряжения штаба являются недействительными. Однако командующий округом Полковников полномочий представителей ВРК не признал и от «сотрудничества» с ними отказался.

Узнав об этом, Н. И. Подвойский экстренно собрал гарнизонное совещание — высший орган Военной организации — и провел через него решение огромной важности. Совещание постановило: распоряжения штаба округа, не подписанные Военно-революционным комитетом, считать недействительными; для обеспечения фактического выполнения этого постановления направить в части комиссаров ВРК. Это означало, что революционные части Петроградского гарнизона отказывались подчиняться командованию и признавали только власть Военно-революционного комитета.

Остаток ночи и весь день 22 октября ВРК рассылал в части, на оружейные заводы, склады и арсеналы своих комиссаров. Н. И. Подвойский и другие руководители «Военки», понимая, что настал решающий час, предоставили в распоряжение ВРК лучшие кадры Военной организации. Комиссарами Гренадерского и Павловского полков были

назначены А. Ф. Ильин-Женевский и О. П. Дзенис. Этим полкам предстояло штурмовать Зимний дворец. В Петропавловскую крепость, где имелся арсенал на 100 тысяч винтовок и где предполагалось разместить запасной оперативный штаб, комиссарами пошли Г. И. Благодоров и М. К. Тер-Арутюнянц. Комиссаром всех огнеприпасных складов был назначен большевик с 1912 года В. Н. Васильевский. Все они, как и десятки других комиссаров, прошли школу «Военки». В обращении ВРК к населению Петрограда, выпущенном 24 октября, был дан список более пятидесяти воинских частей, где имелись комиссары, уполномоченные от имени Петроградского Совета решать все вопросы.

Таким образом, управление гарнизоном фактически перешло в руки ВРК.

Пытаясь восстановить свою власть, командующий округом Полковников издал два «грозных» приказа, которые были доставлены революционными солдатами в «Военку». Николай Ильич собрал товарищей и прочитал им выдержки из этих приказов:

— «Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказов из штаба округа. Всякие самостоятельные выступления запрещаю. Все выступающие вопреки приказу с оружием на улицу будут преданы суду за вооруженный мятеж... Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо «приказов», исходящих из различных организаций».

Николай Ильич весело взглянул на товарищей, взял другой листок и продолжил чтение:

— «Ввиду ряда незаконных действий представителей Петроградского Совета, командированных в качестве комиссаров названного Совета, частям, учреждениям и заведениям военного ведомства приказываю: всех комиссаров Петроградского Совета... отстранить».

Николай Ильич положил приказы на стол и прикрыл их ладонью:

— Поздно, господин Полковников! Штаб теперь в Смольном. Приказы идут отсюда.

В тот же день, 22 октября, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский и Н. И. Подвойский провели конференцию представителей Красной гвардии. 200 делегатов, представлявшие более 20 тысяч красногвардейцев, были настроены чрезвычайно решительно. Они заявили, что, если будет оружие, Красная гвардия может сразу развернуться до 50 тысяч человек. Посоветовавшись со Свердловым и Дзержинским, Подвойский направил активистов. Военной организации на оружейные склады и в арсеналы.

Через комиссаров ВРК они организовали вывозку на грузовиках оружия и патронов, раздачу их рабочим заводов и фабрик. Ночью и днем 23 октября Красная гвардия была максимально развернута и вооружена, переведена на казарменное положение.

ВРК завершал последние приготовления к восстанию. Не полагаясь на устойчивость телефонной связи, он вызвал в Смольный для круглосуточного дежурства около 800 связных. 1-й и 2-й этажи Смольного заняли красногвардейские отряды. У входа поставили легкие орудия, шесть броневигов, оборудовали пулеметные гнезда. Техническая подготовка восстания в основном была закончена. Армия революции ждала сигнала ЦК РСДРП(б) и ВРК.

«В эти дни Ленин весь был охвачен заботой об организации восстания, — свидетельствовал Н. И. Подвойский. — Я сужу об этом по тем запискам, которые постоянно получал от него. В этих записках он требует непрерывных сообщений о том, что делается в Петрограде, в Москве, как готовятся к восстанию на заводах, в казармах, во флотских экипажах и на военных кораблях».

Напряжение в Петрограде достигло предела. В ночь на 24 октября Временное правительство отдало приказ арестовать членов ВРК, закрыло большевистскую газету «Рабочий путь», взяло под охрану ее типографию, предприняло попытку захватить некоторые мосты.

Ждать больше было нельзя. Н. И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеенко подписали и разослали «Предписание № 1» ВРК, которым привели революционные боевые части гарнизона и Балтийский флот в полную боевую готовность. Действуя от имени председателя ВРК, Н. И. Подвойский стал энергично реализовывать ленинское требование «окружить и отрезать Питер». Он приказал революционным частям занять станции Стрельна, Лигово, Сергиевская пустынь, послал комиссаров в Царское Село, Удельную и на другие важные объекты. Все пути подхода к Петрограду контрреволюционных частей были перекрыты. Николай Ильич назначил комиссаров на Путиловский и другие крупные заводы, на телефонную станцию, поручил комиссару ВРК М. С. Богданову взять под охрану винные склады. Подвойский подписал и выдал большевику, машинисту крейсера «Аврора» А. В. Бельшеву удостоверение о назначении его комиссаром на крейсере, поручил ему подойти поближе к Зимнему дворцу, встать у Николаевского моста.

Для выработки конкретного тактического плана восстания ВРК на своем заседании выделил тройку: Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-

Овсеенко и Г. И. Чудновского. Тройка тут же вышла в соседнюю комнату (на третьем этаже Смольного) и на основе данных, имевшихся у Николая Ильича, довольно быстро, хоть и не без споров, составила план. Н. И. Подвойский тотчас же доложил его Военно-революционному комитету. В основу плана, вспоминал Николай Ильич, были положены ленинские указания, изложенные в его последних письмах, «которые отвечали буквально на все возникавшие вопросы... Учитывая огромный перевес, который имелся на нашей стороне, план всеми силами стремился обеспечить бескровный переворот, или хотя бы свести количество жертв до минимума». План предусматривал захват телефона, телеграфа, мостов и других ключевых объектов, окружение и взятие Зимнего дворца, где разместилось Временное правительство. Штурм Зимнего должен был начаться по сигналу — красному фонарю, поднятому в Петропавловской крепости, залпу крепостных орудий и холостому выстрелу «Авроры».

В. И. Ленин, укрытый на конспиративной квартире у М. В. Фофановой, с нарастающей тревогой следил за развитием событий. Он прислал в Смольный письмо членам ЦК: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое...Промедление в восстании смерти подобно... Ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

В. И. Ленин в тот вечер еще дважды посылал М. В. Фофанову в Смольный. А затем, вопреки запрету ЦК, он, загримировавшись, в сопровождении Э. А. Рахьи через весь город отправился в Смольный и примерно к 11 часам вечера был на месте. По меткому выражению Н. И. Подвойского, В. И. Ленин сразу пустил «машину восстания на полный ход, на самую высокую скорость». Н. И. Подвойский стал председателем Военно-революционного комитета, заменив на этом посту левого эсера П. Е. Лазимира.

С приходом В. И. Ленина Смольный стал похож на клокочущий котел — сновали сотни связных, непрерывно трещали телефоны. В комнате ВРК напряженно работали Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, А. С. Бубнов, Н. И. Подвойский и другие руководители штаба восстания. Распоряжения отдавались каждым самостоятельно — кому-то две-три фразы, кому-то короткая записка, а некоторым просто кивок головой.

Стали поступать донесения: взят телеграф, занята телефонная станция, почта... вокзалы... один... другой, мосты... И почти везде — без боев, без стрельбы, без жертв!

К утру в руках восставших оказались все ключевые объекты города, кроме Зимнего и Мариинского дворцов, — резиденций Временного правительства и Предпарламента. Исход восстания был решен.

Утром 25 октября ВРК обратился с воззванием «К гражданам России!», написанным В. И. Лениным. В нем сообщалось: «Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона».

Для завершения восстания и руководства штурмом Зимнего и Мариинского дворцов ВРК образовал штаб из пяти человек: Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, Г. И. Чудновского, А. С. Бубнова и К. С. Еремеева.

Примерно в 6–7 часов утра началась перегруппировка сил и стягивание их к дворцам. Перебросить революционные полки и отряды Красной гвардии по лабиринту петроградских улиц оказалось не так просто. Сил же для штурма требовалось много, так как за баррикадами Зимнего дворца укрылись юнкера Ораниенбаумской и Петергофской школ прапорщиков и Михайловского училища, часть броневого дивизиона, ударный женский батальон, рота самокатчиков, казаки, павловская батарея конной артиллерии, отряд георгиевских кавалеров, три сотни казаков Донского полка. В их распоряжении было 5 броневиков, 6 орудий, около двух десятков пулеметов.

Наконец кольцо революционных сил замкнулось. Как потом стало известно, буквально за час до этого момента премьер Керенский под прикрытием машины с американским дипломатическим флагом бежал из Зимнего, оставив во дворце на произвол судьбы свое правительство.

Для улучшения управления штурмом по предложению Н. И. Подвойского был создан и размещен в Петропавловской крепости Полевой штаб, возглавляемый В. А. Антоновым-Овсеенко; для непосредственного руководства действиями штурмующих вблизи Зимнего дворца образовали два промежуточных штаба: в казармах Павловского полка — во главе с К. С. Еремеевым, в Балтийском экипаже — во главе с Г. И. Чудновским. Общее командование революционными силами осуществлял Н. И. Подвойский из Смольного.

К вечеру был занят Мариинский дворец. Революционные войска изготовились к штурму Зимнего и ждали сигнала.

Н. И. Подвойский выехал к Зимнему дворцу. По орудийному залпу Петропавловской крепости и холостому выстрелу «Авроры» начался штурм. Лавина восставших поднялась в атаку. Николай Ильич,

оказавшийся в этот момент в цепях Павловского полка, вместе с солдатами пошел на ружейно-пулеметный огонь баррикад. Его мгновенно захватила стихия атаки...

«Это был героический момент революции, — писал он, — грозный, кровавый, но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночи, озаряемые мечущимися молниями выстрелов, со всех сторон прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного, подобного урагану потока.

Лязг оружия, визг и треск тархтящего по мостовой «максима», стук железных подков на тысячах тяжелых солдатских сапог, скрипы броневиков — все смешалось на Дворцовой площади в какую-то неопишемую какофонию... Разлилось стремительное «ура!» вперемежку с другими, не поддающимися ни передаче, ни восприятию звуками, понеслось дальше... Одно мгновение... — и победный крик уже по ту сторону баррикад!»

...Немало времени потребовалось для того, чтобы очистить более тысячи комнат Зимнего дворца. В «Малой столовой» В. А. Антонов-Овсеенко обнаружил министров теперь уже бывшего Временного правительства, арестовал их и лично препроводил в Петропавловскую крепость. Н. И. Подвойский написал на листке короткое донесение в Смольный и, взглянув на свой хронометр, поставил время: 2 часа 10 минут. Связной рванулся в штаб революции.

Н. И. Подвойский поручил Г. И. Чудновскому принять меры к охране ценностей дворца и назначить коменданта. Им стал балтийский матрос большевик И. П. Приходько.

Поэт революции В. В. Маяковский в поэме «Хорошо!» писал:

*До рассвета
осталось
не больше аршина, —
руки
лучей
с востока взмолены.
Торарищ Подвойский
сел в машину
сказал устало:
«Кончено...
В Смольный».*

...Подвойский сразу поднялся к В. И. Ленину, чтобы доложить о взятии Зимнего дворца. Ленин, сосредоточенно работавший над первыми декретами Советской власти, не имел возможности вникать в детали штурма. Но, услышав слова Подвойского: «Теперь все кончено», — энергично покачал головой:

— Все только начинается!.. Отдохните немного, — добавил он, заметив, что Николай Ильич еле держится на ногах от усталости. — Теперь вам, военным работникам партии, предстоит организовать вооруженную защиту республики.

Воспользовавшись разрешением В. И. Ленина, Николай Ильич впервые за последние недели вырвался к семье. Он знал, что жена и старшие дети, охваченные тревогой, в эту ночь не спят — ждут от него вестей. Ведь Нина Августовна знала о предстоящем штурме.

Когда Николай Ильич распахнул дверь квартиры, он увидел у стола Нину Августовну, Олесю и Леву. Едва переступив порог, он вскинул вверх руки со сжатой в них винтовкой и радостно, не скрывая чувств, которые им владели, сообщил:

— Народ победил! Зимний взят!

Как был в шинели, с винтовкой в руках Подвойский опустился на стул, подмигнул Леве и... мгновенно уснул. Нина Августовна уложила его в постель.

Через два часа предрассветную тьму за окнами квартиры прорезал свет фар. Коротко тьякнул клаксон. Раздался условный стук. Нина Августовна, которая так и не прилегла, открыла дверь и увидела на пороге перепоясанного патронной лентой матроса.

— Уже? — спросила она.

— Так приказал Николай Ильич, — развел руками матрос. — Сказал, что теперь работы много.

Она с трудом растолкала Николая Ильича. Но, едва поняв, что за ним пришел автомобиль, он вскочил, запрянул гимнастерку ремнем, набросил шинель.

— Извини, Нинуша. На днях постараюсь вырваться, побыть с детьми. А сейчас надо ехать.

...Когда авто подкатило к Смольному, серело утро. Первое утро новой России.

РЕВОЛЮЦИЯ ЗАЩИЩАЕТСЯ

РАЗГРОМ АВАНТЮРЫ ЭКС-ПРЕМЬЕРА

В Смольном понятия о дне и ночи смешались. Пос. is штурма Зимнего народу стало еще больше. На лестницах, в коридорах, комнатах — половодье, клокочет людской водоворот.

Подвойский поднялся на третий этаж, окинул взглядом комнату № 77, где размещался штаб ВРК. Два десятка люден сбились группами и доказывают, требуют, решают с Дзержинским, Антоновым-Овсеенко, Садовском, Крыленко, Мехоношиным свои неотложные и экстренные вопросы — Военно-революционный комитет работал, творил, заряжал революционной энергией сотни людей.

Николай Ильич сдержал желание немедленно окунуться в привычное кипение дел. Как юрист он с достаточной ответственностью понимал, что значит ленинская фраза в воззвании к населению: государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета. Это значит, что ВРК до образования правительства отвечает за все — от подавления контрреволюции до порядка на улицах и снабжения населения продовольствием. Эти задачи для ВРК были и новы и значительны, и решать их без получения ориентировки в ЦК он, председатель, по имел права. Ведь действия ВРК расценивались как первые шаги Советской власти.

Н. И. Подвойский направился к секретарю ЦК Я. М. Свердлову, отвечавшему за организационную работу.

В комнате секретариата ЦК, как и во всем Смольном, толпился народ. Яков Михайлович, увидев Подвойскохо, сразу подошел к нему и отвел его к окну.

— Наконец-то, — сказал Свердлов и, не дожидаясь вопросов, сам заговорил о том, что волновало Подвойского. — Пока правительство не создано, за все отвечает Военно-революционный комитет. Главная задача ВРК — поддержание революционного порядка в городе. Подавление любых вылазок контрреволюции... Не исключены погромы, разбой. Соберитесь, подумайте, что надо сделать в первую очередь... Жизнь в городе должна идти как обычно: торговля, зрелища и все прочее. Действуйте! Это главное!

Я. М. Свердлов ничего уточнять не стал — не было времени. Н. И. Подвойский вернулся в штаб ВРК. С помощью дежурного направил поток посетителей в одну комнату, а активистов комитета пригласил в другую. Он

решил, что новый этап в работе ВРК должен начаться с общего заседания хотя бы того актива, который в тот момент находился в Смольном. Оно обозначит переход от работы по захвату власти к работе по ее удержанию и укреплению.

Разгоряченные напряженной работой Антонов-Овсеенко, Крыленко, Кедров, Лашевич, — Мехоношин, Садовский, Флеровский и другие, шумно переговариваясь, расселись вокруг стола. Их лица осунулись, но в покрасневших от недосыпания глазах были и отвага, и радость.

Быстро сформулировали короткое сообщение ВРК о победе восстания. «Зимний дворец, — говорилось в нем, — ...взят штурмом... Министры арестованы и заключены в Петропавловскую крепость... Потери со стороны наступающих исчисляются в шесть человек». Утвердили распоряжения о розыске и аресте сбежавшего Керенского, а также о доставке в Петроград генерала Корнилова и его сообщников для предания их революционному суду.

А. Д. Садовский вышел, чтобы отправить принятые документы в редакции. Вскоре он вернулся, потрясая какой-то газетой.

— Вот посмотрите. Только что принесли газету «День». Настоящая травля Советов!

Николай Ильич быстро просмотрел указанный Садовским материал, тут же вырвал из блокнота лист бумаги и, диктуя себе, написал: «Военно-революционный комитет постановил: приостановить газету «День» за поднятую травлю Советов. Председатель Подвойский».

— Нет возражений? — спросил он.

— Надо изъять из продажи «Речь», «Новое время», «Биржевые ведомости» и вообще все контрреволюционные газеты, — предложил Садовский.

— А ночью их закрыть, — добавил Мехоношин.

— Возражения есть? Принимается. — Подвойский повернулся к Садовскому и Мехоношину. — Андрей Дмитриевич, Константин Александрович, напишите постановление комиссару по делам печати. Теперь о городе...

Прежде всего ВРК позаботился об усилении заслонов против контрреволюции на подступах к Петрограду. Было решено также послать еще одного комиссара — И. П. Флеровского — в штаб Петроградского военного округа, который, как обоснованно считали члены ВРК, был самым опасным «логовом контрреволюции».

— Не давайте штабу распорядиться частями, оружием, боеприпасами, — напутствовал Флеровского Николай Ильич.

ВРК предписал районным Советам Петрограда и окрестностей немедленно выявить контрреволюционные гнезда и приступить к их ликвидации. Было отдано распоряжение об открытии со следующего дня всех торговых заведений. Подчеркивалось, что торговцы, не выполнившие данный приказ, будут рассматриваться как враги революции и караться по всей строгости революционного закона. ВРК объявил о переходе всех пустующих помещений и квартир в свое распоряжение.

Вопросы, которые надо было решать, возникали один за другим. Они ставились и членами ВРК, и посетителями, поток которых все увеличивался. Около пятидесяти постановлений, предписаний, распоряжений и других документов выдал и примерно столько же донесений о мерах по укреплению новой власти на местах принял ВРК в тот первый после победы восстания день. Решения по всем вопросам принимались немедленно, без согласований и консультаций. Короткие приказы и распоряжения разрабатывались и подписывались тут же и сразу же вручались или отправлялись исполнителям. Дверь комнаты № 77 хлопала непрерывно. Посетители шли один за другим. Их не просили подождать. Кто-то из членов ВРК отходил в угол комнаты и решал с ними их неотложные дела. По-другому этот чрезвычайный орган власти работать тогда не мог.

К вечеру пришел В. И. Ленин. Он был сосредоточен и суров. Н. И. Подвойский сообщил ему о принятых решениях. В. И. Ленин коротко одобрил их и сказал:

— Нужны срочные меры ВРК и «Военки». Есть данные, что Керенский идет на Петроград. Мы еще не знаем, какими силами. Немедленно предпишите Кронштадтскому исполкому сформировать еще один отряд из матросов в три — три с половиной тысячи человек. Пусть под командованием надежного товарища-большевика пошлют его в Петергоф. Надо занять перекресток Волконского и Царскосельского шоссе.

В. И. Ленин, пригласив с собой В. А. Антонова-Овсеенко и Н. В. Крыленко, ушел.

Члены ВРК немало подивились «прыти» Керенского. Сами они еще переживали радость победы восстания, были возбуждены тем, что, обладая властью, без проволочек, по-революционному решают в интересах рабочих, солдат, крестьян такие важные и сложные вопросы, которые еще вчера для Временного правительства были неразрешимыми. Они чувствовали себя полными хозяевами положения и ни о каком Керенском даже не думали. Ведь Петроград закрыт со всех сторон кольцом

революционных войск. А бывший премьер всего сутки назад бежал из Питера. За это время он *не мог* ни далеко уйти, ни собрать силы, способные угрожать революционному Петрограду. Выполняя указания В. И. Ленина, они послали В. И. Невского от имени ВРК предупредить по телефону и нарочными Гатчинский, Царскосельский и другие пригородные Советы о контрреволюционных действиях Керенского и необходимости перекрыть ему все пути на Петроград, а также передали в Кронштадт распоряжение В. И. Ленина о формировании отряда моряков и переброске его на перекресток Волконского и Царскосельского шоссе. Все эти меры показали членам ВРК вполне достаточными.

...Уже стемнело, когда Николай Ильич демонстративно щелкнул крышкой хронометра:

— Скоро второе заседание съезда Советов. Делегатам надо на съезд, а остальным — продолжать работу ВРК. — Он улыбнулся, пригладил бородку. — Предлагаю перекусить. Добрэ письни спиваты, пообидавшы. Я, к примеру, последний раз обедал еще при Временном правительстве.

Шутка сняла напряжение. Ревкомовцы дружно двинулись в столовую — она располагалась тут же, на третьем этаже Смольного. В коридоре побывавший у Ленина Крыленко сообщил Подвойскому:

— ЦК и Владимир Ильич считают, что военные вопросы в правительстве должны решаться коллективно, комитетом. Предполагается мне поручить внешний фронт, Дыбенко — морское управление, Антонову-Овсеенко — военное управление и внутренний фронт. Вопрос будет решаться на съезде.

Подвойский кивнул. Наскоро проглотив скудный столовский обед, он заторопился в комнату № 18, где открывалось заседание большевистской фракции съезда. Оно одобрило подготовленные В. И. Лениным проекты декретов Советской власти.

Фракция закончила работу перед самым открытием второго заседания съезда Советов. Н. И. Подвойский вместе с другими большевиками вошел в залитый электрическим светом, заполненный до отказа белоколонный зал Смольного. Делегаты и гости сидели не только на стульях и скамейках, но и на подоконниках и даже на полу. Впереди, на возвышении, стоял покрытый красным длинный стол. Над ним, на стене, красовалась золоченая рама, в которой прежде был портрет царя.

Зал встретил В. И. Ленина бурей аплодисментов. Владимир Ильич сделал короткие доклады и огласил первые декреты Советской власти — о мире и о земле. Съезд избрал ВЦИК, в который вошли 62 большевика, 29

левых эсеров и несколько представителей других партий. Меньшевики и правые эсеры еще на первом заседании покинули съезд. Было образовано первое Советское правительство — одни большевики во главе с В. И. Лениным! Левые эсеры заняли выжидательную позицию и отказались войти в Совет Народных Комиссаров. В составе правительства был создан Комитет по военным и морским делам из трех человек: В. А. Антонова-Овсеенко, П. Е. Дыбенко и Н. В. Крыленко.

Съезд закончил работу в шестом часу утра. Но делегаты еще долго не расходились, обсуждая его итоги. Большая группа военных делегатов окружила Н. И. Подвойского. Они поздравляли его с избранием членом ВЦИК. Разговор был один — о мире и о земле, о том, пойдут ли на заключение мира воюющие державы, как солдаты будут участвовать в распределении земли. Николай Ильич на многие вопросы ответить еще не мог. Но он вместе с делегатами был уверен, что декреты о мире и о земле решат многие проблемы.

Не имея возможности задерживаться в кулуарах съезда, Н. И. Подвойский заторопился в штаб ВРК. Едва он переступил порог, как дежурный сообщил ему:

— В комнате большевистской фракции вас ждет Владимир Ильич Ленин.

На вопрос Подвойского о Керенском дежурный ответил, что есть лишь данные о появлении неизвестных частей под Гатчиной. Николай Ильич понял, что наблюдение за действиями Керенского не организовано, и дал команду связаться с пригородными Советами, выяснить обстановку.

— ...Что вы думаете о составе Комитета по военным и морским делам? — вопросом встретил Н. И. Подвойского Владимир Ильич.

В. И. Ленин объяснил Николаю Ильичу и подошедшим членам Бюро «Военки» В. И. Невскому и Е. Ф. Розмирович, что кандидатура П. Е. Дыбенко введена потому, что на ней настаивает флот, а Н. В. Крыленко очень популярен на фронте. Н. И. Подвойский ответил, что, по его мнению, с политической точки зрения комитет сформирован правильно. Но вступившие в разговор В. И. Невский и Е. Ф. Розмирович предложили ввести в комитет и Н. И. Подвойского. Оп, сказала Е. Ф. Розмирович, много сделал для закрепления за партией армии и флота как председатель Военной организации, известен рабочим и крестьянам как председатель Военно-революционного комитета.

— Дело поправимое, — согласился В. И. Ленин, — мы постановим, чтобы в комитет дополнительно ввести товарища Подвойского и, может

быть, еще кого-то, как посчитают нужным Военная организация и Военно-революционный комитет.

В. И. Ленин распорядился, чтобы Н. И. Подвойский, не ожидая формального назначения и не покидая председательствования в ВРК и Военной организации, немедленно приступил к работе в Военном комиссариате, помог сформировать его состав.

Вернувшись от В. И. Ленина, Н. И. Подвойский провел экстренное собрание актива Военной организации и ВРК, которое постановило дополнительно к тройке, утвержденной съездом, ввести в состав комиссариата: Н. И. Подвойского, В. Н. Васильевского, К. С. Еремеева, П. Е. Лазимира, К. А. Мехоношина, Э. М. Склянского. Было решено, что все они равноправны и представляют Совет Народных Комиссаров по военным и морским делам.

В самом конце заседания вдруг спешно вошел дежурный и молча положил перед Подвойским короткое донесение. Взглянув на листок, Подвойский рывком встал.

— Войска Керенского заняли Гатчину, — прочитал он притихшим товарищам. — Идет бой под Царским Селом. Наступление ведут 3-й конный корпус генерала Краснова, пехотные части с броневиками и артиллерией.

Н. И. Подвойский с досадой стукнул кулаком по столу.

— Никому не покидать штаб! Я сейчас доложу товарищу Ленину.

Подвойский ушел. Но отсутствовал недолго.

— Ленин приказал, — сказал Николай Ильич, вернувшись, — немедленно мобилизовать все и вся для отпора Керенскому. Организовать командование.

Н. И. Подвойский сел за стол, положил перед собой лист бумаги, на секунду задумался и начал писать: «Первое. Поднять и привести в боеготовность гарнизон, Красную гвардию, флот... Второе. Сразу выяснить, какие полки и отряды немедленно выйдут навстречу красновцам... Третье. Дать команду заводам на формирование новых отрядов Красной гвардии. Для оповещения использовать телефоны, связных, нарочных. Для ускорения распределимся».

Он осмотрел присутствовавших.

— Крыленко. Николай Васильевич, передайте Северному фронту и Балтфлоту: пусть немедленно организуются для отпора Керенскому... Кедров. Михаил Сергеевич, связывайтесь со штабом Красной гвардии и заводами; берите себе помощников... Невский. Владимир Иванович,

подымайте гарнизон; возьмите в помощь, кого надо... Все сведения давайте мне или Еремееву. Мехоношина прошу остаться.

Военные работники разом поднялись и быстро разошлись по этажам Смольного.

Николай Ильич сочувственно посмотрел на осунувшееся лицо и покрасневшие от бессонных ночей глаза В. А. Антонова-Овсеенко и сказал:

— Владимир Александрович, внутренний фронт ваш, округом командуете вы. К тому же вы человек военный. Значит, руководить войсками против красновцев придется вам.

— Видимо, — коротко ответил В. А. Антонов-Овсеенко.

— Константин Александрович, — Подвойский взглянул на Мехоношина, — будет помогать. Да и все мы будем помогать. Думаю, что силы вам будем наращивать с каждым часом. Откуда думаете командовать?

— Лучше из штаба округа, — подумав, сказал Антонов-Овсеенко. — Там готовые линии связи, запасы карт. Да и аппарат штаба заставим работать.

В. И. Ленин, получив сообщение о возникшей угрозе Петрограду, сразу созвал совещание представителей партийных организаций, Советов, профсоюзов, поставил им задачу немедленно наладить помощь революционным отрядам оружием, продовольствием, одеждой Владимир Ильич вызывал одного за другим представителей заводов, спрашивал, сколько у них пушек, других технических средств, какое количество рабочих они могут поставить под ружье. Он давал конкретные задания, записывал сроки их исполнения, фамилии исполнителей. Владимир Ильич вызвал из Гельсингфорса отряды моряков и воинские части во главе с И. Е. Дыбенко. Распорядился, чтобы кронштадтцы сформировали еще один отряд моряков с пулеметами и артиллерией. Выяснил возможности использования боевых кораблей против мятежников.

Вскоре навстречу красновцам вышли красногвардейские отряды и верные революции части Петроградского гарнизона. На заводах и фабриках началось срочное формирование и вооружение новых батальонов Красной гвардии.

...Однако в Смольный один за другим поступали тревожные донесения. Вечером ЦК РСДРП(б), СНК и ВРК создали комиссию во главе с В. И. Лениным для руководства обороной Петрограда.

...Занятый лихорадочной работой по экстренному формированию и вооружению отрядов Красной гвардии, отправкой подразделений, боеприпасов, продовольствия под Петроград, Н. П. Подвойский время от

времени связывался со штабом округа, справлялся о ходе боев. Но он получал оттуда разрозненные и даже противоречивые сведения. Видя, что обстановка все более запутывается, Подвойский выехал на Дворцовую площадь — в штаб округа. Там он встретил только что вернувшегося с передовой измотанного Антонова-Овсеенко.

— Как под Питером? Удалось ли остановить казаков?

— Нет, — выдохнул Антонов-Овсеенко и без сил опустился на стул. — Отряды бьются без связи, без разведки, вслепую... Нужны самые срочные меры... Иначе Краснов войдет в Петроград.

Н. И. Подвойский видел и понимал, что секретарь ВРК и один из руководителей штурма Зимнего В. А. Антонов-Овсеенко отдал все силы. Он не спал, по крайней мере, четверо суток и находился сейчас на пределе физического напряжения. Ему нужно обязательно дать выспаться, иначе он просто-напросто упадет и уснет. Но красновцы рвутся к Петрограду. Дать командующему 5–6 часов для сна никто не мог. В этой экстремальной ситуации Николай Ильич принял решение — какую-то часть работы немедленно взять в свои руки.

Н. И. Подвойский собрал работников ВРК и «Военки» и вместе с ними стал наносить имевшиеся у них отдельные сведения на карту. События постепенно обретали логическую связь. Наконец возникла, хотя и мрачная, но более или менее целостная картина происходящего.

...Вдруг распахнулась дверь, и вошел В. И. Ленин. С промокшей кепки и пальто стекала вода. Он сразу, без промедления потребовал, чтобы командующий доложил обстановку и план боевых операций. Вопросы его были коротки, точны, они сами по себе показывали главные направления предстоящей работы. Но доклад предельно усталого В. А. Антонова-Овсеенко был вял. В. И. Ленина он не удовлетворил.

Н. И. Подвойский видел, что время не терпит, что выход один — надо менять командующего. Но поставить этот вопрос перед В. И. Лениным, значит свалить всю вину за неразбериху и неудачи на одного В. А. Антонова-Овсеенко. Виноваты же все руководители ВРК и «Военки» и он, Подвойский, в том числе. Ведь вчера, когда В. И. Ленин сообщил Военно-революционному комитету о том, что Керенский пошел на Петроград, никто из них не оценил остроту момента, не проявил должной энергии для организации обороны...Время между тем шло и надо было что-то решать.

Н. И. Подвойский попросил у В. И. Ленина небольшой перерыв, собрал в соседней комнате работников ВРК и «Военки» и сказал:

— Керенский наступает. В помощь Краснову он вызвал с фронта еще несколько казачьих частей. Антонов сейчас физически не сможет

выдержать. Кто возьмет на себя командование фронтом?

Все молчали. Никто из присутствовавших никогда фронтом не командовал и потому не знал, справится ли, сумеет ли в такой ответственный момент организовать действия войск...Было слышно, как стучат в углу большие напольные часы. Н. И. Подвойский встал. Он тоже не командовал фронтом. Но кто-то должен был взвалить на себя бремя командующего. Кто же, как не он, председатель БРК и «Военки»?

— Несмотря на неловкость, связанную с самовыдвижением, считаю партийным долгом взять командование на себя.

Крыленко, Невский и Мехоношин безоговорочно поддержали предложение Николая Ильича.

Подвойский сообщил В. И. Ленину о принятом решении.

— Считайте, что вы утверждены командующим Петроградским военным округом и фронтом, — сказал В. И. Ленин. — Надо слить работу ВРК, «Военки», штаба и, не теряя ни минуты, покончить с неразберихой.

Владимир Ильич распорядился наладить связь, заслать к краснокам агитаторов, направить отряды в тыл противнику, закрыть все пути продвижения эшелонов Краснова, если надо — рвать рельсы и мосты.

После отъезда В. И. Ленина Н. И. Подвойский перенес штаб обороны в Смольный.

— Здесь ближе к народу, к заводам, — сказал Николай Ильич, — и рядом ЦК, ВЦИК и СНК.

В привычной обстановке Смольного работа пошла более споро. Н. И. Подвойский, теперь как командующий округом, издал официальный приказ о приведении гарнизона и Красной гвардии в боевую готовность. В части, на флот, в красногвардейские штабы пошли телеграммы о срочном направлении под Петроград вооруженных отрядов. Г. И. Чудновский, а потом и отдохнувший всего несколько часов В. А. Антонов-Овсеенко, получив командование участками, выехали на передовую. В части Краснова были посланы агитаторы, выделенные Военной организацией. Бреши в линии фронта закрывались непрерывно формируемыми отрядами Красной гвардии. ЦК РСДРП(б) направил на фронт Г. К. Орджоникидзе, Д. З. Мануильского, С. П. Воскова, В. К. Слуцкую и других партийных работников.

Часов в шесть утра 28 октября В. И. Ленин прислал в помощь Подвойскому левого эсера подполковника Муравьева, назначив его начальником обороны Петрограда и Петроградского района. Сухой, быстрый, с седеющим «ежиком», скрипучими ремнями и звякающими

шпорами, он был полон энергии. Настораживала лишь склонность Муравьева к выпрненным фразам. В деловой атмосфере озабоченности происходящим цветистая риторика Муравьева выглядела неуместной. Но военное дело Муравьев знал. Он быстро разобрался в обстановке и энергично включился в организацию боевых действий.

Утром же из Гельсингфорса с отрядом моряков прибыл вызванный В. И. Лениным Дыбенко. Николай Ильич поручил ему командование участком фронта. Павел Ефимович сразу выехал на передовую. Вместе с ним уехал на фронт и Муравьев.

В полдень, а затем часов в пять вечера в штаб приходил В. И. Ленин. Он заслушивал доклады Подвойского, просматривал донесения с фронта, тут же давал множество распоряжений заводам, флоту, Советам.

Штаб, командуящий округом Н. И. Подвойский уже вполне разобрался в обстановке, сумели укрепить оборону. Первый участок, у Красного Села, прочно удерживали моряки под командованием П. Е. Дыбенко. Левый участок защищали подразделения революционных солдат, которыми командовал В. А. Антонов-Овсеенко. На самом опасном участке, у Пулковских высот, окопались рабочие-красногвардейцы во главе с комиссаром ВРК К. С. Еремеевым. 10 тысяч защитников Петрограда поддерживали бронепоезд, а также расположившиеся в Неве и Морском канале корабли Балтфлота.

Продвижение красновцев было приостановлено.

...Николай Ильич взглянул на хронометр — три часа ночи. Он уже двое суток не смыкал глаз. Пристроив в углу стулья, Подвойский строго-настрого приказал оперативнику:

— В случае чего, разбудить любыми средствами!

Накрылся шинелью и как провалился в бездну. Но вскоре дежурный разбудил его.

— Кажется, восстание! — сквозь сон услышал Николай Ильич и сразу вскочил.

Оказалось, что красногвардейский патруль задержал двух подозрительных. У одного из них — члена ЦК партии эсеров Брудерера — был обнаружен приказ бывшего командующего округом Полковникова о приведении в боевую готовность юнкерских училищ и отрядов георгиевских кавалеров. Другой задержанный сказал, что они шли в Инженерное училище на совещание, где должны быть Пуришкевич, Полковников, Савинков, что вслед за совещанием должно было начаться восстание против Советской власти.

— Вот это фигуры! — вырвалось у Н. И. Подвойского. Он повернулся к дежурному: — Соберите работников ВРК и «Военки», кто сейчас в Смольном. Немедленно!

В штабе затрепал и потом почти не смолкал телефон. Появились с тревожными донесениями связные. За окнами послышались приглушенные расстоянием выстрелы. Подвойский синим карандашом отмечал на плане города очаги восстания: Инженерный замок, дом на углу Большой Спасской... Павловское, Николаевское, Владимирское военные училища... Константиновское артиллерийское... Юнкера во главе с офицерами захватили Михайловский манеж... Заняли почтамт... Телефонную станцию... Банк...

Н. И. Подвойский доложил В. И. Ленину полученные сведения и тут же издал приказ о введении в Петрограде осадного положения.

Экстренно вызванные военные работники плотным кольцом окружили стол Подвойского. Они предложили бросить на подавление мятежа шесть революционных полков, которые еще оставались в городе.

— Нет, — категорически возразил Подвойский. — Они будут нужны для создания перелома на фронте.

— ...И для безопасности в столице, — поддержал его Крыленко.

— Юнкеров будем ликвидировать силами рабочих, — продолжил Подвойский. — Каждый очаг — силами рабочих соседних заводов. Наша задача сейчас поднять их, руководить их действиями.

Зазвонил телефон. На проводе был В. И. Ленин. Переговорив с ним, Подвойский сказал:

— На заводах уже формируются отряды. Они ждут командиров. Время не терпит. Инструктировать вас придет Ленин.

Николай Ильич вместе с Н. В. Крыленко распределил военных работников по заводам, назначил командиров отрядов. Определил объект атаки для каждого отряда.

— Наша тактика, — сказал он в заключение, — состоит в том, чтобы ударить по всем училищам и захваченным учреждениям одновременно. То есть отрезать каждый очаг от остальных, не дать им взаимодействовать. Сил для этого у нас хватит. Создадим для каждого очага безвыходное положение. Тогда юнкера будут сдаваться, а не драться.

В это время пришел В. И. Ленин. Его беседа с военными работниками была короткой. Он потребовал самых решительных и бескомпромиссных действий, подавления мятежа в считанные часы.

...Над Петроградом еще не рассеялась предрассветная мгла, а к училищам и захваченным юнкерами учреждениям уже шли сводные

отряды вооруженных рабочих.

Военные действия развернулись одновременно, в назначенный час. Жители города были перепуганы, ошеломлены внезапно начавшейся стрельбой. Густая дробь выстрелов, взрывы гранат слышались со всех сторон. Рабочие действовали напористо, с какой-то мрачной решимостью. Особенно отличился отряд под командованием члена ВРК, комиссара Петропавловской крепости Георгия Благодрава. Он захватил Инженерный замок, Михайловский манеж, отбил два броневика, дом на углу Большой Спасской улицы. Успешно действовали и другие отряды. Лишь против Павловского и Владимирского училищ, оказавших упорное сопротивление, пришлось применить артиллерию и использовать несколько подразделений солдат.

К середине дня мятеж офицеров и юнкеров был подавлен. Как потом выяснилось, этот мятеж организовали главари «Комитета спасения», лидеры партии правых эсеров Авксентьев, Гоц, ярый монархист-черносотенец Пуришкевич и другие контрреволюционеры. Керенский, имевший с ними связь, рассчитывал, что удар по Петрограду извне, поддержанный выступлением юнкеров изнутри, будет смертельным для большевиков. Но рабочие Петрограда спутали эти расчеты.

...Николай Ильич вновь сосредоточился на борьбе с красновцами. Он отдал распоряжение шести столичным полкам, находившимся в резерве, подготовиться к выходу на боевые позиции. Подвойский понимал, что обстановка под Петроградом подходит к пику напряженности. Наступило время, когда успех будут решать не дни, а часы. Не подвела бы связь, думал он, в какой уж раз за вечер вглядываясь в оперативную карту. Он и сам подобрался, напрягся, как взведенная пружина.

Утром 30 октября войска Керенского — Краснова нанесли удар по центру фронта — Пулковским высотам. Но Н. И. Подвойский не зря настоял, чтобы Муравьев оставил здесь рабочих. Красногвардейцы К. С. Еремеева, поддержанные моряками П. Е. Дыбенко и солдатами В. А. Антонова-Овсеенко, выстояли.

Фронт замер, натянулся как струна.

Подвойский, Крыленко, Мехоношин, посоветовавшись, решили, что силы Краснова иссякли и пришло время бросить в бой столичные полки. Обратились за советом к Ленину. Он внимательно выслушал Подвойского о положении на красновском фронте и сказал:

— Если военное командование считает, что пора выводить полки, то выводите.

Н. И. Подвойский вернулся в штаб и, отдав приказ о направлении столичных полков на фронт, вновь углубился в изучение оперативной карты. Некоторое время спустя к нему подошел встревоженный дежурный:

— Николай Ильич, столичные полки не выполняют приказ. Вот телефонограммы.

— Нэ шукай лыха — само тэбэ знайдэ, — пробормотал Николай Ильич и повернулся к Крыленко: — Николай Васильевич, срочно узнай, в чем дело. Иначе упустим момент.

Крыленко молча надел фуражку и направился к выходу. Вернулся он расстроенный и возбужденный.

— Полковые комитеты отказываются идти на фронт. Говорят, что они свое дело сделали — Зимний взяли. А Керенский где-то под городом. Там есть свои гарнизоны. Пусть они теперь свой вклад в революцию сделают.

Подвойский встал и решительно запахнул шинель.

— Поеду к волынцам. Этот полк всегда шел за нами.

С собой Николай Ильич взял дежурившего в тот день в Смольном связного от обуховцев Павла Петровича Кувалдина, того самого Петровича, услугами которого он воспользовался в июльские дни на явочной квартире.

Н. И. Подвойский ехал к волынцам и еще не знал, что будет делать в полку, зачем взял с собой Петровича. Но он твердо решил, что обратится не к полковому комитету, а прямо к солдатам.

Через десяток минут автомобиль был в Виленском переулке. Шофер резко затормозил у штаба Волынского полка. Николай Ильич приказал собрать митинг, причем подчеркнул, что пригласить надо не только выборных представителей, а всех солдат.

Митинговать солдаты в ту пору любили и поэтому собирались быстро.

Зал был уже наполовину заполнен, когда Подвойский и Кувалдин подошли к месту сбора. Николай Ильич, не снимая шинели, сел за стол президиума, посадил рядом с собой Кувалдина. Петрович положил большие узловатые руки на стол, сжал в них картуз. Он исподлобья, мрачно смотрел на собиравшихся солдат.

Николай Ильич встал.

— Большевики, товарищ Ленин считают, что ваш полк верно служил революции в феврале. Вы не дрогнули в день восстания. За это слава вам!

Зал одобрительно загудел. Подвойский же чувствовал, как в нем поднимается и захватывает его горячая волна напряжения и энергии. Вкладывая в слова все свое волнение, он продолжал:

— Мы не послали вас против юнкеров. Берегли. Вот они, — Николай

Ильич показал на Петровича, — на осьмушке хлеба, день и ночь не выходят с заводов — ремонтируют пушки, броневики. Мы их оторвали от станков и послали на юнкеров!

Петрович не шелохнулся, только резче проступили обтянутые кожей желваки, побелели сжимавшие картуз пальцы.

Зал притих.

— ЦК послал к красновцам агитаторов. Эти товарищи не знали, вернутся ли живыми, но сделали свое дело — солдаты Краснова уже не хотят идти на Питер. Лишь казаки пока идут...

— Видели мы этих казаков, — вдруг вставил один из солдат. — Мастера нагайками работать...

— Именно нагайками, — подхватил Подвойский, — их за этим и послали. На передовую уже двинулись гарнизоны Петроградской губернии. Сегодня, сейчас там можно создать перелом. А не сможем, Керенский войдет в Петроград. Тогда не будет вам декрета о мире! Он отменит декрет о земле!

Солдаты заволновались.

— Сейчас все зависит от вас! Партия большевиков, товарищ Ленин надеются, что вы выполните свой революционный долг.

Н. И. Подвойский сел. Петрович выжидающе смотрел в зал. Встал один из солдат и громко сказал:

— Что тут говорить. Передайте товарищу Ленину, что мы пойдем.

Над залом повисла тишина, которую неожиданно взорвали аплодисменты. В настроении волынцев произошел перелом. Солдаты дружно проголосовали за выступление против Керенского — Краснова. Теперь, решил Подвойский, легче будет разговаривать с другими «строптивыми» полками.

Николай Ильич легко вскочил в машину.

— Тяжелый народ, — вздохнул Петрович. — Не наш брат, пролетарий. Оно, конечно, у них свой интерес...

В Смольном Подвойский прошел прямо к В. И. Ленину. Владимир Ильич, узнав о колебаниях в настроениях волынцев, посоветовал выделить авторитетного товарища для переговоров с другими полками. Выбор пал на Г. И. Чудновского. Ему было вручено удостоверение на право вести переговоры, подписанное председателем Совнаркома В. И. Лениным. Ниже подпись Владимира Ильича была заверена председателем ВРК Н. И. Подвойским, подпись которого хорошо знали в полках.

...Ночью столичные полки ушли на Краснова.

Муравьеву был отдан приказ об организации контрнаступления.

Несмотря на то, что события развивались вроде бы благополучно, В. И. Ленин считал, что все идет слишком медленно, без должной энергии. Он попросил поставить ему стол в штабе Подвойского, заявив, что хочет быть в курсе всех сообщений и распоряжений. Владимир Ильич стал работать то у себя в кабинете, то у Подвойского. Он непрерывно вызывал представителей заводов, Советов, флота, рассылал комиссаров, звонил, давал распоряжения. В. И. Ленин мобилизовал все и вся для обороны, не касаясь при этом операций на фронте, он зорко наблюдал за действиями командования.

В один из дней Н. И. Подвойский вырвался на передовую. Все время с небольшими перерывами шел мелкий осенний дождь. Автомобиль, поминутно буксуя, пробирался по раскисшей дороге, обгоняя обозы, отряды рабочих. Шофер Тарас Митрофанович Гороховик взмок от напряжения. Николай Ильич кивнул на колонну тяжело шагавших рабочих, увешанных винтовками, патронными лентами.

— А каково им?

Гороховик лишь покачал головой:

— И откуда силы берутся...

С трудом добрались до села Александровского. Николай Ильич ехал именно сюда. Здесь оборону держали моряки. Подвойский не сомневался в их стойкости, знал, что дерутся они героически. Но его беспокоили сообщения о том, что моряки игнорируют пехотную тактику, проявляют подчас удаль и бесшабашность, из-за чего несут неоправданные потери. Николай Ильич прошел по наспех вырытым, полузатопленным дождевой водой окопам, побывал в крестьянских избах, где обсушивались моряки. Неунывающие, уверенные в себе матросы легко откликались на шутку, непринужденно вступали в разговор. И ни тени уныния! Ни одной жалобы на трудности! Вопросы одни: где артиллерия, снаряды? Почему нет броневиков? Н. И. Подвойский обещал сделать все возможное и в каждой беседе обязательно говорил о том, ради чего приехал:

— Надо учиться побеждать с наименьшими жертвами. Война без жертв не бывает, но и умирать надо с пользой для революции. Борьба только начинается.

Об этом же он говорил и с командовавшим участком П. Е. Дыбенко. Председатель Центробалта, любимец моряков, пользовавшийся у них непререкаемым авторитетом, Павел Ефимович понимал серьезность проблемы и сам многое делал для обучения отряда «сухопутной» тактике, даже назначил часть командиров из пехоты.

— Будем учиться, Николай Ильич, — серьезно, даже озабоченно ответил Дыбенко.

На позициях Н. И. Подвойский еще раз в полной мере оценил все значение работы В. И. Ленина по организации обороны Петрограда. Именно он довел концентрацию всех сил и средств до предела. И теперь у советских войск было достаточно оружия, продовольствия, правда, еще не хватало артиллерии и боеприпасов. Но к передовой под холодным дождем, преодолевая распутицу, шли новые отряды, они тянули с собой пушки, повозки с патронами и снарядами.

Хмурым утром 31 октября пришла радостная весть об успешном начале наступления революционных войск под Петроградом, о взятии ими Царского Села. Н. И. Подвойский выслушал сообщение, на минуту закрыл глаза и внезапно ощутил прямо-таки смертельную усталость. Делегат II Всероссийского съезда Советов Я. Р. Елькович, видевший Николая Ильича в те дни, писал: «Достаточно поглядеть на его посеревшее от безумной усталости лицо, на его покрасневшие от многих бессонных ночей глаза, чтобы понять: обычный предел человеческих сил, самой высокой человеческой выносливости давно уже пройден. Кажется, стоит только ему на минуту прислониться к стене, и он мгновенно уснет. Но нет, Великий Октябрь уже в процессе подготовки вооруженного восстания перечеркнул все обычные человеческие пределы».

Наступление советских войск под Петроградом развернулось в полную силу. Деморализованные части Краснова отступали. 1 ноября была занята Гатчина. Гатчинский Совет по телефону сообщил, что Керенский исчез, что казаки арестовали своего командующего генерала Краснова. Они прислали делегацию в Совет и предложили капитуляцию. Это был конец авантюры экс-премьера.

...Прошла всего одна неделя жизни Советского государства. Для Н. И. Подвойского она пролетела как мгновение и в то же время казалась ему годом — так велико было напряжение, так тяжок оказался груз ответственности, который лег на его плечи.

Первый военный натиск контрреволюции был отбит.

РОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Разгром войск Керенского — Краснова означал некоторую передышку, но не для Н. И. Подвойского. В силу складывавшихся обстоятельств функции ВРК, его влияние стремительно множились и расширялись. Вопросам, которые он решал, казалось, не было конца, их количество росло как снежный ком, и касались они жизни не только Петрограда, но и других городов, губерний, фронта, всей страны. Многие из этих вопросов должны были решать созданные II Всероссийским съездом Советов народные комиссариаты. Но они этого делать пока не могли из-за малочисленности собственного аппарата и саботажа чиновников старых министерств. Поэтому после восстания ВРК превратился в чрезвычайный всероссийский орган, работавший под руководством ЦК РСДРП(б) и подчиненный СПК и ВЦИК. Первоначально поставленные перед ним задачи по поддержанию революционного порядка и борьбе с вылазками контрреволюции в столице оказались далеко не единственными.

Стремительность развития событий, лавина вопросов, требующих экстренного решения, определили своеобразный характер работы ВРК. Многие постановления, решения, приказы разрабатывались и принимались не на официальных заседаниях всего состава ВРК, а от имени ВРК несколькими или даже отдельными авторитетными его работниками. По-другому в те дни работать было просто невозможно. Так, 27 октября комитетом было разработано, принято и разослано более 150 решений и документов, а 29 октября их число выросло до 200. Только за 10 дней, к 31 октября, ВРК назначил 292 комиссара в 205 учреждений, 27 губерний и округов, 43 города, 11 уездов, 6 деревень. Многие из назначенных комиссаров были членами ВРК. Поэтому состав комитета менялся, пополнялся вновь делегируемыми товарищами. Исследователям удалось восстановить список членов ВРК. Он насчитывает 97 человек. Даже при круглосуточной работе и проведении трех заседаний в сутки — утреннего, дневного, вечернего (ночного) — ВРК с трудом справлялся с лавиной непрерывно возникавших дел. Бешеный темп работы потребовал резкого увеличения числа его технических работников. Общий список сотрудников ВРК вскоре превысил 230 человек.

Н. И. Подвойский хорошо понимал, что ответственность Военно-революционного комитета и каждого его работника, принимающего решение или подписывающего документ, имеют исторические масштабы,

что каждый шаг ВРК ставится в заслугу или в вину Советской власти, новому строю в целом. Он не раз говорил об этом с В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, Ф. Э. Дзержинским. Поэтому, как только несколько спала напряженность борьбы с мятежом Керенского — Краснова, Николай Ильич взялся за упорядочение работы ВРК. По его инициативе и с помощью Я. М. Свердлова ВЦИК делегировал в состав руководства ВРК 13 опытных партийных организаторов, в том числе В. А. Аванесова, Ф. И. Голощекипа, Я. Х. Петерса. Это было очень важно, так как в ВРК успех дела решали политическая зрелость, инициативность и энергия каждого работника. В составе ВРК было создано восемь специализированных по направлениям работы отделов со своими заведующими. 1 ноября был утвержден штаб ВРК во главе с К. А. Мехоншиным, причем каждому члену штаба также было поручено определенное направление работы. Ввиду того, что секретарь ВРК В. А. Антонов-Овсеенко стал народным комиссаром, организация работы секретариата была поручена видному партийному работнику С. И. Гусеву. За налаживание делопроизводства по поручению ПК РСДРП(б) взялась Нина Августовна.

Военно-революционный комитет как боевой, действующий орган, не обремененный бюрократическими традициями, впитывал и переваривал огромный поток информации, выплескивая столь же мощный поток решений и распоряжений. Он с одинаковой обстоятельностью решал вопросы и национализации крупных предприятий, и продления отпуска отдельному солдату. Здесь одинаково внимательно выслушивали и делегата фронта или целой губернии, и ходока от отдельной роты или деревни. И каждый получал ответ на волнующий его вопрос. По указаниям В. И. Ленина, ЦК, ВЦИК, СПК и по собственной инициативе Военно-революционный комитет участвовал в сломе саботажа чиновников старых государственных учреждений, сорвал попытку контрреволюции задушить Петроград голодом — осуществил поиск скрываемых запасов продовольствия и передачу его районным Советам, нанес мощный удар по внезапно вспыхнувшей спекуляции, провел решительную кампанию по подавлению организованных буржуазией массовых пьяных погромов, сформировал и отправил в хлебные губернии страны первые десятки продотрядов. ВРК стал одним из центров подбора и распределения агитаторов. За месяц, прошедший после штурма Зимнего дворца, ВРК разослал 644 агитатора из рабочих, солдат и матросов. А. В. Луначарский в своих воспоминаниях назвал работу Военно-революционного комитета ошеломляющей.

Велик был энтузиазм работников ВРК, но постепенно ВРК стал

задышаться. Кроме того, он подчас дублировал работу набравших силу народных комиссариатов. К тому же в то время уже формировались такие важные государственные органы, как ВЧК и советская милиция. Н. И. Подвойский, продумав ситуацию, обратился к секретарю ЦК и председателю ВЦИК Я. М. Свердлову:

— Мне кажется, что Военно-революционный комитет начинает себя изживать, — сказал Николай Ильич. — Он решает массу вопросов. В первые дни это было неизбежно. Теперь многие решения принимают Совнарком и наркоматы. ВРК подчас решает те же вопросы, причем не успевает с ними все согласовывать.

— Да, это стало заметно. — Свердлов помолчал. — Я поговорю с Владимиром Ильичем о разгрузке ВРК. Надо поторопить наркоматы, чтобы быстрее брали все дела в свои руки.

25 ноября на заседании Совнаркома В. И. Ленин предложил разгрузить Военно-революционный комитет от излишней работы, передав значительную ее часть наркоматам. А еще через неделю в газетах было опубликовано постановление о ликвидации Военно-революционного комитета. В нем говорилось, что ВРК, выполнив свои боевые задачи, передает все дела в соответствующие отделы ВЦИК, СНК и Петроградского Совета.

Николай Ильич воспринял это решение с облегчением, хотя ему, конечно, было жаль, что Военно-революционный комитет — этот действительно революционный орган — уходит в историю. Но он считал себя военным работником партии, а бурная деятельность ВРК, направленная после восстания на решение бесчисленных сиюминутных задач, поглощала его силы и время, почти не давая возможности вплотную заняться военными делами. Теперь наконец он получил такую возможность.

Военная организация при ЦК РСДРП(б) и Совет Народных Комиссаров по военным делам в те напряженные дни 1917 года должны были экстренно решать сложнейшие вопросы: о судьбе многомиллионной старой армии, об удержании германского фронта, о создании новой вооруженной силы для защиты Советской Республики. У Н. И. Подвойского и его товарищей, занимавшихся военной работой, по ним не было ни полной теоретической ясности, ни практических планов. Очевидным было лишь то, что старая армия не может ни удерживать длительное время германский фронт, ни защищать Советскую Республику, ибо она ждала демобилизации. Вопрос о новой вооруженной силе встал во

весь рост и во всей остроте.

«Из кого и как создавать вооруженную силу? — думал Николай Ильич. — Вооружать весь народ? Или формировать рабочую милицию вроде красногвардейских отрядов? Против Краснова народу бросили много, а командовать было некому — без офицеров, без военной науки не обойтись. Значит, нужна все-таки армия». Но ее создание не было предусмотрено ни в Программе партии, ни в решениях съездов, ни в других партийных документах.

Николай Ильич попытался получить у Я. М. Свердлова подтверждение своей мысли о необходимости новой армии.

— ...Программа ориентирует партию на всеобщее вооружение народа, — сказал Якову Михайловичу Подвойский. — Но что это такое конкретно? Мы в «Военке» и раньше думали. Но тогда это особо не беспокоило. Думали, что будет день — будет и пища, как говорят в народе. А сейчас ума не приложим, из кого, в какой форме, на каких принципах создавать вооруженную силу.

— За указаниями пришли? — прищурился Свердлов. — Предложения должны идти от вас, военных работников. Подумайте, а мы в ЦК обсудим. Теория, как говорится, сера, зелено дерево жизни. Может, придется кое-что пересмотреть и в наших взглядах.

Яков Михайлович помолчал, подумал. Потом сказал:

— Пусть военные большевики присматриваются к офицерам, даже к генералам. Не все они — корниловцы. Берегите своих людей. Если решим строить новую армию, вся «Военка» пойдет нарасхват.

— Значит, будем думать о новой армии, — медленно проговорил Николай Ильич.

Подвойский вернулся в «Военку» и попросил разыскать Еремеева. Вскоре дверь распахнулась, и на пороге появился, как всегда, с трубкой во рту «дядя Костя» — так все уважительно звали Еремеева. Константину Степановичу было около пятидесяти, и среди молодых руководителей «Военки» он действительно выглядел «дядей». Талантливый самородок из олонецких крестьян, он включился в революционную работу еще во времена ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Прошел подполье, эмиграцию, работал в редакциях «Звезды» и «Правды», входил в состав Русского Бюро ЦК. Николай Ильич знал его давно. Константин Степанович нравился ему своей крестьянской основательностью и постоянной готовностью делать любое дело — то, которое нужно сегодня, сейчас. Причем приступал он к нему по-солдатски: немедленно, без разговоров. Его талантам, опыту и теоретической

подготовке можно было позавидовать. Именно такой человек был нужен сейчас Николаю Ильичу для разработки первого, черного варианта положения о новой армии.

К. С. Еремеев повесил шинель, сел к столу и снова сунул холодную трубку в рот. Николай Ильич засмеялся.

— Вы, Константин Степанович, когда спать ложитесь, трубку вынимаете изо рта?

Юморист от природы, К. С. Еремеев (будущий основатель и главный редактор журнала «Крокодил») ответил, не задумываясь:

— Иногда не успеваю — засыпаю. Я закурю?

— Валяйте! Все дымят. Сам-то я никогда не курил — был в духовном училище, в семинарии... Потом, в пятом году, черносотенцы отбили легкие, стало не до курева.

Н. И. Подвойский объяснил Константину Степановичу, что при решении задачи вооруженной защиты республики, видимо, без новой армии не обойтись. Еремеев попыхтел трубкой и согласился.

— ЦК ждет наших предложений. — Николай Ильич сделал упор на слове «наших». — Я прошу вас набросать проект положения о новой армии так, как вам это представляется. Потом на Бюро «Военки» обсудим, дополним. Ясно одно: армия должна формироваться из трудовых элементов...

Создание новой армии должно было идти параллельно с ликвидацией старой армии, которая, по порядочно запутанным данным бывшего Военного министерства, насчитывала до десяти миллионов человек. Военные работники партии под руководством В. И. Ленина творчески подошли к этой задаче и выработали такой план слома старой армии, который позволял временно использовать ее отдельные звенья для удержания фронта. Цементирующей силой, удерживавшей армию от самороспуска, должны были стать военные организации большевиков. Сам же план слома старой армии состоял в последовательном решении трех главных проблем: 1) быстрая демократизация армии и ликвидация власти контрреволюционного командного состава; 2) разрушение контрреволюционных органов и учреждений Военного министерства; 3) постепенная демобилизация и окончательный роспуск старой армии.

Слом старой армии безопаснее было бы осуществлять в условиях мира. ЦК РСДРП(б) и Советское правительство, видя, что ни Германия, ни страны Антанты не собираются ничего предпринимать для заключения мира, обратились непосредственно к солдатам, чтобы они брали дело мира

в свои руки и прямо на позициях договаривались с германскими солдатами о прекращении огня. 9 ноября за отказ выполнить директиву о начале переговоров непосредственно с Германией о заключении мира Советское правительство сняло с поста главнокомандующего старой армией генерала Духонина и назначило главнокомандующим члена Бюро «Военки», народного комиссара по военным делам прапорщика Н. В. Крыленко. Ему предстояло в считанные недели демократизировать находившуюся в окопах армию, освободить ее от контрреволюционного генералитета и офицерства, поручить командование частями и соединениями избранным солдатами и солдатскими комитетами командирам. На него же возлагалась обязанность начать переговоры о перемирии с германским командованием, а в случае необходимости руководить боевыми действиями войск, удерживать фронт.

Н. В. Крыленко с отрядом матросов выехал в Ставку. Вынужденное выключение Н. В. Крыленко из текущей работы было чувствительной потерей для Совета Народных Комиссаров по военным делам. Вскоре на борьбу с калединщиной в качестве командующего советскими войсками на юг страны уехал В. А. Антонов-Овсеенко. На руководство Верховной морской коллегией полностью переключился П. Е. Дыбенко. Заместителем наркома путей сообщения был назначен В. И. Невский. Николай Ильич видел, что круг опытных, прошедших школу «Военки» и ВРК военных работников, с которыми предстояло решать вопросы ликвидации старой, а главное — создания новой армии, резко сузился. А время торопило.

23 ноября СНК образовал коллегию по управлению Военным министерством, вскоре переименованную в Коллегию Народного комиссариата по военным делам. Председателем ее был назначен Н. И. Подвойский. Таким образом, с 27 ноября он возглавил Наркомат по военным делам. На него была возложена ответственность за ликвидацию старой армии, разработку основ и плана организации новой армии и практическую работу по ее строительству. Н. В. Крыленко и В. А. Антонов-Овсеенко назначались народными комиссарами по военным делам. Но они были далеко, и на них Николай Ильич рассчитывать не мог. По его предложению заместителями наркомов были назначены М. С. Кедров, Б. В. Легран, К. А. Мехоношин и Э. М. Склянский, а членами коллегии — К. С. Еремеев, В. Н. Васильевский и П. Е. Лазимир. Все они прошли закалку в «Военке» и Военно-революционном комитете.

Прежде всего надо было подчинить Советской власти аппарат старого Военного министерства, очистить его от контрреволюционных элементов, заставить безоговорочно продолжать обеспечение старой армии, отобрать и сохранить для новой армии нужных военных специалистов.

Н. И. Подвойский поручил Б. В. Леграну преобразование и перестройку канцелярии министерства, К. А. Мехоношину — артиллерийское управление. Реорганизацию военно-технического управления, в распоряжении которого были сосредоточены огромные материальные ценности', Николай Ильич взял на себя. Во все управления, обеспечивавшие повседневное снабжение армии, были назначены комиссары: Н. М. Анцелович, А. Я. Семашко, И. Е. Коросташевский, Л. Г. Грузит и другие.

— Задача у всех одна, — инструктировал их Н. И. Подвойский, — заставить управления подчиняться Советской власти. Для этого надо в считанные дни ввести в них коллегиальное руководство. Оно должно состоять из вас — работников Наркомвоена, а также из специалистов управлений, сочувствующих Советской власти. Без них мы пока не сможем управлять. Их надо найти или вербовать на месте. Далее — очистить управления от контрреволюционных элементов, сократить их штаты. Это задачи немедленные. И есть задача перспективная — работать с демократически настроенными генералами, офицерами, чиновниками и вербовать их для работы в новой армии. Подыскание авторитетных, демократически настроенных военных специалистов, которых можно было бы поставить во главе министерства для обеспечения его бесперебойной работы, я беру на себя.

После недолгих раздумий его выбор пал на генштабистов генералов Н. М. Потапова и С. И. Одинцова, с которыми он как председатель «Военки» установил и поддерживал личный контакт еще с июля 1917 года. В августе оба они энергично помогали подавлять корниловский мятеж.

...Н. И. Подвойский распорядился разыскать Потапова и Одинцова и пригласить их вечером в Наркомвоен. Сам же выехал в военно-техническое управление. Встретил его комиссар Л. Г. Грузит. После короткой беседы они прошли к начальнику управления генералу Шварцу. Генерал встал из-за стола. Перед ним стоял народный комиссар по военным делам Подвойский — худой, в длинной шипели, но... без погон. Шварц мгновение помедлил, раздумывая, а потом четко, по-военному представился Подвойскому. Николай Ильич спокойно поздоровался со Шварцем и попросил показать управление. После обхода он по документам ознакомился с имевшимся имуществом. Его было много: автомобили, радиостанции, шанцевый инструмент и многое другое, о назначении чего он мог только догадываться. <Это управление — клад, — думал Подвойский, — его надо взять под личный контроль и не упускать из виду ни на один день».

Перед уходом Николай Ильич поблагодарил Шварца за общую информацию и вежливо, но очень твердо сказал ему:

— Прошу вас совместно с комиссаром подготовить мне схему организации управления, сводку о запасах имущества, список чинов управления. Вы же, товарищ Грузит, — обратился Подвойский к комиссару, — подготовьте свое заключение о необходимости того или иного отдела в управлении.

Шварц и Грузит молча слушали и записывали распоряжения Подвойского. Затем Шварц обратился к Подвойскому:

— Позвольте... — он запнулся, не зная, как назвать Подвойского.

— Зовите просто Николай Ильич. Вам, наверное, трудно выговаривать слово «товарищ», — улыбнулся Подвойский.

Шварц упрямо наклонил голову.

— ...Позвольте обратиться к новой власти с просьбой. Акционерное общество «Русский самоход» по контракту ремонтирует нам автомобили. Последнее время они почти перестали делать ремонт. Нельзя ли помочь?

— Наркомат примет меры, — коротко ответил Подвойский.

Шварц молча и с достоинством наклоном головы поблагодарил наркома.

Николай Ильич распрощался и поехал в наркомат, где его ожидала встреча с Н. М. Потаповым и С. И. Одинцовым. Они пришли вскоре, и дежурный немедленно доложил об их приходе.

— Приглашайте, — распорядился Н. И. Подвойский.

Он вышел навстречу Потапову и Одинцову.

— Здравствуйте, Николай Михайлович, здравствуйте Сергей Иванович! Прошу вас, — Николай Ильич пододвинул к столу три стула. — Вот и снова нам пришлось свидеться. И опять в нелегкое время.

Потапов и Одинцов невесело улыбнулись. Будучи специалистами, они ясно видели, что с самого февраля влияние Временного правительства на армию с каждым днем становилось все слабее. После Октябрьского восстания сложилось вообще непонятное для них положение: управляют армией одновременно большевистский Наркомвоен и старое Военное министерство, командуют войсками большевистский главком с комитетами и в то же время — генералы. Они видели, что армия все более теряет свою способность противостоять германским войскам. Судьба родины — вот что волновало их больше всего.

Забота о судьбе России, о сохранении ее как самостоятельной державы — это и стало для Н. И. Подвойского исходной позицией в нелегком разговоре с Н. М. Потаповым и С. И. Одинцовым. Николай Ильич

рассчитывал склонить к прямому сотрудничеству с Советской властью в первую очередь Н. М. Потапова. Он происходил из чиновничьей семьи и вырос до одного из руководителей Генштаба лишь благодаря своим незаурядным способностям. С. И. Одинцов был потомственный аристократ, и классовые предрассудки в нем сидели, конечно, глубже. Однако жизнь заставила его смотреть на события не только с узких позиций своего класса, что проявилось в неприятии им корниловщины. Николай Ильич понимал, что переход на сторону Советской власти таких известных военачальников, как Потапов и Одинцов, был бы хорошим примером для других генералов, ибо, как правильно говорил Я. М. Свердлов, не все они корниловцы.

Подвойский аргументированно доказывал Потапову и Одинцову необходимость демократизации армии после революции и, кажется, убедил их. Но им, профессиональным военным, было трудно понять, как комитеты и выборные командиры могут командовать войсками. Это, по их мнению, было несовместимо с регулярной армией. В успех этого они не верили. Поэтому предложение Н. И. Подвойского взять на себя управление Военным министерством они отвергли. Но Николай Ильич видел, что семена сомнения в их души он уже посеял. Он предложил им подумать и назначил на следующий день новую встречу.

Лишь после пятой встречи Н. М. Потапов согласился взять на себя административную сторону управления старым Военным министерством, а С. И. Одинцов — возглавить ее канцелярию. Это были два крупных военных специалиста, которые одними из первых перешли на сторону Советской власти.

В последующие месяцы с помощью Н. М. Потапова и С. И. Одинцова Николай Ильич установил личные контакты с другими генералами и офицерами. Он не жалел времени на беседы с ними, горячо и искренне убеждал их в необходимости служить своими знаниями новой России. Многие из них в трудные годы интервенции и гражданской войны были вместе с народом, а потом честно служили в Советских Вооруженных Силах.

Поручив административное управление Военным министерством Н. М. Потапову и С. И. Одинцову, Н. И. Подвойский вплотную занялся его военно-техническим управлением. В конце ноября Николай Ильич с работниками наркомата А. Д. Садовским и С. Н. Сулимовым снова приехал в это управление. Здесь должно было состояться совещание с представителями частей и заводов, посвященное ремонту военных

автомобилей. До совещания оставалось некоторое время, и Шварц пригласил гостей в кабинет. Но Садовский и Сулимов с разрешения Подвойского ушли к комиссару Грузиту, чтобы ознакомиться с проделанной им в управлении работой.

Шварц открыл дверь кабинета, пропустил Николая Ильича вперед, показал на стул у большого стола красного дерева, на котором обычно раскладывались карты и схемы. Сам обошел стол, стал напротив Подвойского и взглянул на него. Оба одновременно сели. «Как от разных государств», — подумал Николай Ильич. Шварц держался почтительно, но умные глаза смотрели холодно.

Разговор сначала шел о предстоящем совещании, потом коснулся дел управления. Николай Ильич видел, и комиссар Грузит подтверждал это, что Шварц дело знает и болеет за него. Подвойский сказал ему об этом. Генерал чуть поклонился и ответил сдержанно:

— Я выполняю служебный долг... Распоряжения о передаче дел пока не получал. Новая власть...

— ...Новая власть, извините, что прервал вас, предлагает вам и впредь быть начальником управления.

Шварц помолчал.

— Боюсь, что эта задача будет выше моих сил. Да и чьи приказы выполнять?

— Приказы Совнаркома, Народного комиссариата по военным делам, главнокомандующего. Армия пока еще остается!

Лицо Шварца дрогнуло. Он чуть насмешливо посмотрел на Николая Ильича.

— Такая армия ненадолго. — Шварц сделал ударение на слове «такая». — Да и главком... извините, прапорщик.

— Да, прапорщик Крыленко, — сухо ответил Подвойский. — Но не простой прапорщик. — Он — юрист, историк и философ...

Шварц с сомнением взглянул на Подвойского.

— ...У него за плечами два университета, — продолжал Подвойский.

Шварц поднял брови.

— ...И три революции. Он один из руководителей «Военки». Надеюсь, вы о нем слышали не меньше, чем о генералах. Сегодня он нужнее армии, чем генералы Духонин или Верховский.

Шварц молча опустил голову.

— Мне трудно на это решиться, Николай Ильич, — впервые назвал Подвойского по имени Шварц. — Остаться начальником управления, значит, отбросить все, чем я жил, чем жили мои близкие.

— Мне кажется, что последние недели вы не могли не думать об этом.
— Николай Ильич взглянул на мешки под глазами генерала.

— Да... Я подумаю еще... Мне надо еще подумать.

...На совещание собралось человек двадцать пять. Они представляли управление, некоторые заводы, специальные воинские части.

Полковник Медынский коротко доложил о состоянии автомобильного дела, о трудностях с ремонтом машин, возникших в последнее время.

Слово взял Н. И. Подвойский.

— Советская власть, — сказал он, — вводит в армии выборное начало снизу доверху. В том числе и во всех управлениях Военного министерства. Поэтому предлагаю избрать коллегия. В ней должны быть представители Наркомата по военным делам, администрации и технического персонала управления, а также связанных с вами заводов и профсоюза металлистов. Она должна обеспечить бесперебойную работу управления. В том числе решить и поставленные докладчиком вопросы. От Наркомата по военным делам делегируются товарищи Сулимов и комиссар Грузит, от рабочих — большевик Ржевский...

Среди первых, кто решительно поддержал Николая Ильича, был генерал Шварц. Он понимал, что такая представительная коллегия в условиях нарушенных производственных связей сумеет обеспечить и ремонт автомобилей, и другие работы.

Изучение структуры многотысячного аппарата Военного министерства, которым занимались М. С. Кедров, К. А. Мехоношин и Б. В. Легран, поставило в повестку дня и такую важную проблему, как ликвидация ненужных Советской власти и старой армии управлений.

— В этом министерстве такие дебри, такие катакомбы всяких управлений, отделов, служб, секторов и столов, что даже юристу разобраться нелегко! — возмущался Кедров. — Тысячи людей сидят. Сколько народных денег сюда уходило! Динамиту бы под это заведение!

— Кое-что нам еще нужно, — успокоил его Подвойский. — А от остальных без динамита избавимся.

Сначала без всякой реорганизации упразднили в полном составе контрреволюционные органы военного ведомства — политическое управление при Военном министерстве, созданное Временным правительством, а также весь контингент комиссаров этого управления в войсках вкуче с политическими отделами при штабах фронтов и армий. Приказ об этом тотчас же пошел в войска.

Такая же судьба постигла органы контрразведки, выполнявшие, по

сути дела, роль охраны. Без сожаления ликвидировали всю систему военной цензуры.

Как-то вечером М. С. Кедров подал Н. И. Подвойскому проект приказа. — Я не специалист, — сказал он. — Это по твоей части. Посмотри.

Николай Ильич удивленно поднял брови, взглянул на текст и улыбнулся. Это был приказ о полной ликвидации сверху донизу, от министерства до полка, всего военного духовного ведомства.

— Знало бы твое семинарское начальство, кому и для чего оно давало знания, — засмеялся Кедров, — кого выпустило из семинарии, да еще по первому разряду.

— Учило оно меня хорошо, — в тон ему ответил Подвойский. — И знания я применяю по назначению. С полной уверенностью в своей правоте и со знанием дела подписываю этот приказ.

Николай Ильич обмакнул перо и поставил четкую подпись под приказом.

— Пусть и лицейское начальство сожалеет, что учило нас с тобой, и торжествует, что не выдало нам дипломов, — продолжил Кедров, подавая Николаю Ильичу еще один приказ. — Не очень-то мы чтим старые законы и юридические учреждения.

Это был приказ об упразднении всех военных и морских судебных органов, о приостановке производства всех дореволюционных военно-судебных дел. Подвойский подписал приказ и, подумав, сказал:

— Надо довести эту мысль до конца. После Февральской революции суды наложили на тысячи и тысячи солдат наказания за выступления против Временного правительства. Их надо снять общим приказом наркомвоена и главкома.

16 декабря Н. И. Подвойский и Н. В. Крыленко совместным приказом сняли с солдат и других военнослужащих наказания, вынесенные за выступления против Временного правительства и государственных органов существовавшего тогда режима.

Кроме того, наркомвоен Подвойский на основе указаний Советского правительства своими приказами объявил о закрытии военных училищ и о прекращении производства в офицеры, о ликвидации системы местного военного управления, а также целого ряда постоянных и временных комиссий, существовавших в министерстве.

Реорганизация министерства сопровождалась резким сокращением штатов. Только приказом наркомвоена № 61 было сокращено 102 должности, а приказом № 149–871 должность. В министерстве были оставлены самые необходимые для обеспечения армии управления —

артиллерийское, военно-техническое, инженерное, интендантское, квартирному довольствия и некоторые другие. Все они были реорганизованы, подвергнуты чистке от контрреволюционных элементов, возглавили их советы, составленные из представителей Наркомвоена, ВЦИК, фабзавкомов, а также военных специалистов, согласившихся работать на Советскую власть.

Задача овладения Военным министерством, поставленная перед Н. И. Подвойским Советом Народных Комиссаров, была решена. Оно стало выполнять директивы Советской власти.

Во время реорганизации Военного министерства состоялось решение СНК о том, чтобы все наркоматы перебазировались в соответствующие здания бывших министерств. Наркомат по военным делам перебрался из Смольного на Мойку. Н. И. Подвойскому был предложен кабинет, принадлежавший ранее царскому военному министру Сухомлинову. Когда Николай Ильич впервые вошел в него в сопровождении седовласого швейцара, он растерялся. После тесных комнат Смольного, где подчас приходилось в качестве стола использовать стул, кабинет ему показался огромным. Вдоль стен стояли многочисленные шкафы с книгами. Он прошелся вдоль шкафов: через стекла сверкали золотым тиснением тщательно подобранные книги по военной истории, стратегии, тактике...

— Вот это богатство! — невольно вырвалось у него.

Молча наблюдавший за ним швейцар вдруг вставил:

— Есть и побогаче кабинеты...

Николай Ильич повернулся к нему:

— Я не о том. Я о книгах.

Швейцар смутился, видимо, сожалея о том, что нарушил этикет и вступил в разговор. Подвойский отпустил старика и вновь подошел к шкафам. Он твердо знал, что теперь те короткие часы, которые ему удавалось урвать для отдыха, будут еще короче, что теперь каждую свободную минуту, ночи напролет он будет читать, читать, читать... В ту ночь уйти из кабинета он уже не смог.

Как ни важна была работа по перестройке министерства, главными задачами дня оставались демобилизация многомиллионной армии и параллельно с этим — создание новой. Наркомвоен экстренно готовил общеармейский съезд по демобилизации. Николая Ильича очень беспокоило то, что часть делегатов с фронта и из дальних гарнизонов не успеет приехать к назначенному дню. Но еще более волновало то, что к съезду надо было подготовить предложения о порядке демобилизации

армии, продумать, кому передать ее оружие, боеприпасы, имущество. Кем ее заменить — этот вопрос был самым острым и самым неясным. Н. И. Подвойский не раз обсуждал его с М. С. Кедровым. Вот и на сей раз он пригласил его к себе в кабинет.

— Садись, Михаил. Как дела, как Ольга?

— Не знаю, как там у Ольги — дома неделями не бываю. Как живут, чем питаются, откуда и что достают — не ведаю. Как твои? Тебе тяжелее, у вас ведь четверо.

— Да! Теперь четверо. А живут так же, как твои.

Николай Ильич задумался, помолчал.

— В столовой дня два в неделю экономлю свой паек хлеба, потом везу домой, детишкам. Они у меня молодцы — не кидаются на ломтики. Но глаза... Ты знаешь, я не могу в этот момент смотреть на них... Но ничего, Миша, свалим дела и свидимся с семьями, поможем.

Михаил Сергеевич скептически посмотрел на Николая Ильича.

— Ты сам-то веришь в это? Небось и спишь здесь?

— Верно, — вздохнул Николай Ильич, — и сплю здесь. Видишь, какое богатство! — Он широким жестом показал на шкафы. — Такой удачи упустить не могу... Но к делу. Как с делегатами?

— Неважно. Не успеют съехаться. И тех, кто приехал, ни держать, ни отпустить нельзя.

— Если не успеют, то с теми, кто приехал, проведем предварительное совещание, вместе с ними все продумаем. А съезд отодвинем на два-три дня. С Лениным я согласую.

Утром 28 ноября Н. И. Подвойский и М. С. Кедров пригласили успевших приехать делегатов съезда в просторный зал. Николай Ильич открыл совещание и объяснил причину задержки съезда.

— Генеральный штаб, — сказал он, — по заданию Наркомвоена подготовил свои предложения по демобилизации старой армии. Наша задача послушать и предварительно обсудить эти предложения.

Первым был заслушан доклад полковника Даллера. Он представлял комиссию Генерального штаба, которую возглавлял генерал Марков. Полковник Даллер сразу же поставил перед Наркоматом по военным делам и делегатами ряд трудных вопросов.

— Демобилизация, — сказал он, — не может встать на путь элементарного роспуска личного состава и распродажи военного имущества. Поэтому основной вопрос в деле демобилизации — вопрос конструкции будущей армии. Известно, что... — Даллер чуть запнулся, — ...верховная власть предполагает всеобщее вооружение народа. Но

вооруженный народ можно мыслить в буквальном смысле, что все поголовно вооружены. Или так: имеются кадры, через которые проходит и обучается весь народ, годный носить оружие. Есть система вербовочная и милиционная. Но всякая система требует точного определения: во что должна развернуться армия на случай войны, какие ячейки должны быть сохранены при переходе на мирное положение.

Даллер замолчал, давая собравшимся время осмыслить сказанное. Он достал белоснежный платок и старательно протер очки. Затем чуть повернулся в сторону Подвойского и Кедрова.

— Не имея никаких конкретных установок от... верховной власти, комиссия генерала Маркова приняла за исходный пункт состав и структуру армии, которая у нас имела до войны.

Н. И. Подвойский отодвинул блокнот — предложение комиссии Маркова явно не годилось. И дальнейший ход совещания подтвердил это.

Доклады с мест показали, что измученная армия ждет приказов о демобилизации, что только эта надежда дает ей моральную силу оставаться на позициях. Совещание настояло на том, чтобы обратиться в СНК с просьбой немедленно демобилизовать столько возрастов, сколько возможно в сложившихся условиях. Было решено создать в Наркомате Управление по демобилизации во главе с коллегией, а на местах до роты включительно — демобилизационные органы. При обсуждении этого вопроса Н. И. Подвойский взял слово и сказал:

— Если мы создадим демобилизационные органы из одних военных, как тут предлагается, то они не справятся со своей задачей. Считаю необходимым включить в них представителей Советов.

Против этого предложения резко выступил один из авторов проекта создания органов демобилизации — представитель Казанского гарнизона.

— В коллегии и так будет около 40 человек, — сказал оп. — Если ее еще пополнить представителями Советов, то она превратится в съезд и из-за громоздкости будет неработоспособной.

Подвойский снова взял слово:

— Думаю, что вы плохо представляете процесс демобилизации. Армия — это не гарнизон. Когда сотни тысяч демобилизованных солдат по всем железным дорогам двинутся с тысячеверстных фронтов, только с помощью партийных комитетов и Советов мы сможем поддерживать на каждой станции и пристани, в каждом городе нужный порядок, держать процесс в своих руках. А выпустим его из рук, тогда эти сотни тысяч солдат превратятся в лавину, которая сметет все на своем пути. Я настаиваю на том, чтобы представители Советов были включены во все

демобилизационные органы: от коллегии в центре до полковой или батальонной ячейки.

Раздались одобрительные голоса. Н. И. Подвойский продолжал:

— Советской власти не безразлично, куда пойдет остающееся после расформирования полков и дивизий оружие, военное имущество. Оно должно быть передано Советам — с рук на руки, с точным учетом. Представитель Советов непременно должен быть в каждом демобилизационном органе.

Совещание согласилось с Н. И. Подвойским. Делегату, реально осознав все трудности предстоящей демобилизации, решили: съезд по демобилизации отложить до 15 декабря; за оставшиеся две недели провести армейские съезды; создать во всех частях демобилизационные органы; открыть на всех крупных станциях и пристанях продовольственные пункты, справочные столы; сформировать отряды по охране порядка. Чтобы снизить напряжение в армии и удержать солдат от возможной стихийной самодемобилизации, наркомвоену и главкому было предложено ускорить разработку декларации прав солдата и других документов, декретирующих завершение демократизации армии.

Н. И. Подвойский информировал ЦК РСДРП(б) и СПК о принятых решениях. Оценив важность и трудность намеченной подготовительной работы, ЦК по предложению Я. М. Свердловского направил на армейские съезды Г. К. Орджоникидзе, М. К. Муранова, М. М. Лашевича и других работников партии. Выехала на места значительная часть аппарата Наркомата по военным делам и «Военки».

Н. И. Подвойский, М. С. Кедров, К. А. Мехоношин, не откладывая, взялись за разработку государственных документов о завершении демократизации армии. Вскоре в «Правде» был напечатан проект декларации «К солдатам революционной армии». Совет Народных Комиссаров принял разработанные под непосредственным руководством Н. И. Подвойского декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Декреты за подписью В. И. Ленина, Н. И. Подвойского и всех членов Коллегии Наркомвоена были опубликованы в печати. Они сразу стали достоянием солдатских масс и в значительной мере разрядили грозную атмосферу в армии. Декретами упразднялись воинские чины, звания, все военнослужащие уравнивались в правах и именовались солдатами революционной армии. Командный состав в частях до командира полка избирался на общих собраниях, остальные командиры вплоть до главкома

избирались съездами или совещаниями при дивизионных, армейских и других солдатских комитетах.

Осуществление этих декретов подводило итог огромной работы партии большевиков по демократизации армии. В. И. Ленин 11 января 1918 года на III Всероссийском съезде Советов заявил: «...Старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, от нее не осталось камня на камне. Полная демократизация армии проведена».

...Таким образом, демократизация армии и подготовка к ее демобилизации шли полным ходом. Старая армия держала фронт благодаря гигантским усилиям и авторитету большевиков и Советской власти. Перед ЦК, Советским правительством, Наркомвоенном все острее вставал вопрос о том, кем ее заменить. В. И. Ленин, Советское правительство делали все возможное, чтобы любыми путями добиться заключения мира или перемирия с Германией и ее союзниками. Нужно было выиграть хотя бы несколько месяцев для создания новой армии.

Разработка принципов нового военного строительства, положения о новой армии было делом до чрезвычайности трудным не только для Н. И. Подвойского и других военных работников, но и для руководителей партии и государства. «Вопрос о строении Красной Армии был совершенно новый, — отмечал позже В. И. Ленин, — он совершенно не ставился даже теоретически... Мы шли от опыта к опыту... идя ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли».

Н. И. Подвойский как председатель «Военки», а потом и наркомвоен считал себя более других военных работников лично ответственным за решение военных вопросов. Он вел поиск путей создания новой военной организации Советского государства по двум направлениям. Главное направление — самостоятельная, не имеющая аналогов разработка вопросов военного строительства на основе марксизма, политики Коммунистической партии, исходя из складывающейся реальной обстановки. Второе направление — максимальное использование опыта и знаний старых военных специалистов, в первую очередь генштабистов.

В процессе реорганизации Военного министерства Подвойскому удалось привлечь на сторону Советской власти не только Потапова и Одинцова, но и генералов Борисова, Мочульского, Самсона, Балтийского и других. Они искренне старались помочь в подготовке исходных

документов. Но им необходимо было знать, каковы руководящие принципы нового военного строительства, без них их предложения сводились лишь к воссозданию довоенной русской армии. Кстати, многие из них, например, начальник штаба Ставки генерал М. Д. Бонч-Бруевич, не понимали, зачем Советская власть «добывает» старую армию.

— Да потому, что она, во-первых, утомлена, — в который раз растолковывал генштабистам Н. И. Подвойский. — Во-вторых, Советская власть дала крестьянам землю, а солдат — это крестьянин в шинели. Он рвется в деревню. В-третьих, Советская власть издала декрет о заключении мира, и солдат ждет этого мира.

— Почему же тогда нельзя уволить этот состав и призвать новый? — недоумевал генерал Н. М. Потапов. — Эта возможность всегда есть у верховной власти. История говорит о том, что этой возможностью пользовались всегда.

— Сейчас, Николай Михайлович, пишется новая история, — отвечал Николай Ильич. — И верховная власть, как вы выражаетесь, тоже совершенно новая. Она порождена массами и держится на поддержке масс. Солдаты, весь народ измучены многолетней империалистической войной. Если их сейчас декретом принудить к несению военной службы, они повернут против этой своей власти и сбросят ее...

— Ну хорошо, все-таки из каких слоев вы намереваетесь сейчас комплектовать вооруженную силу? — задавал наконец Потапов главный вопрос, на который еще никто не знал четкого ответа.

— Во всяком случае, пока, именно пока, — вслух размышлял Подвойский, — у масс нет психологических предпосылок, которые позволили бы провести принудительный набор в армию. Видимо, только наиболее активные, наиболее сильные духом, наиболее сознающие общие интересы товарищи должны встать в ряды революционной социалистической армии.

К открытию съезда по демобилизации из Ставки в Петроград приехал главком Н. В. Крыленко и сразу пришел к Н. И. Подвойскому.

— Исходите из того, Николай Ильич, — заявил Крыленко, — что войска в окопах мы удерживаем с большим трудом. Если бы не военные организации большевиков, армия уже ушла бы по домам.

Крыленко нагнетал напряженность. Но у него было на это право.

Подвойский прошелся по обширному кабинету, встал у шкафов с книгами.

— Тут я тоже ничего нужного нам не нашел... — вздохнул он, кивнув

на книги. — Поэтому выход я вижу один. Надо использовать творческие силы делегатов съезда. Кое-какие наметки у нас есть, например, черновой набросок Еремеева. С их обсуждения и начнем работу, сдвинем ее с места. Я сегодня же предложу этот вариант Ленину.

— Нэхай будэ, як скажуть людэ?

— Нет. Послушаем, что скажут люди. Но нам надо сформулировать свои взгляды. У вас есть время?

— Да, конечно, новая армия для меня сейчас, пожалуй, самое главное.

Н. И. Подвойский вызвал своего помощника Ф. В. Владимирова:

— Пригласите членов коллегии. Кедрова, Мехоношина, Садовского, Еремеева обязательно.

Пока собирались члены коллегии, Подвойский тезисно излагал:

— Мне кажется, ясно следующее, — говорил он. — Первое — армия может быть только добровольческой. Второе — она должна строиться на принципе территориальности, чтобы солдат не отрывался от своей деревни или фабрики. Третье — армия должна состоять из рабочих и крестьян, которые проходят краткосрочную военную службу, не теряя связи со своим классом и не деклассируясь. Четвертое — армия должна быть военной коммуной, то есть солдаты должны обеспечиваться государством всем необходимым, а денежное довольствие может быть лишь дополнением к натуральному довольствию. Пятое — семьи солдат должны обеспечивать все свои потребности за счет государства. Это моя позиция. Давайте и ваши точки зрения.

— Я все-таки по-прежнему считаю, что надо формировать социалистическую гвардию из одних рабочих промышленных центров, — вступил в разговор М. С. Кедров. — Это не мое упрямство. Гвардия из рабочих, как мы уже убедились, будет настолько боеспособной, настолько будет превосходить возможных противников по духу и дисциплине, что вполне решит возникшие задачи. Рабочих оторвать от фабрики для службы значительно легче, чем крестьянина от земли, от непрерывных сезонных работ, которые ему диктует природа.

Н. В. Крыленко энергично возразил:

— Вы, Михаил Сергеевич, рассуждаете как штатский человек. Тысячеверстный фронт только против германских войск — это не цепочка солдат. Это определенная глубина войск, резервные части в прифронтовой полосе... Антонов отправился на юг, там теперь фактически уже фронт. Подвойского обязали каждый день докладывать Совнаркому о положении в районах Самары и Оренбурга — там еще фронт. Сколько же рабочих надо, чтобы закрыть эти фронты? Кто будет делать патроны, снаряды, винтовки?

Армия требует все это каждый день, а не раз в году. Нет, без крестьян и полупролетариев не обойтись. Скорее это должны быть корпуса народной гвардии.

Н. В. Крыленко сделал паузу, а потом обратился уже к Н. И. Подвойскому:

— А вы, Николай Ильич, тоже фантазируете. Обеспечить солдат, да еще их семьи всем необходимым за счет государства — это же утопия! Уж вам-то хорошо известно состояние хозяйства — каждый день на заседаниях СНК бываете и видите, какие вопросы решаются. Не сможет наше государство за свой счет обеспечить солдат и их семьи всем необходимым!

Спорили долго, и разговор шел в основном о типе армии, о классовых источниках комплектования и роли классов в создании новой армии. Николай Ильич слушал внимательно, то улыбался, то хмурился, делал многочисленные заметки в блокноте.

— Подвожу итоги, — сказал он. — Армия может быть только добровольческой и скорее всего милиционной, что отражает требование партии о всеобщем вооружении народа. Далее, без крестьян не дадим нужной численности армии, а без рабочих у нее не будет социалистического характера и необходимых качеств. С обеспечением армии и членов семей солдат пока ясности нет.

Н. И. Подвойский отпустил товарищей. «Кое-что проясняется, — думал он. — Именно кое-что. Пока мы не касаемся практических вопросов формирования новой армии — ведь нужны аппарат, план, кадры, средства...»

Ночью, накануне съезда, в кабинет Н. И. Подвойского зашел М. С. Кедров.

— К съезду все готово, Николай Ильич. Когда поставим доклад Ленина?

— Поторопились мы, Михаил, — с сожалением сказал Подвойский. — Не может Ленин. У него каждая минута на счету. Руководство работой съезда он возложил на нас, на меня конкретно. Но потребовал ежедневного доклада.

— Жалко, что его не будет. Делегатов это вряд ли устроит.

— Владимир Ильич одобрил нашу идею превратить съезд по демобилизации в съезд начала работы по созданию новой армии. Эти два вопроса должны решаться параллельно.

17 декабря на Мойке, 67 собрались делегаты съезда по демобилизации. Высокий, в аккуратно заправленной гимнастерке, Н. И. Подвойский

обходил делегатов. Он пришел заранее, чтобы, как он выражался, «кожей почувствовать атмосферу». Многие из делегатов были его старыми знакомыми — активисты «Военки», члены ВРК, слушатели различных курсов Военной организации. Он то и дело кивал направо и налево, здоровался за руку, шутил, подбадривал, выяснял настроение. Подсчет показал, что из 234 делегатов 119 были большевиками, 45 — левыми эсерами, были и меньшевики. Это означало, что возможны идейные схватки.

Прозвенел звонок. Все направились в зал. Николай Ильич по поручению СНК и Наркомвоена открыл съезд. Сообщение о том, что В. И. Ленин не сможет приехать, взволновало делегатов. Всем хотелось увидеть и услышать Владимира Ильича. Было решено направить к нему делегацию.

В. И. Ленин в тот же день принял делегатов. Он извинился, что физически не сможет подготовить доклад и выступить. Однако твердо обещал встретиться и побеседовать с участниками съезда. Эта встреча состоялась. В. И. Ленин прежде всего рассказал о самом важном — о ходе мирных переговоров в Брест-Литовске, о захватнической позиции германских представителей. Он рассказывал открыто, доверительно, чем сразу же создал деловую и непринужденную обстановку. Владимир Ильич набросал анкету из десяти вопросов и попросил делегатов ответить на них письменно. Суть вопросов сводилась к следующему: в состоянии ли германские войска наступать, может ли старая армия дать отпор, а отсюда — следует ли затягивать переговоры о мире или надо идти на «революционную войну», как предлагали некоторые.

Николай Ильич был убежден, что старая армия в случае наступления германских войск продержится недолго, да и то, пока будет оставаться хоть какое-то влияние военных большевиков. Идти же с ней на «революционную войну» против Германии самоубийственно.

Делегаты были такого же мнения.

Съезд приступил к обсуждению вопросов демобилизации старой и принципов строительства новой армии. Но события на фронте не дали делегатам возможности особенно углубляться в теоретические споры. Контрреволюционные мятежи вспыхивали то тут, то там. Петроград, Москва, другие промышленные центры формировали по несколько красногвардейских отрядов в день и тут же отправляли их на внутренние фронты. Численность рабочих на заводах катастрофически падала. А напряженность момента не ослабевала. Как раз в те дни в Германии пришла к власти новая, милитаристская группировка, и это поставило под вопрос результаты переговоров в Брест-Литовске, усилило опасность

германского вторжения. Донесения с фронта заставили Н. В. Крыленко покинуть съезд и спешно выехать в Ставку. 22 декабря он прислал тревожную телеграмму, в которой сообщал, что части Румынского фронта в массовом порядке самовольно покидают окопы, и фронт на сотни верст практически открыт. Промедление с демобилизацией старой и началом строительства новой армии становилось опасным.

В. И. Ленин и Н. И. Подвойский 22 и 23 декабря обсудили с ответственными работниками Наркомата по военным делам, Военной организации и Главного штаба Красной гвардии меры по укреплению Румынского фронта. Было решено немедленно приступить к формированию корпусов Красной гвардии и отправлять их на Румынский фронт. Участники совещания приняли основные положения о новой армии, которые сводились к следующему.

1. Новая армия создается на принципах добровольности из рабочих, солдат старой армии и трудящихся крестьян. Формирование частей должно идти в тылу и на фронте.

2. Для вступления добровольцев в новую армию требуется рекомендация Совета или одной из демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти.

3. Солдаты новой армии состоят на государственном содержании и получают денежное довольствие. Нетрудоспособные члены семей обеспечиваются государством.

В. И. Ленин дал задание Н. И. Подвойскому немедленно обсудить эти положения на съезде по демобилизации и потом на их основе подготовить декрет о новой армии. Была образована Всероссийская коллегия по формированию новой армии. Ответственность за работу коллегии и формирование армии была возложена на Н. И. Подвойского.

Николай Ильич выступил на общеармейском съезде по демобилизации. В том, что съезд одобрит решения состоявшихся с участием В. И. Ленина совещаний, он не сомневался. Но его беспокоили крикливые делегаты из меньшевиков и левых эсеров, которые могли затянуть обсуждение. Делегаты-большевики, однако, не допустили этого. Съезд 153 голосами при 13 воздержавшихся и 40 голосах против одобрил предложения совещаний.

Н. И. Подвойский отдал приказ Петроградскому и Московскому военным округам немедленно приступить к формированию корпусов социалистической армии. По его инициативе делегаты съезда приняли обращение к солдатам, рабочим и деревенской бедноте с призывом добровольно вступать в новую армию. Съезд выделил из своих делегатов

46 опытных работников, которые составили Агитаторскую коллегию, призванную помочь Наркомату по военным делам развернуть агитационную и вербовочную работу.

Аппарат Наркомата по военным делам оформил решения совещаний и съезда в приказы и распоряжения, которые тут же были отправлены в Ставку, гарнизоны, в губернии.

На очередном заседании СНК Николай Ильич предложил выпустить от имени Советского правительства манифест с призывом создавать новую армию. Но В. И. Ленин указал на преждевременность такого шага. При невероятной усталости масс, сказал он, мысль о создании новой армии должна идти не сверху от правительства, а с низов.

Вскоре главком Н. В. Крыленко сообщил в Наркомвоен, что решение о новой армии находит положительный отклик в дивизиях и корпусах старой армии, во многих из них уже идет работа по формированию первых ее отрядов. Таким образом, идея создания новой армии, несомненно, находила поддержку в низах.

Но больше всего Н. И. Подвойского обрадовал К. С. Еремеев, назначенный (после отъезда В. А. Антонова-Овсеенко на юг) командующим Петроградским военным округом. 31 декабря он приехал в наркомат, зашел к Подвойскому и спокойно, даже как-то буднично сказал:

— Завтра, 1 января, отправляем первые эшелоны социалистической армии на фронт. Приглашаю вас на митинг по случаю проводов.

Николай Ильич готов был расцеловать Еремеева. Верный своей привычке немедленно, без суеты и разговоров делать то, что нужно сегодня, К. С. Еремеев так же приступил и к формированию новой армии. И вот первые эшелоны готовы к отправке на фронт.

— Непременно буду! И обязательно приглашу Владимира Ильича.

— Это было бы очень хорошо, — сказал Еремеев. — Рабочие просили об этом.

Под вечер 1 января Н. И. Подвойский поехал в Смольный. У В. И. Ленина сидели незнакомый Николаю Ильичу иностранец и Мария Ильинична. Поздоровавшись с Н. И. Подвойским, Владимир Ильич подвел его к незнакомцу и сказал на немецком языке:

— Это наш военный специалист товарищ Подвойский.

Николай Ильич, понимавший по-немецки, несколько смутился от такой рекомендации, ибо он и в то время, и до конца жизни считал себя не военным специалистом, а военно-политическим работником партии.

— ...А это товарищ Платтен, — продолжал Владимир Ильич уже на

русском языке. — Социалист. Он помог нам выехать из Швейцарии.

Ф. Платтен и Н. И. Подвойский обменялись крепким рукопожатием и несколькими фразами. Николай Ильич, поднапрягшись, по-немецки сказал, что ему приходилось некоторое время жить в Швейцарии, довелось любоваться ее красотами.

Потом Подвойский обратился к Ленину:

— Владимир Ильич! В Михайловском манеже состоится митинг по торжественному и важному случаю — сформированы и отправляются на фронт первые эшелоны новой, социалистической армии. Рабочие Выборгского района просили вас приехать.

В. И. Ленин обрадовался чрезвычайно.

— Обязательно поедем. Товарищ Платтен, приглашаем и вас. — Владимир Ильич повернулся к Платтену и стал объяснять ему роль и значение новой армии.

Решили воспользоваться крытой машиной Подвойского. По дороге Николай Ильич рассказал о своем выступлении в Петроградском Совете и о единодушной поддержке Советом идеи создания социалистической армии, о полном признании этого начинания рабочими Питера, об энергичной деятельности К. С. Еремеева.

— Может, пора выпустить манифест СНК о создании армии? — спросил Ленина Николай Ильич. — Это облегчило бы вербовку добровольцев.

Ленин отрицательно покачал головой:

— Рано, батенька, рано. Пусть массы глубже разберутся в ее необходимости, пусть побольше будет решений снизу. — Ленин помолчал. — Кроме того, такой манифест правительства вряд ли поможет сейчас переговорам с Германией в Брест-Литовске.

...Подъехали к Михайловскому манежу. Вдоль его стен в два ряда стояли броневики. Две машины, украшенные еловыми ветками, были поставлены у входа. Полутемный огромный зал, слабо освещенный факелами, отопляемый всего одной печкой, был заполнен народом. Добровольцы притопывали ногами, чтобы согреться. С приездом гостей они быстро построились.

Трибуной служил броневик. Николай Ильич открыл митинг. Прежде всего выступили рабочие питерских заводов. Они тепло напутствовали первых солдат повой армии. Когда Николай Ильич объявил, что слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину, зал разразился аплодисментами.

Владимир Ильич поднялся на привычную уже ему трибуну —

броневик. Поднял руку и подождал, пока зал затихнет. А потом заговорил. Голос его был чуть с хрипотцой.

— ...Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию.

Николай Ильич всматривался в зал. Добровольцы были одеты кто во что, в руках у них были солдатские котелки, за плечами висели котомки. На вид вроде какие солдаты? Но их худые, решительные лица, твердый взгляд свидетельствовали о том, что они солдаты — солдаты новой, невиданной армии.

— ...И эта армия, — продолжал Ленин, — призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый истинно демократический строй от всех врагов народа...

Николай Ильич слушал В. И. Ленина и вновь и вновь поражался его умению говорить о главном так четко, вычленяя самую суть.

— ...Эти враги — капиталисты всего мира, организующие в настоящее время поход против русской революции, которая несет избавление всем трудящимся... Пусть товарищи, отправляющиеся в окопы, поддержат слабых, утвердят колеблющихся и вдохновят своим личным примером всех уставших. Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран...

Последние слова В. И. Ленина покрыли одобрительные возгласы и долго не смолкавшие под сводами манежа аплодисменты.

Н. И. Подвойский предоставил слово пожелавшему выступить американскому писателю-интернационалисту А. Р. Вильямсу, присутствовавшему на митинге в качестве журналиста. Его добрые напутствия вызвали горячий отклик у собравшихся.

Митинг закончился. Оркестр не очень стройно заиграл «Интернационал». Владимир Ильич тут же, у броневика, вступил в беседу с американцем и его спутниками. А Николай Ильич подозвал шофера своей автомашины Т. М. Гороховика.

— Тарас Митрофанович! Отвезите товарища Ленина, куда он скажет. С ним поедет Мария Ильинична и еще, наверное, швейцарский товарищ. Смотрите, осторожно. Охраны нет. В случае чего вся надежда на вас...

Гороховик понимающе кивнул.

Толпа провожавших не отпускала В. И. Ленина до тех пор, пока он не сел в автомобиль. Машина, выпустив клуб сизого дыма, ушла.

Николай Ильич занялся отправкой эшелонов. Вдруг тревожный гул пронесся среди отъезжавших добровольцев. По отдельным возгласам Н. И. Подвойский понял, что в машину В. И. Ленина стреляли. Он на машине К. С. Еремеева бросился к Смольному.

Там он нашел Гороховика, стоявшего у своего пробитого пулями «делоне-белльвиля» с номером 46–47. Возбужденный Гороховик рассказал, что, как только выехали на мост через Фонтанку, началась стрельба. Зазвенело и брызнуло осколками в лицо ветровое стекло. «Это на Ильича!» — мелькнула у Гороховика мысль. Он впился в руль и дал полный газ. Петляя в тумане между кучами необрунного снега, он думал только об одном: не перевернуть бы на скользкой дороге автомобиль. И все-таки уже почти у Смольного «белльвиль» занесло, и он ткнулся в кучу снега.

— Все живы? — спросил Гороховик, выскакивая из машины.

— А вас, товарищ, не задело? — услышал он голос В. И. Ленина. — У нас все в порядке! Скорее поезжайте в Смольный.

Гороховик схватился руками за бампер, уперся поглубже в мокрый снег и с такой силой грудью нажал на радиатор, что сдвинул «белльвиль» и откатил его от кучи снега. Он вскочил в машину и на полной скорости повел ее к светящемуся огнями Смольному.

При осмотре оказалось, что кузов, крылья, переднее стекло пробиты пулями. Одна из них застряла в кронштейне. Когда началась стрельба, Платтен успел пригнуть голову Ленина, а сам получил легкое ранение в руку.

— Молодец, что не растерялся, Тарас Митрофанович, — сказал еще не отошедший от волнения Подвойский.

— Хорошо, что в баллон не попали, — смущенно ответил Гороховик.

...3 января Николай Ильич на заседании ВЦИК голосовал за написанную В. И. Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней говорилось, что «декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян». «Вот она, ленинская установка», — думал Николай Ильич. И название есть: Красная Армия. Сразу после заседания он сообщил В. И. Ленину, что сегодня, в день окончания работы общеармейского съезда по демобилизации, делегаты просят его еще раз встретиться с ними. Но В. И. Ленин сказал:

— Съезд ведь все вопросы уже решил. А у меня масса нерешенных дел. Некоторые и вас касаются. Вот Троцкий в Брест-Литовске занял дичайшую, авантюристическую позицию: «ни войны, ни мира», «войну

прекращаем, а мира не подписываем!»). Как вам это нравится? Делегаты вашего съезда пишут в анкете, что армия требует любого мира. А Троцкого, видите ли, германские условия не устраивают, и мир тоже не устраивает!

— Если мира не подпишем, то армию не удержим! — сказал Н. И. Подвойский. — Она убежит, вся! Никакой демобилизации не получится. Да и с новой армией проблем еще много.

— Вот-вот! И я так думаю. Сегодня буду говорить с Брест-Литовском, убеждать р-р-революционера Троцкого! — В. И. Ленин вытащил из жилетного кармана часы и подкинул их на ладони. — А вот письмо делегатам я сейчас напишу, и вы зачитаете его.

Ленин сел за стол и начал быстро писать:

«Дорогие товарищи!

Товарищ Подвойский передал мне ваше предложение и прошу извинить меня, не брать в дурную сторону, что я вынужден ограничиться письмом к вам. Я горячо приветствую уверенность, *что великая задача создания социалистической армии... будет решена вами успешно»*.

Н. И. Подвойский вернулся на Мойку и зачитал делегатам письмо В. И. Ленина. В заключительном выступлении он еще раз подчеркнул, что демобилизация старой армии будет осуществляться быстро, но постепенно, по годам призыва. Только так можно провести ее организованно, сохранить при этом транспорт, оружие, материальные ценности. Создание новой армии, наоборот, должно начаться рывком, сразу с полным напряжением сил. При этом за счет лучшей, сознательной части старой армии нужно укрепить новую социалистическую армию. В этом теперь заключается главная задача «Военки», военных организаций большевистской партии и, конечно, делегатов.

Н. И. Подвойский закрыл съезд и сразу же пригласил к себе М. С. Кедрова и весь состав Коллегии Наркомата. М. С. Кедров, которого СНК назначил на специально введенную должность заместителя наркома по демобилизации, изложил разработанный им план постепенного увольнения солдат. Николай Ильич внес в него существенные уточнения: дал задание М. С. Кедрову, Б. В. Леграну, К. А. Мехоношину продумать, как одновременно с демобилизацией старой армии эвакуировать в глубь России военные склады, расположенные в опасной близости от линии фронта.

— На Волге, в районе Саратова, Сызрани, Тамбова хранить запасы надежнее, чем под Смоленском, Брянском, Псковом, — сказал он. — Мирные переговоры идут туго. Мы не знаем, как поведет себя Германия. А военное имущество нам пригодится.

Н. И. Подвойский подписал приказ о немедленной демобилизации

солдат трех старших возрастов.

10 января открылся III Всероссийский съезд Советов. Н. И. Подвойский решил воспользоваться таким авторитетным представительством и хотя бы с военными делегатами еще раз обсудить принципы нового военного строительства. 14 января он собрал военных делегатов съезда, сделал подробный доклад, ознакомил присутствовавших с проектами декретов СНК о создании Красной Армии и Всероссийской коллегии по ее формированию. Все имевшиеся на тот период предложения были обсуждены и одобрены.

...Собрание закончилось. Настроение у Николая Ильича было отличное. Даже усталость не так чувствовалась, хотя временами словно тисками сдавливало грудь. Вот и сейчас... Николай Ильич досадливо поморщился и взглянул на хронометр — полночь, значит, уже 15 января.

Он приехал на Мойку, прошел в свой кабинет, включил настольную лампу. Отпустив своего помощника Ф. В. Владимирова отдыхать, Николай Ильич вытащил из шкафа стопку уставов русской армии и положил ее на освещенную тусклым светом середину стола, задумался. Идея создания новой армии, как и рекомендовал В. И. Ленин, обсуждена на солдатских собраниях в частях фронта и тыла, на съезде по демобилизации, в Петроградском и местных Советах и даже на собрании военных делегатов III Всероссийского съезда Советов. Мысль о необходимости новой армии созрела. Создание новой армии в Петрограде и в других местах уже началось. Теперь Совет Народных Комиссаров может принять декрет о Красной Армии, и он не будет навязанным сверху. Но армия, даже новая, невиданная, социалистическая, есть все-таки армия. Законы ее внутренней жизни вырабатывались веками в разных государствах и закреплялись в уставах. Что-то из этих законов перейдет и в Красную Армию. Но что? Он отхлебнул из стакана холодный морковный чай, пододвинул уставы и углубился в чтение. Большие часы у темной стены отбивали неумолимо текущее время.

Резкий телефонный звонок заставил Подвойского вздрогнуть от неожиданности. Николай Ильич мгновенно подобрался — в такой неурочный час телефоном пользуются неспроста. Звонила секретарь Совнаркома М. Н. Скрыпник.

— Полуношничаете, Николай Ильич? — послышался сквозь шипение и треск ее голос.

— Так ведь враги не спят, — отшутился Подвойский.

— Вас срочно вызывает Владимир Ильич. Машину я высылаю.

— Хорошо. Немедленно выезжаю.

Через полчаса Н. И. Подвойский был у В. И. Ленина. Владимир Ильич поднялся из-за стола и быстро вышел навстречу.

— Здравствуйте, товарищ Подвойский! — Он подошел почти вплотную и, чуть запрокинув голову, посмотрел прищуренными глазами на Николая Ильича.

И без того высокий, Николай Ильич из-за своей худобы и привычки держаться прямо рядом с Лениным как-то неуместно казался еще выше. Лицо его было бледно.

— Как вы себя чувствуете, дорогой товарищ? — Взгляд Владимира Ильича стал вдруг серьезным. — Вид у вас не ахти.

Подвойский смущенно погладил русую бородку.

— Я чувствую себя вполне сносно, Владимир Ильич. Как говорят, практически здоров. А как вы, Владимир Ильич?

— Я? — Ленин мгновенно отступил на шаг, сунул пальцы в проймы жилета и снова чуть вверх взглянул на Подвойского. — Я — это другой вопрос!

Владимир Ильич подвел Подвойского к столу и усадил.

— Ну-с, докладывайте, как двигаются дела с организацией новой армии?

Н. И. Подвойский рассказал о том, что держал совет по этому вопросу с военными делегатами III Всероссийского съезда Советов, о повсеместном фактическом начале формирования отрядов новой армии.

— ...Проекты декретов о создании новой армии и образовании Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии готовы, — закончил он.

— Кто, кроме вас, в коллегии? — спросил Владимир Ильич.

— Предлагаются главком Крыленко, а также Склянский, Мехоношин и член Главного штаба Красной гвардии Трифонов.

— Прекрасно! — согласился Ленин. — Идея создания армии, как видно, созрела, принята массами. Да и время не ждет. Утром доложите на заседании Совнаркома о декретах. А как со старой армией?

— Солдат очередями демобилизуем, но оставшихся удерживаем с большим трудом, — признался Подвойский.

— Надо во что бы то ни стало держать инициативу в своих руках. Изю всех сил. Военное имущество должно быть сохранено. Не допустить разрушения транспорта! Мы даем вам в помощь Урицкого.

— В целом диктуем мы, — ответил Подвойский. — Но во фронтовой полосе самочинных действий много. В тыловых гарнизонах легче —

помогают Советы, партийные комитеты.

...В Смольном перед заседанием СНК В. И. Ленин предупредил Н. И. Подвойского:

— В повестке дня полтора десятка вопросов. Поэтому я прошу вас коротко рассказать о том, что уже сделано, а я выступлю по проекту декрета.

Заседание, несмотря на предельную деловитость при обсуждении вопросов, было довольно долгим. Когда оно уже подходило к концу, Владимир Ильич обменялся с Подвойским взглядом и сказал:

— У нас есть еще очень важный вопрос. Слово предоставляется товарищу Подвойскому.

Николай Ильич кратко сообщил о работе по созданию новой армии и изложил проект декрета СНК.

В. И. Ленин, обращаясь к народным комиссарам, сказал:

— Поскольку создание Красной Армии стало уже фактом, предлагаю прений не открывать, а доработать и принять декрет.

Он стал вслух пункт за пунктом читать декрет и тут же править его. Николай Ильич внимательно вслушивался в поправки В. И. Ленина. Владимир Ильич усилил мысль о том, что новая армия должна служить опорой Советской власти, подчеркнул ее классовую сущность, внес другие поправки, придавшие декрету идеологическую и программную стройность.

После голосования Владимир Ильич поставил под декретом свою подпись. Потом подписались Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко, В. Д. Бонч-Бруевич и другие члены правительства. СНК сразу же принял декрет о Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии и выделил 20 миллионов рублей для создания армии.

Принятие Совнаркомом декрета о Красной Армии Н. И. Подвойский расценивал как четкий рубеж, отделивший период исканий от периода интенсивной практической работы по созданию новой армии.

— Время теоретических поисков кончилось, — говорил на Коллегии наркомата Николай Ильич. — Декрет принят, средства на Красную Армию выделены. Теперь все зависит от нас, от нашей энергии. Все силы бросаем на практическую организацию дела. Считаю, что «Военка» должна вся перейти в Красную Армию, дать агитаторов, вербовщиков, организаторов. Военные большевики призваны повести за собой в новую армию сознательных солдат, унтер-офицеров и военных специалистов. Наркомат переносит центр своей работы во Всероссийскую коллегию по формированию Красной Армии. Главное сейчас — беречь каждый час,

беречь время!

Был разослан за подписью Н. И. Подвойского и Н. В. Крыленко приказ, которым командующие округами обязывались «немедленно приступить к организации новой армии на указанных в декрете основаниях». По распоряжению Подвойского и Крыленко во всех частях старой армии были созданы штабы Красной Армии, занимавшиеся вербовкой добровольцев. Руководители Главного штаба Красной гвардии К. К. Юренев и В. А. Трифонов развернули такую же работу в красногвардейских организациях. Вербовкой добровольцев и формированием из них отрядов Красной Армии занимались также повсеместно созданные в Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов военные отделы — первые органы местного военного управления, работавшие на Советскую власть. Военные отделы Советов не только создавали отряды, но и командовали ими, когда возникала необходимость подавлять выступления местной контрреволюции. Туда, где в связи с началом гражданской войны Советов не было, Всероссийская коллегия бросала специально создаваемые «летучие бюро», они непосредственно на местах формировали небольшие отряды Красной Армии.

Как только СНК 21 января окончательно утвердил состав Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной Армией (Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, В. А. Трифонов, К. К. Юренев), Николай Ильич в течение нескольких дней сформировал в ней отделы, укомплектовав их энергичными организаторами, воспитанными «Военной». Почти мгновенно возник этот мобильный орган, имевший отделы: организационно-агитационный, формирования и обучения, вооружения, транспортный, санитарный, ветеринарно-санитарный, связи, учета, финансовый. Каждый из них создавал соответствующую службу в молодой Красной Армии. Организационно-агитационный отдел по праву считается первым политическим органом в Советских Вооруженных Силах. Он развернул агитацию и вербовку, налаживал воспитание солдат Красной Армии. При нем чуть ли не круглосуточно работали курсы организаторов-инструкторов. Без усталости трудился отдел вооружения, не допуская стихийности в процессе передачи оружия и техники распускаемых частей старой армии отрядам Красной Армии. Он же осуществлял эвакуацию военных складов старой армии из западных прифронтовых районов в Центр и на Волгу.

Работа Всероссийской коллегии шла под непосредственным руководством В. И. Ленина. Это руководство было настолько

всесторонним, писал позже Н. И. Подвойский, что «Всероссийская Коллегия как исполнительный орган... фактически являлась военным аппаратом пред [седателя] СНК».

Взрывообразное начало повсеместного формирования Красной Армии сразу же с невероятной остротой поставило вопрос о подготовке новых командиров. В первые дни потребность в них удовлетворялась за счет солдат, унтер-офицеров — большевиков из ячеек «Военки», а также получивших некоторый опыт командиров Красной гвардии. Однако Н. И. Подвойский видел, что этот источник иссякнет очень быстро. Открытая в декабре 1917 года по его инициативе 1-я Московская пулеметная школа (ныне Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР) проблему в целом не решала. Надо было разворачивать сеть военно-учебных заведений.

Николай Ильич понимал, что времени на основательную подготовку красных командиров почти нет, что набирать курсантов придется из не имеющих достаточного образования рабочих и крестьян, что надо готовить не просто командиров, а защитников Советской власти, командиров-воспитателей. Принципы и методы обучения и воспитания старой военной школы явно не годились, нужны были новые. Н. И. Подвойский вместе с К. А. Мехоношиным, Э. М. Склянским и другими работниками наркомата засел за их разработку. 28 января он уже подписал Положение о курсах красных командиров.

Это был весьма любопытный документ, ярко отразивший свое время. Поступавшие на курсы должны были отвечать требованиям, предъявляемым к добровольцам Красной Армии, а также уметь «бегло читать, излагать прочитанное устно без искажения смысла», писать и знать четыре правила арифметики. Несмотря на то, что Положение было подготовлено в чрезвычайно сжатые сроки, почти на ходу, военные работники партии сумели заложить в него долговременные идеи, определившие в перспективе основные принципы обучения в советской военной школе — единство обучения и воспитания, партийность обучения, активность обучаемых и другие. Положение предусматривало не только обучение военному делу, но и развитие в учащих «классового самосознания и воспитание сознательных борцов за дело социализма».

Изучив возможности крупных городов (экономические, кадровые и т. д.), Н. И. Подвойский подписал приказ № 130 об открытии в Петрограде, Москве и других городах сразу тринадцати командных курсов.

Формирование красноармейских отрядов развернулось по всей стране: в России, на Украине и Северном Кавказе, в Средней Азии и Сибири, на Дальнем Востоке. В Красную Армию пошли и представители национальностей, которые царизм не допускал к военной службе.

Но военная обстановка осложнялась быстрее, чем формировалась новая армия.

Демобилизация старой русской армии шла хоть и постепенно, но чрезвычайно высокими темпами. Малейшее промедление грозило самороспуском целых полков — такие случаи тоже были. Для закрытия фронта, оставляемого старой армией, требовались даже не десятки, а сотни отрядов Красной Армии.

Кадеты, меньшевики, правые эсеры, потеряв надежду с помощью Учредительного собрания свергнуть Советскую власть, устремились в провинцию, в деревню. Они рассчитывали поднять на борьбу с Советами кулаков, местную буржуазию. Число антисоветских выступлений стало расти с катастрофической быстротой. Большая карта России в кабинете Н. И. Подвойского была, как оспинами, помечена синими кружками антисоветских мятежей. В России, писал потом Николай Ильич, вскоре не оказалось «ни одного места, где бы не было войны».

Бреши на фронте, мятежи заставляли буквально из ничего создавать в считанные дни и часы отряды, батальоны, полки. Спешно сформированные, необученные, кое-как снабженные отряды молодой Красной Армии сразу шли в огонь.

В те дни резко осложнилось международное положение Советской Республики. Германия сосредоточила на русском фронте 50 дивизий общей численностью около 700 тысяч человек. 27 и 28 января германская делегация на мирных переговорах в Брест-Литовске резко изменила свой тон — он принял почти ультимативный характер. Хотя ультиматума об отторжении обширных территорий она еще не предъявила, глава советской делегации нар-коминдел Троцкий, вопреки директивам ЦК и СНК о затягивании переговоров с целью выигрыша времени, 28 января объявил об одностороннем прекращении войны и покинул Брест-Литовск. Тем самым он фактически прервал переговоры, дав Германии желанный предлог для разрыва перемирия и развертывания военного наступления на Советскую Республику. Над страной вновь нависла грозная опасность войны.

31 января В. И. Ленин распорядился протянуть прямой провод от Смольного до Мойки, 67 — к Наркомату по военным делам. На следующий день, 14 февраля^[3], Н. И. Подвойский участвовал в заседании ВЦИК, принявшем резолюцию о том, что работа по формированию Красной

Армии стала «одной из самых важных задач момента для Советов». После заседания Н. И. Подвойский сразу выехал в Наркомвоен, во Всероссийскую коллегию — надо было до минуты использовать оставшиеся мирные дни. Сколько их будет? Его возмущению поведением Троцкого и сторонников «революционной войны» с Германией — «левых коммунистов» — не было предела. Он знал, что сил вести войну нет. Созданные за две недели после принятия декрета отряды Красной Армии все были задействованы. Если бы еще месяца два, если бы хоть месяц!

18 февраля, через неделю после того, как Троцкий сорвал подписание мира, германские войска перешли в наступление по всему фронту — от Риги до Дуная. Части старой армии, бросая военное имущество, покатались в глубь страны. В тот же день немцы заняли Двинск, на следующий день — Минск, Луцк, Ровно... К 21 февраля германские войска заняли значительную часть Украины, Белоруссии, Прибалтики, вышли на Псковское направление. Возникла угроза непосредственно Петрограду.

Руководство отпором германскому наступлению, защитой Петрограда взял на себя В. И. Ленин. СНК принял написанное им воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!». Был создан Комитет революционной обороны Петрограда во главе с Я. М. Свердловым. Комитет выделил руководящее ядро, в которое вошел и Н. И. Подвойский. В городе было объявлено осадное положение. В. И. Ленин приказал Исполкому Петроградского Совета, «не теряя ни часа, поднять на ноги всех рабочих», двинуть поголовно всю буржуазию на рытье окопов под Петроградом.

Наркомат по военным делам работал в форсированном режиме. С лихорадочной быстротой формировались красноармейские отряды и тут же отправлялись на передовую. Обширный фронт поглощал их десятками, сотнями и требовал, требовал, требовал новых. Дело осложнялось тем, что в составе наркомата еще не было оперативного органа руководства боевыми действиями молодой Красной Армии. Пришлось на ходу создавать оперативный отдел. Одновременно частями старой армии управлял Революционный полевой штаб Ставки, который не входил в Наркомвоен, распоряжения шли также и из Комитета революционной обороны Петрограда. Возникла несогласованность. Чтобы ликвидировать ее, Н. И. Подвойскому пришлось взять на себя координацию распоряжений, то есть фактически управление боевыми действиями войск.

Николай Ильич выбрал время и отправился под Нарву и Псков. Поездка произвела тяжелое впечатление. Он воочию убедился, что упорное

сопротивление наступлению германских войск оказывают лишь наспех сформированные, необученные, но крепкие духом отряды молодой Красной Армии да моряки. Части старой армии были настолько неуправляемы и деморализованы, что реальной силой их считать было нельзя.

Вернувшись, Н. И. Подвойский доложил В. И. Ленину, что остановить наступление германских войск можно лишь, удесятирив темпы формирования отрядов Красной Армии.

22 февраля Совнарком объявил всеобщую мобилизацию трудящихся в ряды Красной Армии. ПК РСДРП(б) и Петроградский Совет назначили на 23 февраля митинги под лозунгом «Защиты социалистического Отечества» и массовую запись добровольцев в Красную Армию.

В. И. Ленин вызвал из Ставки группу бывших генералов, чтобы привлечь их к организации обороны Петрограда. Возглавлял группу начальник штаба Ставки М. Д. Бонч-Бруевич. Для участия в беседе В. И. Ленин пригласил Н. И. Подвойского. М. Д. Бонч-Бруевич потом вспоминал, что, когда генералы были уже у В. И. Ленина, в комнату вошел «неизвестный мне худой партиец в солдатской суконной гимнастерке... чем-то смахивающий на Дон-Кихота. Он оказался Подвойским...» У Ленина были также генералы Лукирский, Гришинский, Раттэлт, Сулейман — всего одиннадцать человек. Здесь же был Я. М. Свердлов.

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Н. И. Подвойский, то есть глава большевистской партии и Советского правительства, глава государства и нарком по военным делам, от имени Советской России предложили бывшим генералам как высокообразованным военным специалистам и патриотам помочь разработать и осуществить план обороны Петрограда от наступавших германских войск. Генералы, высоко оценив доверие Советской власти и уважение, которое она проявила к их знаниям и способностям, без колебаний приняли предложение и тут же, в Смольном, сразу приступили к разработке плана и необходимых документов. Н. И. Подвойский уточнил с ними задачи, снабдил их необходимыми данными.

23 февраля. Н. И. Подвойский встретил утро этого дня в оперативном отделе наркомата. Как-то неожиданно и жутко, почти враз загудели на разные голоса заводские, паровозные и пароходные гудки. Жалобно задребезжали оконные стекла. От протяжного воя гудков по коже побежал мороз... Началась мобилизация трудящихся в Красную Армию.

С утра и до самого вечера на фабриках и заводах, на станциях и пристанях, в частях старой армии шли митинги. После них сразу же записывали добровольцев в Красную Армию. Всероссийская коллегия по

формированию Красной Армии за ночь «вычистила» все склады и арсеналы, собрала резервы командного состава. На заводах всю ночь ремонтировались пушки, пулеметы, броневики, изготавливалось новое оружие. Добровольцев, не мешкая, формировали в отряды, вооружали и направляли на фронт.

Николай Ильич в тот день почти не отходил от прямого провода. Под Псковом, Ревелем, Нарвой сложилось тяжелейшее положение. Падение этих городов открыло бы германским войскам дорогу на Петроград. Николай Ильич телеграфировал Позерну на Псковский фронт: «Хотя бы у вас осталось 10 человек, непосредственные подступы к Пскову и Псков вы не должны сдавать. Пошлите против немцев товарный поезд с паровозом позади поезда и устройте крушение... там, где нельзя взорвать путь... Помните, что необходимо взрывать железную дорогу через каждые две-три версты. Неисполнение этого приказа повлечет за собой расстрел виновных... Для броневиков взрывайте почаще пути». Через несколько часов он передает ему же: «Задержите наступление хотя бы до 8–9 часов утра... Неужели не найдется взводов, отрядов по 30–50 человек, которые бы не пошли на подвиг для взрыва поезда и броневиков? Нужно, наконец, кликнуть клич на героев, и такие, несомненно, найдутся. Пусть агитаторы остановят бегущие части».

Зная, как тяжело приходится красным частям под Ревелем и Нарвой, Н. И. Подвойский срочно отправляет телеграмму со словами поддержки председателю Исполкома Советов Эстонского края А. Я. Анвельту. «В Ревель. Анвельту. Петроградский Совет и мы мобилизовали сегодня во всех заводах и казармах добровольческие отряды... Питер весь всколыхнулся. Будут большие результаты подъема. Мы смотрим на положение серьезно, но не безнадежно... Призовите к оружию и обороне всех способных драться. Буржуазию отправляйте на работу по укреплению подступов к Ревелю и на Нарвские позиции. Организуйте летучие отряды, чтобы не дать эстонской белой гвардии организовать большие отряды и сосредоточиться... Помните только об одном: мобилизация, еще раз мобилизация наших сил».

В ответ А. Я. Анвельт просит подкреплений. Н. И. Подвойский телеграфирует: «Формируем несколько пулеметных команд. Если поспеем, пошлем ночью, если не поспеем, вышлем завтра утром».

...Подвойский вытер взмокший лоб, встал и вышел в коридор. За окнами не прекращался тревожный рев заводских гудков... Ему доложили, что под Псков направляются только что сформированные отряды, но нет людей для создания штаба. Подвойский мгновенно принимает решение:

— Отдел формирования из Всероссийской коллегии — под Псков, на фронт! Это — готовый штаб!

Он быстро прошел в комнату отдела формирования, написал предписание и вручил его комиссару отдела В. И. Иванову. Это была отчаянная мера, но она была необходима во имя спасения Петрограда.

К исходу дня 23 и днем 24 февраля наступление германских войск было остановлено. Особенно героически сражались отряды Красной Армии под командованием А. И. Черепанова, Я. Ф. Фабрициуса, В. М. Азина, моряки во главе с П. Е. Дыбенко. С 1919 года и поныне 23 февраля празднуется как День Советской Армии. Это один из самых светлых праздников советского народа. Таким он был и для Николая Ильича Подвойского.

Спустя годы, вспоминая трудные дни февраля 1918 года, Николай Ильич сам дивился тому, сколько было сделано военными работниками партии в первые месяцы Советской власти.

«Самый сильный военный аппарат, — писал он, — самый лучший Генеральный штаб, самые лучшие аппараты снабжения не в состоянии были бы выдержать всех этих требований и нажимов, все их планы были бы разрушены в два-три налета. Только революционный энтузиазм, только интенсивность, позволяющая развить энергию в десять-пятнадцать раз большую, чем при обычном темпе жизни, только полная самоотверженность и самоотречение от всякой личной жизни, личных интересов, полная солидарность желаний, воли, энергии, самая крайняя точка напряжения создавали ту дружность в работе, с которой пролетариат и пролетарские вожди вели свою работу, могли делать все то, что необходимо для спасения революции...

Солдаты, рабочие, не обладая никакими знаниями, никакими навыками, не будучи знакомыми ни с армией, ни с боями, ни со снабжением ее, смело становились главнокомандующими, начальниками снабжения, революционными интендантами, становились во главе формирования армии, обучения ее, писали уставы, инструкции, приказы, и делу этому обучила их революция, пролетарская революция».

Передышка, так необходимая Советской Республике, была завоевана. Но германское правительство ультимативно выдвинуло новые, более тяжелые условия заключения мира. Оно претендовало на обширные территории, требовало выплаты огромной контрибуции. Против заключения мира выступили Троцкий и «левые коммунисты», не верившие

в возможность победы социализма в одной стране и требовавшие перенесения «революционной войны» в Европу. В. И. Ленин считал, что Советская Республика, получив передышку, наладит хозяйство, укрепит оборону и сможет самостоятельно противостоять империализму. Он повел решительную борьбу за заключение мира.

Н. И. Подвойский твердо поддерживал ленинскую линию и безоговорочно выступал за подписание мира, ибо он знал, что по-прежнему сил для ведения «революционной войны» у Советской Республики нет.

Ленинская линия одержала верх. 3 марта мирный договор с Германией был подписан. Он был утвержден VII Экстренным съездом РКП(б), проходившим 6–8 марта, а затем 15 марта ратифицирован IV Чрезвычайным съездом Советов. Таким образом, Коммунистическая партия вывела страну из мировой империалистической войны.

Сразу после VII съезда РКП(б) ЦК и СНК приняли решение о переносе столицы Советского государства в Москву и переезде туда всех центральных учреждений. Переезд должен быть осуществлен с 10 по 12 марта. На Н. И. Подвойского была возложена не только переброска Наркомата по военным делам, но и организация вместе с ВЧК военной охраны правительственных поездов.

Н. И. Подвойскому надо было думать, что делать с семьей. Он знал, что Советское правительство, спасая будущее страны, решило эвакуировать из голодающего Петрограда детей рабочих и красноармейцев, ушедших на фронт. В Петрограде им грозила беспризорность, а может быть, голодная смерть. По решению ПК Нина Августовна была включена в комиссию по эвакуации детей и получила задание вместе с другими большевичками сопровождать эшелоны и налаживать быт и учебу детей на месте.

Вырвавшись к семье, Николай Ильич не застал Нину Августовну дома. Она появилась на квартире лишь поздно вечером, когда Николай Ильич, всласть навозившись с детьми, уложил их спать. Нина Августовна еле держалась на ногах от усталости. Тревога о детях, оставленных под присмотром десятилетней Олеси, не давала ей покоя весь день. Теперь, придя домой и увидев Николая Ильича, она имела полное право сказать ему: «Появился наконец!» Но она не сказала этого, а лишь слабо улыбнулась, посмотрев в его воспаленные глаза.

— Как наши дела, Нинуша? — спросил Николай Ильич.

— Еду в Миловку Уфимской губернии, — вздохнула Нина Августовна. — Там организуется детская колония-коммуна. Заведовать ею будет Комаровская. А я назначена туда инспектором-организатором.

Николай Ильич встал и заходил по комнате.

— Что будем делать со своими детьми? — спросил он.

— На твою помощь у меня надежды не было. Пришлось решать самой, — Нина Августовна помолчала. — Здесь их оставить не с кем. Да и кормить их уже совсем нечем... Мне предложили отправить их вместе с эшелонами. Это разумно. Завтра уходит первый эшелон. Его сопровождает Комаровская. Олеся, Лева и Лида поедут с этим эшелоном. Ниночку отправить с ними не могу — ей же и двух лет нет. Она будет со мной. Мы выедем с последним эшелоном.

...Разлука с семьей...Нина Августовна увидела, как сразу сник Николай Ильич.

— Николушка, у нас другого выхода нет, — сказала она. — Ведь решение о моем назначении уже состоялось.

Николай Ильич молчал.

— Давай я тебе, Нинуша, помогу собрать пожитки, — сказал он наконец.

Нина Августовна удивленно посмотрела на него.

— Совсем ты, Николушка, отбился от дома. Что собирать-то? Каждый свои пожитки носит на себе.

Утром Николай Ильич ушел организовывать переезд наркомата в Москву. Его семья выехала в Уфимскую губернию. Тогда никто не знал, что всего через три месяца эвакуированные дети окажутся в самом пекле гражданской войны, в центре спровоцированного международным империализмом мятежа белочехов.

В Москве руководители партии и правительства поселились в гостинице «Националь», названной 1-м Домом Советов. Были организованы и другие Дома Советов. Н. И. Подвойскому была предоставлена маленькая комнатка в гостинице «Метрополь», где обосновались работники Наркомата по военным делам и их семьи. Члены правительства по решению ЦК РКП(б) были поставлены на партийный учет на заводы и фабрики. Н. К. Крупская и Н. И. Подвойский встали на партучет в парторганизацию «Трехгорной мануфактуры».

Через несколько дней после переезда в Москву Н. И. Подвойского вызвал к себе Я. М. Свердлов.

— Ну что, Николай Ильич, — сказал он. — Старой армии практически уже нет. Сегодня ЦК принял решение ликвидировать «Военку».

Хоть и ждал этого Николай Ильич, но похолодело у него внутри. Сколько сил отдано «Военке», сколько дел она сделала!

— Не жалейте, — подбодрил Яков Михайлович Подвойского. — Она свою задачу выполнила.

16 марта Н. И. Подвойский провел последнее заседание Военной организации при ЦК партии. Бюро приняло резолюцию, в которой подвело итоги своей почти годовой деятельности. Они состояли в том, что в значительной мере благодаря усилиям «Военки» армия из опоры старого режима превратилась в одну из главных сил революции, что после победы Октябрьской революции Военная организация активно участвовала в вооруженной защите Советской власти, а потом влилась в Красную Армию, составив кадровый костяк ее первых отрядов.

Трудности борьбы с наступлением регулярной германской армии настоятельно требовали перестройки военного дела, реформы военного ведомства. 3 марта В. И. Ленин подписал декрет СНК об образовании Высшего Военного Совета (ВВС). 19 марта СНК окончательно определил состав Высшего Военного Совета. Его председателем и наркомом по военным делам был назначен Л. Д. Троцкий, оставивший после заключения Брестского мира пост наркома по иностранным делам, членом ВВС — Н. И. Подвойский. Их заместителями стали Э. М. Складанский и К. А. Мехоношин, военным руководителем — М. Д. Бонч-Бруевич. 1 апреля В. И. Ленин в телеграмме на имя Н. И. Подвойского сформулировал задачи нового высшего оперативного органа военного управления.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

...Был поздний вечер 24 апреля 1918 года. Н. И. Подвойский торопливо вошел в свой номер в гостинице «Метрополь». Быстро собрал пожитки. А их было всего ничего — один портфель, как и подобает профессиональному революционеру. Личных ценностей две: швейцарский хронометр и тощий конвертик с фотографиями семьи. Он посидел, перебрал фотографии. Второй месяц пошел, а от семьи — ни единой весточки. Лишь по данным Совнаркома да от Н. К. Крупской он знал, что эшелоны с детьми благополучно прибыли на место, идет процесс устройства и налаживания жизни колоний-коммун. Николай Ильич обвел грустным взглядом комнату, холодную, неуютную — все чужое, казенное. К счастью, ничто уже не связывало его с этим номером. Мысленно он был уже в дороге. «Теперь мой дом — штабной вагон, — подумал он. — На сколько? На полгода? На год?» Николай Ильич чувствовал в душе подъем. Ведь именно о такой работе, какие бы трудности она ни несла, о такой жизни, какие бы опасности она ни таила, он мечтал! Николай Ильич энергично встал, накинул на плечи шинель. Закрыв номер, он легко сбежал по лестнице, отдал дежурному ключ.

— Надолго? — удивился дежурный, так как один ключ обычно был у жильца.

— Насовсем! — улыбнулся Николай Ильич и шутливо взял «под козырек».

Он сел в поджидавший его автомобиль.

— На Курский вокзал! — сказал Николай Ильич шоферу. — Только провезите по Красной площади и по Тверской.

На перроне его встретил знакомый по Питеру балтийский матрос И. П. Приходько. Они вместе осмотрели поезд. Николай Ильич вошел в специальный вагон, здесь было просторное штабное купе — его рабочее место. Он толкнул дверь в соседнее купе и увидел аккуратно заправленную чистым бельем и покрытую суконным солдатским одеялом полку. «Курорт!» — Подвойский повернулся к Приходько:

— Спасибо за заботу. Как поезд отойдет, пригласите ко мне Балтийского.

Николай Ильич разделся, повесил шинель. Лязгнули буфера, качнулся и поплыл вагон. Миновали полутемный Курский вокзал, пристанционные здания. Николай Ильич задернул шторы и сел за стол...

Какой день! Как круто изменилась жизнь! Совсем недавно, сдав дела, связанные с наркоматом, Н. И. Подвойский немедленно включился в работу Высшего Военного Совета. Заполыхавшая повсеместно гражданская война и начавшаяся интервенция потребовали стремительного завершения начального периода строительства Красной Армии, то есть отказа от неизбежной в первое время пестрой отрядности и выборности командиров, перехода к плановому ее строительству с привлечением офицеров и генералов старой армии, знающих военную науку и имеющих военный опыт.

Н. И. Подвойский видел, что добровольческий принцип комплектования Красной Армии, позволивший развернуть ее за два месяца до 150 тысяч человек, должен был вскоре уступить место военной повинности. Следовательно, размышлял он, нужны будут специальные, подчиненные центру органы, которые займутся учетом и призывом годного к военной службе населения. Взвесив все это, Николай Ильич по своей инициативе приступил к поиску новых форм и методов военного строительства. 29 марта он написал военному специалисту А. М. Мочульскому записку, в которой дал задание разработать структуру и функции местного военного комиссариата, наметить план дальнейшего развертывания Красной Армии на основе принципа всеобщей воинской повинности. В этих заданиях, по убеждению Николая Ильича, была заложена ближайшая перспектива военного строительства. Он высказал свое мнение М. Д. Бонч-Бруевичу. Их точки зрения совпали. М. Д. Бонч-Бруевич вышел с соответствующими предложениями в наркомат, СНК, ВЦИК.

8 апреля 1918 года СНК принял декрет, которым предписывалось создать в волостях, уездах, губерниях и округах военные комиссариаты. На них возлагалось проведение в жизнь плана формирования вооруженных сил республики. 22 апреля ВЦИК принял декреты: «Об обязательном обучении военному искусству», «О порядке замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Наркомвоен определил единые штаты подразделений, частей и соединений Красной Армии. Эти декреты юридически закрепляли переход к качественно новому этапу советского военного строительства.

Начался новый период и в жизни и деятельности Н. И. Подвойского. Его вызвал Я. М. Свердлов и сказал:

— ЦК решил поручить вам, Николай Ильич, возглавить Высшую Военную Инспекцию. Приказ о ее образовании и ваших военных задачах на днях будет.

— Я готов, Яков Михайлович, — мгновенно отреагировал Подвойский.

— Не сомневаюсь... Экстренность создания военных комиссариатов, развертывания Красной Армии и военной учебы населения вам понятны. Я не ради этого вас пригласил...

Яков Михайлович чуть помолчал.

— Кандидатура ваша выбрана не случайно. Дело в том, что на местах обнаружилось много недостатков в строительстве советского аппарата.

Я. М. Свердлов рассказал Николаю Ильичу, что кое-где, кроме Советов, еще остались военно-революционные комитеты. Дробится власть, они дублируют друг друга. А подчас и конфликтуют друг с другом. По декретам же вся власть должна принадлежать Советам. Разнобой и с организацией исполнительной власти. В некоторых губерниях и даже в уездах создают свои «совнаркомы», «наркоматы», то есть бездумно копируют центр. А по декретам все вопросы должны решать исполкомы Советов. Происходит это потому, что к управлению пришли тысячи и тысячи людей. Но не все они к этому готовы. А обстановка очень сложная и трудная.

— ...Короче говоря, — сказал Я. М. Свердлов, — местным партийным комитетам и Советам надо помочь. Проверить и помочь. ЦК и ВЦИК считают, что вам это по плечу.

— Спасибо за доверие, — искренне отозвался Николай Ильич.

— Да, это — доверие. Мы наделяем вас, Николай Ильич, чрезвычайными полномочиями. Вы едете как представитель ЦК партии и можете участвовать в работе губернских съездов партии и решать там все вопросы. Вы наделяетесь полномочиями представителя ВЦИК и СНК и в этом качестве имеете право решать все вопросы с местными Советами, должны помочь им наладить работу. Что касается военных вопросов, то вы наделяетесь правом не только контролировать работу местного военного аппарата, но и производить смещение и назначение работников и издавать приказы Высшей Военной Инспекции, действительные для всей Красной Армии.

Яков Михайлович встал, прошелся по кабинету:

— Мы сейчас не можем представить конкретно, с чем вам придется столкнуться. Поэтому даем вам все необходимые права и рассчитываем, что на месте разберетесь сами и, пользуясь ими, примете необходимые решения и меры. Текущие военные вопросы решайте с Троцким. Ваши выводы и предложения о работе партийных комитетов и Советов шлите в ЦК, ВЦИК, СНК, если надо — Ленину и мне. Это касается и

принципиально новых предложений по военному вопросу — их мы должны получать из ваших рук. Состав Инспекции комплекуйте сами. ЦК выделит вам 2–3 опытных работника.

24 апреля 1918 года приказом Йаркомвоена № 303 была образована Высшая Военная Инспекция (ВВИ). Председателем ее был назначен Н. И. Подвойский. Он в тот же день издал приказ ВВИ № 1, в котором объявил состав Инспекции. В нее вошли 22 человека — партийные и военные работники, а также пять военных специалистов старой армии. Заместитель наркома путей сообщения В. И. Невский помог быстро сформировать специальный поезд: площадки с двумя автомобилями, а также несколько вагонов, в которых размещались члены ВВИ, отряд матросов и команда пулеметчиков. Комендантом поезда ВВИ был назначен участник штурма Зимнего дворца и первый его комендант И. П. Приходько. К исходу 24 апреля, то есть менее чем через сутки после подписания приказа о создании ВВИ, ее поезд вышел из Москвы в Орел...

Не привыкший терять времени зря, Н. И. Подвойский решил сразу, как только отойдет поезд, обстоятельно переговорить с бывшим генерал-майором А. А. Балтийским. Он был назначен главным военным специалистом ВВИ. А. А. Балтийский был образованным и опытным военным. Окончил Морскую академию и Академию Генерального Штаба, участвовал в первой мировой войне, был помощником начальника Генштаба. С кем, как не с ним, можно было максимально продуктивно и конкретно обсудить те вопросы военного строительства, окончательное решение которых никак не давалось. Николаю Ильичу хотелось выяснить, как смотрит А. А. Балтийский на переход к строительству Красной Армии по единым штатам, на отказ от выборности командиров, что он видит общего и особенного в старой и новой армии.

...В купе вошел Балтийский и сделал легкий поклон.

— Садитесь, пожалуйста, Александр Алексеевич, — пригласил его Николай Ильич. — Не спите еще?

— Генштабисты не приучены ни рано ложиться, ни долго спать. Работа, не отключаясь, есть форма их существования.

— Тогда из меня тоже получился бы генштабист, — засмеялся Николай Ильич. — Сколько себя помню, именно так и живу.

Николай Ильич подвинул Балтийскому стакан и кивнул на чайник. Завязалась беседа. Она касалась предстоящей инспекционной работы, формирования частей Красной Армии, необходимости единых штатов, формы одежды и так далее. Некоторая скованность генерала в начале

разговора вскоре исчезла, он видел искреннюю заинтересованность Подвойского в общении с ним, со специалистом.

— ...Я хотел бы вас спросить, Александр Алексеевич, о солдатской казарме. Мне приходилось много раз бывать в казармах-в семнадцатом году и раньше, в 1905 году, в Ярославле. Я там работал... — Николай Ильич помедлил, — ...точнее, вел революционную работу в Фанагорийском полку. Мне тогда казалось, что вся казарменная жизнь есть кошмар, придуманный офицерами и унтерами.

Балтийский с любопытством посмотрел на Подвойского.

— Я наблюдал, например, многочасовые строевые занятия на плацу. Три-четыре часа выполнять одни и те же движения под зверские крики унтера! Зачем это?

Николай Ильич встал, остановив жестом Балтийского, хотевшего тоже подняться, прошелся несколько раз по купе-кабинету.

— ...Муштра была главным в старой армии. Муштра и казарма, — продолжал Николай Ильич. — Казарма, я думаю, давит на личность. К этому добавляется одинаковая форма, одинаковая стрижка... Все одинаковые. Всякие оригинальные качества личности счищаются, как на гигантском фрезерном станке. Казарма и муштра — это гигантский фрезер. Резец его пройдет по роте раз-другой и отсечет все неодинаковое. А через год? — Подвойский взглянул на Балтийского.

— А через год, — спокойно ответил тот, — будет сколоченное подразделение, Николай Ильич. Без этого нельзя. Рота должна по команде встать и пойти на любое дело. Даже на смерть.

Николай Ильич внимательно слушал генерала.

— Да, да! — продолжал Балтийский. — И это вырабатывается в казарме и на плацу. Именно там солдату прививается чувство, что он как все, что все солдаты равны, одинаковы... в одежде... в поведении, что он часть чего-то большего. Именно там, если хотите, у солдата притупляется ощущение собственного «я».

— И в мыслях?

— Да, и в мыслях, если угодно.

Подвойский вновь зашагал по купе — четыре шага туда, четыре обратно.

— Ну а строевая муштра?

— Вы ведь знаете, Николай Ильич, что во всех армиях все делается по команде, одновременно. Это только несведущие люди думают, что это для красоты или потому, что так принято. Военный профессионал здесь смотрит глубже. К действиям по команде — одновременно — надо

приучить. И потому не зря часами проводятся строевые и так называемые тактико-строевые занятия. Это ведь тренировка солдата, отделения, взвода, чтобы они все и всё делали враз, ни на секунду позже или раньше. А потом по команде офицера рота, не колеблясь и не раздумывая, подымается в штыки.

— Разве только поэтому?

— Человечество, точнее армии, к этому шли веками, — устало произнес Балтийский.

— Красногвардейцы под Гатчиной подымались и без такой тренировки!

Александр Алексеевич улыбнулся.

— Насколько мне известно, Красная гвардия тоже занималась строевой подготовкой и тактикой. — Своей улыбкой Балтийский намекал, что именно Подвойский был одним из инициаторов таких занятий. — Пока солдат не почувствует себя частью взвода или роты, он еще не солдат. Для профессиональных военных это элементарно, азы, так сказать. Муштра, как вы изволили выразиться, а я бы сказал — строевая тренировка, а также казарма объективно необходимы. Без них нет регулярной армии. Без них нет особой военной дисциплины.

— И для Красной Армии? — Николай Ильич в упор посмотрел на Балтийского.

— Да, — твердо ответил Балтийский. — Если вы хотите иметь регулярную армию.

— Не вы, а мы с вами, Александр Алексеевич!

Тот согласно кивнул. Николай Ильич прошелся еще раз и вдруг резко повернулся к сидящему Балтийскому.

— А мы обогатим опыт, как вы выразились, человечества и армий. Мы казарму сделаем школой. Мы просветим солдата! Мы не оболваним его по единому образцу, а разовьем его, сделаем личностью!

Александр Алексеевич вопросительно посмотрел на Подвойского.

— Да, да, — все более загорался Николай Ильич. — Мы откроем в казармах школы для неграмотных, создадим клубы. У нас уже был в Петрограде клуб «Правда» для солдат. Заведем книги, пусть в полках будут свои библиотеки. Мы приобщим всех к политике! Наш солдат пойдет в штыки не только потому, что команда подняла... Вот только подготовленных организаторов у нас пока нет, — с огорчением произнес Николай Ильич, — придется подключать коммунистов из местных. Но наступит время, и в армии будет свой аппарат для этой работы. Непременно! Мы сделаем армию школой! Даже через старую армию мы

дали деревне тысячи агитаторов-организаторов. А через Красную Армию мы будем ежегодно давать республике в десятки раз больше настоящих политических бойцов. Казарму оставим, но она будет другой!

Эта беседа обогатила обоих.

— Мне, видимо, придется кое-что пересмотреть в своих взглядах, — сказал, уходя, Балтийский. — Так что я рад состоявшемуся разговору.

Н. И. Подвойский же был благодарен генералу за то, что тот высказал много интересных мыслей и по поводу проблем новой армии, и по поводу предстоящей инспекционной поездки.

В Орле, а потом и в Брянске ВВИ обнаружила, что местные работники, всецело поглощенные сиюминутными задачами, к выполнению апрельских декретов в области военного строительства еще не приступали. Инспектировать было нечего. Н. И. Подвойский сформировал в обоих губернских городах губвоенкоматы, и ВВИ вместо инспектирования включилась в работу по реформированию пестрых, разношерстных отрядов Красной Армии в штатные боевые единицы.

Состояние военного строительства в Орле и Брянске убедило Николая Ильича в том, что необходимо как можно быстрее объехать города Центра, чтобы дать толчок к выполнению декретов ВЦИК и СНК. На совещании работников ВВИ он сформулировал главный принцип работы Инспекции: ВВИ должна не только инспектировать, но и активно участвовать в решении всех насущных вопросов на местах и не уезжать до тех пор, пока не будет налажено дело и произведены все назначения и перемещения.

Из Брянска Н. И. Подвойский спешно направил поезд ВВИ в Курск, который тогда напоминал столицу независимого государства. Им управлял «большой» и «малый» «совнаркомы». В нем создавалась «Курская красная армия». Подвойскому было известно, что там восстал гарнизон, в котором верховодил отряд анархистов-моряков Карцева. Анархисты разгромили местный Совет, убили военного комиссара и нескольких коммунистов-руководителей, грабили население, магазины, «именем революции и Красной Армии» реквизировали все, что понравится. Местная власть ничего не могла поделать, ибо у анархистов, по слухам, было несколько тысяч штыков.

По дороге к Курску Николай Ильич пригласил к себе коменданта поезда, который одновременно был и командиром боевого отряда ВВИ. Когда Приходько втиснулся в узкую дверь купе, Николай Ильич невольно залюбовался своим боевым помощником: атлетическая фигура, широкие клещи, сдвинутая чуть набок бескозырка, маузер на ремне, твердый взгляд. От этого балтийского моряка веяло спокойной силой и основательностью.

— Сколько у нас штыков? — спросил Николай Ильич у Приходько.

— Двести, если считать членов Инспекции.

— В Курске анархисты не признают Советскую власть. Надо разоружить их отряды. Но их больше тысячи человек, некоторые говорят, что несколько тысяч. — Подвойский испытующе посмотрел на Приходько.

Но Приходько был спокоен. Он помолчал, разгладил усы, потом сказал:

— Можно. Тем более — анархистов. Они лишь против лавочников молодцы. Да и вряд ли их несколько тысяч — анархисты такими большими группами не держатся. А разоружать надо не сразу, а по частям. Хорошо бы их накрыть на рассвете, когда они после пьянки отсыпаются.

Вошел помощник Николая Ильича Ф. В. Владимиров. Вместе прикинули несколько вариантов.

— Николай Ильич, — сказал Владимиров, — вас знают и по семнадцатому году, и как наркома, а теперь как члена Высшего Военного Совета. Вы — власть. Это важное преимущество.

— Верно, — добавил Приходько. — Они уже знают, с кем им придется иметь дело. Телеграмму о вашем приезде я дал еще из Брянска.

Подвойский понимал, что это давало некоторое преимущество, но только психологическое.

— ...У нас две машины и пулеметы, — продолжал Приходько. — Есть матросы и солдаты. Мы подъедем вечером. Надо пустить по городу несколько раз на машинах моряков с пулеметами; разок — в белых форменках, другой — в синих, потом — солдат. У страха глаза велики. У меня среди пулеметчиков есть латыш. Мы его и пару матросов выпустим на перрон, можно и недалеко в город. Они пустят слух, что Подвойский привез полк моряков и латышских стрелков — ночью все равно не разберут, сколько нас. Через час весь Курск будет знать о нашей «силе». Я эту анархистскую братву знаю, она сразу за свою шкуру подумает.

Другого выхода не было. Решили рисковать.

Почти стемнело, когда поезд ВВИ подошел к станции Курск-1. Быстро сгрузили машины. Моряки в синих форменках с четырьмя пулеметами рванулись в город. Изредка постреливая, проскочили мимо гимназии, где расположились анархисты, и гостиницы — их штаба. Потом по другим улицам проехали солдаты-пулеметчики, а когда стемнело — моряки в белых форменках.

Тревожная ночь опустилась над Курском. В поезде ВВИ не спали. Сюда по вызову Н. И. Подвойского приехали несколько работников

губкома. Николай Ильич спросил, есть ли у них хоть небольшие, но надежные красноармейские отряды или отряды из рабочих. Они были. Николай Ильич ввел губкомовцев в план операции и поручил им на рассвете разоружить мелкие анархистствующие отряды. На себя ВВИ взяла разоружение главного отряда, расположившегося в гимназии.

Ночью, как и предполагали работники ВВИ, главари анархистов сбежали. На рассвете их отряды были захвачены врасплох и взяты под стражу. Советская власть в Курске была восстановлена.

— ...К исходу дня назначаю чрезвычайное заседание ваших «совнаркомов», «большого» и «малого», — сказал Н. И. Подвойский губкомовцам. — Л сейчас Инспекция приступит к проверке военной работы в гарнизоне.

ВВИ, разбившись на группы, разъехалась в части. С одной из групп поехал и Николай Ильич.

К полудню, как было условлено, работники Инспекции вернулись в поезд ВВИ. Надо было составить общее впечатление о гарнизоне. Оно оказалось неблагоприятным, Старые военные специалисты из ВВИ были просто в подавленном состоянии от всего увиденного. Солдатские помещения — грязные, забитые поломанной мебелью, практически не охраняемые — с большим трудом можно было назвать казармами. По углам и вдоль стен стояли ржавые винтовки русского, австрийского, французского и другого производства. Оружие за солдатами не было закреплено — каждый знал свою винтовку «в лицо» и помнил, где она поставлена. Боевой учебы не было. Газеты до казарм почти не доходили. Красноармейцы были грязные, небритые, одетые кто во что...

Н. И. Подвойский слушал доклады инспекторов, делал пометки в блокноте.

— Наш долг — сделать в Курске образцовый гарнизон, — сказал Николай Ильич. — Срок — пять дней.

Военспецы переглянулись. А Подвойский продолжал:

— Переходим на круглосуточную работу. Не давать спать и местным работникам. Сейчас каждому продумать, что надо сделать по его специальности. Вы, товарищ Петров, и вы, Александр Алексеевич, — повернулся он к Балтийскому, — спланируйте последовательность и объем работ в частях. Владимиров пойдет со мной. Через час — сбор.

Николай Ильич ушел в штабное купе, где продиктовал Владимирову два приказа. Первый — о разоружении и отдаче под суд отряда моряков-анархистов. «За участие в перевороте 10 апреля 1918 года, — говорилось в приказе, — результатом чего Курский Совет Народных Комиссаров был

фактически упразднен, за неподчинение Советской власти... за антисемитизм, пьянство, ночные налеты... приказываю у отряда военных моряков отобрать оружие и военное имущество, принадлежащее РСФСР, и предать всех суду революционного трибунала». Согласно приказу разоружению подлежали и несколько красноармейских отрядов, причастных к анархистской «вольнице». Другим приказом Н. И. Подвойский снял с должности и отдал под суд военного трибунала военного руководителя Курского района.

Николай Ильич вернулся к собравшимся работникам ВВИ, утвердил их предложения, порядок работы и отправил их в части. Сам же с Владимировым поехал в губ-ком. Посоветовавшись с губкомовцами, Н. И. Подвойский подписал приказ о назначении военным руководителем Курского района В. П. Глаголева, а военным комиссаром — А. Г. Еурле. Коллективно определили основной состав губвоенкомата.

Во второй половине дня курский «совнарком» собрался на чрезвычайное заседание. На него были приглашены партийный актив, командиры и комиссары частей. В своем выступлении Н. И. Подвойский сначала коснулся вопросов советского строительства. Он разъяснил соотношение центральной и местной власти, вопросы централизма и демократии, коллегиальности и единоначалия, показал всю нелепость стремления курян слепо копировать центральные органы власти, создавать чуть ли не особую Курскую республику, предложил перестроить местные органы власти в соответствии с общепринятой в стране структурой. Вторую часть речи И. И. Подвойский целиком посвятил политике партии в области военного строительства. Пользуясь данными, полученными Инспекцией, он показал неудовлетворительное состояние военной работы в гарнизоне и губернии.

— Высшая Военная Инспекция, — заключил Н. И. Подвойский, — не уедет из Курска, пока вместе с вами не приведет военную работу в соответствие с требованиями апрельских декретов ВЦИК и СНК. Я прошу губком и Совет выделить нам в помощь своих ответственных и полномочных работников.

Четверо суток члены ВВИ, губкомовцы, командиры и комиссары наводили порядок в частях. К вечеру 30 апреля красноармейцами были отмыты казармы, отремонтирована мебель, составлены списки имущества. Под руководством опытных солдат было тщательно вычищено оружие. В подразделениях командиры составили списки красноармейцев, в которых каждый расписался за врученное ему оружие. По приказанию Н. И. Подвойского несколько инспекторов и комиссаров обследовали

расположенный в Курске склад старой армии. В нем оказалось вещевое имущество. Николай Ильич тут же распорядился выдать каждому красноармейцу по комплекту обмундирования, а также по тюфяку и одеялу. Каждая рота была снабжена машинкой для стрижки волос, бритвенными 11 рипадажн остями.

...День 1 Мая — международного пролетарского праздника — выдался погожим. По предложению Н. И. Подвойского утром политические работники ВВИ, члены губкома и Совета выехали в части, где провели праздничные митинги, а затем вместе с красноармейцами вышли на улицы. Куряне были изумлены. Еще педелю назад их терроризировали полупьяные, расхлябанные анархисты. Теперь они увидели шагающих в строю чисто и одинаково одетых, выбритых, со сверкающими на солнце винтовками, улыбающихся красноармейцев. В центре города состоялся митинг красноармейцев и тысяч курян.

Вечером И. И. Подвойский собрал в губкоме работников ВВИ, губкома, Совета, губвоенкомата, командиров и комиссаров частей. Он подвел итоги проделанной работы и определил задачи на будущее.

— Теперь, — сказал Николай Ильич, — надо наладить ежедневную боевую и политическую учебу красноармейцев. Как это сделать, вам расскажут инспектора. А я доведу до вас несколько приказов. Они родились здесь, в Курске, и вам первыми их выполнять. Но мы их разошлем, они будут действовать во всей Красной Армии. — И Подвойский развернул перед присутствующими продуманную им программу превращения казармы в школу.

Прежде всего Николай Ильич объявил приказ ВВИ № 31. «Производить, — говорилось в нем, — ежедневно воинское обучение в течение пяти часов. В шестой час проводить занятия политической грамотой, для чего военный комиссариат должен назначить в каждую воинскую часть ответственного политического руководителя. Занятия политической грамотой производить по утвержденной мною программе».

— ...Товарищ Петров, — обратился Николай Ильич к руководителю агитационной работы ВВИ, — раздайте комиссарам программу.

После раздачи программы Н. И. Подвойский объявил приказ № 32. «Приказываю, — читал Николай Ильич, — Курскому губвоенкомату с 5 мая открыть красноармейский клуб, в котором ежедневно читать лекции для красноармейцев и рабочих... В каждой части читать не менее двух лекций в неделю».

Следующим приказом местные военные власти, в том числе в Орле и Брянске, обязывались до 5 мая открыть в частях читальни, до 25 мая —

библиотеки. Николай Ильич сообщил также, что в Брянске им учреждена экспедиция по рассылке московских газет, а в Орле — агентство.

— ...Центральные газеты «Правда», «Известия», «Беднота» через читальни должны быть доступны каждому красноармейцу, — подчеркнул он. — И еще один важный вопрос, — продолжал Подвойский. — Мы в два-три дня подготовим вам список проступков, разбитых по категориям, на основании которого командиры смогут определять дисциплинарные взыскания провинившимся. Это будет что-то вроде временного дисциплинарного устава.

...Присутствующие еле успевали записывать указания И. И. Подвойского. Одни из них удовлетворенно кивали головой, дескать, наконец есть твердые установки. Другие хмурились и вздыхали, видимо, сожалея о прежней вольной жизни. Кто-то предположил, что такие крутые перемены, жесткий порядок и дисциплина отпугнут добровольцев от Красной Армии. Николай Ильич ждал подобных высказываний. Поэтому ответил сразу и определенно:

— Вы что же думаете, что добровольческая Красная Армия будет без дисциплины? В ней дисциплина будет крепче, чем в старой армии. Только это будет самодисциплина, как в партии. А кому она не нравится, тому не место в добровольческой Красной Армии. Поймите, наконец, что добровольческая Красная Армия не сегодня, так завтра будет костяком миллионной армии, укомплектованной по призыву. Так это, действительно, должен быть костяк!

В последующие дни работники ВВИ по-прежнему трудились день и ночь. Зная Николая Ильича, они и не рассчитывали на передышку до самого отъезда. Лишь перед рассветом засыпали на пару часов, не более. Не спал лишь И. П. Приходько, отвечавший за охрану поезда, да пробивался через щели свет из штабного купе Н. И. Подвойского.

Он в эти предутренние часы дорабатывал и шлифовал статью «Подготовка командного состава». Каждый день давал ему новый материал. В статье были его самые выстраданные, выношенные под Петроградом, Псковом и Нарвой мысли о новых качествах красного командира, о необходимости плотного соединения теории и практики, знаний и умения. Без такого единства настоящего командира Красной Армии подготовить нельзя — был уверен Подвойский.

В ночь на 4 мая был назначен отъезд Инспекции в Москву. Как только отстучали колеса на стрелках станции Курск-1, в штабной вагон собрались работники ВВП.

— Мы поработали в трех городах, — обратился к ним Николай Ильич.

— Много сделали, много получили материала для размышлений. Поэтому по приезде в Москву даю 24 часа на его обобщение, потом — 24 часа на отдых и устройство домашних дел. А сейчас до самой Москвы всем спать.

Расходились не задерживаясь. Уходя одним из последних, А. А. Балтийский, улыбнувшись, заметил:

— Я убедился, что из вас, Николай Ильич, вышел бы хороший генштабист — у вас тяга к круглосуточной работе.

Николай Ильич ответил без улыбки:

— Мне не приходилось наблюдать настоящий генштаб в деле. Но «Военка» с июня и Военно-революционный комитет, за которые мне пришлось отвечать, работали круглые сутки. Время такое. Я считаю недостаточным, чтобы человек усердно занимался нашим делом. Мне надо, чтобы он жил только им 24 часа в сутки.

Поезд шел по тому времени довольно быстро. На маленьких станциях не останавливались, на больших — стояли недолго: железнодорожники старались пропустить поезд ВВИ без больших остановок.

На каждой крупной станции И. П. Приходько выпрыгивал из вагона и обходил состав, проверяя караулы.

В Москве поезд не расформировывали. Прямо в вагонах были подготовлены итоговые материалы. Николай Ильич знал, что через несколько дней снова в дорогу, поэтому остался жить в штабном вагоне.

Доклад о работе ВВИ был представлен в ЦК, ВЦИК, СНК и Наркомвоен. Н. И. Подвойский встретился с Л. Д. Троцким, намереваясь устно, в деталях изложить ему свои впечатления о ходе военного строительства, внести предложения по его ускорению. Но Троцкий особого интереса к работе ВВИ не проявил. Подвойского это, впрочем, не удивило, ибо он достаточно хорошо знал Троцкого, который редко спускался с высот «большой политики» до каких-то там практических дел. Не вникая в детали, он разрешил Подвойскому пополнить ВВИ и выехать во вторую поездку.

Николай Ильич несколько раз беседовал с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым. У них он встретил подлинный интерес к своим наблюдениям и предложениям. Именно в эти дни В. И. Ленин и Я. М. Свердлов разослали местным Советам директиву, в которой разъяснялась срочность повсеместного создания военкоматов; было принято постановление ЦК РКП(б) об обязательном обучении коммунистов военному делу. Вскоре В. И. Ленин подписал телеграмму, адресованную всем местным Советам, об огромном значении работы по созданию Красной Армии. В Наркомате по военным делам при активном содействии Н. И. Подвойского был оформлен

приказ об учете и порядке назначения на должности старых военных специалистов. Для отбора кандидатов была создана Высшая аттестационная комиссия, во главе которой, по рекомендации Николая Ильича, был поставлен бывший полковник А. И. Егоров. Вместе с Н. И. Подвойским он работал в январе над проектом декрета о Красной Армии. Впоследствии А. И. Егоров стал одним из первых Маршалов Советского Союза. При деятельном участии Н. И. Подвойского была разработана и объявлена приказом структура Всевобуча. Подписывая этот приказ, Николай Ильич не предполагал, что через некоторое время Всевобуч на несколько лет станет для него главным делом...

10 мая Н. И. Подвойский собрал работников ВВИ, представил новых сотрудников, ознакомил всех с № 103 газеты «Известия Наркомвоен». В ней была дана оценка работы ВВИ: «Опыт, который приобретен Инспекцией за первую поездку, — писала газета, — показал всю насущную необходимость таких инспектирований, так как они дают полную возможность убедиться в дефектах управления, внести исправления в общегосударственном масштабе». Поддержка газеты была очень кстати, так как подымала авторитет ВВИ и вдохновляла ее работников, признав их труд крайне необходимым и полезным.

Для наглядного показа частям строевой и тактической выучки в состав ВВИ была включена рота Образцового советского полка, которая, кстати, усилила военную мощь Инспекции, что, судя по событиям в Курске, было крайне необходимо. Для печатания приказов и инструкций в поезде ВВИ организовали небольшую типографию, взяли с собой кинопроектор с лентами и граммофон с пластинками.

Николай Ильич определил маршрут второй поездки: Орел — Рязань — Тамбов — Саратов.

Главная задача работы в Орле — проверить выполнение указаний ВВИ и разосланных ею из Курска приказов — была решена в один день. Николай Ильич спешил в Рязань. Я. М. Свердлов еще в Москве сказал Н. И. Подвойскому, что в Рязанской губернии сложилось трудное положение. Губернская партийная организация большевиков была немногочисленной. В ряде Советов и государственных учреждений влияние левых эсеров было очень сильным. А они, как и всюду, противодействовали проведению в жизнь декретов Советского правительства, в том числе и в области военного строительства. В Рязани существовал не только губернский Совет, но параллельно с ним действовал и военно-революционный комитет, в котором верховодили левые эсеры. 17 апреля, когда на пленарном

заседании губсовета был поставлен вопрос о выборе политического комиссара при военном руководителе, военно-революционный комитет послал вооруженный отряд и разогнал заседание Совета. 18 апреля В. И. Ленин, выступая на заседании ВЦИК, говорил: «Вот здесь недалеко от Москвы, в Рязанской губернии, я наблюдал такого рода явление. Совет есть. Помимо Совета есть Военно-революционный комитет. Военно-революционный комитет считает себя автономным... не подчиняется Совету, а поэтому и Совет ничего не может сделать для центральной власти».

Левые эсеры выступали против создания дисциплинированной регулярной Красной Армии. Они сопротивлялись переформированию отрядов в штатные подразделения и части, протестовали против отмены выборности командного состава, провозглашали оппортунистический лозунг «всеобщего вооружения» без классового подхода к этому вопросу. Им вторили сторонники «левых коммунистов», считавшие, что укрепление дисциплины и использование бывших офицеров и генералов в Красной Армии есть возврат к старому режиму в армии, даже восстановление старой армии.

Яков Михайлович предупредил Подвойского, что в ближайшие дни в Рязани предстоит III губернский съезд Советов, на котором должны будут решаться вопросы советского и военного строительства. Левые эсеры, говорил Свердлов, рассчитывают получить на съезде большинство со всеми вытекающими последствиями. Для этого в Рязань выехала целая делегация партии левых эсеров во главе с одним из ее лидеров — Марией Спиридоновой. Н. И. Подвойскому было поручено провести на съезде большевистскую линию.

14 мая Подвойский с поездом ВВИ прибыл в Рязань. Военный комиссар Яков Никитич Колданов, большевик с 1905 года, участник первой мировой войны и Октябрьской революции, был очень рад подоспевшей поддержке. Его длинное узкое лицо с воинственно торчащими пиками усов излучало неподдельную радость, хотя он знал, что благодарности от Н. И. Подвойского ему получить не за что.

Сразу по прибытии Николай Ильич переговорил с ним и с несколькими работниками губсовета и сообщил, что он и работники ВВИ должны немедленно посетить войсковые части для первого знакомства.

Яков Никитич помрачнел:

— Сами будете смотреть?

— Непременно. И специалисты Инспекции — бывшие офицеры и

генералы, — подчеркнул Подвойский.

— Может, пулеметчиков вывести без оружия? Настроение у них не совсем хорошее. Не резанули бы.

Николай Ильич посмотрел на его озабоченное лицо и сказал:

— Вот с пулеметчиков и начнем. И непременно с оружием. Как же мы с ними будем защищать Советскую власть, если сами их будем бояться?

Через час Н. И. Подвойский в сопровождении Колданова уже обходил красноармейцев пулеметных команд. Одеты они были плохо, многие в лаптях. Лица хмурые, небритые. Пулеметы почищены плохо. Николай Ильич наметанным глазом определил самую «кулацкую. физиономию» пулеметчика и подошел к нему. Пулемет был грязный.

— Как будете стрелять из такого пулемета? — строго спросил он.

— А по ком стрелять? Да и знаем как, не впервой, — нехотя ответил тот, колюче сверкнув маленькими, глубоко посаженными глазками. — Могу и показать...

— Покажете, придет время, — резко ответил Подвойский. — Разобрать пулемет сможете, стрелять умеете? — обратился он к помощнику пулеметчика.

Помощник смущенно замялся, оглядываясь на первого номера и переминаясь с ноги на ногу.

— Почему не учите? — повернулся Николай Ильич к пулеметчику.

Тот вновь сверкнул глазами:

— Пусть пока потаскает «максимку». Меня тоже не враз учить стали.

Желваки заходили на обтянутых кожей скулах Подвойского.

— Кем воевать собираетесь? — обратился он к сопровождавшим его командирам. — Одним номером на пулемет? Монополию развели!

Командиры молчали.

За несколько часов группы ВВИ осмотрели части. Положение было чуть лучше, чем в Курске, но негативное влияние левых эсеров сказывалось, и очень сильно.

Н. И. Подвойский организовал работу по наведению порядка в частях. Сам же, лично, занялся губвоенкоматом и организацией военной власти. Он назначил военным руководителем опытного специалиста, бывшего генерала М. С. Шейдемана, а военными комиссарами — Я. Н. Колданова и М. И. Воронкова. Им было приказано немедленно открыть трехнедельные пулеметные курсы и пропустить через них солдат-пулеметчиков и командиров всех степеней.

Специалисты из военной секции ВВИ разработали инструкцию по уходу за оружием. Приказом ВВИ в ротах были назначены нештатные

оружейники, в задачу которых входило наблюдение за состоянием оружия и его ремонт.

В гарнизоне с помощью работников политической секции Инспекции в каждой части были открыты библиотеки и читальни.

Николай Ильич прочитал в городе две публичные лекции: «Российская Федеративная Республика» и «Что надо ожидать от Рабоче-Крестьянской армии Советской Республики». Выступили с лекциями и работники политической секции.

Особого внимания требовала подготовка к губернскому съезду Советов. Подвойский встретился со многими депутатами-большевиками, губкомовцами, изучил соотношение сил на съезде. Потом собрал командиров и комиссаров из числа депутатов, пригласил губкомовцев.

— Требования партии и правительства по военным вопросам в губернии еще не выполнены, — говорил Н. И. Подвойский. — Выучка войск такова, что в первых же боях всех положим. Эсеры на съезде будут гнуть свою линию — протестовать против дисциплины, против использования старых специалистов, выступать за отрядность, за выборность командиров. Народ они напористый, могут потащить за собой весь съезд. А нам надо во что бы то ни стало провести резолюцию о перестройке военного дела. Выход, я считаю, у нас один — сказать делегатам всю горькую правду об истинном состоянии военного строительства. Убедить их, что дальше так продолжаться не может. Раскрыть эту правду должны командиры и комиссары. А большевики-депутаты, — Николай Ильич обратился к губкомовцам, — должны поддержать их.

На этом совещании договорились, что Подвойский выступит, когда на съезде будет достигнут перелом в настроениях или накалится до предела обстановка.

На съезде, как и ожидалось, левые эсеры сразу попытались повлиять на настроения делегатов. Но их хлесткие выступления звали, по сути дела, в никуда, назад. В них было много «революционных» фраз и мало того, что было связано с конкретными делами. Поэтому после каждого такого крикуна выходил кто-нибудь из командиров частей, советских работников и с цифрами и фактами в руках показывал реальное положение дел в военном строительстве, в хозяйственной работе. Звонкие речи левых эсеров стали вызывать раздражение и возмущение аудитории.

Вот тут-то и взял слово Николай Ильич. Он выступил как представитель ЦК, ВЦИК и СНК. Прежде всего он подробно остановился на вопросах экономической политики Коммунистической партии,

выдвинув в качестве первоочередных задач налаживание учета и контроля, планирования производства, повышение производительности труда, всемерное укрепление трудовой и государственной дисциплины. В своем выступлении он опирался на работу В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», которую знал почти наизусть. Затем Н. И. Подвойский рассказал о политике партии в области военного строительства. Он убедительно доказывал, что необходимо не всеобщее вооружение, как того требуют левые эсеры, а строительство обученной, технически оснащенной, крепкой духом, классовой Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Строительство такой армии, подчеркивал Подвойский, невозможно без использования под контролем Советской власти знатоков этого дела — военных специалистов. Николай Ильич подробно разъяснил специфику работы волостных, уездных, губернского военкоматов.

Глубокая тишина стояла в зале, когда говорил Н. И. Подвойский. Он чувствовал, что владеет залом, что многим дает ответы на мучившие их вопросы. Больше часа зал слушал его вдохновенную речь, давно уже кончилось его время по регламенту. И когда Подвойский закончил, делегаты бурными аплодисментами благодарили его. Но главной наградой Николаю Ильичу была большевистская резолюция, определившая направление военного строительства в духе апрельских декретов ВЦИК и СНК. Большевистские резолюции были приняты и по другим вопросам.

Рано утром 17 мая поезд ВВИ покинул Рязань и направился в Тамбов. Работники ВВИ использовали перерыв в работе для того, чтобы починить и почистить одежду, немного отдохнуть. Они знали, что в Тамбове будет не только не легче, но и значительно труднее — Инспекции предстояло решить, что делать с войсками В. И. Киквидзе: сформировать из них полнокровную штатную дивизию или использовать для пополнения других частей Красной Армии.

Н. И. Подвойский, отложив все дела, с удовольствием взялся за чтение первого «Бюллетеня ВВИ», отпечатанного в Рязани и разосланного в части Красной Армии во все концы страны. Во время работы в рязанском гарнизоне Николай Ильич окончательно пришел к выводу, что недостатки в военном строительстве в Орле, Брянске, Курске, Рязани повторяются. Следовательно, повторяются и меры, предпринимаемые ВВИ для их устранения. Если обобщить накопленный опыт и распространить его, то таким образом можно помочь многочисленным гарнизонам самостоятельно проводить ту работу, которой занимается Инспекция. И. И. Подвойский решил использовать имеющуюся в поезде ВВИ небольшую

типографию и издавать бюллетени. Они были удобны тем, что их объем, тираж и периодичность можно было варьировать в зависимости от обстановки. Так в Рязани был выпущен «Бюллетень ВВИ» № 1, который вобрал в себя опыт работы Инспекции в четырех гарнизонах. В дальнейшем вышло еще несколько номеров бюллетеней. Их значение для военного строительства в то время трудно было переоценить: ведь в Красной Армии еще не было ни уставов, ни нормативных документов, которые определяли бы повседневную жизнь войск.

В Тамбове работа развернулась по сложившейся уже схеме. Инспекция малыми группами рассыпалась по частям и военным учреждениям для первого знакомства. Инспектора наметанным глазом сразу схватывали суть ситуации. Затем — короткое совещание и доклады Н. И. Подвойскому.

Основной состав ВВИ был направлен в отряды В. И. Киквидзе. Они представляли собой значительную часть 4-й армии, сформированной в марте 1918 года на Полтавщине. Когда Украина была оккупирована германскими войсками, 4-я армия под командованием В. И. Киквидзе и его заместителя С. П. Медведовского, героически оборонявшая украинскую землю, вынуждена была с боями отступить на территорию РСФСР, к Воронежу, а затем была перебазируется в район Тамбова.

Н. И. Подвойский с помощью аппарата ВВИ изучил структуру армии. Она оказалась типичной для того времени — отрядной. Однако личного состава и вооружения в ней было достаточно для формирования полнокровной стрелковой дивизии по штатам, определенным Наркоматом по военным делам.

Николай Ильич побывал в отрядах, поговорил с красноармейцами. Встретился там и с земляками — подразделениями черниговского червонного казачества. Он убедился, что отряды сплочены, в них крепка боевая дружба, проверенная боями с германо-гетмановскими войсками. Киквидзевцы, от командующего до красноармейца, просили сохранить их боевое соединение. Н... И. Подвойский провел короткое учение нескольких подразделений. Он и специалисты ВВП убедились, что командиры и штабы четко управляют действиями отрядов, что выучка красноармейцев очень высокая. Николай Ильич решил, что расформировывать войска В. И. Киквидзе не только бессмысленно, но и вредно. Н. И. Подвойский собрал командный состав армии и инспекторов ВВИ и приказал в течение двух суток преобразовать 4-ю армию в стрелковую дивизию, для чего переформировать отряды в роты, батальоны, полки, вооружить их по утвержденным штатам. Он назначил на 19 мая праздничный ритуал

принятия красноармейцами дивизии военной присяги.

Пока шло экстренное формирование дивизии, Н. И. Подвойский занялся налаживанием деятельности губвоенкомата, включился в работу по наведению порядка в частях гарнизона. Он успевал всюду, его мозг, как гигантский аккумулятор, впитывал факты, перерабатывал их, в результате рождались новые, нестандартные решения. Они, как правило, всесторонне обсуждались со специалистами ВВИ и местными военными работниками.

17 мая Николай Ильич своим приказом утвердил устав красноармейского клуба, ставший одним из самых первых нормативных документов по вопросам культпросветработы в Красной Армии. Политическая секция ВВИ уточнила разработанную Инспекцией еще в Курске программу политических занятий с красноармейцами. Опубликованная в «Бюллетене ВВИ» № 5, она стала достоянием всей Красной Армии. В Тамбове ВВИ разработала проект положения о товарищеских судах и опубликовала его в «Бюллетене ВВИ» № 3.

Подвойский видел, что новая армия не может жить без уставов. Но их не было. Наркомат медлил с их разработкой. Приказом ВВИ № 89 он распорядился: впредь, до разработки новых уставов, в вопросах обучения и внутреннего быта пользоваться старыми уставами — теми статьями и пунктами, которые не противоречат духу новой армии. Это распоряжение Н. И. Подвойского через неделю было подтверждено приказом Наркомата по военным делам.

...19 мая сформированная по единому штату дивизия В. И. Киквидзе с оркестром, знаменами замерла на огромном плацу. Ровно в 10 часов подъехал Н. И. Подвойский. Он вышел из машины — строгий, торжественный, и принял рапорт командира дивизии. Затем Николай Ильич обратился к бойцам:

— Сегодня вы одними из первых в Красной Армии принимаете недавно утвержденную присягу, даете торжественную клятву на верность социалистической республике, даете обещание защищать ее и дело рабочих и крестьян до последней капли крови. Кто нарушит эту клятву, того ждет суровая кара, презрение всего трудового народа.

Николай Ильич подошел к столу, снял фуражку. Обнажил голову и комдив В. И. Киквидзе. Шелест прошел по рядам — красноармейцы сняли головные уборы. В торжественной тишине Н. И. Подвойский громко зачитывал каждую фразу присяги, бойцы хором повторяли за ним. Затем оркестр грянул «Интернационал».

— Теперь вы — бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии! — закончил ритуал Подвойский.

Над развернутыми колоннами прокатилось тысячеголосое «ура!».

Соединение вскоре стало именоваться 16-й стрелковой дивизией. Она покрыла себя славой на полях сражений гражданской войны. Николай Ильич постоянно следил за ее действиями. Как личную утрату воспринял он в январе 1919 года весть о гибели В. И Киквидзе. 16-й стрелковой дивизии было присвоено имя ее славного командира

...Перед отъездом из Тамбова Н. И. Подвойский провел смотр частей гарнизона, выступил перед красноармейцами с речью.

— Помните, — сказал он, — что слово «война» есть слово проклятое, когда оно произносится как лозунг хищения, властвования, порабощения. Но слово «война» есть слово святое, когда оно произносится как порыв возмущения против буржуазии, против капитализма, против порабощения...

В ночь на 20 мая поезд ВВИ отправился в Саратов, потом, через несколько суток, в Сызрань, оттуда — в Самару. Н. И. Подвойский намеревался выехать далее в Оренбург, но в Самаре стало известно о начале мятежа чехословацкого корпуса. Этот корпус насчитывал около 45 тысяч человек и был сформирован из пленных чехов и словаков еще осенью 1917 года. Впоследствии по договоренности со странами Антанты он был объявлен частью французской армии и должен был быть переброшен через Владивосток из России во Францию при условии его лояльности к Советской власти и сдачи значительной части своего оружия. Но командование корпуса не спешило сдавать оружие. Кроме того, оно открыто поддерживало российскую контрреволюцию. К концу мая войска корпуса растянулись по всей Сибирской же-железнодорожной магистрали — от Пензы до Владивостока. Реакционному командованию с помощью стран Антанты удалось поднять корпус на мятеж против Советской власти. Контрреволюционные силы Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока поддержали мятежников.

Н. И. Подвойский сразу оценил масштабы происшедшего. Он принял решение срочно выехать всему составу ВВИ навстречу надвигающейся опасности, в район Уфы, где провести экстренную работу по формированию частей Красной Армии, чтобы прикрыть промышленный Южный Урал. Он дал телеграмму в Москву, в которой сообщил об изменении планов ВВИ и, не дожидаясь ответа, выехал в Уфу.

Заранее предупрежденные железнодорожники почти беспрепятственно пропускали поезд ВВИ. Николай Ильич часами сидел над картами, прикидывал возможные направления наступления

мятежников. Было совершенно ясно, что первыми объектами их захвата будут Поволжье и Урал. Впоследствии так оно и оказалось — белочехи повернули на запад, якобы для создания антигерманского фронта с востока, и на Урал.

29 мая поезд ВВИ прибыл в Уфу. Один из ведущих местных военных работников, член партии большевиков с 1901 года, боевик времен первой русской революции Э. С. Кадомцев сообщил Н. И. Подвойскому, что военных сил в губернии много — около 20 тысяч бойцов. Но из-за сильного влияния левых эсеров они существуют не в форме отрядов, а как в 1905 году — в форме дружин, то есть крепко привязаны к месту работы и жительства. Левоэсеровская линия выражается в их лозунгах: «Долой дисциплину!», «Долой запертую в казармы армию!», «Долой назначаемые командные кадры!»

— Преодолеть влияние левых эсеров в военном строительстве нам еще не удалось, — сказал Э. С. Кадомцев. — Но теперь, в связи с мятежом чехословаков, надо попытаться его сломить. Думаю, что поможет и ваш авторитет как представителя Центра.

В тот же день на экстренно созванном заседании исполкома губсовета Н. И. Подвойскому удалось добиться принятия резолюции о создании военкоматов и немедленном начале формирования частей регулярной Красной Армии. После трехдневной борьбы местных большевиков, сплоченных Н. И. Подвойским, за такую же резолюцию проголосовал III губернский съезд Советов, проходивший 3–5 июня.

Между тем 29 мая в Москве ВЦИК под председательством Я. М. Свердлова принял постановление о переходе к комплектованию Красной Армии на основе воинской повинности. Но принудительный набор предписывалось провести сначала в наиболее угрожаемых областях и в рабочих центрах, и обязательно с разрешения Наркомвоена. Эта весть дошла до Уфы не сразу, и Николай Ильич вынужден был решать проблемы экстренного формирования военных сил самостоятельно, опираясь на собственный разум и полномочия, данные ему Центром.

Белочехи и казаки захватывали один город за другим. Пока Н. И. Подвойский был занят на губернском съезде Советов, член ВВИ Р. И. Берзин по его заданию проанализировал ход боевых действий и доложил, что неудачи во многом объясняются тем, что нет единого командования, не налажено снабжение, слаба дисциплина. Каждый отряд имеет своего командующего, указывал Берзин, свой штаб, и никто не хочет никому подчиняться, отряды ведут «эшелонную войну», не желая никуда отходить от железных дорог. Выводы Р. И. Берзина совпали с впечатлениями

Николая Ильича от поездки на передовую, которую он осуществил на второй день после приезда в Уфу. Наспех сколоченные, необученные, управляемые малоподготовленными людьми красноармейские отряды, несмотря на мужество и преданность, отступали. Попытки Н. И. Подвойского задержать их отступление под Златоустом не дали успеха — для этого не было даже самого маленького резерва.

Нужны были срочные, кардинальные меры. 30 мая Н. И. Подвойский издал приказ, в котором объявил, что «нашел необходимым принять на себя временно общее руководство до сих пор разрозненными оперативными действиями против мятежных чехословацких эшелонов, впредь до формирования полевых штабов». Он взвалил на свои плечи функции командующего фронтом, а на Высшую Военную Инспекцию — функции штаба фронта. В той обстановке это было наиболее целесообразно.

Первейшей задачей, которую стал решать Н. И. Подвойский, было налаживание управления войсками. Опираясь на опыт и знания военных специалистов ВВИ, он создал оперативный штаб в Уфе, сформировал Урало-Оренбургский и Северо-Урало-Сибирский фронты, а так-же несколько групп войск по направлениям. Н. И. Подвойский понимал, что в сложившейся чрезвычайно сложной и острой обстановке успех дела во многом будет зависеть от воли, опыта и энергии людей, которые будут руководить фронтами и участками.

Первым он пригласил к себе члена ВВИ Р. И. Берзина. Бывший батрак, член партии большевиков с 1905 года, Рейнгольд Иосифович Берзин в чине поручика участвовал в первой мировой войне, был членом ВРК 2-й армии, после победы Октябрьского восстания командовал Западным революционным фронтом по борьбе с контрреволюцией, участвовал в подавлении контрреволюционной Центральной Рады, мятежа польского генерала Довбор-Мусницкого. Он имел большой политический и военный опыт, к тому же обладал поистине железным характером... Берзин, огромного роста, боком вошел в дверь, сразу заполнив собой значительную часть пространства штабного купе.

— Садитесь, Рейнгольд Иосифович. Вашу докладную о положении в районе боевых действий пересылаю товарищу Ленину...

Берзин провел ладонью по стриженной под машинку голове, смущенно крякнул, взъерошил густую бороду.

— Одновременно посылаю Владимиру Ильичу свое письмо, — продолжил Подвойский, заметив смущение Берзина. — В нем я поддерживаю все ваши оценки и выводы. Кроме того, подчеркиваю серьезность и опасность мятежа белочехов. Показываю, что они

организованы, отлично вооружены. А главное — что их выступление подняло дух контрреволюционной части урало-оренбургского казачества. Это опаснее белочехов. Предлагаю сформировать Восточный фронт.

— Я тоже так думаю, Николай Ильич, — проговорил Берзин. — Тут начинается дело, с которым местными си ламп не справиться.

— Но, пока будет создан Восточный фронт, мы будем действовать сами. Я пригласил вас, Рейнгольд Иосифович, чтобы сообщить, что назначаю вас командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом.

Н. И. Подвойский развернул оперативную карту, и через минуту они уже углубились в разработку плана предстоящих действий фронта.

Командующим Урало-Оренбургским фронтом Н. И. Подвойский, по настоянию местных большевиков, назначил В. В. Яковлева. К руководству войсками он также привлек бывшего рабочего, большевика, командира Восточного отряда по борьбе с мятежом атамана Дутова — В. К. Блюхера. Впоследствии Блюхер стал кавалером ордена Красного Знамени № 1, одним из первых Маршалов Советского Союза. На руководящие военные должности были назначены также С. А. Анучин, В. Н. Блохин, А. Ф. Каменский, И. М. Малышев и другие.

Организацию боевых действий созданных фронтов и участков Н. И. Подвойский начал с того, что установил простую структуру подчиненности войск и добился четкого выполнения приказов. Для этого он направил в каждый штаб членов ВВИ. Исполнительская дисциплина сразу расширила возможности маневрирования силами, и это позволило в известной мере воздействовать на боевую обстановку.

Основные силы ВВИ Н. И. Подвойский бросил на создание резервов — новых подразделений и частей. Для ускорения этой работы Николай Ильич, взяв на себя ответственность, приказал объявить воинскую повинность, а также призвать военных специалистов и бывших унтер-офицеров. Инспектора ВВИ с раннего утра и до 2–3 часов ночи налаживали работу только что созданных военкоматов, помогали осуществлять призыв, формировать новые подразделения и части, организовывали в них партийно-политическую работу и начальное военное обучение. Даже солдаты пулеметной команды и роты Образцового советского полка из поезда ВВИ были задействованы в качестве инструкторов для обучения новобранцев. Днем в поезде ВВИ оставались лишь оперативная группа и караул.

Как профессиональный партийный работник, Н. И. Подвойский проявлял особую заботу о коммунистическом воспитании красноармейцев, поддержании высокого морального духа советских войск. Он требовал,

чтобы партийно-политическая работа в войсках шла непрерывно и осуществлялась в тех формах и теми методами, которые наиболее полно соответствовали сложившейся обстановке. В июне ВВИ создала на Северо-Урало-Сибирском фронте первый в Советских Вооруженных Силах политический отдел. К весне 1919 года политические отделы были созданы почти во всех дивизиях и армиях. С тех пор и до наших дней политотделы являются руководящими партийными органами КПСС в Советских Вооруженных Силах.

Работа Н. И. Подвойского в Уфе и в районах боевых действий была настолько напряженной, что он лишь через десять дней после приезда выкроил время, чтобы съездить в находившуюся поблизости Мидовскую коммуно-колонию петроградских детей, где работала Нина Августовна, где были и дети Подвойских. Свидание с семьей было коротким. Бои шли уже недалеко. Как будут дальше развиваться события, ни Николай Ильич, ни Пина Августовна знать не могли.

— Пока существует наша колония, я буду здесь, — сказала Нина Августовна. — Распоряжения об эвакуации детей Центр пока не дает.

— Если придут белые, пощады тебе не будет.

— Я знаю. Будем надеяться на лучшее. — Нина Августовна говорила спокойно, как об окончательно продуманном и решенном. — Но мы с заведующей колонией обходим местных крестьян. Договариваемся, чтобы разобрали детей на случай разгрома колонии. Самим, может, удастся уйти в подполье.

Решили, что Николай Ильич все-таки возьмет с собой в поезд ВВИ сына Леву, а Нина Августовна с тремя дочерьми останется в колонии.

Двадцать дней части Красной Армии под командованием Н. И. Подвойского сдерживали мятежников в районе Урала. 13 июня В. И. Ленин подписал распоряжение СНК об образовании реввоенсовета Восточного фронта. 17 июня по вызову В. И. Ленина и Я. М. Свердлова ВВИ направилась в Москву. По дороге Н. И. Подвойский написал статью «Подготовка пролетарской победы» и разработал доклад в ЦК. ВЦИК и СНК «Задачи Советской власти в борьбе с чехословацким мятежом». В нем Николай Ильич указал на огромную опасность возникшего фронта, предложил способы укрепления сил, действующих против мятежников. В. И. Ленин ознакомился с докладом, обстоятельно побеседовал с Н. И. Подвойским и согласился, что меры, предпринимаемые для создания крепкого фронта против белочехов и контрреволюции, пока недостаточны.

В Москве Н. И. Подвойский активно включился в подготовку V Всероссийского съезда Советов, который открывался через несколько дней и должен был принять принципиально важные решения по военному строительству. Лишь поздно вечером приезжал он в поезд ВВИ, где на попечении И. П. Приходько находился Лева. Николай Ильич поправлял на спящем сыне одеяло, осторожно гладил его белокурые волосы. Резкой болью отзывалась мысль о семье, о судьбе петроградских детей. Уфимская губерния, в том числе Миловка, где располагалась детская колония-коммуна, была захвачена белыми. Где теперь Нинуша, дети? Что с ними? Живы ли? С этими мыслями он засыпал, с ними начинал новый день.

...«Как-то ночью... Яков Михайлович явился домой сам не свой, — вспоминала К. Т. Свердлова, заведовавшая тогда секретариатом ЦК РКП(б).

— Ты понимаешь, — сказал он, — был у меня сегодня Подвойский. Только что приехал и опять уезжает... Ты же знаешь Николая Ильича. Человек он редкостной бодрости, оптимизма, энергии. Чудесный человечиче! А тут, чувствую, что-то не то. Нервничает, волнуется, молчит. Посоветовались мы с Варламом (В. А. Аванесовым. — *Н С.*) и решили осторожно разузнать, что с ним стряслось. Бились, бились, еле выяснили. Оказывается, его жинка с тремя дочурками попала в руки к чехам...

Я хорошо знала Подвойского. Неоднократно сталкивалась с его женой Ниной Августовной, всегда сдержанной, спокойной, удивительно скромной большевичкой, секретарствовавшей в 1917 году в ПК. Знала я, как любил семью Николай Ильич, как он был привязан к ребятам, и, услышав страшное известие, растерялась. Чем помочь?

Но Яков Михайлович уже все продумал».

По указанию Я. М. Свердлова 27 июня 1918 года к подпольщикам Уфы была направлена группа большевиков с заданием выяснить судьбу детских колоний, помочь укрыть петроградских детей у местных жителей, попытаться найти руководителей колонии, в том числе Н. А. Подвойскую и, если они арестованы, организовать побег и переправить их через линию фронта.

Н. И. Подвойский ничего об этом не знал... А Мидовская колония, как потом оказалось, в это время была уже разгромлена белыми. Нина Августовна с младшей дочерью была арестована. Двух старших ее дочерей укрыли крестьяне.

...4 июля Николай Ильич загодя приехал в Большой театр, где открывался V Всероссийский съезд Советов. На съезде собралось 1164 делегата, из которых 773 были большевиками, а более 350 — левыми эсерами. Он знал, что на съезде предстоит ожесточенная борьба с левыми

эсерами. Отношения с ними к лету 1918 года резко обострились. Левые эсеры вели самую разнузданную агитацию против Брестского мира, устраивали одну провокацию за другой, пытаясь втянуть Советскую Республику в «революционную войну» с Германией. Их злобные выпады резко усилились, когда партия и рабочий класс развернули борьбу с кулаком, душившим Советскую Республику голодом, — к лету норма выдачи хлеба в Москве и Питере была снижена до 50 граммов на два дня. Левые эсеры встречали в штыки все мероприятия по укреплению Советской власти в деревне, особенно создание комитетов бедноты и отправку продовольственных отрядов из рабочих в село.

Н. И. Подвойский не раз участвовал в схватках с меньшевиками, эсерами, представителями других непролетарских партий и группировок. Ему приходилось видеть всякое. Но такой обструкции, которую устроили левые эсеры с первых минут работы V Всероссийского съезда Советов, ему видеть еще не доводилось. С занимаемых ими мест неслись не просто крики, а вопли, свист, топот, оскорбления. Их вызывающее поведение было не случайным.

Еще 24 июня 1918 года ЦК партии левых эсеров принял решение об организации вооруженного восстания с целью свержения Советской власти. Начать восстание предполагалось во время работы V Всероссийского съезда Советов. Заговорщики намеревались арестовать президиум съезда, в том числе В. И. Ленина, Я. М. Свердлова и других руководителей партии большевиков и Советского государства, захватить Кремль, телеграф, телефон, почту, вокзалы, а затем объявить о переходе власти в руки левых эсеров. Основной ударной силой должен был стать почти двухтысячный отряд ВЧК, которым командовал левый эсер Попов. С помощью одного из руководителей ВЧК, левого эсера Александровича, отряд заранее был постепенно укомплектован в основном левыми эсерами и моряками-анархистами. И на охрану Большого театра, где проходил съезд, Александрович поставил своих людей. Центр мятежников располагался в особняке Морозова в Трехсвятительском переулке — в штабе отряда Попова. Одновременно с московским восстанием должны были произойти выступления в ряде других городов России. Заговор тайно поддерживался иностранными дипломатическими миссиями.

Авантюра левых эсеров началась 6 июля. Примерно в три часа дня эсеры Блюмкин и Андреев по подложным документам проникли в здание германского посольства, смертельно ранили посла Мирбаха и скрылись в расположении отряда Попова. Ф. Э. Дзержинский, узнав о ранении посла, выехал в посольство, а оттуда в отряд Попова, но был там арестован.

Одновременно был схвачен председатель Моссовета П. Г. Смидович. Мятежники захватили телеграф и разослали телеграммы о том, что правящей партией отныне является партия левых эсеров.

В. И. Ленин взял руководство подавлением мятежа в свои руки. К этому времени по распоряжению Владимира Ильича уже были приняты некоторые меры, в частности, была скрытно сдублирована большевиками-чекистами вся охрана Большого театра.

Н. И. Подвойский, как и многие делегаты съезда, даже и не подозревал о происходящем. Он вместе с другими пришел на очередное заседание. Но его начало почему-то задерживалось. Вдруг к трибуне вышел представитель партии большевиков и потребовал провести совещание партийных фракций, причем левым эсерам было предложено заседать в фойе Большого театра, а большевикам — в школе агитаторов ВЦИК на Малой Дмитровке, 6. Якобы для того, чтобы не было толчеи, большевикам предложили выйти через оркестр. Едва Подвойский вошел в здание школы, как ему сообщили, что В. И. Ленин и Я. М. Свердлов срочно вызывают его. Николай Ильич тот час отправился в Кремль.

В это время в Большом театре дубль-охрана из большевиков-чекистов молниеносно убрала эсеровских часовых, оцепила здание. Главари левых эсеров, рассчитывавшие арестовать Советское правительство, сами оказались в железном кольце. Мятеж в считанные минуты был обезглавлен. Оставалось стремительно атаковать и разгромить оставшихся без руководства мятежников. Для этого нужен был хороший военный организатор. В. И. Ленин и Я. М. Свердлов остановились на Н. И. Подвойском.

— Вам поручается военное руководство подавлением мятежа, — сказал ему Владимир Ильич. — Действовать надо быстро. Мобилизуйте все, что можно. Ночью или к утру с мятежниками должно быть покончено. Свяжитесь с командующим округом Мурадовым и комиссаром Ярославским.

— Подключим делегатов-большевиков, МК вооружит рабочих, — добавил Я. М. Свердлов. — Но сейчас мятеж расплзается по столице. Они захватили несколько районов. Эсеры призвали части присоединиться к ним.

Н. И. Подвойский тут же созвонился с Н. И. Мурадовым, назначил немедленную встречу в здании Высшего военного трибунала и выехал туда. По пути он попытался прикинуть план действий, но не смог — все его сведения были почти на нуле. Чем располагает Мурадов? Что это за отряд Попова? Надо отбить телеграф, взять под охрану вокзалы, банк, защитить

Кремль...

Командующий Московским военным округом Н. И. Муралов уже ждал Н. И. Подвойского, рассматривая карту Москвы.

— Какие части есть в столице? — сразу спросил Николай Ильич.

— Все войска в летних лагерях под Москвой, — ответил командующий. — Здесь есть два полка Латышской дивизии. Есть батальон курсантов человек на 60–80. Есть небольшой по составу Образцовый полк. Есть орудия в артшколе. В Кремле стоит 9-й латышский полк. Это все. Надо вызывать части из лагерей.

— Кремль оставить без охраны нельзя, — сразу решил Николай Ильич. — Девятый полк в расчет не берем. Из лагерей части вызвать не успеем... Что за отряд Попова, какие у него силы?

— Отряд округу не подчинен. — Муралов помолчал, прикидывая. — Точных данных у меня нет, но думаю, что в нем должно быть одна-две тысячи человек. С полсотни пулеметов, пять-семь бронемашин. Не менее батареи орудий.

— Надо организовать разведку. Уточнить расположение отряда, его силы. Что там вырисовывается на плане?

Подвойский и Муралов прикинули по карте Москвы сложившуюся военную ситуацию. Было ясно, что для ликвидации мятежа придется штурмовать морозовский особняк, брать прилегающие улицы.

— Для грамотной организации молниеносного штурма нужен военный специалист. Кому можно доверить? — спросил Подвойский Мурадова.

— Вацетису, начальнику Латышской дивизии, — сказал, подумав, Муралов.

Н. И. Подвойский знал бывшего полковника И. И. Вацетиса. После Октябрьского вооруженного восстания он вместе со своим полком перешел на сторону Советской власти. Участвовал в подавлении мятежа Довбор-Мусницкого...

— Вызывайте Вацетиса, — сказал он Мурадову.

Адъютант командующего тут же выехал на автомобиле в штаб Латышской дивизии. В это время вошел Е. М. Ярославский. Н. И. Подвойский положил хронометр на стол.

— Предлагаю действовать так. Вы, Николай Иванович, — обратился Подвойский к Мурадову, — через Московский комитет немедленно мобилизуйте отряды вооруженных рабочих и коммунистов. Свердлов распоряжение в МК уже дал. Организуйте охрану всех вокзалов. Постарайтесь овладеть телеграфом. Вы, Емельян Михайлович, связывайтесь со Свердловым и рассылайте делегатов-большевиков съезда

комиссарами в части. Особенно в лагеря. Их задача — предупредить возможное выступление частей на стороне мятежников. Я и Вацетис будем организовывать штурм.

Ярославский сразу ушел, а Муралов остался, чтобы вместе с Подвойским поговорить с Вацетисом.

Вскоре адъютант привез Вацетиса. Подвойский и Муралов предложили ему разработать план штурма морозовского особняка. Вацетис быстро изучил по карте Москвы обстановку, уточнил детали и тут же наметил исходные позиции штурмующих войск. Муралов поднял по тревоге Образцовый полк, батальон курсантов, артиллеристов и указал им места сосредоточения. Вацетис вывел оба полка латышских стрелков. Вскоре Н. И. Муралов уехал организовывать охрану вокзалов и других учреждений. Н. И. Подвойский и И. И. Вацетис в деталях отработали план и в 2 часа ночи доложили его В. И. Ленину. Перед рассветом они объехали подготовившихся к штурму латышских стрелков, курсантов, артиллеристов.

К утру Москва окуталась густым туманом с предельной видимостью 15–20 шагов. Это и облегчало и затрудняло атаку, которая началась в 5 часов утра. Советские отряды захватывали один объект за другим. Наконец осталось лишь 300 шагов до морозовского особняка — штаба отряда Попова. Подвойский и Вацетис подтянули свой командный пункт вплотную к цепям наступающих. В это время к ним привели парламентаря мятежников с белым флагом в руках.

— Что скажете? — сурово спросил его Подвойский.

— Командование передает, что мы готовы сдать на определенных условиях...

— С предателями Советской власти ни в какие переговоры не вступаем! — перебил его Подвойский. — Условие одно: безоговорочная капитуляция, немедленное освобождение Дзержинского, Смидовича. Даю десять минут!

Через 10–15 минут И. И. Вацетис дал сигнал к штурму. Со стороны особняка ударили пулеметы. Штурмующие залегли. Вацетис приказал артиллеристам бить прямой наводкой по особняку. Ахнули орудия. Один из снарядов влетел в окно особняка и взорвался в той самой комнате, где заседал штаб мятежников. Оглушенные главари мятежа, спасаясь, бросились во двор, к машинам. Мятежников охватила паника, и они хлынули на улицу, стараясь прорваться через цепи наступающих.

...К 12 часам дня 7 июля мятеж левых эсеров в столице был подавлен.

9 июля V Всероссийский съезд Советов продолжил работу. Он

утвердил Конституцию РСФСР, принял очень важные решения по строительству регулярной, централизованной, дисциплинированной Красной Армии. «Период случайных формирований, произвольных отрядов, — говорилось в резолюции съезда, — ...должен быть оставлен позади».

Н. И. Подвойский, избранный членом ВЦИК, сразу после съезда выехал по указанию В. И. Ленина в третью инспекционную поездку. Рассчитывая значительно расширить деятельность ВВИ, Н. И. Подвойский пополнил ее состав новыми работниками. В политическую секцию был включен старый революционер, соратник В. И. Ленина В. Ф. Горин-Галкин. Членами военной секции стали В. В. Куйбышев и Г. Д. Базилевич, а чуть позже Б. М. Шапошников — в будущем начальник Генерального Штаба Красной Армии и Маршал Советского Союза.

Общее задание В. И. Ленина Подвойскому заключалось в том, чтобы объехать Западный и Южный фронты с целью ускорить формирование и переброску на Восточный фронт частей и соединений Красной Армии. Учитывая политическую и военную зрелость, инициативность и энергию Н. И. Подвойского, Москва предоставляла ему возможность действовать самостоятельно. Вместе с тем, когда возникала необходимость, ему телеграфно доводились срочные конкретные задания. Так, 29 июля В. И. Ленин поручил Н. И. Подвойскому экстренно выехать под Поворино, где создалась угроза прорыва войск Краснова с юга к Волге. Красновцы намеревались там соединиться с белочехами и отрезать Царицын и Каспий от Центра. Под Поворино сложилась такая обстановка, что, казалось, не было никакой возможности остановить казаков Краснова. Но Высшая Военная Инспекция, руководимая Н. И. Подвойским, за несколько дней сформировала и стянула с второстепенных участков 15 воинских частей. Создав мощный кулак, Н. И. Подвойский взял на себя командование и нанес стремительный контрудар. Красновцы были не только остановлены, но и отброшены на 40–50 верст.

Спешное инспектирование, срочные задания выработали у Николая Ильича такие замечательные качества, как способность мыслить широко, быстро схватывать и всесторонне оценивать ситуацию, находить эффективные, подчас неожиданные решения. Подвойский являл собой пример партийного работника с постоянной жаждой совершенствования, его отличало творческое отношение к порученному ему делу. Так, объезжая фронты, прифронтовые районы, он увидел, что полупартизанское самоснабжение военных частей продовольствием и фуражом обостряет

отношения местного населения и Красной Армии. Под его руководством Высшая Военная Инспекция разработала четкую систему и создала органы централизованного снабжения войск Южного фронта. Этот опыт потом был распространен на другие фронты. Н. И. Подвойский был одним из инициаторов создания единого органа руководства боевой деятельностью Красной Армии — Реввоенсовета Республики. Именно по его инициативе многочисленные воинские части, выполнявшие специальные задачи в различных ведомствах, были переданы в ведение Наркомвоена и превращены в штатные боевые единицы. Он внес много других предложений, направленных на совершенствование военной организации Советского государства. Благодаря Н. И. Подвойскому Высшая Военная Инспекция стала не только контролирующим, но и созидательным органом, критически и творчески анализирующим накопленный опыт, ищущим пути улучшения военного дела.

...Работа поглощала Николая Ильича целиком. В работе он забывался, гасил свою постоянную боль, вызванную тревогой о жене и детях. Лева стал любимцем ВВИ. Многим он напоминал о собственных семьях. Поэтому пулеметчики с удовольствием рассказывали ему, как устроен пулемет. В типографии показывали, как работает печатная машина. Он уже знал устройство винтовки. Нередко Лева увязывался с отцом во время объездов частей. Но чаще, возвратившись в вагон, Николай Ильич заставал сына спящим. Он осторожно вынимал из стола две коротенькие записочки, полученные от Нины Августовны еще до захвата белочехами Уфы. «Будь построже с Левой насчет внутренней и внешней опрятности, — писала она. — Следи, чтобы он был чисто, аккуратно, со вкусом одет. Купи ему матросскую синюю шапку, синие штаны, подтяжки непременно... Скучаю мучительно. Скажи это Леве... желаю тебе большого успеха... крепко поцелуй Леву. Скажи, чтобы помнил свою маму. Прощай». И больше никаких вестей! Николай Ильич не знал, что Нина Августовна с младшей дочерью в тюрьме; не знал, что посланцы Я. М. Свердловы добрались до подпольщиков Уфы...

«Однажды ночью, — вспоминала старшая дочь Подвойских Ольга Николаевна, — нас разбудили, одели и предупредили, чтобы мы не шумели, и куда-то повели. Пройдя парк, мы увидели запряженных лошадей. Нас посадили на телегу, и только тут мы увидели нашу маму... Говорили очень тихо, чтобы отъезд не заметили. Мы тронулись. Мама уложила нас спать, и мы скоро уснули. Ехали мы через степь к Волге долгих три дня. У города Мензелинска пересели на пароход. Добрались до

Казани. Но и на Казань уже наступали белые. Втиснулись мы с мамой в какой-то битком набитый вагон и поехали куда-то дальше». Так это виделось старшей десятилетней Олесе. Младшие Лида и Ниночка и этого не восприняли. А ситуация была тяжелейшей. И Нина Августовна понимала, что надеяться ей надо только на себя, на свою волю, на свое упорство, да и на счастливый случай. Но разбитым дорогам гражданской войны, в переполненных до отказа вагонах, без хлеба, без денег, без документов она долгие недели упорно пробивалась на юго-запад. Туда, где гремел белоказачий фронт. Неизвестно, почему она не поехала от Казани прямо на Москву — кратчайшим путем. Скорее всего она каким-то образом узнала, что Николай Ильич на Южном фронте. И вот однажды в Балашове в поисках питьевой воды она вышла на платформу и увидела матроса, знакомого еще по революционному Петрограду. Матрос оказался из... охраны поезда Высшей Военной Инспекции, которая ночью приехала в Балашов. Поезд ВВИ стоял рядом, на запасных путях. Новость была ошеломляющей. Силы покинули Нину Августовну. Она качнулась, но крепкие матросские руки поддержали ее.

Вскоре грязные, голодные и усталые Подвойские были в штабном вагоне ВВИ. Николая Ильича не было, он вместе слевой рано утром уехал в части гарнизона. Нина Августовна села за стол, бессильно опустила голову на руки...

Когда Подвойские умылись, команда охраны угостила их самым роскошным блюдом — жареной картошкой с хлебом и воблой.

— Лучше ничего нет, — сказал, поглаживая усы, комендант поезда И. П. Приходько. — Николай Ильич с этим делом строг.

— Нам такое блюдо снилось много недель. — Нина Августовна посмотрела на уплетающих за обе щеки детей.

Когда вечером Николай Ильич с сыном вернулся на станцию, его ждал сюрприз, от которого, как он потом выразился, у незакаленного человека могло бы разорваться сердце...

Нина Августовна, несмотря на перенесенные лишения, сразу же включилась в работу политической секции ВВИ — выпускала листовки, обращения, выступала в качестве агитатора среди красноармейцев, рабочих, крестьян. Но ни на один день ее не покидала мысль о петроградских детях, оставшихся в Уфимской губернии, у местных жителей. Она писала в Наркомпрос одно письмо за другим, призывая сделать хоть какие-то шаги к розыску детей. Она и сама готова была вновь идти через линию фронта. Нина Августовна успокоилась лишь, когда узнала, что 25 сентября 1918 года на заседании СНК, проходившем под

председательством Я. М. Свердлова, были приняты дополнительные практические меры по спасению детей.

В августе поезд ВВИ непрерывно перемещался по линии Борисоглебск — Балашов — Камышин — Царицын, обеспечивая по заданию Центра Южный и Восточный фронты пополнением, налаживая боевое обеспечение.

...31 августа в купе Н. И. Подвойского вошел взволнованный Ф. В. Владимиров.

— Покушение на товарища Ленина!

Н. И. Подвойский вскочил, выхватил у него листок с сообщением.

«Несколько часов тому назад, — читал он, — совершено злодейское покушение на товарища Ленина... На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар..

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах! Теснее ряды!

Председатель ВЦИК Я. Свердлов».

Николай Ильич бросился к прямому проводу и не ушел из аппаратной, пока не узнал, что В. И. Ленин жив. Он вернулся в вагон, придвинул к себе бумагу.

«Приказ по войскам Южного фронта № 243, ст. Родничок, 31 августа 1918 года.

Армия, слушай!.. Враги совершили злодейское покушение на самого дорогого и любимого человека в Республике, на Председателя Совета Народных Комиссаров тов. Ленина...

Товарищ Ленин создал сплоченную рабочую силу, организовал партию пролетариата, своим могучим словом разбудил спавшего крестьянина... Помещики, фабриканты и их наймиты, правые эсеры, разбитые в честном и открытом бою... трусливо, из-за угла хотят лишить нас, рабочих и крестьян, вождя не только Российской Республики, но и пролетариата всего мира...

Приказываю всем войскам подтянуться, установить в армии строжайшую дисциплину, беспрекословно и быстро исполнять все

приказы...

Народный комиссар по военным делам, член ВВС
Н. Подвойский».

Весь аппарат ВВИ был брошен Н. И. Подвойским на проведение в частях митингов и собраний, на укрепление порядка и дисциплины. Потрясенный случившимся, Н. И. Подвойский требовал от каждого работника ВВИ, командира, комиссара, красноармейца удвоенной, утроенной энергии, считая это лучшим ответом на происки врагов социализма.

Утром 1 сентября Н. И. Подвойский вместе с г. д. Базилевичем выехал на железнодорожной летучке в расположение дивизии В. И. Киквидзе. Летучка состояла из паровоза, вагона и платформы с автомобилем. Она мчалась к станции Елань. Подвойский и Базилевич сначала сидели в кузове автомобиля, потом вышли на платформу. Здесь же было еще несколько работников ВВИ. Примерно в восьми километрах от Елани вдруг раздался сильный взрыв. Паровоз на полном ходу повалился с насыпи, за ним — платформа с автомобилем. Николая Ильича выбросило под откос. Он ударился головой и потерял сознание.

Очнувшись, Н. И. Подвойский увидел над собой И. П. Приходько, В. И. Киквидзе. Голова гудела, болело все тело, особенно нога.

— Как остальные? — с трудом спросил он.

— Все живы! Базилевич пока без сознания.

Подвойского и Базилевича положили на носилки и отправили в Елань, где как раз находился санитарный поезд. Врач определил, что у Николая Ильича — контузия, перелом левой ноги, многочисленные ушибы. У Базилевича оказались сотрясение мозга и перелом ключицы. Как потом выяснилось следствие, взрыв был результатом спланированного покушения на Н. И. Подвойского.

— ...Контра рада избавиться от вас, Николай Ильич, — говорил И. П. Приходько, сидя в вагоне санитарного поезда около перевязанного Н. И. Подвойского. — Вы ей тут как кость в горле. Да и раньше насолили изрядно. Я ведь с апреля семнадцатого года рядом с вами. Знаю.

Николай Ильич с трудом улыбнулся:

— Да, контрреволюции, пожалуй, благодарить меня не за что... Но я и теперь ее не поражаю.

Н. И. Подвойский решительно отказался ехать на лечение в Москву. Отлежавшись дня три, он вновь включился в работу — костыли не очень

мешали ему руководить Инспекцией. Лишь в конце сентября, когда был сформирован РВС Южного фронта, Николай Ильич вместе с выполнившей свою задачу ВВИ с разрешения Центра вернулся в Москву. Вернулся полный новых планов и идей.

3 октября 1918 года Н. И. Подвойский участвовал в работе объединенного заседания ВЦИК, на котором Я. М. Свердлов зачитал письмо В. И. Ленина о необходимости удесятить усилия по созданию Красной Армии. «Мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне, — писал Владимир Ильич, — нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. *И мы будем ее иметь*», Н. И. Подвойский сразу же и без иллюзий оценил всю грандиозность и сложность поставленной задачи. Как всегда в подобных случаях, Николай Ильич стал обдумывать свое место и роль возглавляемой им организации — ВВИ — в ее решении. Задача создания трехмиллионной армии захватила его, стала стержневой.

Несмотря на загруженность (ведь Н. И. Подвойский был еще и членом РВСР, активно работал в Совете обороны), Николай Ильич вместе с группой политработников ВВП приступил к разработке программы формирования трехмиллионной армии. Об этой программе он, видимо, беседовал с В. И. Лениным, потому что именно в это время В. И. Ленин поручил Николаю Ильичу регулярно информировать его о Красной Армии.

19 октября программа была готова. Н. И. Подвойский изложил ее содержание Московскому комитету партии и в тот же день направил в ЦК РКП(б). 22 или 23 октября В. И. Ленин получил от Н. И. Подвойского «Программу работ Коммунистической партии по созданию трехмиллионной армии» и доклад «Формирование трехмиллионной армии».

Задания на разработку этих важнейших документов Н. И. Подвойскому никто не давал. Но он не мог сидеть сложа руки, если видел, что задача назрела.

В процессе работы над программой развертывания армии Н. И. Подвойский особенно много думал о военкоматах. Им предстояло осуществить небывалую по масштабам мобилизационную работу. Созданные весной 1918 года в преддверии введения воинской повинности, они по структуре, штатам, методам работы были рассчитаны на условия того времени. На Урале и на Южном фронте, когда приходилось осуществлять спешные и напряженные мобилизации, они задыхались. Высшей Военной Инспекции это было известно не по отчетам — она сама

в этих случаях вливалась в военкоматы и обеспечивала решение задач. Николай Ильич посоветовался со специалистами ВВИ. Они подтвердили его мысль: военкоматы нуждаются в реформе. Но в наркомате, в частности, во Всероссийском главном штабе это предложение поддержки не нашло. Сдававший дела начальника Всероглавштаба А. А. Свечин сказал:

— Помилуйте, Николай Ильич, в ходе развертывания трехмиллионной армии затевать реформу военкоматов! Уж лучше усилить их и решить главную задачу... Бонч-Бруевич и без реформы сомневается в ее выполнимости.

Н. И. Раттэль, принимавший дела начальника Всероглавштаба, определенного мнения не высказал, сославшись на то, что проблему еще не изучил.

— Хорошо, — несогласным тоном сказал Николай Ильич. — Мобилизацию в трехмиллионную армию временно усиленные военкоматы, предположим, выдержат. А если завтра потребуется армия в четыре миллиона? В пять миллионов?! Значит, тогда все равно придется перестраивать военкоматы. Только в более трудных условиях.

А. А. Свечин неопределенно развел руками, дескать, зачем крайности.

Не получив во Всероглавштабе поддержки идеи реформы военкоматов, Н. И. Подвойский поставил этот вопрос на обсуждение руководителей отделов ВВИ. Он предложил создать свою комиссию для разработки проекта реформы. Но единодушной поддержки и здесь не было, то есть почти все соглашались, что реформу готовить надо, но где взять людей? Инспекция и без того не знала отдыха. Высказывались и такие сомнения: а не уходит ли вообще ВВИ от своей основной работы?

— Налаживание военкоматов, ускорение формирования Красной Армии и есть, так сказать, первородная задача Инспекции, — напомнил Николай Ильич.

Обстановка постепенно накалялась. Высказывания «за» и «против» становились все резче. Николай Ильич любил такие горячие дискуссии. Доводы разума, помноженные на эмоции, сталкивались со столь же убедительными и страстными возражениями, и, как правило, рождалась истина — нужное, единственное верное решение. Часто в пылу спора незаметно выходили за пределы проблемы. Вот и теперь от реформы военкоматов перешли к роли ВВИ в формировании трехмиллионной армии. Николаю Ильичу это и было нужно, так как теперь разработка проекта реформы выглядела не обузой, а частью общей работы ВВИ по решению главной военной задачи.

...Пора было подводить итоги. Но, к огорчению Николая Ильича,

упорствовал его заместитель С. С. Данилов.

— За мобилизацию и за работу военкоматов, в конце концов, отвечает Всероссийский главный штаб! — без особой надежды на успех пустил в ход последний довод С. С. Данилов. — Это же их дело! Пусть они и готовят реформу!

Николай Ильич встал, показав этим, что будет закруглять обсуждение.

— Верно. Это их задача. Но задач у них много, и они пока не видят необходимости реформы. А мы видим, потому что каждый день и каждый час работаем с военкоматами. Им еще надо искать пути их перестройки, а мы о них говорим чуть ли не полгода. Пока Главштаб придет к реформе, приступит к разработке, время будет упущено. Сейчас у всех одна главная задача — трехмиллионная армия — и у ЦК, и у правительства, и у всех военных учреждений. Тут от всех требуется максимум, а не приходская политика, не деление на свои и чужие деревни.

Данилов упрямо смотрел в сторону, демонстрируя этим свое несогласие.

— Пока мы тут спорим, — продолжал Подвойский, — я из ваших же слов понял, что Инспекция для ускорения формирования трехмиллионной армии может сделать гораздо больше, чем мы думаем. Мне кажется, что надо добиться санкции Реввоенсовета на инспектирование Всероглавштаба. А может, и других центральных военных учреждений. Сдается мне, что там расползается бюрократизм, и надо попытаться сбить эту волну. Иначе она будет все больше мешать мобилизации... Но это не все. Мы знаем, что при спешном формировании трехмиллионной армии самым острым будет вопрос изыскания и подвоза продовольствия. И другого имущества, конечно. Но продовольствия — в первую очередь. Оно нужно каждому из трех миллионов хотя бы раз в день. Поэтому наша Инспекция должна помочь Наркомпроду и Наркомпути подготовиться к этому...

Данилов не выдержал, всплеснул руками:

— Но это же другие ведомства, Николай Ильич! Мы же, хоть и Высшая, но Военная Инспекция! Есть же предел какой-то...

Спор разгорелся с новой силой. Предложения Н. И. Подвойского все-таки были признаны правильными. ВВИ сформировала комиссию, которая разработала проект реформы военкоматов. Менее чем через год на основе этого проекта началась и сама реформа. А тогда, вскоре после совещания, Н. И. Подвойский прежде всего стал убеждать председателя РВСР Л. Д. Троцкого в необходимости инспектирования Всероссийского главного штаба. Тот, хотя и без особой охоты, но согласился. Николай Ильич

отправился к Я. М. Свердлову и предложил проинспектировать ведомства, связанные со снабжением Красной Армии, помочь им наладить работу. Яков Михайлович задумался лишь на мгновение.

— Юридически это, Николай Ильич, нелепица. Военная Инспекция подменяет госконтроль и проверяет Наркомпрод и Наркомпуты! Но пока госконтроль слаб, это поможет делу. — Яков Михайлович чуть помолчал. — ЦК берется за перестройку и усиление всей системы контроля. Вам, Николай Ильич, придется поработать в комиссии ЦК. Готовьте свои предложения. А пока суд да дело, проверяйте Наркомпрод и Наркомпуты. Владимиру Ильичу я объясню. Ваши полномочия надо бы подтвердить через СНК или ВЦИК. Чтобы не возникло трений.

25 ноября 1918 года в составе Высшей Военной Инспекции было образовано три комиссии из самых квалифицированных инспекторов. Они сразу же приступили к обследованию работы Всероглавштаба, а также деятельности Наркомпрода и Наркомпути, правда, лишь по вопросам снабжения Красной Армии. Нарком путей сообщения В. И. Невский хорошо знал Н. И. Подвойского и был уверен, что работа ВВИ принесет только пользу, поможет улучшить управление выбивающимся из сил железнодорожным транспортом. Нарком продовольствия А. Д. Цюрупа, возглавлявший, пожалуй, один из самых трудных и нервных участков государственной работы, был глубоко партийным человеком, жил исключительно интересами дела и потому был далек от каких-либо ведомственных амбиций. Он был рад неожиданной помощи.

Опыт проверки Наркомпрода и Наркомпути окончательно убедил Н. И. Подвойского в том, что ВВИ может и должна вносить более значительный вклад в дело обороны страны. Но для этого ее надо вывести из непосредственного подчинения Наркомату по военным делам и расширить рамки ее деятельности. Его мысли словно подслушал председатель комиссии ЦК РКП(б) по перестройке государственного и ведомственного контроля Я. М. Свердлов. Выступая в комиссии в конце 1918 года, Яков Михайлович отметил: «Наиболее законченная форма ведомственного контроля имеется в военном ведомстве. это Высшая Военная Инспекция. Она исполняет целый ряд таких функций, которые мог бы выполнять государственный контроль, если бы он стоял на высоте». Далее Яков Михайлович сказал, что ВВИ могла бы приносить гораздо больше пользы, если бы подчинялась непосредственно Совнаркому.

В это время вопрос о контроле обсуждался на всех уровнях, вплоть до Совета Обороны. Убежденный в необходимости повышения статуса и усиления независимости органов контроля, Николай Ильич страстно

отстаивал свою точку зрения. Он разработал и представил Я. М. Свердлову проект создания единых контрольных органов республики, а В. И. Ленину направил «Записку о превращении ВВИ в Верховную Инспекцию при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны». В ВВИ уже кипела работа по подготовке проекта положения о Верховной Инспекции. Но тут произошло неожиданное.

30 января 1919 года Н. И. Подвойский прочитал в «Правде» радиogramму из Харькова об образовании Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины и обнаружил неожиданно для себя, что он назначен наркомвоенмором Украинской Республики.

В тот же день на заседании Совнаркома Н. И. Подвойский передал В. И. Ленину записку: «Владимир Ильич! Я сегодня прочитал в «Правде»... что некий Подвойский вместе с неким Межлауком назначены наркомвоен Украины. По нескромности предполагаю, что радио имеет в виду меня. Может быть, Вы удовлетворите мое естественное любопытство?» В. И. Ленин тут же ответил запиской, что надо справиться у Я. М. Свердлова, ибо не знает, состоялось уже решение ЦК или еще нет.

Н. И. Подвойский был солдатом партии. Формула: «Решение ЦК состоялось» — всегда воспринималась им как окончательная, как закон. И он уже думал о том, что он, именно он, а не кто-то другой за него, должен выполнить задание наилучшим образом, каким бы сложным и трудным оно ни было. Николай Ильич подобрал опытных, проверенных в ВВИ помощников (среди них В. Ф. Горин-Галкин, М. А. Соковнин, Б. М. Шапошников), которые могли составить квалифицированный костяк Наркомвоена Украины. К группе Подвойского присоединились советские работники, уезжавшие на Украину. Всего вместе с семьями набралось около 200 человек. Так был сформирован «поезд Подвойского», который поздним вечером 9 февраля 1919 года отбыл из Москвы.

Утром 11 февраля поезд, громыхнув буферами, остановился на станции Харьков. Николай Ильич услышал певучую украинскую речь, и сердце его сладко замерло. Как давно уезжал он семинаристом-расстригой с Украины в далекий, расположенный чуть ли не на краю света Ярославль! Какой долгой и длинной оказалась дорога назад — восемнадцать лет и сотни тысяч верст!

Встречавшие сообщили, что все прибывшие будут размещены в Доме Советов.

— Везите их туда, а меня — в Совнарком! — сказал Николай Ильич.

Автомобиль, тархтя по булыжной мостовой и обдавая прохожих

клубами сизо-белого дыма, помчал по узкой улице к центру города — в сторону Успенского собора, взметнувшего ввысь свою величественную колокольню. Глядя на почти черные от копоти стены зданий, Николай Ильич думал о том, что Харьков — не Чернигов, дыму тут больше, чем колокольного звону. Рабочий город, опереться здесь будет на кого.

В тот же день Н. И. Подвойский встретился и побеседовал со многими членами ЦК КП(б)У и правительства — Артемом (Ф. А. Сергеевым), В. П. Затонским, К. Е. Ворошиловым, В. И. Межлауком, Х. Г. Раковским, командующим Украинским фронтом В. А. Антоновым-Овсеенко и другими. Многих он знал ранее, некоторых увидел впервые. Встречи с руководителями не были простой формальностью. Н. И. Подвойский в беседах и при знакомстве с важнейшими документами получал необходимую ему информацию. Тут же анализировал ее, чтобы уяснить обстановку, в которой придется работать. Ему стало известно, что Советская власть, устанавливаемая прямо за движением Украинского фронта, существует пока только в Харьковской, Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губерниях. В Красной Армии Украины преобладают отрядность и партизанщина. Это было обусловлено, с одной стороны, условиями борьбы то против оккупантов, то гетмановцев, то петлюровцев, то против иных контрреволюционных местных властей, а с другой стороны — влиянием сторонников партизанщины эсеров, идеи которых попадали здесь на благодатную почву — более многочисленное, чем в России, кулачество и довольно мощный слой среднего крестьянства, мечущегося между сельской буржуазией и пролетариатом.

Поразмыслив, Н. И. Подвойский пришел к выводу, что положение на Украине, в военном строительстве особенно, очень похоже на обстановку в РСФСР начала 1918 года, когда еще только устанавливалась и укреплялась Советская власть и делались первые шаги по созданию Красной Армии. Исходя из этого, он определил следующую программу работы: «1) Организовать стройную систему военного управления... 2) Организовать регулярную Красную Армию... тактически обученную... дисциплинированную, самоотверженную, хорошо управляемую при посредстве отобранных Советской властью командиров. 3) Подготовить красный командный состав непосредственно из рабочей и крестьянской массы. Организовать планомерное снабжение Красной Армии, освобождая население от поборов и реквизиций... 4) Подготовка всех трудящихся при помощи всеобщего военного обучения... к выполнению своей обязанности защищать свое социалистическое отечество...»

Реорганизацию Красной Армии Украины на основе указаний ЦК РКП(б) и В. И. Ленина Н. И. Подвойский начал с создания центрального аппарата военного управления. Используя опыт, приобретенный в 1917–1918 годах, он в короткий срок сформировал аппарат Наркомвоена Украины и наладил его работу.

Бескомпромиссно, преодолевая все препятствия (а они были — некоторые местные военные работники настойчиво ратовали за сохранение партизанских методов управления армией и ведения войны), Н. И. Подвойский повел линию на формирование регулярной Красной Армии Украины. Верными единомышленниками и помощниками ему были начальник штаба наркомата М. А. Соковнин и его заместитель Б. М. Шапошников. Поддерживали его командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеенко, член РВГ Е. А. Щаденко, председатель ВВИ Украины В. Г. Юдовский и другие.

Чтобы не заниматься «изобретением велосипеда» и максимально использовать на Украине опыт военного строительства РСФСР, Н. И. Подвойский 15 февраля 1919 года запросил из Москвы 25 комплектов приказов Наркомвоена и Реввоенсовета, 18 февраля — сборник приказов Высшей Военной Инспекции и Положение об окружных военкоматах. Н. И. Подвойский телеграфировал: «Ускорьте высылку, чтобы на месте удержать людей от импровизации». Из Москвы были присланы воинские уставы, инструкции, наставления, программы для обучения войск. Часть необходимых документов в срочном порядке была разработана на месте.

Следующим шагом было формирование военкоматов. Это была далеко не простая задача. Органы Советской власти, создаваемые на местах вслед за наступающим фронтом, были слабы. Селяне, не очень уверенные в окончательном освобождении, не спешили распускать свои партизанские отряды, во главе которых стояли атаманы и батьки всех мастей. Многие из таких отрядов были засорены явными и тайными кулацко-эсеровскими и анархистскими элементами, которые не хотели признавать никакой, кроме своей, власти. Словно на дрожжах, рос бандитизм. Как и в России весной 1918 года, на Украине весной 1919 года не сыскать было места, где бы не было войны.

Создание военкоматов, проведение первых мобилизаций — все это давалось с невероятными трудностями. На стол Н. И. Подвойского то и дело ложились донесения о том, что на тот или другой военкомат налетела «желтая», «зеленая», «черная» или иного цвета банда, посекала военкоматчиков, разогнала, а то и расстреляла призывников, явившихся для вступления в Красную Армию. Невзирая на опасности, почти выдохший и

охрипший, носился Подвойский, как и его помощники, на автомобилях, тачанках и бронепоездах в этом кипящем котле во губернском и уездном городах, по волостям, помогая проводить мобилизации. Случалось всякое: перестрелки, засады, погони, горькие потери боевых товарищей. Но вселяла уверенность вера: так победим! Помогал опыт революции, которой пошел уже 2-й год, помогал опыт, приобретенный лично Подвойским. Он не раз, разрешая непростые задачи на Украине, вспоминал былое.

...Однажды на станции Анненковской, что под Курском, он встретил неизвестную часть. Как оказалось, это был 1-й Курский полк. Небритые, распоясанные красноармейцы группами бродили по перрону. Уверовавшие в безнаказанность, они вели себя вызывающе. Н. И. Подвойский приказал разыскать командиров. Нехотя явились лишь некоторые. Пришел и полупьяный командир полка, причем заплетающимся языком заявил, что здесь командует только он и никому другому командовать не позволит.

Николай Ильич арестовал командира полка и приказал одному из комбатов за ночь подготовить полк к смотру. Утром Н. И. Подвойский со своим помощником Ф. В. Владимировым встал перед полком. Настроение солдат было явно недружественным. Едва Подвойский начал говорить о дисциплине, как из рядов послышались выкрики:

— Опять старый режим! Не за то боролись! За что воюем?!

Солдатская масса враждебно зашевелилась. Подвойский на минуту умолк. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Именем Советского правительства смутьянов арестовать! В трибунал! — вдруг властно приказал Подвойский Владимирову.

По знаку Владимирова четко подошло отделение образцовой роты ВВИ. На глазах отвыкших от дисциплины, а потому оторопевших от неожиданности солдат несколько смутьянов были выведены из строя, обезоружены и взяты под стражу.

— В следственный изолятор! — громко распорядился Владимиров.

Стало вдруг очень тихо.

— Эти, — Подвойский показал на спины уводимых арестованных, — думают не о том, чтобы земля оставалась у пахаря, а фабрики — у рабочих! Шкурники, они думают о том, как полегче прожить. Советская власть дала землю крестьянам, отдала заводы рабочим. За это на нее теперь прут со всех сторон бывшие хозяева. На нее пошли вышколенные английские, французские, японские, американские батальоны. Кто же должен отстаивать эту власть? Разве не вы — пахари и мастеровые? Чтобы выстоять, нужны железные, дисциплинированные батальоны и полки Красной Армии. А вы?..

Большевистская правда сломала лед враждебности, Подвойский сумел пробиться к душам солдат. Перелом был достигнут...

Скупые строчки отчетных документов тех лет не передают эмоций. Но они свидетельствуют, что только с середины февраля по май 1919 года на освобожденной части Украины удалось создать 3 окружных, 10 губернских, 88 уездных и 1738 волостных военкоматов. К июню они взяли на учет 22 призывных возраста общей численностью около 1,8 миллиона человек, большое число офицеров старой армии. Это позволило 15 марта провести первую мобилизацию, потом еще 8 призывов, в результате чего в Красную Армию Украины и на Восточный фронт было направлено в общей сложности около 95 тысяч бойцов, а также 7,5 тысячи бывших офицеров и военных чиновников.

Но для отбивающейся на многочисленных фронтах Советской Республики этого было мало. В. И. Ленин, ЦК РКП(б), главком требовали: больше, больше, быстрее — решается судьба Советской власти!

Н. И. Подвойский организовал работу наркомата так, чтобы он из призывников сразу же формировал штатные подразделения и части. Это повышало эффективность мобилизации, но добавляло много забот по налаживанию снабжения, сбору и ремонту оружия, обеспечению казармами, транспортом и т. д. Новым формированиям требовались сотни, тысячи командиров. По инициативе Николая Ильича с февраля по июнь на Украине было открыто 19 командных курсов, на которых одновременно обучалось 6 тысяч курсантов.

Мощным импульсом в своей работе Н. И. Подвойский считал решения состоявшегося в марте в Москве VIII съезда РКП(б). Это был необычный съезд, потому что в условиях все более разгоравшейся гражданской войны Коммунистическая партия разработала и приняла Программу строительства социализма.

...Всю ночь напролет тускло светила настольная лампа в номере гостиницы. Николай Ильич почти до утра вчитывался в строки партийных документов. Многие идеи в них были новые, неожиданные, а некоторые — прямо из жизни, горячие, долгожданные. Провозглашена политика прочного союза с середняком при опоре на бедноту, против кулака. Для Украины это особенно важно. Средняк здесь сидит густо, разномастные атаманы и батьки давят на него, принуждают поставлять им людскую силу. Союз с середняком — лучший способ обескровить банды, расширить базу пополнения Красной Армии! Николай Ильич вдумывается в этот тезис, откидывается на спинку стула, потом встает и начинает быстро и бесшумно

ходить по номеру гостиницы. Союз с середняком — это же ключ ко многим вопросам, к решению самых сложных проблем!

Николай Ильич читает материалы съезда, а сам мысленно сопоставляет с установками съезда свою работу. Тут же формулирует новые задачи, ищет эффективные направления, наиболее подходящие способы их реализации. Он выверяет свою линию и подчас (что греха таить) удовлетворенно и не без гордости отмечает, что в спорах с оппонентами был прав, следуя логике жизни и исходя из интересов дела. Съезд отверг партизанщину, осудил противопоставление ее регулярной армии с централизованным управлением и железной дисциплиной, указал, что главный принцип военного строительства — руководство партией всеми вооруженными силами. Разве не этот подход он с самого начала отстаивал здесь, на Украине?

Словно наэлектризованный идеями съезда, Н. И. Подвойский развернул «пожарную», по его выражению, работу по доведению их до сотрудников наркомата, военкоматчиков, комиссаров, командиров, газетчиков. Завершил ее Николай Ильич тем, что вместе с работавшим тогда на Украине А. С. Бубновым провел съезд политработников Красной Армии республики. Через актив живительная политика партии пошла глубже, вниз, к рядовым коммунистам и беспартийным, которые должны были дать практическую отдачу. Сам же Подвойский ежедневно, как в освежающий и исцеляющий родник, погружался в народную гущу, выступая на митингах, собраниях и непременно беседуя в конце с теми, кто только что видел его выступающим с трибуны, а то и с зыбкой тачанки.

9 мая 1919 года на собрании красноармейцев-коммунистов Киевского гарнизона он говорил об изменении методов партийной работы в армии в связи с установками VIII съезда, разъяснял, почему надо равномерно распределять по взводам и ротам рабочих, батраков, окружать вниманием середняков, стремиться к тому, чтобы в каждой роте был хотя бы один коммунист, а лучше — партячейка. Свое выступление Н. И. Подвойский, как обычно, закончил словами:

— У кого есть ко мне вопросы, после собрания минут сорок-пятьдесят я в вашем распоряжении.

Едва закончилась официальная часть, его плотным кольцом окружили красноармейцы. Николай Ильич по привычке, не дожидаясь вопросов, сам завязал разговор. Спросил одного, другого, кто откуда, чем занимался... И уже будто не было первоначальной стесненности, некоторой официальности, неизбежно возникающей при общении рядовых

красноармейцев с наркомом. И здесь, в Киевском гарнизоне, через десяток минут уже сидели и откровенно беседовали не нарком с рядовыми, а товарищи по партии, обсуждая общее дело, обогащая друг друга своими суждениями и своим опытом.

В конце беседы не отходивший от Николая Ильича, но напряженно молчавший красноармеец со смысленными глазами спросил:

— Николай Ильич, на собрании вы сказали, что центром организационной работы в армии должны быть не партийные организации дивизии или полка, а ячейки в ротах. Вроде это не совсем так. Основа все-таки комитеты... А тут и до эмпиризма недалеко.

— Вы, наверное, из студентов, — улыбнулся Николай Ильич.

— Был, да доучиться не пришлось.

— То ж я и вижу, что практику с теорией связываете. Дело знакомое... Верно говорите — задачи формулируют комитеты. Но сила партии переливается в массу красноармейцев в ротах. Там коммунист локоть в локоть сидит с беспартийными в окопе, идет с ними плечо в плечо в атаку, в разведку. Он может еще и не шибко какой оратор. Но он весь на виду. По нему красноармейцы судят о партии. Он каждым своим шагом организует и агитирует. Если к тому же в трудную минуту подбодрит, в споре веское слово вставит — это и будет то, что от него требуется. От такого коммуниста во многом зависит сила и крепость роты, а от таких рот — крепость полка, бригады, дивизии. То же и на заводе — каждый агитирует и организует у своего станка, в своем цехе. От рядового коммуниста везде требуется прежде всего пример. Народ видит, на что ты, партийный, годен — только языком чесать, а в трудную минуту, как заяц, в кусты скакать, или в деле на тебя можно положиться...

Тут собрались рядовые красноармейцы, поэтому я так и говорил... Стихи пишете? — вдруг неожиданным вопросом закончил Николай Ильич.

Красноармеец смутился:

— Какой студент не пишет?

Николай Ильич спросил фамилию собеседника, номер его полка, что-то написал в блокноте, вырвал листок и подал красноармейцу.

— По этой записке вас отпустят в полку и пропустят ко мне в наркомат. Жду вас завтра утром. В издательстве и в газетах писать некому. Там вы можете сделать больше, чем в роте.

Н. И. Подвойский чуть ли не на каждой такой встрече примечал кого-то и рекомендовал то на курсы красных командиров, то в военкомат, а то и в аппарат Наркомвоена.

Лидеры украинской контрреволюции и их прихвостни, видя, что украинские трудящиеся с помощью РСФСР быстро освобождают территорию, устанавливают и укрепляют Советскую власть, делали все возможное, чтобы лишить Красную Армию Украины поддержки крестьянства, посеять национальную рознь между украинцами и русскими, вражду между рядовыми красноармейцами и командованием, особенно комиссарами. Для этого они использовали любой повод. Особенно широко и злобно они обыгрывали тот факт, что Н. И. Подвойский, выполняя директивы ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) У, поставлял новые формирования, оружие, снаряжение, продовольствие не только Украинскому фронту, но и Южному, Восточному и другим фронтам. Поэтому вопросы интернационального воспитания, укрепления союза рабочего класса и крестьянства были постоянно в поле зрения Н. И. Подвойского.

Он использовал прежде всего авторитет и силу печатного слова.

— Заставьте кричать бумагу! — требовал он от работников издательства и военных газет.

Сам же Николай Ильич уже в первый месяц пребывания на Украине написал и опубликовал страстные и злободневные брошюры: «Дайте хлеба революции!», «Правда о большевиках», «Зачем нужна Красная Армия?», «К годовщине Красной Армии».

— В нашей справедливой войне не может быть фронта украинского, российского, латышского, — говорил он 23 апреля 1919 года в своей речи перед курсантами Киевских командных курсов. — Все трудящиеся объединяются в один фронт против всех врагов, где бы они ни находились, с какой бы стороны ни наступали. Украинская Красная Армия — родная сестра российской Красной Армии, потому что они решают одну общую задачу.

В начале июня 1919 года Московский и Петроградский Советы прислали 17 знамен для вручения вновь сформированным полкам Красной Армии Украины. Сам факт вручения знамен представителями Питера и Москвы, считал Н. И. Подвойский, может сыграть большую агитационную роль. И Николай Ильич решил не упустить такой подходящий случай, выжать из него максимальную пользу. Он поехал к председателю Президиума Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровскому. Когда-то он принимал его в Питере, на Галерной, как депутата IV Государственной думы от Екатеринославской губернии. Потом, в 1917 году, председатель Петроградского ВРК И. И. Подвойский и нарком внутренних дел Г. И. Петровский вместе, бок о бок, боролись за укрепление Советской власти в стране. А теперь вот вновь встретились на Бь крайне, встретились как

соратники и друзья.

— Ну-с, Николай Ильич, с чем пожаловал?

— Григорий Иваныч, просто так вручить знамена Питера и Москвы — расточительство! ЦИК на днях проводит Всеукраинский съезд представителей волисполкомов. Это же крестьянская глубинка, самые крестьянские низы! Пусть делегаты съезда вместе с питерцами и москвичами вручат знамена...

— А что! Хорошо! Крестьяне вручают знамена Красной Армии! Давай, Николай Ильич, вместе и организуем.

— Это не все, Григорий Иваныч. Дай мне сразу, после вручения, слово на съезде. Я дня через три еду на Южный фронт. Там у нас неудачи. Деникин жмет на Донбасс. Плохо с продовольствием, фуражом, лошадьми. Хочу обратиться к селянам, чтобы помогли. Добровольно.

— И это дельно! Готовься.

...Посланцы Питера и Москвы вместе с делегатами съезда волисполкомов на митингах в полках вручили знамена... На съезд делегаты вернулись возбужденные встречей с красноармейцами и... удрученные: они воочию, собственными глазами увидели, что красноармейцы живут впроголодь, плохо обмундированы. Тут-то председательствующий и предоставил слово для доклада наркомвоенмору Н. И. Подвойскому. Но это был не доклад. Это был полный огня и энергии страстный призыв к крестьянам поддержать, накормить Красную Армию, пополнить ее ряды, ибо наступление Деникина вновь поставило под угрозу само существование Советской власти на Украине.

К концу его речи зал гудел. Предложения в поддержку призыва Н. И. Подвойского высказывались прямо с мест. Основательных, казавшихся несколько медлительными крестьянских делегатов было не узнать. Тут же была выделена группа, которая составила обращение к войскам Южного фронта. Этот очень искренний документ и был принят съездом. В нем говорилось: «Мы, селяне, съехавшиеся на Всеукраинский съезд представителей волостных исполкомов всей Украины, приняв участие во вручении Красных Знамен, преподнесенных Московским и Петроградским Советами РК и К депутатов Украинской Красной Армии, и, узнав, что под этими знаменами красные украинские полки пойдут в бой против деникинских, шуковских и других белогвардейских банд... приветствуем героические армии Южного фронта, их верный Советской власти командный состав, преданных и самоотверженных военных комиссаров и политических работников и единодушно провозглашаем им: «Слава!» Узнав из доклада товарища Подвойского, говорилось далее в обращении,

что над Донбассом, снабжающим углем и железом Украину и Россию, нависла опасность, что защищающие Донбасс войска из-за скудного снабжения терпят неудачи, делегаты постановили: за неделю, с 15 по 21 июня, собрать для Красной Армии и донецких рабочих с каждой волости по 400 пудов хлеба, по 80 пудов сала и масла; дать Красной Армии необходимые продукты в кратчайший срок — на два месяца, в дальнейшем — еще на четыре месяца; провести добровольную мобилизацию в Красную Армию — по одному селянину от 500 душ; поставить добровольно для Красной Армии от каждой волости по 20–30 лошадей с месячным запасом фуража; считать июнь месяцем добровольной сдачи для Красной Армии оружия и боеприпасов.

Николай Ильич вновь поднялся на трибуну.

— Доброе дело решили, селяне! Добрый наказ составили! За ночь наркомат отпечатает его и раздаст вам. Везите свое решение по всей Украине, доведите до каждого селянина! А мы повезем его на Южный фронт и доведем до каждого бойца. Пусть крепнет дружба селян и Красной Армии! Вашу помощь сдавайте прямо в-ближайшие военкоматы. Им сегодня же будет послан приказ, чтобы они формировали новые роты и эскадроны для защиты нашей родной Советской власти...

В перерыве Г. И. Петровский попрощался с уезжавшим Н. И. Подвойским:

— А ты все такой же, Николай Ильич, — улыбаясь, сказал Григорий Иванович. — Все тебе мало, все раскручиваешь. Вон как со знаменами-то повернул!

— Чужим потом не нагреешься, — отшутился Подвойский. — Время такое, Григорий Иваныч! Мужики в нашей Кунашовке говорили: «Живи не як хочеться, а як можеться». Вот я и делаю, что могу.

— Ты и мужицкую поговорку на свой лад повернул, — рассмеялся Петровский. — ...А когда на Южном фронте будешь, не обходи Советы, помогай. Ты член ЦИК, особого мандата тебе не нужно.

— Хорошо. В СНК тоже так сказали. — Подвойский стал серьезным. — Что касается порыва селян помочь Красной Армии, то это скорее крупный результат новой политики союза с середняком, чем наша заслуга. Ведь ясно, что середняк всколыхнулся, а бедняку, незаможным крестьянам такая помощь не под силу. Надо скорее доводить новую политику и осуществлять ее, тогда больше будет таких порывов и меньше крови.

Опыт политического, партийного работника многократно помогал Н. И. Подвойскому на Украине выходить из очень непростых ситуаций. —

Однажды в Киеве взбунтовался 9-й красноармейский пехотный полк. Кулацко-эсеровские элементы сначала шептались, а потом, осмелев, во весь голос стали заявлять, что комиссары грабят народ, хотят у крестьян все отобрать и отправить в Россию, а красноармейцам не дают ни хлеба, ни обмундирования — все тащат себе. В результате этой враждебной агитации полк отказался выступить на фронт, на боевые позиции. Командование гарнизона подняло по тревоге курсантов и сформировало отряд для разоружения полка.

Николай Ильич, узнав о случившемся, принял другое решение. Он понимал, что красноармейцы не враги. Они обмануты и запутаны. Николай Ильич взял сына Леву (семья в это время жила вместе с ним в Киеве) и поехал в полк. Появление безоружного и без охраны наркома, да еще с сыном, произвело сильное впечатление. Николай Ильич поднялся на возвышение и молча встал перед толпой взбудораженных, взвинченных солдат — высокий, до чрезвычайности худой, с изможденным лицом. Рядом с собой поставил бледненького, худенького, босоногого Леву.

— Вот я, нарком, — обратился он к красноармейцам. — Вот мой сын. Разве похоже, что мы питаемся или одеваемся лучше вас?

Красноармейцы притихли.

— Это Деникин говорит, это кулаки-мироеды говорят, что пришли кацапы и хотят ограбить Украину, — продолжал Николай Ильич. — Но ведь курский и орловский бедняк идет на Украину не как враг! Нет! Он пришел и проливает тут свою кровь, чтобы помочь украинскому крестьянину выгнать помещика, фабриканта, иноземцев.

Что получится, если революция остановится на полпути? Если опять вернуться помещики и капиталисты и начнут мстить рабочим и крестьянам за отнятые богатства? Нам всем нелегко. Но у нас путь только один — завоевать победу!

Николай Ильич не укорял красноармейцев. Он объяснял им, что свое, кровное дело они могут отстоять только сами и только в борьбе. Искренность, убежденность Николая Ильича возымели действие. Едва он кончил, красноармейцы сами скрутили наиболее злобных провокаторов и выставили их перед Подвойским.

Полк разоружать не пришлось. Он в тот же день в полном порядке выступил на фронт.

Организация воспитательной работы в войсках была одной из главных забот Н. И. Подвойского. По его инициативе только в марте — мае 1919 года в Красной Армии Украины было создано около тысячи библиотек,

красноармейских клубов, театров, концертных групп. За это время в войска было отправлено более двух миллионов экземпляров книг, плакатов, листовок, около трех миллионов экземпляров газет, налажена работа 16 редких тогда киноустановок. Николай Ильич требовал не только от комиссаров и политработников, но и от командиров, штабистов, чтобы воспитательная работа в войсках шла непрерывно, а агитационно-пропагандистские мероприятия были непременно связаны с задачами и жизнью подразделений.

«Размах и фантазия у Николая Ильича были безграничны, — писал один из руководителей издательского дела на Украине, член партии большевиков с 1917 года Н. И. Наумов. — В киевский период Николай Ильич был загружен неимоверно, спал по 3–4 часа в сутки, но находил время, чтобы зайти ко мне в Редиздат и убедиться лично, что потребности фронта и тыла в литературе будут обеспечены... Откровенно должен сказать, что я нещадно эксплуатировал Николая Ильича как докладчика, приглашая его всюду, где, по моему мнению, требовался самый лучший оратор, и Николай Ильич никогда не отказывался от выступлений, несмотря на усталость, недосыпание и недоедание».

Плоды трудов Н. И. Подвойского и его соратников из Наркомвоена были налицо. К 1 июля 1919 года Красная Армия Украины насчитывала 188 тысяч человек. В частях была налажена партполитработа. Создана централизованная система снабжения. Наркомвоен Украины только Южному фронту направил более 70 тысяч бойцов, обеспечивал Украинский фронт, выделил десятки тысяч красноармейцев для охраны важнейших объектов республики. Но ситуация на фронтах гражданской войны все более обострялась. Контрреволюция при прямой помощи и активной поддержке английских, французских, американских, японских интервентов сумела сколотить огромные армии и двинуть их в наступление: на востоке — полчища Колчака, на юге — Деникина, на севере — Миллера, в Прибалтике — Юденича. Страна оказалась в огненном кольце. Обстановка требовала не просто огромных, а отчаянных усилий.

Нависшая смертельная угроза резко усилила стремление независимых советских республик объединить силы в борьбе с врагами. ЦК РКП(б) поддержал это стремление и по предложению В. И. Ленина принял постановление о военном единстве советских республик. В июне 1919 года на заседании ВЦИК с участием представителей Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик был принят исторический декрет «Об

объединении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». Декрет предусматривал объединение военного строительства, военной организации, военного командования, а также советов народного хозяйства, комиссариатов труда, финансов, железнодорожного транспорта. В соответствии с декретом Наркомвоен Украины, как и других республик, упразднился.

По просьбе ЦК КП(б) У Н. И. Подвойский июль и почти весь август оставался на Украине. Совет Оборона республики использовал его на самых трудных участках гражданской войны. Вот лишь один эпизод из его жизни в то время.

В июле юго-западнее Киева петлюровцы стянули значительные силы и захватили важный пункт — узловую станцию Жмеринка. С падением Жмеринки был отрезан путь на Одессу, создавалась непосредственная угроза Киеву. Совет Оборона Украины поручил Н. И. Подвойскому выехать на место и сделать все, чтобы остановить бегущие части, вернуть Жмеринку. Н. И. Подвойский сформировал группу, в которую вошли несколько рот из киевских полков, отряд курсантов-выпускников Киевских пехотных курсов и бронепоезд имени К. Либкнехта под командованием рабочего-большевика К. В. Лихачева, и выехал под Жмеринку. В пути он присоединил к отряду еще один бронепоезд — «Таращанец».

Встретив под Казатином спешно отходившие от Жмеринки части, Н. И. Подвойский, действуя быстро и решительно, остановил их, привел в порядок, влил в свой отряд. Разобравшись в обстановке, Николай Ильич создал две боевые группы — под командованием бывшего полковника большевика Бабина и военкома Иванова. Каждой группе придал по бронепоезду и поставил задачу одновременным внезапным ударом взять Жмеринку. При этом наступление он организовал вдоль двух веток железных дорог, чтобы эффективно использовать свои бронепоезда и не дать петлюровцам возможности уйти на имевшихся у них трех бронепоездах. Свой командный пункт Подвойский разместил на станции Гнивань.

Внезапный одновременный удар был стремительным и ошеломляющим для петлюровцев. Они бросили два бронепоезда, всю артиллерию, снаряжение, боеприпасы. Лишь одному бронепоезду удалось уйти по третьей, не перекрытой, ветке. Поручение Совета Оборона было выполнено.

В конце августа Н. И. Подвойского отозвали в Москву. ЦК РКП(б)

поручил ему возглавить работу Главного управления военно-учебных заведений, но приступить к ней он по-настоящему не успел.

В самое напряженное время борьбы с рвавшимися к Москве полчищами Деникина Юденич начал очередное наступление на Петроград. Город прикрывала измотанная в длительных боях 7-я армия. Юденич, нанеся отвлекающий удар на Псков и Лугу, двинул главные силы от Нарвы на Ямбург и Гатчину. Ему удалось прорвать фронт 7-й армии. Белогвардейцы захватили Ямбург, Красное Село, Гатчину, Детское Село и фактически подошли к Петрограду. 17 октября ЦК РКП(б) и Совет Обороны призвали «защищать Петроград до последней капли крови». Были приняты срочные меры по усилению 7-й армии. Ее командующим стал Д. Н. Надежный, членом реввоенсовета и уполномоченным Совета Обороны — П. И. Подвойский.

Получив новое назначение, Николай Ильич немедленно выехал в Петроград. Он сразу же включился в работу Петроградского комитета партии по экстренному довооружению 7-й армии, мобилизации рабочих, коммунистов, комсомольцев для ее пополнения, а также по организации оборонительных работ на подступах к городу. Предложение Троцкого пустить войска Юденича в город и уничтожить их на баррикадах и в уличных боях представлялось Подвойскому немыслимым. Нет! Петроград еще никогда никому не сдавался! В. И. Ленин в обращении «К рабочим и красноармейцам Петрограда» писал, что надо держаться за каждую пядь земли, отстоять Петроград.

В Питере Николаю Ильичу все было знакомо: заводы и фабрики, партийные комитеты, суровое мужество и самоотверженность питерского пролетариата. Ведь в августе 1917 года Н. И. Подвойский организовал защиту Петрограда вместе с Я. М. Свердловым, дважды — в октябре 1917 и феврале 1918 годов — под непосредственным руководством В. И. Ленина. Теперь полученный тогда бесценный опыт должен был пригодиться, и пригодился сполна.

Н. И. Подвойский действовал так, как учил его В. И. Ленин, — мобилизовывать для обороны все и вся. Но в то же время Николай Ильич понимал, что решить главную задачу — разбить врага — должна 7-я армия. Новый командующий бывший генерал Д. Н. Надежный был профессионалом высокого класса и искренне служил Советской власти. В этом Николай Ильич убедился еще в июне 1918 года, когда вместе с ним — военным руководителем Уральского окружного комиссариата — собирал силы для отпора белочехам. Д. И. Надежный быстро и решительно восстанавливал боеспособность 7-й армии с военно-технической точки

зрения. Н. И. Подвойский, опираясь на коммунистов, поднимал революционный дух, мужество и стойкость армии. Для этого ему пришлось предпринять экстренные, не предусмотренные никакими инструкциями меры. Политработники полкового, дивизионного и армейского звена, кроме самых необходимых, были посланы в роты и батальоны, а коммунисты из штабов, способные командовать, переведены на командные посты. Значительная часть коммунистов была направлена в передовые подразделения рядовыми стрелками. Николай Ильич стремился к тому, чтобы в каждом отделении был хотя бы один красноармеец из рабочих, в каждом взводе — хотя бы один коммунист, а в каждой роте — партийная ячейка. Была налажена и резко усилена агитационная работа среди красноармейцев, местного населения. Ленинский призыв «Петрограда не сдавать!» стал стержнем всей агитации. Немногочисленные аэропланы использовались для забрасывания листовок и газет на русском, эстонском, финском языках в войска Юденича. Напряженная, буквально круглосуточная работа по укреплению армии за какие-нибудь две недели преобразила ее.

Роль практического организатора перестройки партийно-политической и идейно-воспитательной работы выполнил политотдел армии. В очерках истории этого политотдела, сохранившихся в архивах, отмечается, что «политотдел: армии в этот момент крайнего напряжения и решительной схватки за Петроград превратился из органа, действующего согласно определенным положениям и инструкциям, в орган, действующий по революционному».

21 октября 7-я армия при поддержке Балтфлота и соседней 15-й армии перешла в стремительное наступление, которое продолжалось до конца ноября. Войска Юденича были разбиты.

Постановлением VII Всероссийского съезда Советов пролетариат Петрограда за заслуги в борьбе с интервентами и белогвардейцами был награжден орденом Красного Знамени и Почетным революционным Красным Знаменем. Орден Красного Знамени получил и командующий 7-й армией Д. Н. Надежный.

В конце ноября Н. И. Подвойский выехал в Москву. И снова (в какой раз!) ему было жаль расставаться с боевыми товарищами. Но Николай Ильич знал, что в Москве его ждет работа, ждет его и семья, разлуку с которой он всегда переживал с большим трудом.

К зиме 1919 года обстановка на фронтах стала складываться благоприятно: Колчак уже не был главной опасностью для страны, Юденич

был разбит, началось наступление против войск Деникина. 29 ноября В. И. Ленин поручил Н. И. Подвойскому выяснить возможности частичного использования Красной Армии (без снижения ее боеготовности) на хозяйственном фронте.

Н. И. Подвойский целыми днями пропадал теперь в наркоматах. Ему надо было досконально изучить хозяйственную обстановку в стране, расположение крупных хозяйственных объектов и их состояние, первоочередные нужды страны и сопоставить все это с размещением армий и дивизий, с ситуацией на фронтах, с возможностью возникновения серьезной военной опасности на той или иной территории.

Вечером он торопился домой. Его семья после возвращения из Киева была поселена в пустующей четырехкомнатной квартире по Большому Знаменскому переулку. Летом в ней было просторно и светло, дети имели возможность бегать и играть, а Нина Августовна — без помех вечерами работать. Но наступила зима. Дом не отапливался — в Москве не было ни дров, ни угля. К тому же семья, как и все в Москве, голодала. Скучный паек Нины Августовны, работавшей в Наркомпросе, по сути, делился на пятерых. Никаких ценностей, которые можно было бы обменять на хлеб, в семье не было. Нина Августовна обрадовалась, когда Николай Ильич вернулся из Петрограда — все-таки стало два пайка. Но и при двух пайках дети оставались голодными, и Николай Ильич-очень переживал это. Позже он признавался, что в развороченном войнами и революциями муравейнике жизни самым трудным, почти невыносимым для него было повсюду видеть тысячи и тысячи безмерно страдающих, ни в чем не повинных детей. Может быть, именно поэтому его до конца дней так неодолимо тянуло к работе с молодежью — пионерией, комсомольцами, студентами, призывниками, молодыми красноармейцами и рабочими. А тогда, в конце 1919 года, всякий раз возвращаясь с работы домой, он с грустью думал, что единственным подарком детям являются улыбка и шутка...

Изучив обстановку в стране и на фронтах, Н. И. Подвойский разработал «План и приблизительную схему использования Красной Армии для борьбы с разрухой» и 21 декабря представил его В. И. Ленину. Многие предложения Николая Ильича были реализованы. С начала 1920 года войска стали привлекаться для возрождения шахт, заводов, портов. На положение трудовых были переведены: Запасная, 2-я, 3-я, 7-я, 8-я армии и некоторые другие крупные соединения. Оставаясь «под знаменами», они сыграли значительную роль в восстановлении разрушенного хозяйства.

...В начале января 1920 года Николай Ильич пришел вечером домой,

посмотрел на сбившихся в кучу детей, пытавшихся согреть друг друга, вздохнул и сказал:

— Собирай, Нинуша, портфель...

— Опять? — тоскливо спросила Нина Августовна.

— На Северный Кавказ, в десятую армию.

— Надолго?

Николай Ильич обнял Нину Августовну:

— С Деникиным покончим, и вернусь...

10-я армия в то время вела тяжелые наступательные бои, завершая в составе Кавказского фронта разгром войск Деникина на Северном Кавказе. В ходе длительного наступления тылы ее отстали, нарушилось снабжение продовольствием, боеприпасами, медикаментами. Людей косил тиф. Армия теряла боеспособность. Восстановить ее надо было на ходу. Николай Ильич был назначен уполномоченным Совета Оборона и членом РВС армии.

Почти месяц добирался Н. И. Подвойский до места назначения. Транспорт тогда представлял собой сплошные руины: станции были забиты тифозными больными, ранеными, беженцами, кругом валялись разбитые паровозы и вагоны.

По прибытии Н. И. Подвойский представился командующему А. В. Павлову, побывал в дивизиях у Г. Д. Гая, М. Д. Великанова, Е. И. Ковтюха и других. Быстро ознакомился с состоянием дивизий, работой политотделов. Закрутилась привычная череда дел.

Через несколько дней он встретился с членом РВС Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе.

— Рад опять с тобой свидеться, Николай Ильич! — Небольшой, коренастый, живой, Орджоникидзе, широко улыбаясь, энергично тряс руку Подвойского. — Только теперь я буду приказывать. Помнишь, я в день восстания только приехал в Петроград и в Смольном сразу наткнулся на тебя. Ты говоришь: «Товарищ Серго, нам предстоит штурм Зимнего. С фронта на его защиту идет второй батальон самокатчиков. Он уже под Питером. В помощь дать никого не могу. Поезжай навстречу и что хочешь делай, а самокатчики пройти не должны...»

— И ведь не прошли!

— Да, — удивленно и с восхищением покрутил головой Орджоникидзе. — Разагитировал я их тогда.

Орджоникидзе и Подвойский детально обсудили дела, связанные с 10-й армией, а под конец разговора Николай Ильич сказал:

— У меня просьба, Георгий Константинович. В Москве сейчас по

четверти фунта хлеба выдают, а то и по осьмушке. Помогите порожними вагонами. Я проверил, в полосе армии на складах и грузовых станциях есть зерно. Деникин, видно, не успел вывезти. Надо отправлять в Москву и Питер. Начинается весна — никаких витаминов, а тут сотни бочек с мочеными яблоками, ящики сушеных фруктов.

— Обязательно, Николай Ильич. С Тухачевским я обговорю, — Орджоникидзе сделал пометку в полевой книжке. — Будешь создавать ревкомы, ориентируй на то, чтобы не ждали нарядов из Центра. Пусть сами формируют маршрутные эшелоны и отправляют продовольствие. Любое! Мы теперь вступаем в богатые края.

— И еще. Подходит время пахать и сеять. В станицах мужиков нет, сеять некому. Поговорите с комфронта. Тухачевский поймет, он деревню знает — я это по его работе в военном отделе ВЦИК помню. Может, красноармейцев выделит. Или выздоравливающих и легкораненых из лазаретов. Время упускать нельзя. Я в ЦК напишу, но пока бумаги ходят...

— Да, станичникам надо помогать, — Орджоникидзе сделал еще одну пометку в своей книжке.

— Теперь, если можно, личное... Я ведь назначен начальником Всевобуча^[4]. А здесь — временно. Война кончается, Красную Армию придется сокращать. Ленин уже думает об этом. У Всевобуча будет много забот. Надо перестраивать его работу. А вот как? Над этим и ломаю голову. Между делом, конечно.

— Зачем сейчас думать? Приедешь в Москву и обдумаешь, — пошутил Серго.

— Нет, — серьезно ответил Николай Ильич. — Там сразу перестраивать надо. Хочу обдумать замысел и согласовать с ЦК до приезда в Москву.

— Верно мыслишь. Поэтому задерживать я тебя не буду. — Орджоникидзе хитро улыбнулся. — Сбросим Деникина в море, и сразу отпущу.

Н. И. Подвойский в штабе армии бывал часто, но не засиживался. Больше работал в полках. Во время одной из поездок в полк он увидел на дороге остатки нефтеперерабатывающего оборудования. К удивлению сопровождавших, всегда спешащий Николай Ильич неторопливо и внимательно осмотрел искореженные конструкции, постоял, подумал. Они напомнили ему 1911 год, Баку и «мазутную армию» рабочих. Думал же он о том, что в стране сотни заводов и фабрик стоят из-за нехватки топлива. В этом он убедился, готовя В. И. Ленину план использования Красной Армии для борьбы с разрухой. А 10-я армия вступает в район нефтепромыслов...

В штабе армии Н. И. Подвойский дал отделу кадров задание разыскать в полках и вызвать бывших нефтедобытчиков. Из них он создал группу для обследования мест добычи нефти. Вскоре в СНК пошла справка о состоянии и возможностях эксплуатации освобождаемых в ходе наступления армии нефтепромыслов.

Узнав о том, что 10-я армия после разгрома Деникина подлежит расформированию, Н. И. Подвойский, поразмыслив, послал в Центр и предложение о временном переводе ее на положение трудовой — весной и в начале лета в богатых районах Ставрополя и Северного Кавказа целесообразно провести большой объем сельскохозяйственных и восстановительных работ. Предложение Николая Ильича было принято.

...А по утрам, когда все еще спали и не было никаких помех, Николай Ильич обдумывал пути активизации Всевобуча, приспособления его работы к условиям приближавшегося мирного времени. Свое мнение он оформил в виде письма и отправил его в ЦК РКП(б) и РВСР. У него не было сомнений, что работать Всевобучу придется с молодежью. Следовательно, главным союзником будет комсомол. Николай Ильич урывками пишет брошюру «Что такое Коммунистический союз молодежи». В ней он размышляет о роли комсомола в поддержании обороноспособности страны, о подготовке молодежи к защите социалистического Отечества.

18 марта Г. К. Орджоникидзе телеграммой сообщил Н. И. Подвойскому решение РВС Кавказского фронта об откомандировании его в распоряжение РВСР. Вскоре пришло подтверждение ЦК РКП(б). Николай Ильич сразу же выехал в Москву. По дороге он успел составить детальный план работы во Всевобуче недели на две вперед... На перрон московского вокзала он ступил в состоянии готовности хоть через час начать эту работу.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ЖИЗНИ

СМЫЧКА С СОЛНЦЕМ

В Москве бушевала ранняя весна. Деловито стучала капель. Веселые ручейки подтачивали и уносили с собой оставшиеся кое-где островки грязного прошлогоднего снега. Щедрое солнце грело так, что к полудню от мостовой шел пар. Только ночью холод брал свое, напоминая о пережитой жестокой зиме. Но днем снова все оживало. Пробуждение природы вселяло новые надежды в людей. С посветлевшими лицами, жмурясь от яркого солнца, перепрыгивая через ручьи и лужи, они бодрее обычного спешили по своим делам.

Измученная многолетней войной, полуразрушенная страна завершала борьбу с интервентами и белогвардейцами и наконец получила долгожданную возможность уменьшить численность Красной Армии, сократить расходы на ее содержание, сосредоточить материальные, людские, финансовые ресурсы на восстановлении народного хозяйства. Хотя, конечно, зыбкой и хрупкой казалась тогда с таким трудом завоеванная передышка. Империалистические государства, а также выброшенная за рубеж и притаившаяся внутри страны контрреволюция не оставляли надежды задушить Советскую власть. «...Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — предупреждал В. И. Ленин, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике». Именно так понимал ситуацию и Н. И. Подвойский. Поэтому, не теряя ни дня, он с ходу взялся за Всевобуч.

Нельзя сказать, что во Всевобуче перед ним открылось неведомое ему поле деятельности! Весной 1918 года Николай Ильич участвовал в разработке декрета о Всевобуче. ВВИ постоянно инспектировала на местах работу его органов и помогала налаживать ее, детально анализировала руководство Всевобучем со стороны Всероглавштаба. В какой-то мере задачи военного обучения населения решались Н. И. Подвойским и на Украине. И все-таки первые дни ушли на знакомство с делами Главного Управления Всевобуча. Николай Ильич, изучая их, сразу по привычке прикидывал, где, на свежий взгляд, наиболее слабые места в работе, что нужно немедленно перестраивать, что можно впоследствии улучшить.

Всевобуч был своеобразным и очень крупным военным органом. В нем по 96-часовой программе без отрыва от работы проходили военную подготовку трудящиеся в возрасте от 16 до 40 лет. За годы гражданской войны эту подготовку прошли примерно 4 миллиона человек. К началу

1919 года на территории страны имелось 7 окружных, 37 губернских и 493 уездных отделов Всевобуча и 4616 бюро, в которых работало около 50 тысяч военных инструкторов. Управление Всевобуча входило во Всероглавноштаб, однако из-за своеобразия работы Всевобуч обладал известной самостоятельностью.

Во время войны мужское население в силу необходимости осваивало военное дело непосредственно в частях Красной Армии. В условиях же мирного времени сокращенная Красная Армия не могла обучить в своих рядах всю подрастающую молодежь. Эту задачу в значительной мере должен был решать Всевобуч, что резко подняло его роль. В ноябре 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о работе Всевобуча в новых условиях. Основной доклад был сделан Ф. Э. Дзержинским. Оргбюро решило укрепить его руководство и реорганизовать структуру. Территория страны делилась на дивизионные, бригадные и полковые округа Всевобуча, внутри которых создавались батальонные, ротные и взводные участки. Внутри этих структурных единиц были сформированы так называемые территориальные кадры (группы хорошо подготовленных профессиональных военных), которые осуществляли военное обучение населения и представляли собой кадровый костяк на случай развертывания подразделений и частей. К территориальным кадрам Всевобуча с целью их усиления были присоединены коммунистические части особого назначения (ЧОП), насчитывавшие в тридцати губерниях около 100 тысяч человек. Состояли они из коммунистов и комсомольцев и использовались на местах для подавления нередких тогда открытых вылазок контрреволюции.

Таким образом, ЦК РКП(б) поручил Н. И. Подвойскому руководство мощной, разбросанной по стране организацией, охватывавшей вместе с обучаемыми сотни тысяч людей. Николай Ильич в полной мере осознавал масштабы работы, ответственность, возложенную на него.

Изучая дела Всевобуча и намечая направления его реформы, Николай Ильич одновременно решал еще одну задачу. Он энергично разыскивал своих соратников, особенно тех, кто, по его мнению, умел жить делом, творить, идти нехоженными путями. Первым на его призыв откликнулся соратник по «Военке» и ВРК А. Ф. Ильин-Женевский. Встретились они, как братья, вспомнили «Солдатскую правду», штурм Зимнего. Николай Ильич с жаром заговорил о предстоящей работе Всевобуча, о трудностях, с которыми придется столкнуться, и неожиданно закончил:

— Поскольку есть много нерешенных проблем, острых задач и есть нужда в неожиданных решениях, поскольку дел будет невпроворот... — Подвойский перевел дыхание, лицо его осветилось улыбкой, — по старой

дружбе предлагаю тебе, Александр Федорович, самую бездонную по объему работу на редко награждаемой должности комиссара Всевобуча.

Ильин-Женевский улыбнулся в ответ:

— Ну что ж, комиссарская жизнь мне известна. Я ведь теперь комиссар Петроградского военного округа. Развернуться во Всевобуче, конечно, есть где. Однако перевод надо решать через ЦК и РВСР.

— Это я улажу. Я очень рад... и не сомневался...

Н. И. Подвойскому удалось привлечь к работе во Всевобуче бывших работников расформированной полгода назад Высшей Военной Инспекции: В. Ф. Горина-Галкина, Н. Е. Ефимова, И. П. Приходько, — а также нескольких хорошо знакомых ему активистов «Военки» и ВРК. Они стали, особенно на первых порах, опорой его начинаний, как и многие работники старого аппарата Всевобуча.

Н. И. Подвойский, В. Ф. Горин-Галкин, А. Ф. Ильин-Женевский, И. Е. Ефимов в первую очередь ознакомились с постановкой партийно-политической и воспитательной работы со всевобучистами. Она, как и следовало ожидать, еще «дышала» гражданской войной, отражала недавние задачи прямой борьбы с интервентами и белогвардейщиной. Но Всевобучу предстояло воспитывать у молодежи бдительность и постоянную готовность к защите социалистического Отечества в мирных условиях. Группа в кратчайший срок разработала новое Положение о партийно-политической и воспитательной работе. Это был важный документ, повернувший работников Всевобуча к актуальным задачам, заставивший по-новому взглянуть на военную подготовку населения.

После этого Николай Ильич переключился на организаторскую работу и нацелил аппарат на разрешение совершенно определенных, конкретных проблем. Надо было уточнить программы военной подготовки; добиться строжайшей регулярности и высокого качества занятий; с помощью местных партийных комитетов, Советов, комсомола, профсоюзов развернуть военно-патриотическую пропаганду и агитацию среди молодежи, чтобы увлечь ее военными знаниями. А однажды, собрав работников Всевобуча, Н. И. Подвойский заявил:

— Начинаем поход в округа и на участки. Цель похода: в кратчайший срок довести новые требования Всевобуча; организовать занятия по новым программам. Поезжайте в дивизионные округа и каждый проделайте в них ту же работу, что мы провели здесь. Организуйте там такой же поход в полковые округа. И так дойдите до взводных участков, до самого низа. На всех уровнях обязательно укрепляйте связь с партийными и

комсомольскими комитетами, Советами, профсоюзами, а где они оборвались — восстанавливайте.

Продумывая способы одновременного поворота Всевобуча к решению новых задач, Н. И. Подвойский пришел к выводу, что нужен именно такой поход: сверху вниз. Он позволит привлечь к переменам одновременно всех. Опасаясь, что аппаратчики пойдут по наиболее легкому пути — увлекутся администрированием, «диктатом» и инспектированием, — Николай Ильич особо подчеркнул:

— Помните, что вы не контролеры, а организаторы. На местах наши директивы уже получены. Ваше дело — помочь перейти к работе по-новому, а не констатировать, что где-то что-то не так. Может, не все в наших директивах предусмотрено, а может, и не все правильно. Посоветуйтесь в самых низах, там, где инструктора организуют и проводят занятия. Собирайте все полезное и интересное, везите сюда. Приедете и отчитаетесь в своих управлениях и отделах о том, где вам удалось наладить работу. Весь ваш материал обобщим и сразу соберем первую всероссийскую конференцию работников Всевобуча. Поэтому срок очень короткий — на всю работу вам дается две недели.

В тот же день опустели канцелярии Главного Управления Всевобуча. Потом была обещанная Николаем Ильичем конференция. Она показала, что дело сдвинулось повсеместно и сразу...

В напряженной обстановке этих первых преобразований Н. И. Подвойский обдумывал новую для него проблему. Еще при назначении на должность В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский в беседе с ним вновь поставили провозглашенную, но забытую из-за войны задачу — развернуть во Всевобуче не только военную, но и физкультурно-спортивную подготовку молодежи. Говорил больше Владимир Ильич. Он подчеркнул, что социализм должен теперь же, не откладывая, создавать условия для всестороннего развития личности, в том числе физического, ибо оно есть часть коммунистического воспитания. Сейчас, подчеркивал В. И. Ленин, удобнее всего взяться за это дело Всевобучу, который будет работать с молодежью. Социальное значение физкультурно-спортивного движения — вот на что делал упор В. И. Ленин. А Ф. Э. Дзержинский сказал:

— Борьба ведь не кончается, Николай Ильич, она только принимает скрытые формы. По всем линиям. Можете мне поверить. Что военная и физическая подготовка идут рядом, вам хорошо известно. Но вы, может, и не подозреваете, что резко участились активные попытки возродить старые спортивные клубы «для избранных» — конные, стрелковые, фехтовальные.

Одним словом, группируются спортсмены в лайковых перчатках. Клубы эти «с душком». Там собираются не только любители спорта. Рассчитывают привлечь молодежь. Кого и к чему они будут там готовить?.. Нам нужны красные спортивные организации. Молодежь должна быть с нами не только сегодня, но и завтра.

Думая о возможных путях развертывания массового физкультурного движения, Н. И. Подвойский советовался со своими ближайшими соратниками во Всевобуче, с хозяйственниками, руководителями профсоюзов, он побывал в Наркомздраве и в ЦК РКСМ. Чем глубже Николай Ильич вникал в проблему, тем очевиднее становилась для него ее значимость. Он все чаще стал поднимать тему спорта на совещаниях и наконец взялся за перо.

В нем созрел страстный пропагандист спорта, он фактически стал первым организатором физкультурного движения в нашей стране.

Николай Ильич понимал, что защиту социалистического Отечества должны обеспечивать не только идейно зрелые и обученные в военном отношении трудящиеся, но и физически крепкие люди. Однако страна была разорена — мировой и гражданской войнами, интервентами. Население голодало. Свирепствовали болезни. Города кишели беспризорными детьми. Советское государство пока не имело возможности обеспечить население в достаточном количестве не только медицинской помощью и лекарствами, но даже хлебом. «Взгляните на рабочий класс, изголодавшийся и истощенный, — писал с горечью Н. И. Подвойский. — Его терзают туберкулез, тиф, испанская болезнь. Гибнут... дети — надежда рабочего класса». Он пришел к твердому убеждению, что в сложившихся условиях физкультура и спорт — единственное и самое доступное средство оздоровления трудящихся. В брошюре «Смычка с солнцем» он писал: «Солнце — лучший пролетарский врач, у которого нет ни кабинета, ни диплома, ни дощечки на двери». Физические упражнения на воздухе, на солнце, на воде, убеждал он, доступны для всех и не требуют материальных затрат.

Н. И. Подвойский через Всевобуч стал разворачивать «борьбу за самовыздоровление» трудящихся, в первую очередь молодежи. Начиная ее, он понимал, что призыв к массовому, поголовному занятию физкультурой и спортом натолкнется на серьезные препятствия не только материального, но и психологического плана. Дадут о себе знать веками формировавшиеся предрассудки — ведь спорт считался в народе «барским» занятием. Преодолеть эти препятствия, верил Подвойский, можно будет только общими усилиями партийных, комсомольских, профсоюзных организаций,

хозяйственных руководителей. Он рассчитывал на их активное участие и помощь. «Так как спортивно-гимнастическое дело, или дело самовыздоровления, по существу, является вопросом восстановления прежде всего рабочей силы, — писал Николай Ильич, — в этом деле должны быть заинтересованы все без исключения рабочие и крестьяне, и поэтому лозунг массовости является нашим первым и основным лозунгом».

Во всех подразделениях Всевобуча появились энтузиасты физкультурно-спортивного движения. Новое направление работы было закреплено в официальных документах Всевобуча, поддержано его печатью. Актив его округов и участков повсеместно развернул пропаганду физкультуры и спорта, а главное, взяв на себя роль организаторов, вышел с конкретными предложениями о постановке физкультурно-спортивной работы, адресовав их местным партийным, советским, комсомольским, профсоюзным организациям, руководителям фабрик и заводов. Н. И. Подвойский вошел с соответствующими предложениями в Наркомздрав, Наркомпрос и другие ведомства, в профсоюзы, Центральный Комитет комсомола. Не везде и не сразу его поняли и поддержали. Появились даже разговоры о «дон-кихотстве», о «чудачествах» Подвойского — мол, есть задачи и поважнее. Но на начинание Всевобуча охотно отозвалась молодежь. Вскоре появилась и первая ласточка: открыл свою спортивную площадку Русско-кабельный завод в Москве. Начались занятия физкультурой и с всевобучистами.

Так, весной 1920 года усилиями Н. И. Подвойского при поддержке ЦК РКСМ, Наркомпроса и Наркомздрава Всевобуч дал первоначальный толчок развитию массового физкультурно-спортивного движения в стране.

Сразу же возник дефицит инструкторов. Сначала к военно-учебной работе было привлечено более 17 тысяч бывших унтер-офицеров старой армии. Они удовлетворительно справлялись с военно-инструкторскими обязанностями, но квалифицированно вести воспитательную работу в нужном направлении не могли. В поисках выхода Н. И. Подвойский встретился с чемпионом России 1915 года выдающимся спортсменом Я. Ф. Мельниковым. Яков Федорович охотно согласился помочь Всевобучу и, кроме того, познакомил Н. И. Подвойского с другими известными спортсменами. Агитировать Николай Ильич умел. Вскоре работать во Всевобуче пришли конькобежцы П. и В. Ипполитовы, гребец Б. Астафьев, лыжники В. Григорьев и В. Серебряков, легкоатлеты А. Бирзин и А. Шульц, тяжелоатлеты А. Бессонов и А. Бухаров, боксер А. Харлампиев и

другие. Они стали прекрасными педагогами-инструкторами, настоящими энтузиастами развития физкультуры и спорта, опорой Н. И. Подвойского в этом нелегком тогда деле. Боксер А. Харлампиев настолько загорелся идеей массовой физкультуры, что на долгие годы стал одним из ближайших помощников Николая Ильича. Он поделил с ним не только радость достижений, но и горечь поражений и неудач, которых оказалось более чем достаточно на их тернистом пути. Н. И. Подвойскому, хотя и с большим трудом, но все же удалось добиться перевода во Всевобуч и опытных спортсменов-любителей из частей Красной Армии.

Привлечение спортсменов не решало до конца кадрового вопроса — их было слишком мало. Но у Н. И. Подвойского уже был наработан опыт решения кадровых проблем. Ему были известны два способа их решения: развертывание сети собственных курсов и привлечение общественников. Он в полной мере использовал оба способа. Уже в следующем, 1921 году на различных курсах Всевобуча было подготовлено 20 тысяч инструкторов при общей их потребности в 25 тысяч. Кроме сети краткосрочных курсов, в Москве действовали Высшие организационные курсы и гордость Николая Ильича — двухгодичная Главная военная школа физического образования.

Н. И. Подвойский очень скоро убедился, что без опоры на науку массовое спортивно-физкультурное движение правильно организовать невозможно. Всевобуч установил тесные деловые связи с Государственным институтом физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, созданным в Петрограде в трудном 1919 году. По инициативе и при самом активном участии Николая Ильича на базе Главной военной школы физического образования только в 1920 году было проведено несколько научных конференций. Сам он изучил десятки книг по физиологии, психологии, организации спортивного движения в России и в зарубежных странах. В его рабочих блокнотах начала 20-х годов часто встречаются записи о встречах с профессорами института имени П. Ф. Лесгафта, учеными-медиками, в них множество выписок из специальной литературы, журналов. По этим записям видно, с каким упорством и с какой целеустремленностью он подымался на тот уровень знаний, который был необходим для компетентного руководства физкультурно-спортивным движением в стране.

Повернув в несколько месяцев работу Всевобуча в новое русло, Н. И. Подвойский, верный ленинскому принципу проверки исполнения, отправился в округа и на участки, чтобы лично убедиться в том, что дело пошло. Он объехал 22 губернии. Практически везде он сталкивался, с одной стороны, с бедностью, нехваткой средств и оборудования и

связанными с этим трудностями, с другой — с энтузиазмом и энергией, изобретательностью и находчивостью инструкторов и всевобучистов по преодолению этих трудностей. Это радовало Николая Ильича. Ведь, прилагая гигантские усилия к тому, чтобы развернуть в условиях разрухи спортивное и физкультурное движение, Н. И. Подвойский многим тогда казался оторванным от жизни мечтателем. Но он твердо стоял на реальной почве.

Учитывая бедственное положение страны, Николай Ильич добивался самого широкого распространения таких видов спорта, которые не требовали больших затрат материальных средств, имели военно-прикладное значение, а главное — могли и должны были стать массовыми: ходьбы, бега, прыжков, лазания по канату, метания, плавания, велосипедного спорта, туризма, лыжного бега. Николай Ильич не звал к достижению рекордов, которые являются уделом единиц, а ставил задачу оздоровления и физического воспитания миллионов и миллионов людей. Особенно пропагандировались футбол, баскетбол, лапта, городки.

— Спортивные игры требуют инициативы и импровизации, — доказывал он. — Они воспитывают коллективизм, заставляют играть на команду, творить — это именно то, что нужно человеку социализма.

В своих выступлениях, статьях, приказах Н. И. Подвойский призывал, убеждал, требовал превратить в спортивные площадки и использовать для занятий каждый пустырь, каждый захламленный участок двора. Он ежедневно бывал на территориальных участках Всевобуча в столице. Довольно часто инструктора Всевобуча, секретари комсомольских организаций начинали увлеченно рассказывать ему, где и что они собираются сделать, а Николай Ильич, щурясь в улыбке, мягко обрывал их:

— Я тоже люблю помечтать. Но дело-то не такое уж хитрое, чтобы о нем думать месяцами. Лучше покажите сделанные площадки и скажите, на скольких из них занимаются физкультурники.

Убедившись, что дальше разговоров дело пока не идет, помечал в блокноте и обещал через недельку-другую приехать еще раз. И действительно, приезжал убедиться, что же сделано. С него брали пример и его помощники.

Под руководством Всевобуча комсомольский актив сумел летом 1920 года расчистить и чем мог оборудовать сотни спортивных площадок, начать на них занятия с молодежью. Дело это было совершенно новое. Благообразные старушки, проходя мимо площадок с занимающимися физкультурниками, оторопело крестились и, поджав губы, спешили прочь. Обыватели скептически улыбались, отпускали соленые шуточки и

откровенно советовали сходить, например, в кузню да помахать молотом. Сами же физкультурники еще стеснялись друг друга, своей неловкости и неумелости. Занимались они кто в чем.

Посетив одну из новых спортивных площадок в Москве, Николай Ильич увидел, как юноши в пиджаках и рваных ботинках пытались выполнить какие-то упражнения на турнике, рядом у самодельных брусьев путались в длинных юбках девушки. Он вернулся в Полевой штаб Всевобуча и вызвал своего заместителя Закса.

— Очень важное задание, — сказал Николай Ильич. — Надо написать убедительную и эмоциональную статью о спорткостюмах. Короткие штанишки и рубашка — вот лучшая форма для занятий.

Закс с сомнением покачал головой.

— Женщинам — долой юбки и длинные чулки! — резко продолжил Николай Ильич, распаляясь от того, что и Закс сомневается. — Надо преодолеть этот пережиток, ложный стыд тренироваться и выступать в спортивной форме! Пример должны показать инструкторы, особенно из девчат. Подготовьте приказ по Всевобучу, да построже! Статью готовьте экстренно, в следующий номер журнала «К новой армии».

Н. И. Подвойский выступил перед инструкторами Всевобуча, в Главной военной школе физического образования, перед слушателями курсов инструкторов.

— Природа ничего не создала прекраснее человека, — убеждал он. — Тренированное тело спортсмена, доведенные до совершенства движения так же изящны и красивы, как в балете! Правильное физическое развитие — полноправный и необходимый элемент культуры человека. Надо показать молодежи образцы физического развития юношей и девушек. Кроме вас, этого сделать некому. Тренироваться и выступать в теплое время надо на воздухе, на солнце, в спортивной одежде, девушки — в легких блузах и спортивных трусиках, юноши — в трусиках. Это и удобнее, и полезнее, и будет иметь воспитательное значение.

Николай Ильич во время своих выступлений демонстрировал слушателям репродукции картин, фотографии атлетов, копии античных скульптур. В те дни у него зародилась мысль собрать воедино произведения искусства, книги, фотографии, инструкции, программы — все, что относится к физкультуре и спорту, и использовать эти материалы в учебных целях и в целях пропаганды. Так по его распоряжению во Всевобуче стал накапливаться материал для создания музея физической культуры и спорта, первого подобного музея в стране.

Кампания в пользу спортивной формы, развернутая работниками

Всевобуча и его печатью, постепенно стала давать результаты. «Мне вспоминается лето 1920 года, — писал позже Н. И. Подвойский. — На улицах городов в тот год появились большие массы загорелой на солнце молодежи, занимавшейся в трусиках на спортплощадках. Я сообщил об этом Владимиру Ильичу. Улыбаясь, он сказал: «В народе нарождается правильное, более естественное, здоровое отношение к человеческому телу». В. И. Ленин в этой беседе, свидетельствовал далее Н. И. Подвойский, поставил задачу большой социальной важности — нравственно воспитывать молодежь, добиваться товарищеских, культурных взаимоотношений между юношами и девушками. Этот вопрос, только в более широком плане, В. И. Ленин поднял в июне 1920 года на организованном ЦК РКП(б) совещании работников деревни. Н. И. Подвойский был участником этого совещания. В. И. Ленин в своей речи призвал улучшить работу партийного, советского аппарата в деревне, а также аппарата Всевобуча, «который параллельно с военной работой должен вести культурную работу, должен поднимать сознание крестьянства».

В июле Н. И. Подвойский был введен в состав только что созданной по декрету СНК Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации неграмотности, или, как она тогда называлась, ВЧК ликбеза. В обязанности комиссии входило создание пунктов по ликвидации неграмотности, подготовка на краткосрочных курсах учителей школ для взрослых, издание учебных пособий. Николай Ильич понимал, что поставленные В. И. Лениным задачи по усилению культурной и воспитательной работы Всевобуча и задачи ВЧК ликбеза очень близки. И Н. И. Подвойский решал их параллельно. Он ввел обязательные политзанятия для допризывников и призывников всех возрастов, на всех территориальных участках Всевобуча были созданы штатные библиотеки, а где для; того имелись возможности — клубы Всевобуча. Н. И. Подвойский добивался того, чтобы клубы, библиотеки спортплощадки Всевобуча разнообразили формы своей работы, чтобы они стали самым притягательным местом для молодежи.

Все это, конечно же, приносило дополнительные хлопоты и заботы Всевобучу, и некоторые его руководители ворчали по поводу «ненасытности Подвойского», но это и поднимало авторитет организации. Всевобучу и ВЧК ликбеза стали активно помогать многие видные деятели культуры: ученые Н. Я. Марр, В. М. Бехтерев, писатели Д. Бедный, В. Я. Брюсов, Л. Н. Сейфулина и другие. Особенно крепкие связи установились у Н. И. Подвойского с Максимом Горьким, который помогал, в частности, решать труднейшую в то время задачу издания учебной

литературы для всевобучистов. Ведь в стране катастрофически не хватало бумаги, многие типографии были разрушены. М. Горький, откликаясь на просьбы Николая Ильича, помогал печатать необходимую литературу даже за границей. Так, в начале августа 1920 года Николаю Ильичу положили на стол телеграмму из Петрограда, в которой Алексей Максимович сообщал: «Шестнадцатого июля писал Вам, выслал смету печатания за границей книг для Всевобуча. До сих пор не получил ответа. Прошу ускорить ответ и выслать аванс... Предварительные работы по осуществлению печатания за границей предпринимаются на месте... Максим Горький». Николай Ильич тут же написал на тексте: «Немедленно выслать. 7.VIII.20». В архиве сохранилось письмо М. Горького, написанное красным карандашом характерным горьковским почерком на листочке плохой газетной бумаги: «Дорогой Николай Ильич! Получили Вы смету? Дадите аванс? Это очень важно — посылаю рукописи за границу и нужны деньги для оплаты их.

Нельзя ли видеть Вас?.. Жму руку. М. Горький».

В рабочих блокнотах Н. И. Подвойского лета 1920 года имеются, например, такие короткие записи: «Горький. Для допризывников книгу», «Горький. Послать автомобиль», «Горькому телефонограмма. Написать для допризывников книгу». Общались они, видимо, постоянно. Ольга Николаевна Подвойская свидетельствует, что М. Горький не раз бывал у Николая Ильича на квартире, и они подолгу беседовали.

1920 год был счастливым для Николая Ильича. Работа во Всевобуче увлекала его своей значимостью, масштабностью, возможностью искать, творить. Это была работа на будущее, что всегда привлекало Николая Ильича. В то же время она позволяла вносить свою лепту в решение текущих задач страны, и без этого Николай Ильич также не мыслил своего существования. Его рабочим местом стал Полевой штаб Всевобуча, который расположился на Воробьевых горах в помещении большой дачи, принадлежавшей до революции яхт-клубу. Кабинет Николая Ильича был сплошь завален книгами. Они были на столах, стульях, книги по марксизму, военному делу, физкультуре и спорту, спортивной медицине, психологии. Практически каждый день он выделял час-другой для самообразования.

В семье Подвойских произошли изменения. У Нины Августовны и Николая Ильича в мае родилась дочка, которую на радостях они и назвали весенним именем — Маечка. Семья жила в том же здании яхт-клуба, заняв две небольшие комнатухи у черного входа.

В редкие минуты отдыха Николай Ильич выходил на высокий, крутой берег Москвы-реки и любовался бескрайней панорамой города. Неоглядные дали будоражили воображение, будили мечты. А они у него

всегда в конечном счете замыкались на конкретные дела. Как-то, обозревая излучину Москвы-реки, которая гигантской пятикилометровой подковой огибала большой ровный участок с деревней Лужники, Н. И. Подвойский подумал, что, в сущности, это — идеальное место для огромной спортплощадки, на которой могли бы заниматься тысячи людей. Правый обрывистый берег у деревни Воробьеве со своими тремя террасами мог бы быть использован для размещения зрительских трибун, а ровное место у подножия берега — для пяти-шести площадок по разным видам спорта. Здесь хватило бы места не только для спортплощадок, но и для будущего музея спорта...

Эта мысль мелькнула у Н. И. Подвойского вроде бы случайно, но потом вернулась, а через неделю уже не давала ему покоя. Так у Николая Ильича появилась мечта превратить Воробьевы горы и низкий левый берег Москвы-реки у деревни Лужники в циклопический стадион-гигант, в небывалый спортивно-культурный комплекс. Только кем и на что строить? При тогдашней безработице рабочей силы было много, но чем платить? Николай Ильич нашел единственно возможный в тех условиях выход. Он подумал, что стадион можно и нужно строить силами допризывников, физкультурников, комсомольцев, молодежи бесплатно, на добровольных началах, с помощью массовых субботников.

Николай Ильич сколотил во Всевобуче и его Московском окружном управлении группу энтузиастов, которая и развернула агитацию и организационную работу. Ему удалось добиться разрешения Моссовета на начало строительства. Первым помощником Всевобуча стал столичный комсомол. Началась расчистка места для строительства стадиона. 22 апреля 1920 года, в день двухлетия Всевобуча, по инициативе Н. И. Подвойского на расчищенной площадке были организованы парад допризывников и показательные выступления небольшой группы физкультурников. Затем состоялся грандиозный субботник московской молодежи.

Идея строительства стадиона овладела мыслями и чувствами Николая Ильича. Он верил, что придет время, и страна наберет силы, будет строить десятки и сотни стадионов. Поэтому Красный стадион в Москве, считал он, должен стать образцово-показательным, с него будут брать пример другие города страны.

Богатое воображение Николая Ильича все время питало идею комплекса, она жила и развивалась. Он уже думал о том, что к группе спортивных сооружений надо присоединить не только музей спорта, но и академию физкультуры, а крутой берег позволит легко построить там открытый «греческий» театр с подымающимся веером каменных или

деревянных сидений. Значит, это уже будет научно-культурно-спортивный комплекс для одновременного посещения десятками тысяч людей, имеющих разные интересы. Здесь можно будет проводить международные соревнования, тогда комплекс послужит и делу сближения с мировым пролетариатом...

Николай Ильич понимал, что такую стройку силами Всевобуча, комсомольцев и молодежи уже не осилить. Она должна стать всенародной. И он обращается к архитекторам, художникам, публицистам за помощью. В августе 1920 года при Всевобуче была образована Комиссия по сооружению Красного стадиона. Первое ее заседание состоялось 27 августа. В комиссию вошли и активно в ней работали архитекторы И. И. Рерберг (руководитель технической секции), В. С. Масленников, Н. Я. Колли, А. Л. Поляков, В. Д. Кокорин, И. П. Машков, И. В. Жолтовский, художник Г. Б. Якулов (руководитель художественной секции), скульптор С. Т. Коненков, публицист В. Г. Тардов и другие. Специальная компетентная комиссия в сентябре обследовала выбранное для спорткомплекса место и сделала вывод о возможности строительства на нем не только легких, но и капитальных сооружений. 21 сентября 1920 года Главное Управление Всевобуча объявило открытый конкурс на эскизный проект Всероссийского Красного стадиона.

Наиболее интересный проект был представлен И. И. Рербергом. Он предусматривал строительство следующих сооружений: на обрывистом правом берегу у воды — трибуны речного спорта, далее — семь теннисных площадок, выше — главная спортивная арена с трибунами, тренировочное футбольное поле, ледяная гора, Дворец спорта и клуб, залы для легкой и тяжелой атлетики, коттеджи-общежития для спортсменов, открытый «греческий» театр; на низком левом берегу у Лужников — ипподром со своими трибунами; между правым и левым берегами в районе комплекса — мост. Все сооружения естественно вписывались в ландшафт и не требовали его разрушения. Таков был замысел. Он должен был осуществляться последовательно. Первая стройка — главная спортивная арена, или Всероссийский Красный стадион.

Не приходится удивляться, что в условиях разрухи, голода 1920–1921 годов мог родиться такой грандиозный проект. Ведь в творческом порыве энтузиастов строительства Красного стадиона, как в зеркале, отразились настроения и дух народных масс тех лет, торопящихся быстрее и полнее осуществить будущее, увидеть его своими глазами.

Н. И. Подвойский, в первые же месяцы почувствовавший на своих плечах тяжесть забот ничем не обеспеченного строительства Красного

стадиона, может быть, лучше других понимал, какие трудности придется преодолеть. Но, несмотря на это, именно он являлся главным вдохновителем, самым ярким сторонником строительства спорткомплекса, ибо был убежден, что будущее надо возводить каждому своими руками, и начинать его строить надо сегодня, сейчас, не откладывая до каких-то лучших времен, так как эти лучшие времена сами по себе не придут. Он не давал покоя ни себе, ни другим.

Итак, физкультурное движение набирало силу и свидетельствовало о том, что для нового социалистического государства забота о трудящихся отнюдь не слова. Молодая Страна Советов делала первые, но очень твердые и уверенные шаги на поприще мирной жизни.

В июле 1920 года в нашей стране должен был состояться II Конгресс Коминтерна. Ожидались делегации 41 страны, представители десятков молодых коммунистических партий зарубежных стран. Перед Всевобучем была поставлена задача организовать спортивным праздник и показать его делегатам конгресса. Они должны были воочию увидеть наши первые достижения.

Прикинув возможности Всевобуча, Н. И. Подвойский предложил провести на Красной площади парад всевобучистов и массовый праздник физкультуры и спорта на площадке будущего Красного стадиона в районе Воробьевых гор.

Началась подготовка к празднику. Тысячи допризывников, студентов, молодых рабочих в свободное время сооружали трибуны-временки, расчищали беговые дорожки, приводили в порядок футбольное поле. Николай Ильич приходил домой поздно, довольно потирал руки и оживленно говорил:

— Чувствую локоть комсомола!

II Конгресс Коммунистического Интернационала открылся 19 июля в Петрограде, а с 23 июля его заседания проходили в Москве. Главная задача конгресса состояла в том, чтобы помочь организационно укрепить молодые коммунистические партии, вооружить их многогранным опытом партии большевиков, выработать единую тактику работы в массах. К конгрессу В. И. Ленин написал книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в которой показал международное значение опыта партии большевиков. «... Русский образец, — писал В. И. Ленин, — показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего».

Н. И. Подвойский, участвовавший в работе конгресса, в перерывах между заседаниями беседовал со многими делегатами о распространении спортивного движения среди рабочих. В нем зрела мысль о создании

международной рабочей спортивной организации.

Встретившись с руководителем английских коммунистов Уильямом Галлахером, Николай Ильич предложил ему сколотить сборную команду по футболу из делегатов конгресса и на спортивном празднике сразиться с физкультурниками Всеобуча, то есть со «сборной» РСФСР. У. Галлахер, будучи заядлым футболистом, знал, что для России футбол — игра сравнительно новая. Поэтому он немало изумился «дерзкому» предложению Н. И. Подвойского. Однако согласился и сказал, что, пожалуй, делегаты смогут показать русским физкультурникам настоящий футбол. «Никола вернулся из Питера сияющий, запыхавшийся, с эмблемой III Интернационала и с Красной Звездой и нашим Гербом на груди, — записала в дневнике Нина Августовна. — Приехал с делегатами Конгресса в особом поезде». Он сразу сообщил о предстоящем матче, шутливо подчеркнув, что это будет первый международный матч советских футболистов.

Команду Всеобуча сформировали из слушателей московских курсов инструкторов спорта и допризывной подготовки. В нее вошли: Владимир Блинков, Николай Соколов, Сергей Сысоев, Василий Королев, Александр Борисов, Павел Татарников, Петр Жаков, Петр Артемьев, Александр Холин и другие. Сборную конгресса представляли: У. Галлахер, американский писатель Д. Рид, англичанин Т. Квелч, американец Э. Макальпанин и еще несколько английских, американских и голландских товарищей.

Наступил день праздника. Он начался внушительным парадом допризывников на Красной площади. Тысячи юношей и девушек стройными рядами прошли перед трибунами, олицетворяя собой уверенное будущее Страны Советов. Затем делегаты и гости перебрались на Воробьевы горы. Временные трибуны Красного стадиона были до отказа заполнены зрителями. И вот на поле под музыку начали одна за другой выходить группы физкультурников. Они слаженно и красиво выполняли массовые гимнастические упражнения. Как замороженные, молчали трибуны, изумленные невиданным зрелищем. Когда упражнения закончились, зрители разом встали и аплодировали до тех пор, пока последний физкультурник не покинул поле. Затем состоялись состязания по бегу, прыжкам, метанию, поднятию гирь и другим видам спорта. Всего в спортивном празднике участвовало 18 тысяч физкультурников. И это в разоренной, голодной стране!

Но «гвоздем» праздника, как и предполагал Николай Ильич, стал футбольный матч. Трибуны буквально гудели, время от времени взрываясь аплодисментами и восторженными криками одобрения. Зрители в равной

мере переживали за обе команды, неподдельно радуясь каждому удачному финту, а тем более голу. «Эти одиннадцать парней были ловкими игроками, — писал потом У. Галлахер об этой встрече. — Мы были перед ними совершенно беспомощными, и нас разбили наголову. Однако я, именно я, забил единственный гол в ворота наших русских противников! Так что я могу считать, что был первым иностранцем, заставившим советских футболистов вынуть мяч из сетки ворот на их собственном поле».

По распоряжению Николая Ильича победители матча получили высочайшую по тем временам награду — по банке консервов и немного муки на команду. Вечером у них был редкостный по «роскошности» ужин — блины с консервами.

Николай Ильич был доволен праздником. Позже он вспоминал, что делегаты конгресса были поражены нашими достижениями в развитии физкультуры и спорта, и именно это укрепило в них мысль использовать спортивные организации своих стран в интересах революционной борьбы рабочего класса.

Вскоре, в августе 1920 года, в стране был создан Высший совет физической культуры при Главном Управлении Всеобуча (ВСФК). Физкультурное движение разрослось и нуждалось в едином организующем и научно-методическом центре. Председателем ВСФК был назначен Н. И. Подвойский. Работы, как и ответственности, у него стало еще больше. Но, постоянно общаясь с молодежью, он словно переживал свою вторую молодость.

В конце сентября в Москву на III Всероссийский съезд РКСМ стали съезжаться представители комсомольских организаций. Н. И. Подвойский получил приглашение выступить на съезде по вопросу: «Милиционная армия и физическое развитие молодежи». В первый же день его работы, 2 октября, В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Н. И. Подвойский и А. В. Луначарский приехали на съезд. Появление гостей было встречено такими овациями, что Владимир Ильич долго не мог начать говорить. Наконец зал замер, и В. И. Ленин произнес свою, по выражению А. В. Луначарского, «блестящую и бездонно глубокую речь», которая вошла в историю под названием «Задачи союзов молодежи».

4 октября В. И. Ленин встретился с Н. И. Подвойским и имел с ним обстоятельную беседу. Владимир Ильич, вспоминал Н. И. Подвойский, внимательно и заинтересованно расспрашивал о подробностях военно-физкультурной работы, очень обрадовался, когда узнал, что в стране создано более 2000 спортплощадок. Он сказал, что это большая победа на

культурном фронте. Но дело не в количестве, подчеркнул он, а в том, чтобы спортплощадки были притягивающими к себе очагами, которые, объединяя в одно целое военную подготовку, спортивные тренировки и начальное образование, сумели бы организовать свободное время молодежи с большой для нее пользой. Надо с помощью местных Советов, профсоюзов, комсомола, ведомств, говорил Владимир Ильич, охватить военно-физкультурной работой возможно более широкие массы рабочей и крестьянской молодежи, слить эту работу с коммунистическим воспитанием. Он дал указание привести к весне 1921 года в культурный вид все городские, фабрично-заводские и сельские спортивные площадки. Владимир Ильич посоветовал Н. И. Подвойскому выделить эти задачи в его выступлении на съезде комсомола.

У Николая Ильича тезисы выступления были уже продуманы. Он внес в них после беседы с Владимиром Ильичем необходимые поправки. На съезде Н. И. Подвойский поделился с делегатами своими мыслями о сложностях строительства новой жизни.

— Обстановка такова, — сказал он, — что страна ни на один момент не должна оставаться без подготовленной вооруженной силы.

Он показал значение военной подготовки молодежи во Всевобуче, а затем подробно изложил задачи физического воспитания, передал делегатам указы В. И. Ленина. Николай Ильич рассказал и о своей заветной мечте: о создании Красного стадиона на Воробьевых горах. В ответ он услышал из зала звонкие выкрики:

— Даешь Красный стадион! Даешь!

После его выступления делегаты решили всем составом съезда (около 600 человек) выйти на субботник по строительству Красного стадиона. Николай Ильич был избран Почетным комсомольцем. Съезд принял развернутое постановление о работе комсомола по развитию физической культуры. Это была большая поддержка Всевобучу.

...Утро 10 октября было холодным и дождливым. На Воробьевы горы пришли делегаты III съезда комсомола, съехалось более 10 тысяч комсомольцев, красноармейцев, студентов, молодых рабочих Москвы. Николай Ильич, в длинной кавалерийской шинели, веселый и энергичный, поднялся на макет яхты, открыл митинг и произнес зажигательную речь. Гремел оркестр. Тысячи голосов скандировали:

— Даешь Красный стадион!

После митинга была проведена официальная церемония закладки Красного стадиона. Ни холодный ветер, ни дождь не помешали молодым энтузиастам с полной отдачей работать в этот памятный день на стройке

будущего стадиона.

Чтобы привлечь массы молодежи к спорту, Николай Ильич стремился придать физкультуре максимальную зрелищность, насытить ее музыкой, театральностью. В этом стремлении он нашел единомышленника и союзника в лице руководителя театрального отдела Главполитпросвета режиссера В. Э. Мейерхольда, который был убежден в необходимости поиска новых форм агитационного, публицистически острого театра. В. Э. Мейерхольд считал, что театр должен выйти из замкнутого пространства к людям, на природу, соединиться с физкультурой. Замыслы Подвойского и Мейерхольда в чем-то совпадали. И Николай Ильич пошел на решительное сближение с Главполитпросветом — органом Наркомпроса, направлявшим культурно-просветительную и агитационную деятельность в стране. Нарком А. В. Луначарский, поощряя творческий поиск, оказывал всяческую поддержку Подвойскому и Мейерхольду. В ноябре 1920 года было принято решение об объединении Главполитпросвета и Всевобуча «на началах взаимного обслуживания и слияния параллельных учреждений». Это был шаг к театрализации физической культуры, к созданию так называемого «теофизкульты».

9 декабря 1920 года Н. И. Подвойский и В. Э. Мейерхольд собрали в Доме печати столицы литераторов, художников, музыкантов, артистов и провели диспут «Всевобуч и искусство». На нем Подвойский выступал за максимальное использование воспитательных возможностей физкультуры, за широкое вовлечение в нее масс, повышение их творческой активности и самодеятельности.

— Необходимо, — заключил он, — сблизить занятия физической культурой с массовым театральным действием. Физическая культура, близость к природе и массовое театральное действие — вот факторы создания нового коллективистского человечества.

В своей речи он призвал деятелей литературы и искусства поддержать набравшее силу массовое физкультурное движение, отразить его в театре, поэмах, музыке, ваянии.

«Мой призыв был принят горячо», — вспоминал потом Н. И. Подвойский. Многие поэты, художники почувствовали важность начавшегося дела и включились в его развитие.

Усилиями Николая Ильича при ВСФК начала действовать комиссия по разработке единой системы физического воспитания для людей разных возрастов. Возглавили ее после личных встреч и бесед с Н. И. Подвойским ректор Московского института физической культуры и спорта В. Е.

Игнатьев и известный психолог П. А. Рудик. В Главной военной школе физического образования начала работать научно-исследовательская лаборатория во главе с профессором В. В. Гориневским, При прямой поддержке Н. И. Подвойского на московских и петроградских инструкторских курсах были созданы физиологические кабинеты. Так под физкультурно-спортивное движение стала подводиться солидная научная база.

Спортивно-физкультурное движение, получая все новые импульсы, ширилось. К концу 1920 года в стране работало более 1500 спортивных клубов, в которых занималось около 140 тысяч человек. Это было в три раза больше, чем в дореволюционной России. А всего в физкультурном движении в это время участвовало около 1,5 миллиона человек.

В июне 1921 года Москва ждала делегатов III Конгресса Коминтерна. Всеобуч, как и год назад, готовил Красный стадион к большому спортивному празднику в честь делегатов конгресса. Известный спортсмен В. Григорьев вспоминал: «Подвойский был все время с нами, он то брался за лопату, то агитировал поработать еще немного. Кто слышал Николая Ильича, тот помнит, что он всегда мог убедить, настоять на своем».

Конгресс Коминтерна работал с 22 июня по 12 июля 1921 года. Он поставил перед компартиями задачу овладения массами, усиления влияния на них, подготовки их к революционной борьбе. Этой линии вполне соответствовали предложения Николая Ильича о создании международной спортивной организации рабочего класса, о превращении Красного стадиона на Воробьевых горах в Международный Красный стадион. Предложения получили одобрение. Было решено создать по принципу паевого участия Товарищество строителей Международного Красного стадиона. Его учредителями должны были стать ВЦСПС, отдельные предприятия, части Красной Армии и т. д. Наконец-то строительство стадиона получало хоть какую-то материальную основу.

Тогда же, в июле, по инициативе Н. И. Подвойского было созвано международное совещание представителей пролетарской физической культуры. Съехались делегаты рабочих спортивных организаций Советской России, Германии, Франции, Чехословакии, Италии, Венгрии, Австрии, Голландии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Польши. Работа совещания проходила в штабе Всеобуча, в бывшем яхт-клубе. На первом же заседании, 19 июля, выступил Н. И. Подвойский и предложил создать международную спортивную организацию — Красный Спортивный Интернационал. Делегаты поддержали предложение Николая Ильича и

обратились в Исполком Коминтерна с просьбой утвердить новую организацию. Исполком Коминтерна удовлетворил эту просьбу. Красный Спортинтерн был создан. Его председателем единодушно был избран Н. И. Подвойский. Спортинтерн объединил рабочие спортивные организации многих стран и впоследствии не только содействовал развитию рабочего спорта, но и внес определенный вклад в укрепление интернациональных связей пролетариата, в усиление борьбы рабочего класса с фашистской опасностью.

Таким образом, неутомимый Николай Ильич, начав с организации физкультурной работы во Всевобуче, постепенно расширил ее до масштабов страны, а затем принял на свои плечи заботы о развитии спорта среди рабочих других стран. Любое дело, за которое брался, он приводил в движение и развивал его, не давая ему остановиться, застыть, окостенеть, отыскивая все новые и новые возможности. «Я должен повернуть это на коммунизм» — любимое выражение и железное правило послеоктябрьской жизни и деятельности Николая Ильича.

Именно Н. И. Подвойскому пришла мысль использовать спорт, которым тогда занималась по преимуществу молодежь, для воздействия на жизнь и быт целых семей, включая пожилых людей и детей. Каким образом? По предложению Николая Ильича Всевобуч стал организовывать так называемые рабочие гуляния. Впервые они были проведены летом 1920 года. Местом для них были избраны живописные Воробьевы горы. Афиши заранее сообщали москвичам о времени и программе гуляний. Участникам рекомендовалось взять с собой флягу с водой, полотенце. На месте гуляний инструкторы Всевобуча, студенты художественных учебных заведений, артисты под музыку военных оркестров ненавязчиво, с шутками, постепенно вовлекали всех пришедших в несложные массовые ритмические упражнения, танцы. В результате к разгару гуляния на нем уже не было зрителей, все становились участниками, и гуляние превращалось во всеобщий праздник. Вечером сидели у костров, шутили, пели песни. Всевобучисты и комсомольцы Москвы обеспечивали на гуляниях такой порядок, что там не было места любителям выпить и хулиганам. Вскоре москвичи стали приходить на гуляния не только семьями, но и целыми бригадами, цехами, предприятиями. Участником многих гуляний был и Николай Ильич с семьей.

В рабочих гуляниях Н. И. Подвойский видел не только отдых и возможность вывести москвичей на природу. Он говорил, что рабочие гуляния воспитывают массы, направляют их интересы, придают

праздничность выходному дню, являются средством строительства нового быта, «быта здорового, быта трезвого, быта радостного, быта, соответствующего нашему обществу».

Все чаще вечерами и в праздничные дни на просторных площадках Воробьевых гор сотни физкультурников участвовали не только в спортивных программах, но и в театральных представлениях, как правило, с революционным сюжетом. В создании их, художественном и музыкальном оформлении участвовали режиссеры В. Э. Мейерхольд, А. Я. Таиров, художники и поэты С. Т. Коненков, Г. Б. Якулов, Д. Бедный, В. В. Маяковский и другие. Эти особенно любимые Н. И. Подвойским массовые действия оказывали сильное эмоциональное и одновременно идейное воздействие на участников и зрителей, что особенно привлекало деятелей культуры. «Я люблю Вас, Николай Ильич», — восторженно писал Н. И. Подвойскому после одного из таких представлений В. Э. Мейерхольд. Композитор М. М. Ипполитов-Иванов обещал Николаю Ильичу создать музыку для некоторых предполагаемых театрализованных представлений к революционным торжествам. В эту работу включилась и приехавшая в Россию всемирно известная танцовщица Айседора Дункан. Она помогала ставить массовые ритмические спортивные танцы, готовить к ним физкультурников, часто виделась с Николаем Ильичом на Воробьевых горах и была в восторге от замыслов и увлеченности Н. И. Подвойского. «Подобно Прометею, этот муж готов подарить человечеству пламя для его возрождения», — писала А. Дункан о Николае Ильиче.

В наши дни массовые гимнастические упражнения и театрализованные представления на стадионах стали традиционным элементом всенародных праздников, крупных юбилейных торжеств. Зарождалось это все в трудные 20-е годы, когда освобожденные от эксплуатации трудящиеся, отстояв Советскую власть, приступили к строительству социалистического общества. Это было время, когда спорт и искусство впервые выходили на прямое служение народу.

Всеобуч, ВСФК, Спортинтерн... Н. И. Подвойскому приходилось буквально прессовать время, чтобы выкраивать его для другой, не менее ответственной работы. Дело в том, что 22 сентября 1920 года В. И. Ленин подписал декрет об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарта). Н. И. Подвойский был введен в состав комиссии, где ему поручили возглавить отдел Красной Армии. Он считал это задание одним из важнейших своих партийных поручений. Николай Ильич наметил круг лиц, в основном

участников трех революций и гражданской войны, воспоминания которых могли бы, как он выражался, конкретизировать и оживить историю Октября и Красной Армии. Он письменно и устно убеждал их немедленно приступить к работе над воспоминаниями. Сам Николай Ильич подготовил план крупной коллективной работы по истории Красной Армии под общим названием «Красная Армия и Красный Флот в гражданской и революционной войнах Советской России. 1917–1920 гг.». Авторами должны были выступить А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский и другие известные военные работники партии и полководцы гражданской войны. Они, как и Н. И. Подвойский, были людьми чрезвычайно занятыми. Но Николай Ильич делал все возможное для того, чтобы эти народные герои, пока их память еще сохраняет события, нашли время и написали свои подробные воспоминания. «Историко-революционные дела, — доказывал он, — не описанные и не пущенные в оборот, — классовое преступление перед пролетариатом». Он работал с каждым предполагаемым автором индивидуально и, как правило, «доводил» его до согласия представить нужный материал. А тех, кого он считал в этом смысле не очень «надежными», полусуто, полусерьезно вынуждал собственноручно писать ему в рабочий блокнот расписку о том, что к такому-то сроку текст воспоминаний будет представлен. Таких расписок в блокнотах Николая Ильича немало.

Как бы ни был занят, Н. И. Подвойский никогда не отказывался ни от одного поручения партийных организаций. Вместе с Е. М. Ярославским, Ф. Я. Копом, А. С. Бубновым он читает лекции на политические темы в Военной академии (ныне Академия имени М. В. Фрунзе), в создании которой в 1918 году он принимал самое активное участие. Совет Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова своим решением привлек Николая Ильича «к постоянной работе в университете как лектора, так и руководителя партийными секциями», о чем просто прислал ему уведомление. Николай Ильич и это воспринял как должное. Так же воспринимал он многочисленные путевки МК РКП(б), райкомов, обязывающие прочитать лекцию, выступить на митинге или встрече. Он скрупулезно, как скупой свое золото, делит вечерние и ночные часы, выделяя время на срочную работу, на подготовку к выступлениям, на написание статей и брошюр.

Надо сказать, что условия для работы дома у Николая Ильича были тяжелейшими. Семья его снова жила в гостинице, теперь — в «Национале». 130-й номер, который она занимала, был большой. Но в его обширной комнате жило трое взрослых, пятеро детей Подвойских и двое

приемных, которые появились в семье Подвойских во время засухи 1921 года, охватившей Поволжье. Тогда Советское правительство приняло экстренные меры по спасению детей. Их эшелонами вывозили в другие губернии. В Москве был брошен клич: кто может, временно приютите эвакуированных детей! Николай Ильич и Нина Августовна, работавшая в статистическом отделе ЦК РКП(б), не могли остаться в стороне. Они взяли двух мальчиков — татарина Габди и чуваша Кадыра, которые прожили у них более трех лет.

...Итак, в 130-м номере гостиницы ютилось 10 человек. Нина Августовна повесила над раковиной умывальника плакат: «Не хныкать! Не шуметь! Не мешать папе работать!» От Нины Августовны Николай Ильич никогда не слышал жалоб. Но он видел, что полураздетые и полуголодные дети донашивают потрепанную одежду и обувь, передавая ее от старшего к младшему, и, истощенные, непрерывно болеют. Долго работавший с Н. И. Подвойским, в том числе и на Украине, Е. Н. Наумов однажды не выдержал и спросил, почему Николай Ильич не воспользуется своим положением и хоть немного не подкормит больных детей. «Николай Ильич посмотрел на меня уничтожающе, — вспоминал Е. Н. Наумов, — как будто я сказал ересь, и ответил вопросом:

— А как питаются дети рабочих? Почему мои дети должны питаться лучше?»

Рабочие, призывники, спортсмены не раз присылали Николаю Ильичу продуктовые посылочки. Но Нина Августовна и Николай Ильич всякий раз и непременно с согласия своих истощенных, цинготных детей отдавали их в детские дома и больницы.

Да, Николай Ильич жил, не давая себе пощады. И в конце концов это не могло не сказаться. Его поразила тяжелейший приступ «грудной жабы», который наложился на предельное физическое и нервное истощение. Организм Николая Ильича был изношен настолько, что врачам потребовалось более полугодя, чтобы поставить его на ноги. К работе он вернулся лишь в начале 1923 года...

23 февраля 1923 года праздновалось 5-летие Красной Армии. Николай Ильич всегда отмечал этот день и как личный праздник — так много сил отдал он Красной Армии, так слился душой с ее заботами. В праздничные дни курсанты 1-й Московской революционной пулеметной школы, созданной в свое время по инициативе Николая Ильича, вручили ему грамоту об избрании его Почетным красноармейцем и курсантом школы, Почетным командиром ее был избран В. И. Ленин. ВЦИК СССР, отмечая

большую роль Н. И. Подвойского в организации Красной Армии и боевые заслуги в годы гражданской войны, наградил его орденом Красного Знамени. До конца дней он высоко ценил этот единственный свой орден, гордился им. Но иногда при взгляде на него к чувству гордости примешивалась горечь... горечь расставания с Красной Армией.

...Все произошло вдруг, неожиданно для Николая Ильича. С конца 1922 года Троцкий, воспользовавшись тяжелой болезнью В. И. Ленина, вновь начал борьбу против ленинизма. Он рассчитывал взять руководство партией в свои руки. Для него, не верившего в силу масс, не существовало задачи мобилизации творческой энергии трудящихся, развития их инициативы в интересах строительства и защиты нового общества. А именно на это, в соответствии с установками В. И. Ленина и ЦК РКП(б), была направлена, в частности, деятельность Всевобуча. Троцкий назвал работу Всевобуча «неделовой», заявил, что он не нужен, так как занимается «не своим делом». Троцкого поддержали те работники Всевобуча, которые физкультурную, ликбезовскую, культурно-воспитательную работу считали для себя дополнительной обузой. По настоянию Троцкого на всех необходимых уровнях было обсуждено и принято решение о ликвидации Всевобуча как самостоятельной и целостной организации. Лишь небольшая часть его аппарата оставалась в Наркомате по военным делам для осуществления контрольных функций. Добившись ликвидации Всевобуча, Троцкий заявил, что «со включением Всевобуча в общий военно-бюрократический аппарат, т. Подвойский не может быть там достаточно использован». Это означало, что места в Красной Армии для Н. И. Подвойского наркомвоен Троцкий не видит. Ни встретиться с Н. И. Подвойским, ни поговорить с ним по телефону, ни ответить на его письма Троцкий не пожелал.

Думается, что произошло все это не случайно. Личные контакты Подвойского с Троцким возникли осенью 1917 года, когда Троцкий стал председателем Исполкома Петроградского Совета. Тогда встречи их были редкими и носили сугубо деловой характер, связаны были с подготовкой ВРК к вооруженному восстанию. Когда Троцкий возглавил Наркомат по военным делам, они стали работать в одном ведомстве, однако, надо сказать откровенно, отношения у них не складывались. И дело тут было не в личной неприязни, а во взглядах, в стиле работы. В частности, Н. И. Подвойский считал, что в военном управлении должен осуществляться ленинский принцип централизма на основе партийности, опоры на коллективное мнение при строжайшем единоначалии и персональной ответственности руководителя. «Я всегда стремился, — писал Н. И.

Подвойский, — выучить работников действовать в коллективе, от имени коллектива, с коллективом, под контролем коллектива». Троцкий же насаждал, опираясь на военспецов, бюрократический централизм, основанный на принуждении и голом администрировании, на вере в силу приказа, директивы, бумаги. Н. И. Подвойский считал, что аппарат должен организовывать работу, учить, вести людей за собой. Троцкий же предпочитал с помощью аппарата командовать делом. Инициативный, переполненный идеями, волевой Подвойский не вписывался в стиль Троцкого, мешал ему сначала с Высшей Военной Инспекцией, а потом с вырывающимся, как и ВВИ, из рамок военного ведомства Всевобучем. Никакого желания оставлять Подвойского в Наркомате по военным делам у Троцкого не было — слишком беспокойная личность. И Троцкий отказался от всяких контактов с ним.

Н. И. Подвойский воспринял решение о ликвидации Всевобуча как неправильное и вредное. Поэтому, выйдя из больницы, он встретился с И. В. Сталиным, недавно избранным Генеральным секретарем ЦК РКП(б), но поддержки у него не нашел. В. И. Ленин в это время тяжело болел. Решение о Всевобуче уже состоялось. Никаких надежд на изменение положения не осталось.

Николай Ильич был потрясен случившимся. В феврале 1923 года он сдал дела Всевобуча и в прощальном приказе подвел итоги его работы за последние три года: впервые создана стройная система допризывной подготовки, развернута сеть школ инструкторов, подготовлено более миллиона допризывников, работают более двух тысяч очагов физической культуры, проведено множество военно-спортивных мероприятий и т. д. Распрощавшись с Красной Армией, Н. И. Подвойский плохо представлял, как будет жить дальше. Судя по письмам и по записям в блокнотах, можно утверждать, что это был, пожалуй, самый тяжелый момент в его непростой жизни, момент, когда он дрогнул. То, что он оказался ненужным своему любимому детищу — Красной Армии, — темпераментный Николай Ильич воспринял как личную трагедию. Но непоколебимая убежденность в правоте дела большевистской партии, его оптимизм и активность помогли ему удержаться. «Меня ничто и никто не сокрушит, — писал он позже Нине Августовне, — потому что я ученик Ленина, Ленина понимаю, по его пути иду, его методами стараюсь работать».

Н. И. Подвойский многие месяцы оставался без официального поста, ибо председательство в действовавшем теперь при ВЦИК Высшем совете физической культуры, Спортинтерне, в Товариществе строителей Международного Красного стадиона, в Истпарте он всегда считал

дополнительной нагрузкой, общественной работой.

На Николая Ильича обрушилась еще одна беда — 23 апреля умерла младшая дочка Маечка...Трудной оказалась весна 1923 года для Н. И. Подвойского. Но утешение он всегда видел в одном — в труде.

Благодаря энтузиазму Николая Ильича с неизмеримо возросшими трудностями, упорно продолжается строительство Красного стадиона. Значительную часть сил и времени Николай Ильич отдает производственным ассоциациям — еще одному детищу его творческой фантазии. Они стали образовываться в конце 1921 года, после X съезда РКП(б), который принял решение о переходе к разработанной В. И. Лениным новой экономической политике. Она была рассчитана на то, чтобы укрепить союз рабочего класса и крестьянства, на основе материальной заинтересованности поднять все активные силы для восстановления народного хозяйства страны, дать рабочим хлеб, а крестьянам — нужный им инвентарь.

Н. И. Подвойский внимательно слушал на съезде В. И. Ленина, его «Доклад о замене разверстки натуральным налогом». Как всегда, записывал стержневые мысли, намечал свои личные задачи, а также задачи Всевобуча. Он понимал, что Всевобуч, работавший с сотнями тысяч допризывников и физкультурников, может и должен в условиях нэпа помочь партии и государству восстанавливать народное хозяйство. Но формы, методы этой помощи ему стали ясны не сразу. Он напряженно искал их.

Наконец идея вызрела. Николай Ильич решил создать при Всевобуче «образовательно-производственные ассоциации» — своеобразные кооперативы из физкультурников и допризывников. Он рассчитывал, что молодые энтузиасты, если их к тому же материально заинтересовать, в свободное время могут заняться, например, сбором и реализацией сырья, собственными силами наладить производство сначала спортивного инвентаря, а потом и «предметов рабоче-крестьянского быта». Всю работу ассоциаций планировалось строить на самоокупаемости, на полном хозрасчете и на личной материальной заинтересованности каждого участника. Когда ассоциации, считал Подвойский, окрепнут, заработают собственные средства, они смогут заняться и более сложным делом, например, производством черепицы, сборкой велосипедов и мотоциклов из деталей, закупленных за границей на свои деньги. Николай Ильич даже мечтал о магазинах Всевобуча (или ассоциаций): «Все для спортсмена», «Все для крестьянина», «Все для матери и ребенка». Очень важно было и то, что с помощью заработанных средств можно было перевести физкультурно-

спортивную работу на самоокупаемость и самофинансирование, освободив тем самым небогатый государственный бюджет от расходов на ее материальное обеспечение.

Думая о производственных ассоциациях, Подвойский надеялся найти решение не только экономических, но и воспитательных задач. Ведь вовлечение молодежи в активную работу по восстановлению хозяйства страны сопровождалось бы обучением юношей и девушек массовым рабочим профессиям, им бы прививался вкус к труду. Так шло бы движение к конечной цели — коммунистическому воспитанию молодежи, подготовке ее к труду и обороне.

Прошло немало времени, прежде чем появились первые производственные ассоциации Всевобуча. Вскоре они объединились в организацию с мудреным названием Всероссийское товарищество производственных ассоциаций спорта (ВТОПАС). Эти новые коллективы по договоренности с местными властями приспособляли для работы полуразрушенные мастерские, брошенные сараи, пустующие фабрики, восстанавливали и использовали старые станки. Производство простейшего спортивного инвентаря — пока вручную, кустарно — началось. Однако это не совсем удовлетворяло Николая Ильича. Он обивает пороги государственных учреждений в поисках временного кредита — «первоначального капитала» — для развертывания настоящего производства, доказывает, что ассоциации скоро заработают средства и вернут кредиты... Где-то удивляются его просьбам, где-то сочувствуют, понимают его, но... ничего не дают, ибо средств и материалов было в обрез.

...Время шло. Несмотря на трудности, ВТОПАС уже имел две небольшие фабрики спортивного инвентаря, производственные мастерские в Москве, Петрограде, Ростове, Смоленске, Туле и ряде других городов. Тут и случилась ликвидация Всевобуча. Кооперативное объединение ВТОПАС стало ничейным, а потому незаконным. Николай Ильич пытается «легализовать» его. Но в стране уже шел процесс централизации управления экономикой. Отношение к самостоятельным и инициативным по характеру кооперативам типа ВТОПАС или Товарищества строителей Международного Красного стадиона становилось все более прохладным. Николай Ильич продолжал бороться. «ВТОПАС — не мое личное дело, — писал он в апреле 1926 года, — а имел, имеет и будет иметь большое государственное значение. Стадион тоже. Следовательно, не я один должен драться из-за них, а все, кто считает, что в спортивно-гимнастическом деле мы имеем лучшее средство массового воспитания, образования и

организации».

Однако тогда кооперативы ВТОПАС, как и Товарищество строителей Международного Красного стадиона, фактически были обречены. Исторически сложилось так, что время для развертывания кооперативного движения пришло лишь шесть десятилетий спустя. В конце 20-х годов планы Н. И. Подвойского считались утопией. Сегодня же думается, что его, в общем-то скромные, задумки были не так уж и утопичны.

Неудачи гнут, но не ломают Николая Ильича. Он ищет способы как-то все же участвовать в военном строительстве, помогать Красной Армии, пусть на общественных началах.

В это время родилась массовая организация — Общество друзей воздушного флота (ОДВФ). Николай Ильич вместе с М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзержинским, С. А. Чаплыгиным, С. С. Каменевым вошел в Центральный Совет ОДВФ. Здесь он встретился с К. С. Еремеевым. Как встарь, они сели вдвоем... и через несколько недель из-под их пера вышла брошюра «Организация Воздушного Флота СССР», предназначенная для молодежи, «заболевшей» тогда авиацией.

Н. И. Подвойский ежедневно выступает с лекциями, на митингах и собраниях, разъясняет внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского государства. С особой охотой он шел к железнодорожникам, а также к ткачам «Трехгорки». Ткачи и железнодорожники были его любимой аудиторией со времени работы в Ярославле в 1905 году.

Однажды, в мае 1923 года, ему пришлось выступать на собрании рабочих депо Рязано-Уральской железной дороги с разоблачением так называемого «ультиматума Керзона» — английского министра иностранных дел. Выступление Николая Ильича произвело такое сильное впечатление, что рабочие долго его не отпускали, стали качать, причем неудачно — он ударился грудью о плечо одного из рабочих и сломал ребро. Отлеживаясь в больнице, Н. И. Подвойский шутил, что во всем «целиком виноват Керзон».

Верность Н. И. Подвойского идеалам революции, его самоотверженность, труд с полной отдачей во имя социализма создавали ему высокий авторитет у трудящихся. В дни празднования 25-летия I съезда РСДРП железнодорожники подарили Коммунистической партии паровоз У-127. Почетным машинистом паровоза был избран В. И. Ленин, а почетным кочегаром — Н. И. Подвойский. Николай Ильич очень высоко ценил подобные знаки внимания. Но не потому, что стремился к

известности и славе, а потому что они свидетельствовали об общественном признании его работы. Идеиная убежденность, сознание собственной нужности давали ему силы, позволяли четко определить свое место в общей борьбе за социализм.

Когда Троцкий со своими сторонниками, а также с остатками групп «децистов», «левых коммунистов», «рабочей оппозиции» в конце 1923 года вновь развернул борьбу против ЦК РКП(б), Н. И. Подвойский не знал колебаний. Он ясно видел враждебность троцкизма ленинизму.

В партии в это время было развернуто изучение истории РКП(б). Н. И. Подвойский знал эту историю не по учебникам. Он был свидетелем или участником многих событий, связанных с героической историей партии. Из его уст молодые коммунисты узнавали о многолетней борьбе Троцкого на стороне меньшевиков против В. И. Ленина и партии большевиков в дооктябрьский период. Вспоминая недавнее прошлое, Николай Ильич рассказывал, как Троцкий в октябре 1917 года, кидаясь «революционными» фразами, пытался в то же время оттянуть, а потом и сорвать вооруженное восстание, как он, дезориентируя Петроградский Совет и ВРК, даже 24 октября в 2 часа дня, то есть менее чем за полсуток до восстания, на заседании большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов заявил, что арест Временного правительства не стоит в повестке дня. А в 7 часов вечера на заседании Петроградского Совета он упрямо утверждал, что «конфликт восстания сегодня или завтра не входит в наши планы». Но всего через 4 часа в Смольный пришел В. И. Ленин и пустил «машину восстания на полный ход». Николай Ильич доказывал всю гибельность позиции Троцкого, сорвавшего в Брест-Литовске мирные переговоры. Николай Ильич с фактами в руках убеждал молодых партийцев, что В. И. Ленин десятилетия вел борьбу с ошибками Троцкого. Н. И. Подвойский мог бы рассказать и о том, что, являясь наркомом по военным делам, Троцкий презрительно утверждал, что никакой военной науки не существует. Поэтому не наркомат, а ВВИ вынуждена была организовать выпуск сборника «Революционная война» и сделать попытку обобщить первый опыт гражданской войны. Он мог бы рассказать, как безоглядно полагался Троцкий на военных специалистов и как капризно нетерпим был к политическим комиссарам; как, вместо того, чтобы поддержать, Троцкий тормозил в конце 1918 года работу ВВИ, изымая из нее специалистов и препятствуя инспектированию военных учреждений. Но этого Н. И. Подвойский не говорил, чтобы не быть понятым так, будто он сводит личные счёты.

Вскоре после XIII конференции РКП(б) партию, советский народ, мировой пролетариат, все прогрессивное человечество постигло глубочайшее горе: 21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Экстренный пленум ЦК РКП(б) принял обращение «К партии. Ко всем трудящимся». Цотрясенный, читал Н. И. Подвойский строку за строкой текст обращения: «Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, негибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера...»

Н. И. Подвойский получил пропуск на право участия в похоронах В. И. Ленина — специальный пропуск № 18. С группой старых большевиков он выехал в Горки для сопровождения гроба с телом В. И. Ленина.

Вокруг дома в Горках собрались, несмотря на мороз, сотни людей. Большевики-ветераны вынесли гроб с телом В. И. Ленина и понесли его на руках четыре версты до самой станции по живому коридору из стоявших вдоль заснеженной дороги людей с непокрытыми головами.

Почти целую неделю дни и ночи непрерывным потоком в скорбном молчании шли люди в Колонный зал Дома Союзов для прощания с В. И. Лениным.

Всего за одну ночь была создана музыкальным деятелем Г. А. Поляновским песня «Не плачьте!» — первая песня, посвященная памяти Владимира Ильича. К утру 23 января она была разучена с хором рабочего клуба швейников. ЦК пригласил хор исполнить ее в Колонном зале у гроба Владимира Ильича. Н. И. Подвойский встретил хористов и провел их в траурный зал, где застыли в молчании Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, соратники В. И. Ленина. Хористы встали чуть поодаль.

— Начинайте, — шепнул Н. И. Подвойский.

Г. А. Поляновский поднял чуть дрожащие руки. Скорбно и мужественно зазвучали первые такты:

Не плачьте, не плачьте.

Сомкнитесь, большевики!.. —

негромко, но с огромной эмоциональной силой пел хор, вкладывая в

каждое слово всю свою боль и любовь к Ленину. По лицам хористов текли слезы, но никто их не вытирал. Когда отзвучали последние слова, к Поляновскому неслышно подошел Подвойский.

— Спойте еще раз, — попросил он.

Снова зазвучали слова:

*Не плачьте, не плачьте...
На смерть твою ответим,
Единым будет клич:
«Мы все коммуны дети!
Спокойно спи, Ильич!»*

Н. И. Подвойский снова подошел к хору и попросил спеть третий раз — по просьбе близких Владимира Ильича.

«Глубоко и трогательно любил Николай Ильич Ленина, — писал Г. И. Петровский. — Эту любовь характеризует, в частности, и такой, может быть, неправильный, но совершенно искренний поступок. Когда гроб с телом Ильича стоял в Колонном зале, Подвойский, подойдя к нему, снял со своей груди орден Красного Знамени и положил его к Ленину, как бы символизируя этим, что всеми своими революционными заслугами обязан Ильичу».

Тема В. И. Ленина стала самой главной в пропагандистской деятельности Н. И. Подвойского. ЦК поручил ему в составе коллегии Истпарта собирать документы Владимира Ильича. Несколько месяцев Николай Ильич выполнял это важное поручение. Тогда же, в январе 1924 года, ЦК РКП(б) направил Нину Августовну на постоянную работу в Институт В. И. Ленина для подготовки к печати трудов Владимира Ильича. Почти тридцать лет, всю оставшуюся жизнь, она отдала этой ответственной, трудной и почетной работе.

В мае 1924 года XIII съезд партии избрал Н. И. Подвойского членом Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК), работавшей совместно с Рабоче-Крестьянской Инспекцией (РКИ). В ЦКК Н. И. Подвойскому была поручена работа в социально-культурном секторе, а в Наркомате РКИ он возглавил инспекцию по вопросам просвещения, культуры и спорта.

Работа в ЦКК — РКИ стала для Николая Ильича главной. Он избирался членом этих высших контрольных органов также на XIV и XV съездах партии.

Частые и длительные командировки, связанные с деятельностью в ЦКК, сделали невозможной дальнейшую работу Н. И. Подвойского в ВСФК, Спортинтерне, Обществе строителей стадиона. Николай Ильич сдал все дела, связанные со спортом. Он отчитался перед конференцией представителей рабочих спортивных организаций, входивших в Спортинтернационал. «Я удовлетворен, — писал он находившейся в то время на лечении Нине Августовне, — ...мои ученики выросли. Надо им открыть самостоятельный путь».

Весной 1927 года ЦК ВКП(б) и ВЦИК создали общественную комиссию по подготовке к празднованию 10-летия Великого Октября. Возглавил ее М. И. Калинин. Непосредственную организацию работы комиссии поручили Н. И. Подвойскому.

Десятилетие Октября было первой круглой датой в короткой и трудной истории тогда единственного в мире социалистического государства. Это был праздник не только трудящихся нашей страны, но и всемирного пролетариата, всего прогрессивного человечества. Выдающееся событие мирового масштаба, считал Николай Ильич, должно быть отмечено необычно, оно должно стать праздником для каждого труженика.

Н. И. Подвойский продумал общий замысел празднования, получил его одобрение в комиссии, а затем доложил о нем в ЦК ВКП(б). Суть замысла сводилась к тому, что массы должны были стать не столько зрителями, сколько активными участниками празднования. Для этого, кроме традиционных торжественных митингов, в каждом городе и крупном населенном пункте должны быть организованы торжественные шествия, театрализованные спортивно-массовые представления с сюжетами, отражающими десятилетнюю историю Советского государства, а также непременно — широкий показ народного творчества. Самодеятельным хоровым, танцевальным, театральным коллективам, оркестрам, солистам разных жанров — всем должна была быть предоставлена возможность выступить на празднике. К организации и художественному оформлению праздника предлагалось привлечь местных творческих работников, профсоюзы, комсомол, кооперативы.

Комиссия не только дала общий замысел празднования, но и старалась оказать методическую помощь. По инициативе Н. И. Подвойского были разработаны конкретные сценарии праздников в Москве и Ленинграде, а также примерные сценарии для других городов и крупных населенных пунктов. К их разработке Николай Ильич привлек известных режиссеров, артистов, поэтов, художников: В. Мейерхольда, А. Таирова, А. Безыменского, В. Маяковского, А. Жарова и других.

Много сил отнимала каждодневная текучка: встречи, споры, совещания, помощь в «выколачивании» материалов, преодоление многочисленных организационных неувязок. Но в этой стихии Н. И. Подвойский чувствовал себя как рыба в воде. «Я всем сейчас доволен, — писал он в те дни Нине Августовне. — Все ладится...»

Как-то, еще до образования юбилейной комиссии, М. И. Калинин вызвал к себе Н. И. Подвойского, кинорежиссеров С. М. Эйзенштейна и Г. В. Александрова и сказал, что необходимо к 10-летию Октября снять кинофильм о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. Н. И. Подвойский как участник революционных событий и энергичный организатор должен был помочь в создании сценария, в съемках, а также выступить в роли научного консультанта.

Задача, поставленная М. И. Калининным, была чрезвычайно сложной, потому что до юбилея оставалось не так уж много времени. На первом же «производственном совещании», где, кроме Подвойского, Эйзенштейна и Александрова, присутствовал подключившийся к работе артист М. М. Штраух, Николай Ильич предложил:

— При разработке сценария надо ориентировать на то, чтобы все основные эпизоды снимать прямо на местах событий — в Смольном, Зимнем, на Дворцовой площади.

— А что? — поддержал его Г. В. Александров. — Это сократит время и затраты на декорации.

— Достоверность! Вот что нам даст такая съемка! — сразу загорелся С. М. Эйзенштейн.

— Это не все, — продолжил Николай Ильич. — Надо, чтобы сцены и конкретные эпизоды сыграли не артисты, а сами участники восстания. Я имею в виду питерских рабочих, бывших солдат, работников ВРК и «Военки». Вот это будет достоверность!

И Эйзенштейн, и Александров, и Штраух разом взглянули на Подвойского. Они не скрывали своего удивления.

— Вы представляете, Николай Ильич, что значит собрать участников восстания? — спросил наконец С. М. Эйзенштейн. — Что значит неделями держать на съемках сотни людей?

Но Николай Ильич не смутился.

— Я вам гарантирую помощь губкома. Там же Сергей Миронович Киров! Я хорошо знаю питерских большевиков. С помощью Ленинградской парторганизации и Общества старых большевиков мы разыщем участников восстания. И обеспечим их участие в съемках. Это я беру на себя.

— Ну, если так... — задумался Эйзенштейн. — Тогда будем последовательны, — оживился он. — Тогда уж вам, Николай Ильич, придется сыграть председателя «Военки» и ВРК Подвойского.

— Что ж, придется попробовать, — согласился он. — Артистом не был, а на сцене бывать приходилось.

Николай Ильич выехал в Ленинград. Там он встретился с С. М. Кировым. Сергей Миронович как кандидат в члены Политбюро ЦК знал о партийном решении создать юбилейный фильм. Он не только обещал помочь, но сам возглавил контрольно-наблюдательную комиссию. Одновременно С. М. Киров одобрил предложение Н. И. Подвойского насытить празднование 10-летия Октября «всеми видами народного творчества».

Поддерживая повседневную связь с Эйзенштейном и Александровым, Подвойский еще много раз летом 1927 года ездил в Ленинград, организуя помощь ленинградцев съемкам. Максим Максимович Штраух потом писал:

«...Очень хочется вспомнить добрым словом Николая Итьича Подвойского. Поразительный был человек — представитель ленинской гвардии! Он был членом комиссии ЦИК СССР по празднованию 10-летия Октябрьской революции и нашему фильму уделял очень большое внимание, оказывая неоценимую помощь — был в полном смысле энтузиастом его. Мы с ним сдружились и очень его полюбили. Много раз он приезжал к нам в Ленинград, где происходили сложнейшие съемки. Подвойский буквально поднял на ноги весь город. Я вспоминаю многочисленные собрания, которые он созывал в Выборгском районе, на Путиловском заводе, в Военной Академии имени Толмачева, общегородское собрание участников Октябрьского восстания и т. д., где выступал с горячими речами, призывами помогать созданию юбилейного фильма. Он убеждал всех и каждого в важности и значимости этого дела. На некоторых собраниях Н. Подвойского оркестры встречали даже тушем — ведь он был в октябрьские дни председателем Петроградского военно-революционного комитета».

Фильм «Октябрь» был снят в срок.

Десятилетний юбилей Советского государства был подготовлен и проведен по всей стране как всенародное торжество. Но о ходе празднования Николай Ильич узнал лишь из газет и рассказов очевидцев — накануне праздника его свалил тяжелый сердечный приступ.

Самым мучительным для Николая Ильича было вынужденное безделье в больничных палатах. И потому, как только врачи разрешили

понемногу читать, он взялся за чтение Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Льва Толстого. А когда его перевели в категорию выздоравливающих, на его тумбочке появилась пачка газет, журналов, а также работы В. И. Ленина. Николай Ильич досконально изучает выходящие один за другим Ленинские сборники, а их к этому времени вышло уже восемь. В больнице Николай Ильич подготовил статью о роли В. И. Ленина в создании Красной Армии.

— Хотя какая-то польза от больницы, — шутил он, вернувшись после лечения домой.

Статья была опубликована 23 февраля 1928 года — в десятилетний юбилей Красной Армии. «Владимир Ильич мудро растил новых наркомов, новых главковерхов... — писал он в статье. — Было бы ошибочно думать, что все эти работники так и родились наркомами, военными стратегами и тактиками. Если их «поскоблить», в каждом крупном работнике непременно можно обнаружить частичку Владимира Ильича — его мыслей, его подхода к делу, его методов работы, его отношения к обязанностям, его дисциплинированности, стойкости, упорства и мужественной терпимости — всех тех высоких качеств, которыми был так богат Владимир Ильич и которые он умело оформлял во всех наших руководящих работниках. Все они прошли «военно-политический генштаб» Владимира Ильича».

И. И. Подвойский вновь включился в активную работу в ЦКК — РКК. Сектор, занимавшийся вопросами просвещения, образования и культуры, с которым был связан Николай Ильич, приступил к решению новых сложных задач: в ходе развернувшейся индустриализации страны сразу выявилась нехватка инженеров и техников. Вопрос о подготовке кадров новой, советской технической интеллигенции из рабочих и крестьян стал одним из острейших. Большевики-хозяйственники, многие из которых, выражаясь фигурально, пересели из кавалерийского седла в директорское кресло, должны были в кратчайший срок овладеть техникой, научиться квалифицированно управлять производством.

Расширением количества вузов и техникумов можно было лишь частично разрешить проблему нехватки красных специалистов. Важно было и повысить качество их обучения. Но для решения этой двуединой задачи нужны были кадры красных профессоров и доцентов. А их было очень мало. Высшая техническая школа, таким образом, нуждалась в перестройке.

В конце апреля 1929 года Н. И. Подвойский во главе небольшой

комиссии ЦКК — РКИ выехал в Ленинград для проверки технических вузов. Там он пополнил комиссию партийными работниками, инженерами, профессорами, а также рабочими и студентами. Проверка длилась девять недель.

Комиссия изучила потребности предприятий Ленинграда в инженерных кадрах и сопоставила их с возможностями втузов. Оказалось, что втузы не в состоянии удовлетворить эти потребности ни по количеству специалистов, ни по качеству их подготовки. Затем были проверены вузы. В них учебный процесс осуществлялся в условиях острой нехватки учебных аудиторий и общежитий, устаревшей учебно-материальной базы, распыленности преподавательских сил, оторванности вузов от производства.

Необходимость перестройки высшего технического образования понимали многие. Поэтому Н. И. Подвойский решил сделать работу комиссии гласной, открытой, выслушивались все предложения, было отвечено на многие и многие вопросы. 117 вузовских, заводских, студенческих, профессорско-преподавательских, партийных, комсомольских, профсоюзных и других собраний, совещаний, встреч и дискуссий провел Николай Ильич в Ленинграде. Подчас споры выливались в подлинные сражения, сталкивались противоположные идеи и предложения. «Работаю как в Октябре... запоем, — писал Н. И. Подвойский Нине Августовне. — Бои ведем с утра до 23 часов».

Проверка взбудоражила, встряхнула, подняла многие сотни людей. Они увидели, что комиссия заинтересована в поиске действительно творческих решений, интересных инициатив. И люди откликнулись на новаторский поиск. В конце концов сошлись на том, что для улучшения подготовки инженеров необходимо объединить многочисленные мелкие факультеты разных вузов — металлургические, электротехнические, строительные — и на базе Политехнического института создать мощный вуз на 10 тысяч студентов, сосредоточив в нем лучшие преподавательские силы и передовую учебную базу; ввести непрерывную в течение всей учебы производственную практику на заводах; увеличить количество лабораторных занятий, для этого немногочисленные лаборатории использовать в две смены, начиная с 6 часов утра; подготовку студентов осуществлять не только с помощью профессоров, но и инженеров, передовых рабочих с заводов.

Для Николая Ильича эти девять недель стали, можно сказать, академией. Он и сам ощутил жажду учебы, дальнейшего совершенствования. «Мы с тобой пробежали жизнь, задыхаясь, — писал он

Нине Августовне. — Надо бы попросить у ЦК года два для изучения математики, физики, технических наук...»

Работа комиссии оказалась плодотворной, выводы ценными. При нехватке кадров квалифицированных инспекторов весьма кстати пришелся метод привлечения к проверке местных сил, примененный Н. И. Подвойским. Получил одобрение и его подход к проблеме, основанный на сопоставлении потребностей предприятий региона в специалистах и реальных возможностей вузов. Президиум ЦКК в сентябре 1929 года послал Н. И. Подвойского для обследования предприятий и вузов на Украину. Перед ним поставили задачу проверить состояние дел с кадрами на паровозостроительном и электротехническом заводах Харькова, в Южхимтресте, Донугле и Югостали, на заводе имени Петровского в Днепропетровске, а также работу по подготовке инженеров в Харьковском технологическом институте и в горных институтах Сталина и Днепропетровска. При этом в помощь ему дали всего трех инспекторов. Но опыт, приобретенный в Ленинграде, выручил Н. И. Подвойского. Вернувшись с Украины, он уже сам выступил с инициативой послать его обследовать заводы и вузы Урала. Он побывал в Свердловске, Нижнем Тагиле, Златоусте, Надеждинске. На Урале, писал Н. И. Подвойский, «удалось свести вместе рудники, заводы, тресты и вузы, факультеты, кафедры при решении важнейшей задачи насыщения промышленности инженерами».

Осенью 1930 года Н. И. Подвойскому предложили совершенно неожиданно для него руководство Центральным управлением социального страхования (ЦУСтрахом). Что греха таить, предложение сначала даже обидело его — уж слишком «не боевым» казался ему участок работы. Конечно, кое-какой опыт у него для такой работы имелся. Все-таки до революции был у Путиловцев секретарем больничной кассы, редактировал журнал «Вопросы страхования». Но тогда больничная касса Путиловского завода была нелегальным центром ПК РСДРП, а «Вопросы страхования» — единственным легальным журналом партии. Это была линия огня. Неужели теперь для него нет более крутого участка, чем социальное страхование? Но, поразмыслив, успокоился, удовлетворившись мыслью, что ему вновь предоставляется самостоятельная работа, где он может что-то решать, творить.

Николай Ильич внимательно изучил состояние дел ЦУСтраха. Организовал паспортизацию страховых учреждений, санаториев, домов отдыха. Он сам объехал многие из них и проанализировал работу в

Московской, Ленинградской, Нижегородской областях, на Урале. Во время поездок он увидел, как много успела сделать Советская власть для организации лечения и отдыха трудящихся — тысячи слесарей, токарей, бухгалтеров проводили свои отпуска в санаториях и домах отдыха ЦУСтраха. Значит, с удовлетворением думал Подвойский, не пропали даром изнурительные десятилетия подпольной борьбы, жертвы, принесенные в годы трех революций и гражданской войны. Вместе с тем, однако, он не мог не видеть и то, что вызывало серьезную озабоченность. Санатории и дома отдыха зачастую располагались в непригодных помещениях — преимущественно в барских дворцах и усадьбах, многие из которых нуждались в капитальном ремонте. Медицинское обеспечение осуществлялось подчас на уровне фельдшеров. Из-за отсутствия соответствующих штатов почти не велась политико-воспитательная и культурно-массовая работа, не было библиотек, клубов. Серьезным упущением Н. И. Подвойский считал отсутствие домов отдыха и санаториев для родителей с детьми.

Уже в ходе поездок Николай Ильич попытался решить кое-какие проблемы. Но помочь он мог только по мелочам, так как на серьезные улучшения нужны были время и средства. Трезво оценивая ситуацию, Подвойский видел, что работы у него на новой должности непочатый край... Он уже не жалел о новом назначении.

Вернувшись в Москву, Николай Ильич рассказал о своих впечатлениях руководящим работникам ЦУСтраха, с каждым из них обсудил предполагаемые меры, а затем на совещании изложил программу работы управления. Целевые установки он сформулировал так: перевести работу ЦУСтраха на научную основу и превратить его из «благотворительной», как он выразился, организации в активное звено строительства социализма; через целеустремленную и напряженную оздоровительную, политико-воспитательную и культурно-просветительную работу в санаториях и домах отдыха ежегодно возвращать в индустрию 1 миллиард 800 миллионов рублей страховых в виде эффективно восстановленного здоровья, а также расширенного политического и культурного уровня рабочих. Он предложил целую систему довольно крутых мер по достижению этих целей.

Еще до совещания, а потом и после него часть работников управления, испугавшись масштабов и трудностей работы по-новому, заявила об уходе. Николай Ильич собрал их и без обиды, терпеливо разъяснил им, что дело не в том, что пришел Подвойский, а в том, что реорганизация назрела, что ЦУСтрах не может пассивно стоять в стороне от революционных задач

второй пятилетки. После этой встречи значительная часть работников, написавших заявления об уходе, осталась. Те же, кто уже прикипел к бумагам и ничего не хотел знать, кроме них, кто считал ЦУСтрах обыкновенной конторой, где можно спокойно отсидеться, ничего не делая, настаивали на своем решении уйти.

Дня через два-три к Н. И. Подвойскому зашел кадровик и положил стопку бумаг на стол.

— Заявления управленцев об уходе. — Он помолчал и вдруг зло добавил: — Пойдут искать болото погуще.

Николай Ильич внимательно посмотрел на него, пригласил сесть и неожиданно спросил:

— А вы как считаете? Нужны перемены?

— Давно пора, — не задумываясь, ответил кадровик. — И хотел бы просить вас, Николай Ильич...

— Участок побоевее? — перебил Подвойский.

Кадровик улыбнулся и кивнул головой.

— Об этом потом. Есть ли кем заменить этих? — Николай Ильич положил ладонь на стопку заявлений.

— Конечно. Есть такие бойцы, что горы свернут!

— Вот с этого и начнем. Об уходящих жалеть не будем — некогда. Сейчас нужны именно бойцы.

Предложения Н. И. Подвойского о реорганизации работы ЦУСтраха в Госплане и в СНК встретили настороженно, дали понять, что пока не до них. Но обещали изучить. Николай Ильич начал тем не менее осуществлять задуманное, но неожиданно получил задание в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) выехать в Узбекистан и Таджикистан и организовать там работу по заготовке хлопка (не менее 32 миллионов тонн!), так как в текстильной промышленности страны возникли серьезные трудности с сырьем.

Задание он выполнил. Вернулся через четыре месяца.

После отдыха вновь взялся за работу в ЦУСтрахе, но, как оказалось, ненадолго. ЦК ВКП(б) и СНК пришли к выводу, что положение с инженерно-техническими кадрами тормозит развитие производительных сил, и образовали Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (ВКВТО) во главе с академиком Г. М. Кржижановским. В состав комитета в качестве члена его коллегии и государственного инспектора был введен Н. И. Подвойский. Ему было поручено чрезвычайно важное направление — авиационные вузы. Осуществить перестройку ЦУСтраха Николаю Ильичу так и не удалось. Перебросив на другую

работу, ему не дали даже начать эту перестройку. Но он успел основательно взбудоражить людей, заставил их взглянуть на себя и на свою работу по-новому, он нашел себе немало союзников и теперь с сожалением расставался с ЦУСтрахом.

Работа в ВКВТО стала для Н. И. Подвойского основной. Он капитально, без спешки изучает отечественный и особенно внимательно зарубежный опыт подготовки инженеров различных специальностей. Подбирает из активных сторонников перестройки высшего технического образования, знакомых ему по прежним проверкам, бригады по изучению передового опыта, накопленного в лучших вузах страны. Добивается разрешения работать не только в авиационных, но и в технических вузах другого профиля. Он считал, что, несмотря на увеличение объема работы, это даст возможность сравнить положение в авиационных институтах с лучшими вузами — МВТУ, Институтом стали, Ленинградским институтом металла. Поиск положительного опыта становится для него главной задачей.

На первых порах доклады инспекторов ВКВТО были однотипными, все видели только одно: уровень многих занятий низок; старые профессора образованны и интеллигентны, но некоторые из них социально пассивны; у красных профессоров много энтузиазма и революционности, но подчас низка квалификация; учебная база отстала. Н. И. Подвойский понимал, что его сотрудники объективно правы, но тем не менее сказал им:

— Не за этим мы пришли в вузы. Надо дать положительную схему. У вас все критика. Но как же дальше разворачивать работу? Мы должны собрать положительный опыт, чтобы показать: что надо сделать, как делать, какими методами и формами, какими силами, в какой форме организации. Привлекайте побольше заинтересованных людей. Коллективная мудрость тех, кто работает в вузах и на заводах, даст нам то, что мы ищем.

Н. И. Подвойский, опираясь на свой опыт обследования втузов, вузов и заводов в 1929 году, создавал проверочные общественные бригады из коммунистов, профессоров, студентов, инженеров и передовых рабочих. С помощью партийных организаций работа разворачивалась сразу и шла широким фронтом с оперативным, заинтересованным обсуждением достижений и недостатков. Тут же вырабатывались согласованные предложения и немедленно принимались практические меры. Широкая гласность исключала необъективность, местничество, неквалифицированный подход. «Дирижировать» такой работой было непросто. К тому же Николай Ильич был не только «дирижером», но и

самым активным участником поиска. «В работу включили, — писал он из Свердловска, — почти полностью коллективы 45 кафедр металлургического, химико-технологического, энергетического, машиностроительного, горного, строительного институтов... После зачетных сессий я лично переговорил с 67 профессорами, доцентами, ассистентами; превратил переговоры в развернутый показ достижений и полную самокритику недостатков. Все удовлетворены. Я потратил на каждого от часу до 4 часов. С некоторыми ведущими профессорами, доцентами говорил по 2–3 раза».

Всего в 1933–1934 годах И. И. Подвойский с небольшой группой инспекторов ВКВТО с помощью местных работников обследовал 4 московских, 22 ленинградских и 7 уральских технических вузов 28 различных ведомств.

В последние дни 1934 года, полностью выполнив план проверки, Николай Ильич вернулся в Москву с обширным, конкретным, а потому очень ценным материалом. Промежуточные результаты работы он регулярно пересылал в ВКВТО. Теперь предстояло сделать самое главное — обработать собранное, обобщить, обосновать уже созревшие предложения. Но 4 января 1935 года у него случился очередной тяжелейший инфаркт.

В больнице он первое время был лишен возможности даже двигаться. Положение его было настолько тяжелым, что врачи в течение нескольких недель не могли сказать, выйдет ли он из больницы живым. Но Николай Ильич не сдавался. «Я жил все время... в пылающем мятеже чувств, мыслей, настроений, — записывает он в блокноте. — Я все боялся опоздать. Мне все казалось, что многое недоделано в каждый прожитый день». Он понимает опасность своего положения. Но, несмотря на это, его ни на один час не покидает мысль о том, что он должен написать итоговый доклад, который ждут, — ведь в ВКВТО готовят материалы к проекту постановления о перестройке высшего образования. Может быть, это постоянное острое чувство не до конца исполненного долга и давало ему силы бороться с болезнью. «Я должен выполнить эту работу, как бы это ни отразилось на моем здоровье», — записывает Николай Ильич в блокнот. Но в больнице работать было невозможно — медсестры были очень бдительными, да и материалов не было. Однако как только его привезли домой, он стал работать над докладом. Он спешил. Поскольку ВКВТО уже отправил правительству свои материалы, Николай Ильич адресовал свой доклад непосредственно председателю СНК, рассчитывая, что им успеют

воспользоваться при разработке проекта постановления о перестройке высшего образования. Этот доклад сохранился в архиве.

Н. И. Подвойский писал, что за последние годы появились сотни карликовых технических вузов. В результате этого быстрого роста они вынуждены были расположиться в непригодных, случайных помещениях. Втузы не обеспечены студенческими общежитиями, оснащены устаревшим, а подчас и случайным оборудованием. Но главное — это катастрофическая нехватка квалифицированных преподавателей. Профессора, не связанные с производством, с новой техникой, отстают от жизни, просто пересказывают учебники.

Старые втузы тоже поставлены в трудные условия. Например, в здании Ленинградского политехнического института, построенном в XIX веке на 4,5 тысячи студентов, обучается в невероятной тесноте 11 тысяч 600 студентов.

Проверка показала, что не все благополучно было и с обучением и воспитанием студентов, которых не приучали критически осмысливать материал, ориентировали на то, чтобы они воспринимали все «на веру». Коммунистическое воспитание студентов осуществлялось стихийно.

Н. И. Подвойский предлагал отказаться от мелких институтов и создавать крупные втузы на 10 и более тысяч студентов; строить специально для них здания с многочисленными лабораториями, благоустроенными студенческими общежитиями; смелее переходить к созданию заводов-втузов, дающих, с одной стороны, прочное базовое инженерное образование, с другой — готовящих инженеров для конкретной отрасли. Каждый технический вуз, считал Н. И. Подвойский, необходимо связать с производством, причем не с любым заводом, а с имеющим опытное, экспериментальное, то есть передовое производство. Студенты должны получить возможность не только заниматься в лабораториях, но и непрерывно, ежегодно проходить практику на заводах на самой новой технике. К их обучению необходимо привлечь лучших профессоров и доцентов, а также инженеров-производственников, рабочих-ударников. Красные студенты должны выйти на работу, писал Н. И. Подвойский, «не только как техники, как единицы, составляющие винтики в сложном механизме», а «прежде всего, общественными работниками, непосредственными командирами народа...». Он выдвинул на одно из первых мест моральный облик красного специалиста, его идейно-политические качества. «Школа не может быть нейтральна, — утверждал Николай Ильич. — Школа должна быть самым острым орудием борьбы рабочего класса... перестройки нашего хозяйства, перестройки нашего

быта, перестройки нашей техники, перестройки нашей культуры». Достичь этой цели, сделать школу таковой, по твердому убеждению Н. И. Подвойского, можно лишь в том случае, если будет обеспечен четкий партийный подход в обучении, если в основе работы учебных заведений будет коммунистическое воспитание, формирующее научное мировоззрение. Одной из главных форм коммунистического воспитания студентов и преподавателей должна быть их общественная работа, поскольку новый человек формируется в коллективе и через коллектив.

...Многие оценки и предложения Николая Ильича нашли отражение в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», принятом 23 июня 1936 года.

Здоровье Николая Ильича восстанавливалось медленно. По настоянию врачей в середине 1935 года ЦК ВКП(б) предоставил Н. И. Подвойскому годичный отпуск для лечения. На это время ему была назначена пенсия. В мае 1936 года у него произошло кровоизлияние в мозг. Перестала действовать правая рука. Отпуск ему продлили до конца года. По истечении этого срока врачи, обследовав Николая Ильича, вынесли категорическое решение: работать на любых постах и в любом режиме запретить.

Итак, трудовая деятельность, а точнее — героическая борьба за социализм, в которой Николай Ильич видел смысл своей жизни, выражал себя как личность, к его удивлению и великому сожалению, закончилась. Он так еще надеялся выкарабкаться, но не удалось — слишком крутые подъемы и спуски, утесы и обрывы пришлось ему преодолевать на протяжении трех десятилетий. Он, конечно же, жалел о том, что рано, слишком рано его причислили к категории пенсионеров — фактически в 54 года. Но он и не стыдился этого, потому что всю жизнь работал там, куда посылала партия, работал не за «портфель» и не ради личных благ, не останавливаясь в своем развитии, все время чувствуя себя учеником у жизни. Мог бы он сделать больше? Скорее всего мог бы... но не сделал, не потому, что не захотел, а потому, что многое зависело не от него...

У читателя может возникнуть законный вопрос: почему в конце 20-х и начале 30-х годов нерационально, мягко выражаясь, использовались организаторские способности, опыт и знания Н. И. Подвойского? Почему в эти годы последовательно сужалось поле его деятельности? Ведь он не был консерватором, к тому же обладал, можно сказать, неисчерпаемым источником инициативы и энергии, удивительной зоркостью и чувством перспективы. Судя по сугубо личным блокнотным записям и письмам, предназначенным лишь жене, другу и единомышленнику Нине Августовне,

он и сам искал ответ на этот вопрос.

Но тогда, в гуще событий, найти его было очень трудно. Лишь теперь, более полувека спустя, когда жизнь сурово и беспристрастно выверяет верность принимаемых в те годы решений, когда время расставляет всё и всех по своим местам, когда выявилось истинное историческое значение событий тех лет, мы имеем возможность со значительно большей долей объективности взглянуть на, если можно так выразиться, феномен Подвойского. Это представляется необходимым и полезным, потому что судьба Н. И. Подвойского не является исключением.

Открытые и скрытые недруги Н. И. Подвойского, а таковые у активного работника всегда найдутся, упрекали его в фантазерстве и утопизме. «Но какие мои взгляды и начинания являются утопическими?» — восклицал Николай Ильич в одном из писем Нине Августовне. В самом деле, какие? Раздробленный внутриведомственный контроль, который пришел на смену ВВИ, действительно оказался малоэффективным, и не только в военном ведомстве. Всеобуч пришлось восстанавливать в первые месяцы Великой Отечественной войны. Развитие массового физкультурного движения для оздоровления населения и сегодня является важнейшей, но пока не решенной задачей. Попытка построить Красный стадион на средства предприятий и отдельных граждан с привлечением тысяч добровольцев — разве это была утопия в те годы, когда у государства было так мало свободных средств? Успешно начатая, но подорванная потом попытка с помощью кооперативного объединения ВТОПАС наладить производство спортивного инвентаря, простейших, но дефицитных тогда предметов ширпотреба и за счет этого хотя бы частично перевести физкультурное движение на самоокупаемость и самофинансирование — разве она не соответствовала разработанной В. И. Лениным новой экономической политике и не являлась способом, выражаясь современным языком, активизации человеческого фактора? Дело было, на наш взгляд, не в утопизме и фантазерстве Н. И. Подвойского, а, как ни странно это звучит, в его активности, постоянной жажде совершенствования и развития, в его инициативе.

Подвойский, однако, не сдавался. Он не мог изменить себе в главном. Положение пенсионера для Николая Ильича было неприемлемо. Он не собирался жить в состоянии бесплодной ностальгии по прошлому. Его стихией всегда была борьба. Теперь надо было только найти ее новые формы.

А пока его с распростертыми объятиями приняла семья — надежная

бухта, где он не раз восстанавливал свои духовные и физические силы после штормов, которыми так богата была его жизнь. До сих пор Николай Ильич не имел возможности уделять семье достаточно времени. Но те дни и часы, которые ему все-таки удавалось посвятить ей, он использовал с максимальной пользой. Он стремился к тому, чтобы вместе с Ниной Августовной и при участии самих детей выковать из семьи настоящую, как он любил говорить, большевистскую ячейку.

Еще в 1920 году по предложению Николая Ильича и с согласия всех членов семьи был раз и навсегда установлен порядок празднования дней рождения детей и родителей, по которому торжество начиналось с отчета именинника о том, что важного сделал он за прожитый год, какие достигнуты успехи, какие допущены промахи. Конечно, отчеты, проходившие в семейной обстановке, носили праздничный, веселый характер, но это были настоящие отчеты, и их значение для воспитания детей было огромно. Ведь в отчет включались реальные дела: как закончил учебный год, что сделал в пионерской организации, позже — в цехе и комсомоле, потом — на заводе и в партийной организации. Николай Ильич и Нина Августовна отчитывались на равных с детьми, и это особенно сближало их всех. Даже когда Великая Отечественная война разметала Подвойских по фронтам и по стране, этого обычая не забывали — старались отчитываться друг перед другом в письмах. Отчеты помогали планировать будущее, вырабатывали целеустремленность и настойчивость.

Семья Подвойских была разновозрастная. Олесе было уже 17 лет, когда в 1925 году Нина Августовна родила шестого ребенка — дочку Леночку^[5]. Разновозрастные дети требовали внимания не вообще, а каждый в отдельности. Судя по воспоминаниям дочери Н. И. Подвойского Ольги Николаевны, по блокнотным записям и письмам самого Николая Ильича, он проявлял постоянный интерес к процессу развития детей, к их внутренней духовной жизни. Общаясь с детьми, он всегда стремился проникнуть в их переживания, приходил на помощь, если видел, что они могут оступиться, он поддерживал обиженного, сплывал детей, поощрял в них все хорошее.

«Было невероятно интересно и увлекательно все, что исходило от отца, — вспоминает Нина Николаевна Подвойская, — и невероятно весело. И сложно. С веселием и отвагой, остроумно и неожиданно увлекал он нас на расправу со всем, что было уродливым, мешающим, сдерживающим шаг... Все это сопровождалось самокритичными рассказами отца — он учил на своем примере, беспощадно, преувеличенно обнажая свои несовершенства. В результате возбуждалась жажда искать, спорить, пробовать, бороться,

напрягать все силы, соревноваться и побеждать». Он избегал нудных нравоучений, разговоров в манере старшего с младшим, не давил своим авторитетом. Наоборот, с каждым из детей он разговаривал как с равным и старался, чтобы дети сами пришли к нужному выводу и сделали правильный шаг.

Николай Ильич был глубоко убежден в необходимости рабочей закалки для молодежи. И своим детям он не раз говорил, что, прежде чем думать о вузе, они должны пройти трудовую школу. Когда в 1924 году пришла пора помочь старшей дочери Олеся определить свой жизненный путь, Николай Ильич отправил в Замоскворецкий райком комсомола письмо, в котором писал: «Дорогие товарищи! Помогите, чтобы моя дочь Олеся, комсомолка, спаялась с рабочей массой в труде, учебе и пролетарском воспитании. Я нахожу, что для юношества, для его закала в борьбе... самой деятельной школой еще долгое время будут фабрики и заводы... Школа посылает ее в вуз. Но она решила пройти школу, которая выкует из нее действительного, непоколебимого, горячо любящего рабочую жизнь и борьбу, кузнеца. Если можно, помогите ей стать к машине в типографии или на металлообрабатывающем заводе».

Олеся окончила ФЗУ. До 1930 года работала на бывшем заводе Дукса, получив звание лучшей фрезеровщицы завода. Здесь ее приняли в партию. Потом она без отрыва от производства окончила технический вуз, стала инженером.

Этим же путем пошли и другие дети Подвойских. Лева после окончания школы был на пионерской и комсомольской работе, затем учился на рабфаке, поступил в МВТУ имени Н. Э. Баумана. Лида, с детства страдавшая тяжелым пороком сердца, и та пришла в аудитории мединститута через цех автомобильного завода, где она работала слесарем-лекальщиком. Нина окончила ФЗУ, на заводе «Красный пролетарий» стала токарем 5-го разряда, а затем работала контрольным мастером на авиазаводе. Одновременно окончила аэроклуб. В годы Великой Отечественной войны она работала на Урале и лишь в послевоенное время получила диплом МГУ.

Величайший труженик, Николай Ильич прививал детям глубокое уважение к труду. «Помни, Олеся, — писал он дочери, — твой гений — это твой труд и умение работать». При этом Николай Ильич предостерегал детей от труда только во имя личных, эгоистических целей. «...Дети мои, — обращался он к ним, — ...Россия создается нами. Каждый камешек, который кто-либо из нас положит в ту или другую область великого общественного строительства России, будет памятником и величайшей

эпохе, в которую достаиваемся жить, и тому, кто положил камень вместе, сообща с другими».

Ратуя за трудовое воспитание, Н. И. Подвойский, конечно же, не отрицал значимость образования. «...Советую вам учиться, учиться и учиться, — писал он детям во время одной из командировок. — И не только для того, чтобы подготовиться к выполнению тех или других задач сейчас. Нет, учитесь, учитесь всю жизнь, чтобы все время стоять вровень с могущими быть вам предъявленными государством в каждый данный момент требованиями. Помните, что социализм — это все ускоряющееся движение вперед, все выше и выше, все более и более квалифицированными силами». Он призывал их глубоко изучать теорию. «Без знания теории, — утверждал он, — происходит бесполезная растрата сил... там и тогда, где теория несколькими словами открывает пути. Теория — это опыт миллионов и миллионов людей...»

Когда старшие дети вышли из подросткового возраста, в семье стали все чаще возникать разговоры о дружбе, о любви. Николай Ильич подчас выговаривал кому-то из детей за то, что те иногда поздно приходили. Но они отвечали, что не видят ничего ужасного в том, что молодые собираются в часы отдыха, шутят, болтают и даже влюбляются.

— Разве социализм и любовь несовместимы? — как-то вдруг напрямую спросила самая непосредственная из детей Ниночка.

— Совместимы, конечно! — Николай Ильич от неожиданности сел на первый попавшийся стул, пытаясь собраться с мыслями.

А дети замолкли, окружили его. Четыре пары любопытных глаз смотрели на него и ждали. Нина Августовна с улыбкой поглядывала на Николая Ильича, уверенная в том, что он «выкрутится».

— Встречаться, улыбаться, смеяться, шутить, плясать, петь! Я — за! — наконец проговорил он. — Но настоящая любовь — это начало материнства. Я за такую любовь. То, что ты ему нравишься и он тебе нравится, этого мало для настоящей любви. Надо посмотреть, что он ищет? Духовной близости и взаимопонимания? Хорошо! Но думает ли он связать с тобой свою судьбу и вырастить потом кучу детей? Если да, то это любовь по-социалистически. А если в нем только плоть проснулась и бунтует, то это еще не настоящая любовь.

— Почему же непременно «кучу детей»? — встречает Лева.

— Да потому, что в последние годы в городах творится форменное безобразие, — горячится Николай Ильич. — Взяли моду иметь по 1–2 ребенка! Вот где истязание плоти! Вот где губится здоровье женщины!

Николай Ильич успокаивается, приводит примеры, когда увлечение и

необдуманная связь вели к скоропалительной свадьбе, появлению ребенка, которого молодые «спихивали» родителям, чтобы самим закончить учебу и начать хоть что-то зарабатывать на жизнь.

— Мне кажется, что тут нет ни грама не только социализма, — переходит он на Ниночкин шутливый тон, — а даже разночинского демократизма.

Ниночка фыркает. А Николай Ильич опять серьезен.

— Прежде чем думать о настоящей любви, надо найти свое место в жизни. Надо хотя бы закончить учебу. Я так считаю.

Тема любви не раз возникала и в разговорах Подвойского с детьми, и в письмах к ним. Но наверняка сильнее всяких слов, наставлений, советов и рекомендаций воздействовал на детей живой пример их родителей. У Николая Ильича и Нины Августовны была одна на двоих нераздельная и беззаветная любовь на всю жизнь. И в молодости, и в зрелые годы они любили друг друга, любили жизнь и были счастливы. Для Николая Ильича даже короткая разлука с Ниной Августовной была мучительна. Он и в тридцать, и в шестьдесят лет писал ей письма, полные поэзии, любви и юношеского огня. «Милая», «родная», «дорогая» Нинуша — только так он обращался к ней до самого последнего дня своей жизни. Вот уже двадцать лет, писал он ей, я считаю своим счастьем и горжусь тем, что ты моя жена, «никогда, никогда после 1905 года не думал о том, что кто-либо из девушек или женщин может мне стать ближе, любимее, чем ты. И сейчас и навсегда никто не станет вместо тебя мне женой». В другом письме он признается: «...Лучше, милей, чище, сильнее, святей я не знаю жены, матери, друга, товарища. Ты всегда передо мной стоишь такой, какой стояла тогда, когда развевалось красное знамя на массовке 1-го Мая 1905 года в лесу около Ярославля. Всегда помню, как приходила ко мне в больницу в Ярославле... как везла меня в Кострому, как вырывалась с работы, чтобы сводить меня на прогулку. Перед тобой я постоянно стою так, будто смотрю высоко, высоко на греющее солнце».

Очень скромная и сдержанная, Нина Августовна не употребляла высоких слов, лишь называла его «мой Николушка». Ее преданность и любовь к Николаю Ильичу выражались в постоянной заботе о нем, в том, что она в самые трудные моменты была всегда рядом с ним, в том, что она открыто говорила ему самую горькую правду, помогала принимать мужественные решения и переживать неудачи, которых у него было немало. Так было, в частности, и в январе 1935 года, когда Николай Ильич лежал в больнице с тяжелейшим инфарктом и врачи говорили Нине Августовне, что надежд на благополучный исход мало. Тогда Нина

Августовна, дав расписку, под свою ответственность перевезла Николая Ильича домой. Своими заботами и, конечно, с помощью врачей она, в который уже раз, выходила его.

Считается, что житейские неурядицы являются одной из причин непрочности браков. Николай Ильич и Нина Августовна пронесли свою любовь через многие и многие трудности. И они лишь сцементировали ее, сделали их союз нерушимым. До болезненности принципиальные и скромные, они оценивали условия своей личной жизни лишь с одной точки зрения: насколько они способствуют или мешают работе. На большее они никогда не претендовали. Они обходились минимумом житейских благ, да и те получали не сразу, а терпеливо дожидаясь, когда до них дойдет очередь. Лишь через четырнадцать лет после победы революции, в 1931 году, они получили квартиру, перебиваясь до этого временным жильем. Большая семья требовала больших расходов. Двух зарплат хватало далеко не всегда. Но никто из окружения Подвойских, кроме самых близких, не знал, в каком подчас жесточайшем безденежье они жили все 20-е годы. Нина Августовна бесконечно штопала гимнастерку Николая Ильича и свое платье. А неунывающий Николай Ильич иногда шутил: «Подожди, я тебя одену, как куколку». Вся семья хохотала, зная, что такого «невероятия» никогда не может быть. Улыбалась и Нина Августовна, она вполне была довольна тем, что имела.

В каждый день рождения Нины Августовны Николай Ильич приносил ей цветы. Поздравляя и крепко обнимая жену, он говорил:

— Я дарю тебе самое дорогое, что у меня есть — свою любовь.

Нина Августовна была благодарна, ибо дороже подарка для нее не было.

— Мы постоянно имели перед глазами, — вспоминают Ольга Николаевна и Нина Николаевна, — идеальный образец того, как надо работать, жить, любить, относиться друг к другу.

НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ

Выйдя из больницы, Николай Ильич поставил перед собой задачу-минимум: с помощью физического труда, гимнастики, длительной ходьбы постепенно достигнуть выздоровления и, как он записал в блокноте, «выкарабкаться из больниц и санаториев».

Другая, важнейшая, по его мнению, задача состояла в том, чтобы разобрать личный архив — самую большую семейную ценность Подвойских. Николай Ильич и Нина Августовна с 1917 года аккуратно собирали листовки, постановления, стенограммы различных заседаний, свои статьи, копии протоколов, писем и другие документы, складывая их в папки. Они бережно перевозили их из гостиницы в гостиницу, из одного жилья в другое, постоянно пополняли новыми материалами. А когда не было возможности взять их с собой, передавали друзьям на временное хранение. Теперь Николай Ильич решил, что пришло время разобрать этот гигантский архив и составить его опись. I очередь — 40 папок по истории Октября, Красной гвардии, Красной Армии; II очередь — 40 папок по истории партии, философии, проблемам высшей технической школы; III очередь — материалы о Всеобуче, Спортинтерне, физкультурном движении; IV очередь — материалы о комсомоле и пионерском движении; V очередь — материалы о театре, музыке, массовых действиях. Н. И. Подвойский планирует сразу после разбора папок первой очереди приступить к подготовке и написанию очерков по истории Великого Октября и Красной Армии.

Третья задача, которую ставит перед собой Н. И. Подвойский, — это работа в партийной организации «Трехгорки»; четвертая — систематические выступления в школах, частях Красной Армии, на заводах. Такова была программа «заслуженного отдыха», намеченная им на ближайшую перспективу.

Задачу «самовыздоровления» он решал ежедневно, с необычайным упорством. Его знания в области физкультуры и спорта были ему хорошим подспорьем. Он занимается гимнастикой, сам придумывает разнообразные упражнения. Каждый день, постепенно увеличивая расстояние и скорость, ходит по бульварам и улицам Москвы. По несколько раз в неделю выезжает в Серебряный Бор и работает на даче^[6]. Он очистил огород от камней, перевез сотни тачек грунта, посадил множество кустов и деревьев, спланировал и разбил грядки. Работал он не один, а в окружении внуков и

ребятни из близлежащей округи. В минуты отдыха Николай Ильич садился в кружок ребят и так интересно рассказывал им о храбрых революционерах-подпольщиках, о красноармейцах, что ребяташки вечером с сожалением покидали его участок, мечтая о том, чтобы быстрее наступило утро, когда снова можно будет собраться всем вместе.

К концу 1936 года Николай Ильич заявил своим домашним, что он «практически здоров».

Разобрав часть архивов, Н. И. Подвойский приступил к работе над очерками по истории Октября и Красной Армии. Главная трудность состояла в том, что не хватало важнейших партийных и государственных документов. Ему активно помогает директор Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, бывший член Бюро «Военки» Елена Федоровна Розмирович. Но в библиотеке имелось далеко не все. Несмотря на эти сложности, Н. И. Подвойский целеустремленно работает.

Надо сказать, что писать «легко и быстро» Н. И. Подвойский не умел. «Когда я хочу написать хорошую статью, — делился Николай Ильич с Олесей, — я сижу, корплю над ней долго, десятки раз переделываю, сотни раз перестраиваю план, тысячи раз обдумываю, что должно стать гвоздем, притираю части одну к другой. Если я так потружусь, статья получается хорошей».

Работы Н. И. Подвойского «Коммунары защищают Красный Питер», «На Украине», «Военная организация ЦК РСДРП (большевиков) и Военно-революционный ко-мптет 1917 г.», «Красная гвардия Петрограда и Москвы в Октябрьские дни», «От Красной гвардии к Красной Армии» и другие ценны и интересны, потому что он выступил в них и как историк, и как участник описываемых событий.

Всего Н. И. Подвойским написано около 15 серьезных исследовательских работ, не считая большого количества брошюр и статей.

Заслугой Н. И. Подвойского является то, что он одним из первых начал раскрывать в печати историческую роль В. И. Ленина в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, в создании Красной Армии.

В 1938 году Николаю Ильичу пришлось на время прервать свои литературные занятия и переключить внимание на ткацкую фабрику «Трехгорки», где он с 1918 года состоял на партийном учете и помогал вести политико-воспитательную работу, а потому считал себя морально ответственным за все, что там происходило. Фабрика стала с большим

трудом справляться с растущим производственным планом, а задание 1938 года было вообще под угрозой срыва. Н. И. Подвойский решил помочь руководству фабрики, используя опыт инспекторской работы в ЦКК — РКИ, когда ему пришлось основательно изучить научную организацию труда и довелось инспектировать десятки фабрик и заводов.

Николай Ильич сосредоточил свое внимание на организации труда, расстановке и использовании кадров. Он был уверен, что именно здесь скрыты большие, «бесплатные» резервы. Каждый день ездил Н. И. Подвойский на фабрику как на работу, пропадал там не только первую, а подчас и вторую смену. Заслуженная производственница «Трехгорки» Н. И. Дубяга спустя годы вспоминала: «Николай Ильич вошел в жизнь комбината и особенно в жизнь ткачих комбината стремительно и настойчиво... Мы не знали того дня, когда Николай Ильич не был осведомлен о наших успехах на производстве и даже о нашей личной жизни».

Обнаружив, что многие молодые рабочие и работницы живут только сегодняшним днем, не учатся и не хотят учиться, Николай Ильич проводит с ними кропотливую воспитательную работу, стремится положительно повлиять на их помыслы. «Спасибо Николаю Ильичу, — отмечала Н. И. Дубяга, — за то, что его настойчивость, его требовательность к нам, не только как к производственникам, а как к людям, привела к тому, что мы получили образование».

Комплекс мер, предпринятых коммунистами фабрики с помощью Н. И. Подвойского, позволил по-боевому развернуть стахановское движение, вывести фабрику из прорыва. Еще раз процитируем Н. И. Дубягу: «Николай Ильич не только приходил на каждое партийное собрание, а он готовил нас предварительно к этим собраниям... 1 Мая и в ноябре мы всегда бывали в семье Николая Ильича. Нина Августовна. Николай Ильич были как родные...»

...В первый же день Великой Отечественной войны Н. И. Подвойский подал в ЦК ВКП(б) заявление, в котором писал: «Очень прошу о включении меня в состав действующей Красной Армии. Готов выполнить любое поручение. Считаю себя в силах принять участие в работе по развертыванию армии...» Но место в боевом строю занимали молодые. У Подвойских, отказавшись от брони, добровольно ушел на фронт сын Лева. Загорелись желанием пойти в Красную Армию дочери.

Горькие фронтовые июньские сводки показали, что рассчитывать на скорую победу не приходится. Сотни добровольцев стояли в очередях у военкоматов. Николай Ильич писал дочери Лиде: «Сегодня я выступал

много раз на митингах и наблюдал силу и глубину страсти нашего народа к победе. Разве может быть у кого-либо сомнение, что победа за нами!.. Мама рвется на фронт. Я организую военное обучение учащихся».

Обстановка на фронтах стремительно усложнялась. Фашистские полчища нацеливались на Москву. К 6 июля в столице было сформировано 11 дивизий народного ополчения. Началась эвакуация важнейших учреждений и населения. Вслед залевой с Коммунистической дивизией Ленинградского района столицы добровольно ушел на фронт муж Олеси Сергей. Вместе с Институтом Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) уехала в Уфу продолжать свой нелегкий труд Нина Августовна. Вскоре на Урал, на построенный перед войной авиационный завод была командирована Олеся. Лида, несмотря на слабое здоровье, ушла с 3-го курса мединститута на ускоренные медицинские курсы и в составе 3-й Московской коммунистической дивизии добровольно ушла на фронт в качестве военфельдшера батальона. Уехала на Северный Урал для работы в Уралэнерго младшая дочь Нина.

Николай Ильич категорически отказался эвакуироваться. Оставшись один, он перешел «на военное положение». Повесил на стене огромную карту и каждый вечер, с тревогой вслушиваясь в сводки Информбюро, отмечал флажками изменение линии фронта.

Позиция стороннего наблюдателя, конечно же, была не для И. И. Подвойского. Он считал, что может и должен внести личный вклад в победу. Николай Ильич решил во что бы то ни стало добиваться восстановления Всевобуча. Ведь Красная Армия непрерывно требовала пополнения. А призванные в ее ряды новобранцы не имели элементарной военной подготовки. Обстановка же складывалась так, что их зачастую с пунктов формирования сразу бросали в бой. Вопрос о всеобщей военной подготовке назрел.

Николай Ильич написал письма И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову, в которых убедительно доказывал необходимость восстановления Всевобуча и предлагал свои услуги по его организации. Председатель Государственного Комитета Обороны поручил первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову совместно с Н. И. Подвойским провести предварительную работу по организации всеобщего военного обучения населения. После трехчасового совещания с секретарями ЦК ВЛКСМ Николай Ильич получил задание разработать план развертывания Всевобуча.

Двое суток Н. И. Подвойский почти не вставал из-за стола. Такого подъема, такой работоспособности он не ощущал давно. Используя свой

богатый опыт, архивы по Всевобучу, он разработал не только план работы, но и схему организации Всевобуча и программу военной подготовки.

Вскоре ГКО принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». К военному обучению привлекались граждане от 16 до 50 лет. В составе Народного комиссариата обороны было создано Управление Всевобуча. Комиссаром управления стал секретарь ЦК ВЛКСМ Ф. Наседкин, а позже — секретарь МК и МГК ВЛКСМ А. Пегов. ЦК ВКП(б) потребовал от партийных организаций и местных советских и военных органов в кратчайший срок организовать Всевобуч, создать материальную базу для него, выделить квалифицированные кадры. ЦК ВЛКСМ выдвинул лозунг: «Комсомол должен стать душой Всевобуча!» Призыв нашел горячий отклик у молодежи.

Окрыленный Н. И. Подвойский день за днем объезжал военкоматы, заводы, фабрики и помогал создавать учебные пункты, налаживать их работу. Во второй половине сентября только в Москве и Московской области было организовано почти 600 военно-учебных пунктов Всевобуча, подобрано для них около 12 тысяч командиров и политработников. Если за годы гражданской войны через Всевобуч прошло около 5 миллионов человек, то в Великую Отечественную войну органами Всевобуча было проведено семь очередей вневойсковой военной подготовки, в результате которой военные знания получили 9 миллионов 862 тысячи человек. Это была большая помощь Действующей армии.

Николай Ильич ежедневно выступал в красноармейских частях, военкоматах, на сборных пунктах, перед отправляющимися на фронт эшелонами, на заводах. В своих выступлениях он старался установить живую, осязаемую связь между историческими событиями 1917 года, недавнего революционного прошлого и нынешней грозовой годиной. Очень дорого было слушателям его мудрое, душевное слово, он призывал к самоотверженности и подвигу.

С началом строительства оборонительных сооружений на подступах к Москве И. И. Подвойский так же на общественных началах стал организатором оборонных работ, порученных трудящимся Краснопресненского района, комбината «Трехгорная мануфактура».

Чтобы справиться со всеми неотложными делами, Николай Ильич ввел для себя жесткий «военный» распорядок. Вставал в 4–5 часов утра. Непременно писал Нине Августовне или кому-то из детей письмо (за годы войны он написал им более 400 писем!). Потом надевал свою потертую,

видавшую виды длинную «старомодную» шинель и добирался до «Трехгорки». Оттуда с выделенными фабрикой ткачихами ехал за пределы Москвы копать окопы, противотанковые рвы, устанавливать надолбы и заграждения. После выполнения задания он вез ткачих к станкам, а сам отправлялся в организации Всевобуча, потом — на заводы, в красноармейские части, на сборные пункты. Добравшись поздно вечером домой, садился за письменный стол работать. Он обязательно слушал последнюю сводку Информбюро, передвигал флажки на карте и гасил свет, чтобы через четыре часа по партийному долгу, без расчета на вознаграждение начать новый трудовой день. Так — неделя за неделей, месяц за месяцем.

Особенно трудно ему было на оборонных работах. С подорванным здоровьем, исхудавший (свой скудный военный паек делил, отсылая часть его Нине Августовне и Олесе для внуков), он вместе со всеми в дождь и слякоть, на промозглом осеннем ветру работал ломом и лопатой, подбадривал ослабевших. Председатель Моссовета В. П. Пронин вспоминал, что однажды, 20 октября 1941 года, он выехал на участок строительства оборонительных сооружений между Москвой-рекой и Кунцевом, там работали ткачихи с «Трехгорки». На месте к нему подошел немолодой, с осунувшимся лицом, но подтянутый человек в шинели и доложил о ходе работ. Это был Н. И. Подвойский. Он же давал пояснения на объектах. На вопрос, укладываются ли в график, Николай Ильич ответил:

— Торопить работниц нет необходимости: работают, не отрываясь.

В. П. Пронин спросил, нужна ли какая-нибудь помощь. Николай Ильич подумал и сказал:

— Хорошо бы увеличить работницам норму каши. Работа-то тяжелая...

Однажды во время работы к нему подбежала ткачиха.

— Николай Ильич! Там командир Красной Армии проверяет сооружения и спрашивает, что за человек руководит работами.

Н. И. Подвойский вынул из кармана блокнот и написал на листочке:

«30 октября 1941 года.

СПРАВКА

Я работаю по Всевобучу и организации обороны Москвы в общественном порядке в качестве члена партии.

Я персональный пенсионер.

Н. Подвойский».

«...Мы рыли противотанковые рвы под Москвой, — вспоминала

ткачиха Н. И. Дубяга о Н. И. Подвойском. — В самые тяжелые дни для Москвы его можно было очень часто видеть в окопах. Смотришь, идет Подвойский в своей шинели, в которой мы привыкли видеть его, улыбающийся, подбадривающий, вспоминающий годы гражданской войны. Вспоминая годы своей жизни, он создавал нам нужное настроение. В то время каждый человек в окопах был дорог, и его пожелания для нас много значили... Он был с нами и тогда, когда мы получали медаль «За оборону Москвы»... Нам было очень радостно, что вместе с нами эту медаль — «За оборону Москвы» — получил и Николай Ильич...»

7 ноября 1941 года, когда войска с парада на Красной площади пошла прямо на фронт, Николай Ильич вместе с тысячами москвичей был на оборонном воскреснике, а 16 ноября — на оборонном субботнике. В те дни он писал Нине Августовне и Олесе: «Последние дни налегаем на скорейшее завершение укреплений под Москвой. Выезжаю на эти работы каждый день в 5 часов утра...» И в другом письме: «Противотанковые рвы, заводы — в настоящее время мой дом». Николай Ильич извинялся за неразборчивый почерк: «Это значит, что пишу в машине, на холоде и во время хода».

...Столица выстояла. В декабре советские войска перешли под Москвой в наступление, в результате которого фашисты были отброшены местами на 400 километров.

...В начале февраля 1942 года к Николаю Ильичу зашел прибывший с Южного фронта командир танковой части А. П. Шапильский — его соратник по военным действиям на Украине в 1919 году. Николай Ильич в своих расспросах был очень дотошен, и А. И. Шапильский подробно, обстоятельно рассказывал о том, как им там воюется, на фронте, поделился он и своими тревогами по поводу того, что пехотинцы пока еще «болеют танковой болезнью», а фашисты в каждой операции используют танки в больших количествах, из-за этого много неудач.

— Но как специалист я убежден, — сказал А. П. Шапильский, — что у танка много слабых мест. Пехотинец из окопа может с ним бороться и гранатами, и бутылками с зажигательной смесью, и противотанковым ружьем, даже обыкновенной винтовкой можно поражать смотровые приборы. Хорошо бы как-то убедительно, веским словом довести это до бойцов.

После бесед с А. П. Шапильским и другими фронтовиками Н. И. Подвойского захватила идея: с помощью специалистов, но силами профессиональных писателей создать серию популярной литературы, в

которой бы непременно в художественной форме, образно, был обобщен опыт боевых действий в Великой Отечественной войне. Это должны быть, считал он, небольшие и мастерски написанные брошюры, доступные красноармейцам и низовому звену командиров, живущим в окопных условиях. В первую очередь нужна была брошюра о борьбе с танкобоязнью.

Николай Ильич стал частым гостем Военной комиссии, созданной Союзом писателей СССР. К написанию брошюры о танках он решил привлечь талантливую писательницу и очень боевую журналистку Мариэтту Шагинян, которую хорошо знал.

«Ко мне пришел тов. Подвойский, — вспоминала М. Шагинян через двадцать лет, — старый революционер, соратник Ленина, страстно и настойчиво приглашая написать книгу о танках для пехотинцев. Задача — изгнать страх у пехотинцев перед танком... Все мои возражения, что сама не знаю танк ни в хвост, ни в гриву и питаю перед ним пехотинский страх, отвел как чепуху. Сказал, что это мой долг...»

Мариэтте Шагинян пришлось согласиться. Подвойский съездил с ней в Бронетанковое управление, дал в помощь специалистов. «Это был замечательный человек, — писала М. Шагинян о Н. И. Подвойском. — Он мог мертвого заставить встать из гроба, чтобы выполнить военное задание. Он убеждал вас тем, что сам глубоко верил в ваши силы и способности, и передавал свою веру и вам. Он у нас весь дом заразил интересом к танкам, а я воодушевилась так, что отбросила все остальные работы, чтобы изучить танк и танковое дело».

Задание Николая Ильича она выполнила.

К работе над этой серией художественных произведений он привлек автора книги о Н. А. Щорсе и своего соратника по боям на Украине Гарнича, а также Виленского, Яковлева, Скляренко и других писателей. Неоднократно вел беседы о создании популярных военных брошюр для детей с С. Маршаком. «Так напряженно работает Москва, что дух захватывает, — писал Николай Ильич родным. — Живем мы в вихре — дело сменяется делом... Каждый день, вот уже полтора месяца, я по утрам и вечерам работаю с членами Военной комиссии советских писателей над созданием фонда военно-художественной литературы».

Величайшим событием в эпопее Великой Отечественной войны явился разгром фашистских войск под Сталинградом. История войн еще не знала таких сражений. Н. И. Подвойский вместе с вернувшимися в Москву сотрудниками ИМЭЛ — Ниной Августовной, Раисой Конюшей. Ираидой Синельниковой, Паней Зеленовой и другими приступил на общественных

началах к изучению опыта партийно-политической работы на Сталинградском фронте. Этот опыт, справедливо считали они, уникален, им надо вооружить командиров и политработников накануне новых, не менее грандиозных сражений. Николай Ильич целиком отдался сбору, анализу и обобщению необходимых материалов.

После Курской битвы летом 1943 года Красная Армия перешла в наступление и уже до Победы не выпускала из своих рук стратегической инициативы. До самого Берлина дошел майор Лев Подвойский. Воевал он в корпусе генерала М. И. Глухова — бывшего унтер-офицера лейб-гвардии Павловского полка, штурмовавшего Зимний дворец. Тогда, в 1917 году, в цепях полка шли на баррикады председатель ВРК Н. И. Подвойский и молодой унтер-офицер М. И. Глухов. Теперь, в 1945 году, генерал Глухов вел корпус, в составе которого шел коммунист Лев Подвойский. Из-под Берлина корпус был брошен в Чехословакию, на Прагу. Там Льву Подвойскому довелось повстречаться с убеленными сединами антифашистами, которые помнили еще председателя Спортинтерна Н. И. Подвойского.

...Все Подвойские постепенно собрались в родное гнездо. Первой вместе с ИМЭЛ вернулась Нина Августовна. В 1943 году с Ленинградского фронта после тяжелой контузии возвратилась в Москву Лида. Давняя тяжелая болезнь сердца и контузия настолько подорвали ее здоровье, что она сразу попала в госпиталь, где ей предстояла нелегкая борьба за жизнь. Она вела ее до конца, даже пыталась продолжать учебу. Но организм не выдержал, и жизнь ее безвременно оборвалась. Вернулась и поступила в МГУ Нина. Закончилась длительная командировка Олеси. На уральском заводе она трудилась инженером, возглавляла партийную организацию крупного цеха. Авиазавод в войну работал с таким напряжением, что ей и спать-то часто приходилось на рабочем месте. Однако Олеся не только работала, но и продолжала научные исследования, начатые до войны в Москве. В конце 1915 года она защитила диссертацию и стала кандидатом технических наук. Лев вернулся на родной завод «Серн и молот». Изголодавшись по мирному труду, он сразу без отрыва от производства взялся и за научные исследования. Через несколько лет в семье появился второй кандидат технических наук — Лев Николаевич.

Перегрузки военных лет не прошли бесследно для Николая Ильича. Все чаще кололо и давило в груди... Но он был жизнерадостен, подвижен. Мало кто догадывался, что он уже тяжело болен.

Николай Ильич сразу после войны выполнил несколько крупных

заданий Совинформбюро — писал статьи для зарубежных демократических газет. Он по-прежнему регулярно ходил на ткацкую фабрику на Пресне, помогал готовить партсобрания, вел политзанятия.

Весной 1948 года Николай Ильич получил сведения, что в ярославской железнодорожной школе № 16, носящей его имя, снизились успеваемость и дисциплина. Он сразу же выехал в Ярославль. Побывал на занятиях, беседовал с директором, завучем, многими учителями, учениками. Посетил семьи «неблагополучных» учеников. Николай Ильич помог выработать планы улучшения положения в школе, встретился с руководством железной дороги, которое наметило ряд дополнительных мер по оказанию помощи школе.

Николай Ильич разыскал в Ярославле старых железнодорожников — боевых товарищей по 1905 году, нескольких бывших лицеистов. И как будто побывал в своей мятежной юности... Это был его последний выезд.

Наступило лето 1948 года. Ожила природа. А Николай Ильич чувствовал себя неважно. Нина Августовна видела это. Они сфотографировались вдвоем, в своей квартире. Нина Августовна — в строгом темном платье с белоснежным воротничком, Николай Ильич в гимнастерке. На его груди орден Красного Знамени и две медали: «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

На обороте фотографии Николай Ильич и Нина Августовна написали: «Дети! Всю сознательную жизнь мы стремились всеми силами служить своему народу, честным трудом и революционной борьбой оправдать великое звание членов большевистской партии. Мы были счастливы. Идите этим верным путем Ленина, где найдете силу, радость, счастье.

Мама. Папа».

Это было завещание детям. И не только своим.

По настоянию врачей в июле Николай Ильич и Нина Августовна выехали в подмосковный санаторий. Утром 27 июля сердце Николая Ильича дало серьезный сбой. Днем его вынесли на балкон палаты. Он жадно смотрел на густую зеленую листву, освещенную ярким летним солнцем, потом привлек к себе Нину Августовну, обнял ее и вдруг не сказал, а прямо-таки потребовал:

— Давай поклянемся, что проживем еще тридцать лет!

— Давай, Николушка, — стараясь справиться с тревогой, ответила Нина Августовна, — ты же у меня сильный.

Ночью случился тяжелейший сердечный приступ. Беспомощно смотрела на дорогое лицо Нина Августовна, пока вызывали врачей.

— Выкарабкаюсь... Ты же меня знаешь, — шептал помертвевшими губами Николай Ильич.

Когда пришли врачи, Нина Августовна отошла в сторону, чтобы не мешать им. Николай Ильич приподнял голову, поискал глазами Нину Августовну и, увидев ее, через силу подмигнул ей. И у самой черты он стремился облегчить ее страдания.

Утром 28 июля его сердце остановилось. Трудно, просто невозможно понять, сказали врачи после медицинского вскрытия, какая сила могла заставить работать его израненное, в рубцах сердце — оно должно было остановиться много лет назад.

Газета «Московский большевик» в коротком и скромном некрологе сообщила о кончине Николая Ильича Подвойского. Заботы об организации похорон взяла на себя ткацкая фабрика комбината «Трехгорная мануфактура». Обитый красным гроб установили в фабричном клубе. В почетный караул встали директор комбината А. Северьянова, ударница Н. Дубяга, комсомольцы, пионеры. Ткачихи фабрики, подменяя друг друга у станков, вереницей шли проститься с Николаем Ильичом. Он ушел из жизни так неожиданно...

Похоронили Николая Ильича с воинскими почестями, над могилой прозвучал ружейный салют — ведь он был Солдатом Революции. Его прах покоится на Новодевичьем кладбище рядом с могилами Д. И. Ульянова, Г. В. Чичерина и других бойцов ленинской гвардии. Над могилой возвышается бюст Николая Ильича работы Е. В. Вучетича. По белому мрамору золотом выбито: «Николай Ильич Подвойский — Председатель Петроградского Военно-революционного комитета в Октябрьские дни 1917 года».

Тяжело, мучительно переживая горечь невозполнимой утраты, мужественно завершала свой жизненный путь Нина Августовна. Она продолжала работать в ИМЭЛ, пока были силы. Вместе с товарищами она подготовила к изданию тридцать три Ленинских сборника, многие тома Собрания сочинений В. И. Ленина. Последней работой, в которой она участвовала, был Справочный том к Собранию сочинений.

«У Нины Августовны, — вспоминала З. А. Левина, работавшая с Н. А. Подвойской в ИМЭЛ, — образованность, запас многообразных знаний были огромны. Формально-то нет, дипломами не подкреплялись... Но она принадлежала к тому поколению революционеров, которые в неимоверно сложных условиях сумели подняться к высотам культуры... Как человек она могла сначала показаться даже суховатой и суровой, но это от того, что она была молчалива, деловита, чуралась громких слов... Лишь тому, кто

близко узнавал ее, открывались и глубина мысли, и сердечность. Чему я научилась у нее? Прежде всего ответственности и тщательности в работе».

Орден Трудового Красного Знамени и ученая степень кандидата исторических наук стали признанием и оценкой ее труда.

Вечером 7 ноября 1953 года под гром праздничного октябрьского салюта сделало последние удары и ее мужественное и благородное сердце. Ушла из жизни Нина Августовна Подвойская — одна из славных женщин русской революции, беззаветная труженица, любящая жена и мать.

Трудную и славную жизнь, поддерживая друг друга, прожили Николай Ильич и Нина Августовна Подвойские. Они сделали для социализма все, что могли.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ПОДВОЙСКОГО

1880, 16 февраля — родился в семье сельского учителя Ильи Михайловича Подвойского и его жены Ольги Акимовны в селе Кунашовка Нежинского уезда Черниговской губернии.

1896 — Поступил в Черниговскую духовную семинарию.

1898 — Вступил в нелегальный социал-демократический кружок.

1899 — Создал нелегальный ученический социал-демократический кружок.

1901, май — Исключен из семинарии за революционную деятельность.

1901, июль — Поступил в Демидовский юридический лицей (г. Ярославль), развернул пропагандистскую работу среди студентов, а затем и среди рабочих.

1901, август — Принят в члены Российской социал-демократической рабочей партии.

1902, октябрь — Возглавил студенческий комитет.

1905, май — Участвовал в организации всеобщей забастовки в Иваново-Вознесенске и создании первого в России Совета рабочих депутатов.

1905, октябрь — Тяжело ранен во время расправы полиции над демонстрантами в Ярославле. Арестован, приговорен к ссылке в Якутию.

1906, март — 1907, октябрь — На лечении в Германии и Швейцарии.

1907, октябрь — Вместе с М. С. Кедровым возглавил в Петербурге большевистское издательство «Зерно».

1908, апрель — Арестован, приговорен к трем годам тюрьмы.

1911, январь — июль — Вел революционную работу в Баку.

1911, июль — Возвратился в Петербург, стал адресатом В. И. Ленина и ЦК РСДРП для связи с Петербургским Комитетом и большевистскими депутатами в Государственной думе.

1912 — Участвовал в создании газеты «Правда», сотрудничал в отделе рабочих корреспондентов, занимался материальным обеспечением газеты.

1915 — Редактировал легальный большевистский журнал «Вопросы страхования».

1916, ноябрь — Арестован без предъявления обвинений.

1917, март — Избран в состав Петроградского Совета рабочих депутатов и ПК РСДРП.

1917, март — Возглавил Военную комиссию при ПК РСДРП — «Военку».

1917, апрель — Создает и редактирует большевистскую газету «Солдатская правда».

1917, 16–23 июня — Руководит работой Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). Избирается председателем Бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б).

1917, июль — Создает и редактирует большевистскую газету «Рабочий и солдат».

1917, 26 июля — 3 августа — Участвовал в работе VI съезда РСДРП(б), выступал на съезде с докладом о работе Военной организации.

1917, август — Создает и редактирует большевистскую газету «Солдат».

1917, 25–30 августа — Мобилизует силы Военной организации при ЦК РСДРП(б) на подавление мятежа генерала Корнилова.

1917, сентябрь — октябрь — Под руководством В. И. Ленина и ЦК РСДРП(б) осуществляет военно-техническую подготовку восстания.

1917, октябрь — Избирается в состав Бюро Петроградского Военно-революционного комитета.

1917, 24–26 октября — Становится председателем Петроградского Военно-революционного комитета, участвует в организации захвата восставшими ключевых объектов в Петрограде и штурма Зимнего дворца.

1917, 27 октября — Введен в состав Совета Народных Комиссаров по военным делам.

1917, 27–30 октября — Командует военными силами при подавлении мятежа Керенского — Краснова, а также мятежа юнкеров в Петрограде.

1917, 27 ноября — Назначен председателем Коллегии Народного комиссариата по военным делам.

1918, 15 января — На заседании СНК представляет проект Декрета о создании Красной Армии. Затем организует экстренное формирование отрядов добровольческой Красной Армии.

1918, 24 апреля — Назначен председателем Высшей Военной Инспекции.

1918, 29 мая — 13 июня — На Южном Урале в качестве командующего организует отпор чехословацким мятежникам.

1918, 6–7 июля — По поручению В. И. Ленина осуществляет военное руководство подавлением антисоветского левоэсеровского мятежа в

Москве.

1919, 30 января — Назначен народным комиссаром по военным и морским делам Украинской Советской Социалистической Республики.

1919, октябрь — ноябрь — В качестве члена РВС 7-й армии и уполномоченного Совета Оборона участвовал в организации разгрома войск Юденича под Петроградом.

1920, январь — март — В качестве члена РВС 10-й армии и уполномоченного Совета Оборона участвовал в организации завершения разгрома войск Деникина на Северном Кавказе.

1920, март — Приступил к работе Начальника Главного Управления Всевобуча и ЧОН.

1920–1923 — По поручению В. И. Ленина силами Всевобуча разворачивает физкультурное движение в стране, становится первым председателем Высшего совета физической культуры.

1921, июль — Проводит международную конференцию представителей рабочих спортивных организаций по созданию Спортивного Интернационала. Избирается председателем Спортинтерна.

1924–1934 — Избирается XIII–XV съездами партии членом ЦКК — РКК и работает инспектором этих органов.

1935, январь — По состоянию здоровья выходит на пенсию.

1941–1945 — На общественных началах занимается организацией оборонных работ под Москвой, снабжением войск литературой, ведет литературную и агитационно-пропагандистскую работу.

1948, 28 июля — Смерть от тяжелого сердечного приступа в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Н. Подвальный

О. А. Подвойская — мать Н. И. Подвойского. 1920-е гг.

И. М. Подвойский — отец П. И. Подвойского. 1912 г.

Николай Подвойский во время учебы в Черниговской духовной семинарии. 1899 г.

Здание бывшего Демидовского юридического лица. Ярославль.

Николай Подвойский. 1903 г.

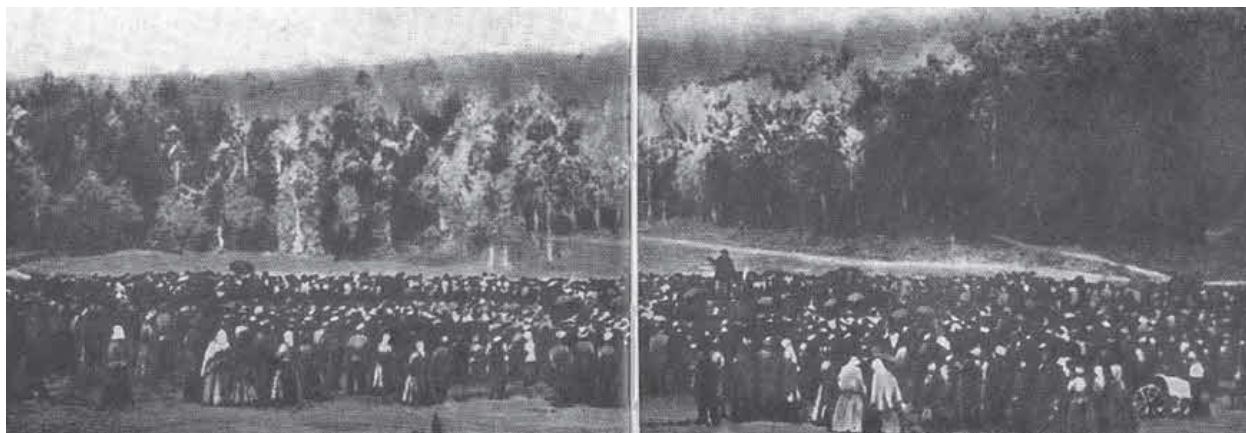
Нина Дидрикуль. 1904 г.

Активисты «Северного рабочего союза» и Ярославского комитета РСДРП: М. С. Кедров (второй справа), А. А. Дидрикуль (первый слева), его сестры Нина, Ольга, Мария. 1902 г.

Нелегальная квартира в Ярославле — место встречи Н. И. Подвойского с большевиками Я. М. Свердловым, М. С. Кедровым, В. Р. Менжинским, Е. М. Ярославским. 1901–1905 гг.

Собрание иваново-вознесенских рабочих на Талке во время всеобщей политической стачки. Июнь 1905 г.

Макет ярославской тюрьмы «Коровники», в которой сидел Н. И. Подвойский в 1905–1906 гг.

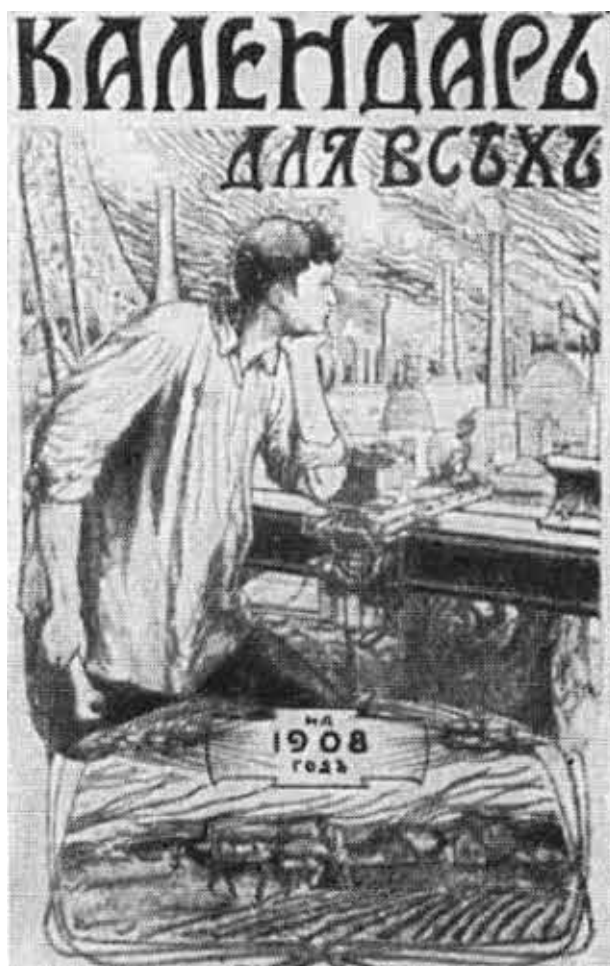
Н. И. Подвойский после ранения, полученного в схватке с черносотенцами и полицией, на нелегальной квартире. 1905 г.

Швейцария — место лечения Н. И. Подвойского. Открытка 1906 г.

*И. И. Подвойский и Н. А. Подвойская после возвращения из эмиграции.
1908 г.*

Обложка «Календаря для всех», выпущенного большевистским издательством «Зерно».

Автограф Н. К. Крупской на конверте письма, посланного Н. И. Подвойскому — агенту для связи с ЦК РСДРП.

Активные работники Военной организации при ЦК РСДРП(б). Первый ряд (справа налево): Ф. Ф. Раскольников, П. В. Дашкевич, Н. И. Подвойский, В. И. Невский, К. А. Мехоношин, К. Н. Орлов; второй ряд: А. И. Тарасов-Родионов, В. Л. Панюшкин, М. С. Кедров, В. М. Занько.

«Солдатская правда» — газета «Военки». 1917 г.

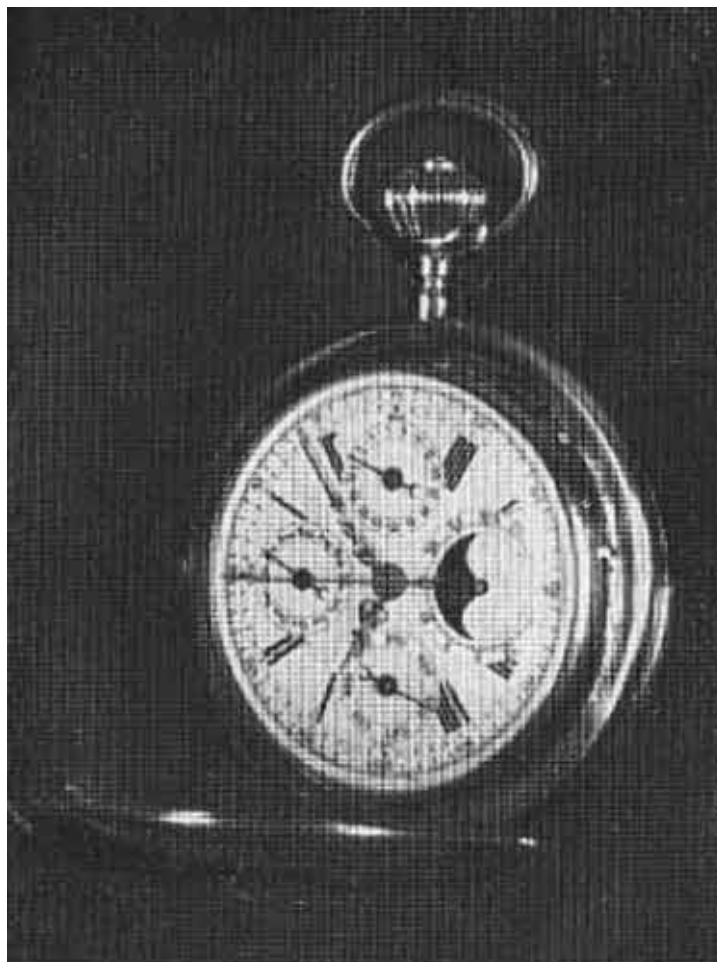
Демонстрация против Временного правительства. Петроград. Июль 1917 г.

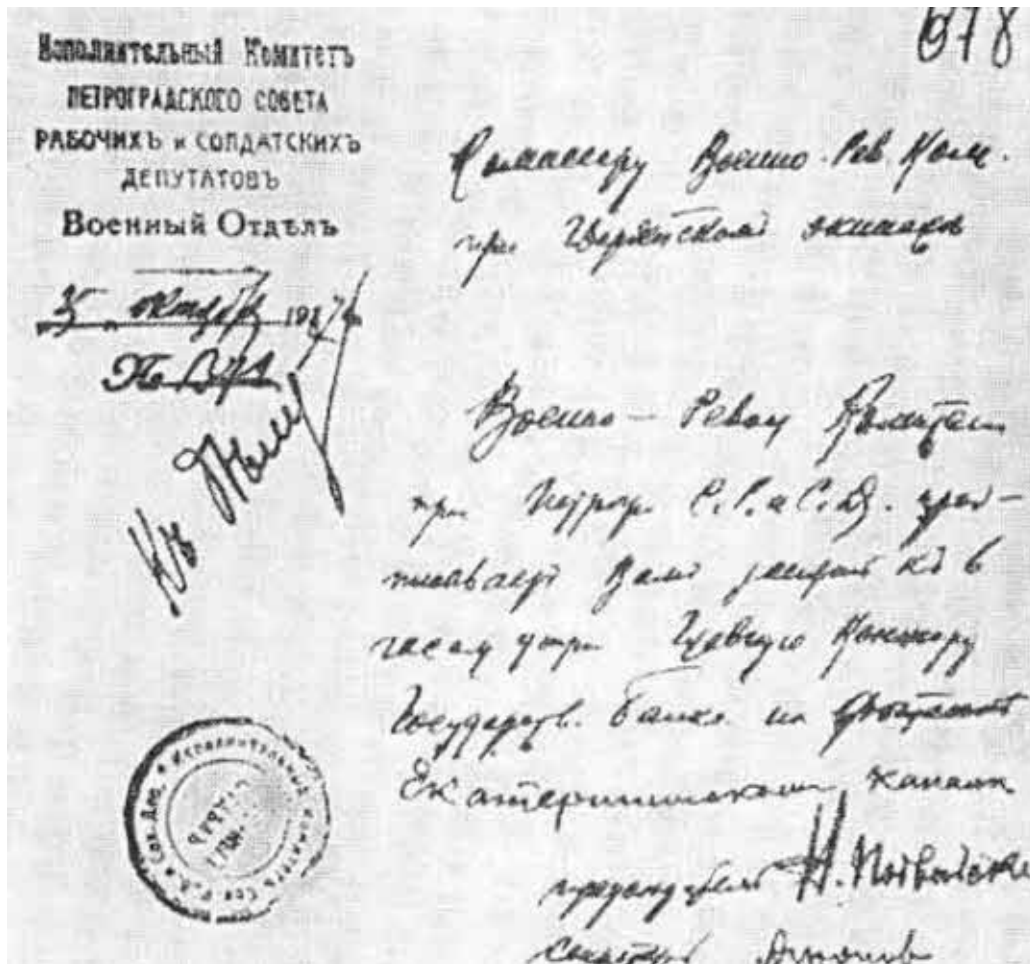
В этом доме в Петрограде в июле — августе 1917 г. проходили заседания VI съезда партии.

В дни Октября. Петроград. 1917 г.

*Хронометр Н. И. Подвойского, на котором было зафиксировано время
взятия Зимнего дворца.*

Н. И. Подвойский — командующий войсками округа во время разгрома мятежа Керенского — Краснова. Октябрь 1917 г.

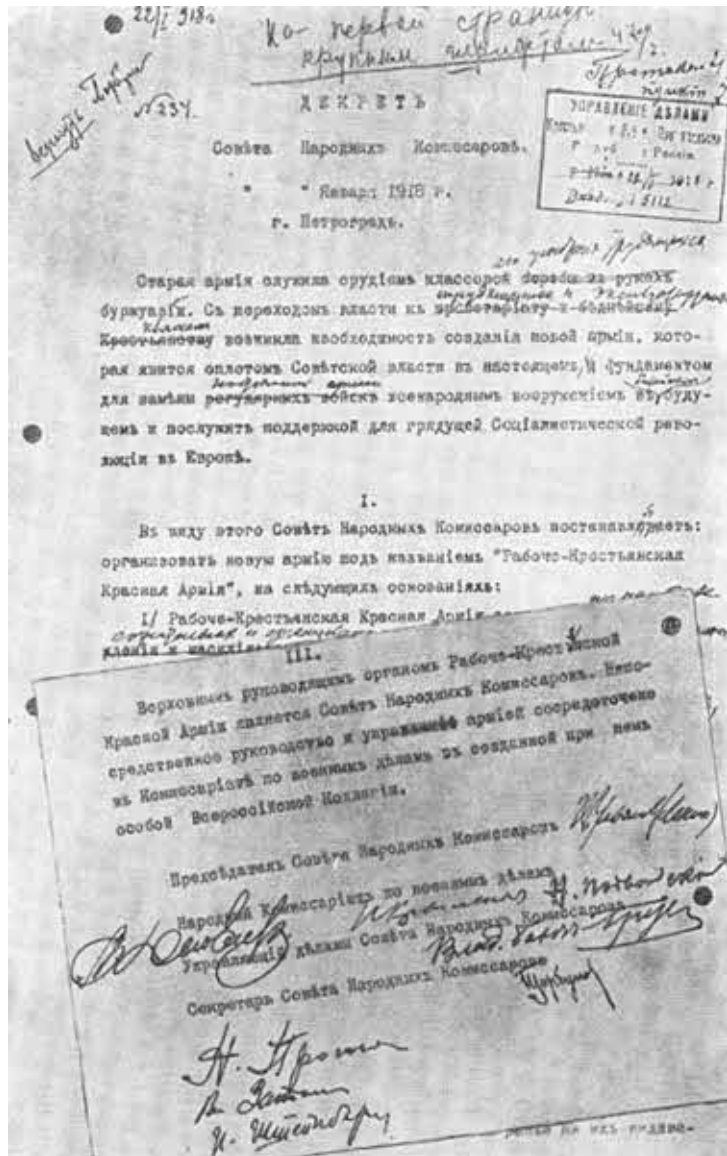
*Предписание Н. И. Подвойского гвардейскому экипажу о взятии
Государственного банка. 25 октября 1917 г.*

Н. И. Подвойский в дни Октября.

Н. И. Подвойский. 1919 г.

Декрет СНК об организации Рабоче-Крестянской Красной Армии от 15 (28) января 1918 г.

Н. И. Подвойский (на переднем плане) провожает воинский эшелон на фронт. 1918 г.

Н. И. Подвойский на передовых позициях под Петроградом. 1918 г.

Н. И. Подвойский в штабном вагоне ВВИ. Южный фронт. 1918 г.

*Н. И. Подвойский при отправке на фронт бригады И. И. Азарха. Курск.
1918 г.*

Н. И. Подвойский (на переднем плане справа) во время подавления мятежа белочехов. 1918 г.

Н. И. Подвойский с женой и дочерью в вагоне поезда ВВИ. 1918 г.

*Н. И. Подвойский обходит демонстрацию трудящихся. 1 Мая 1919 г.
Киев.*

**Наркомвоенмор Украины Н. И. Подвойский и одни из видных
политработников Красной Армии В. Ф. Горин-Галкин (крайний слева).
Киев. 1919 г.**

Р. С. Ф. С. Р.
Ч. Д. В. И.
Революционного Военного
Совета 7-й армии.
№ 151
№ 2 А
С этого момента вступают
в действие обязанности
Члены Военного Революционного
Совета Армии
Передано армии презент
Всероссийского Центрального
Исполнительного
Комитета и пожелания
сказать всем должностям
всех сил труда.
Член Революционного
Военного Совета Н. И. Подвойский

**Приказ по 7-й армии, написанный рукой Н. И. Подвойского. Петроград.
1919 г.**

П. И. Подвойский на петроградском фронте. 1919 г.

*В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и Н. И. Подвойский на Красной площади у Кремлевской стены во время демонстрации трудящихся, посвященной 1-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.
1918 г.*

Н. И. Подвойский подписывает акт о закладке Красного стадиона на Воробьевых горах. 1920 г.

*Н. И. Подвойский на народном гулянье на месте будущего стадиона.
1921 г.*

*И. И. Подвойский принимает на Воробьевых горах парад
физкультурников в честь делегатов III Конгресса Коминтерна. 1921 г.*

Спортивный праздник. 1922 г.

*Н. И. Подвойский выступает на VII пленуме Исполкома Коминтерна.
1926 г.*

*С. М. Киров и Н. И. Подвойский в группе немецких пионеров,
посетивших Ленинград. 1927 г.*

И. И. Подвойский в мастерской художника Н. И. Струнникова. 1927 г.

***Н. И. Подвойский с С. М. Эйзенштейном и Г. В. Александровым
создателями фильма «Октябрь». 1932 г.***

*Н. И. Подвойский с дочерью Лидой в дни обороны Москвы. Октябрь
1941 г.*

*Н. И. Подвойский и бывший латышский стрелок А. И. Букас. Москва.
1943 г.*

*Н. И. Подвойский с учащимися ярославской школы, носящей его имя.
1948 г.*

На подмосковной лыжне. 1946 г.

Н. И. и Н. А. Подвойские. Последняя фотография. 1948 г.

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 6, 16, 18, 31, 32, 34–38, 41–45.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. — М., 1970–1974.
Т. 1–6, 8, 9.

Ефимов Н. Е. Товарищ Нина. — Верхн. — Волж. кн. изд-во, 1969.

Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной Армии. — М., 1970.

Лейберов И. П. Пламенный солдат революции. — М., 1962.

Московкин В. Ф., Тарасов Е. П. Солдат революции. — М., 1982.

Старовойтова З. А. Полпред здоровья. — М., 1969.

Тарасов Е. П. Николай Ильич Подвойский. — М., 1964.

Федоров В. И. Мы были счастливы. — М., 1971,

INFO

С 79

Степанов Н. Т.

Подвойский. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 382[2] с., ил. —
(Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 6 (696)).

ISBN 5-235-00369-1 (2-й з-д)

С 4702010200—062/ 078(02)—89 151-89

ББК 66.61(2)8

notes

Примечания

1

Так после II съезда РСДРП стал называться «Северный рабочий союз».

Выделение *р а з р я д к о й*, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом. (не считая стихотворений).
— Примечание оцифровщика.

Февраль 1918 г. декретом СНК, объявившего о введении нового стиля, соответствующего общеевропейскому календарю, начался с 14 числа. Далее все даты даются по новому стилю.

По предложению В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского ЦК РКП(б) поручил Н. И. Подвойскому возглавить Всевобуч (Главное Управление всеобщего военного обучения населения) в ноябре 1919 г.

Эта дочь Подвойских погибла в 1935 г. в уличном автопроисшествии.

Николаю Ильичу перешел от старшего брата кооперативный пай — небольшой участок земли и половина крестьянского домика в районе Серебряного Бора.